

NOMADICA

Е. И. КЫЧАНОВ

История пограничных с Китаем

ГОСУДАРСТВО
ХАГЯС
КИМАКСКИЙ
КАГАНАТ
КАРЛУКСКИЙ КАГАНАТ
АЛТАЙ
ХАНГАЙ
Баян-Бал
Тюймакент
канкент
Джон-Кала
ТЮРГЕШСКИЙ КАГ
АНАТ
КАГАНАТ
ПУСТЫНЯ
БЕТПАК-ДАЛА

Серия «Nomadica»
Исследования по истории и культуре кочевых народов Евразии

Редакционный совет:

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург, Россия);
П. Б. Голден (Нью-Брунсвик, США); Н. Ди Космо (Принстон, США);
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург, Россия);
С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург, Россия); Б. А. Литвинский (Москва, Россия);
В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия); М. Я. Ольбрыхт (Жешув, Польша); А. В. Симоненко (Киев, Украина); А. М. Хазанов (Мэдисон, США);
Ю. С. Худяков (Новосибирск, Россия)

Editorial Board:

Nicola Di Cosmo (Princeton, USA); Boris V. Erokhin (St. Petersburg, Russia);
Peter B. Golden (New Brunswick, USA); Anatoly M. Khazanov (Madison, USA);
Yuly S. Khudjakov (Novosibirsk, Russia); Sergey G. Klyashtorny (St. Petersburg, Russia); Boris A. Litvinsky (Moscow, Russia); Valery P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia); Marek J. Olbrycht (Rzeszów, Poland); Aleksandr V. Simonenko (Kiev, Ukraine); Yury A. Vinogradov (St. Petersburg, Russia)

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts

THE HISTORY of the ANCIENT and MEDIEVAL STATES ADJACENT to CHINA (from the Huns to the Manchu)

by Evgeny I . Kychanov

2nd, revised
and supplemented, edition

Linguistic Society of St. Petersburg
St. Petersburg
2010

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Е. И. Кычанов

ИСТОРИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ С КИТАЕМ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ

(от гуннов до маньчжуров)

2-е издание,
исправленное и дополненное

Петербургское лингвистическое общество
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)
К97

Утверждено к печати на заседании
Ученого совета Института восточных рукописей РАН

Кычанов, Е. И.

К97 История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Петербургское лингвистическое общество. — 364 с. — (Nomadica).

ISBN 978-5-4318-0005-4

В монографии на доступных, прежде всего китайских, источниках описаны процессы становления форм государственности у ряда народов Центральной Азии, преимущественно кочевых, маньчжуров, а также у тибетцев и в государстве Наньчжао. Автор приходит к заключению, что у всех вышеназванных народов имели место процессы социального расслоения и классообразования. Они, как правило, являлись результатом развития самих данных народов и обществ. В монографии рассматриваются легенды о происхождении правящих кланов, характеризуются представления о природе ханской власти как власти, дарованной Небом, описано влияние на государственное устройство народов Центральной Азии китайской государственности. Автор выражает несогласие с рядом характеристик кочевых обществ, имеющихся в трудах некоторых исследователей.

Для всех интересующихся историей кочевых обществ Евразии.

ББК 63.3(0)

Kychanov, E. I.

The History of the Ancient and Medieval States adjacent to China (from the Huns to the Manchu). — 2nd ed., rev. and suppl. — St. Petersburg: Linguistic Society of St. Petersburg, 2010. — 364 p. — (Series „Nomadica“).

ISBN 978-5-4318-0005-4

This monograph describes, on the basis of accessible written sources, first of all Chinese, processes of the making of state forms in the midst of peoples of Central Asia (mainly nomadic) and Manchuria, as well as among the Tibetans and in the realm of Nanchao. The author has come to a conclusion that all of these nations passed through the processes of social stratification and class formation, which were, as a rule, results of the developments of the peoples and societies in question. The book examines legends concerning the origins of ruling clans, characterizes notions about the nature of khan power as that given by the Heaven and reveals influences of Chinese statehood on the state institutions of Central Asian peoples. The author has expressed his disagreement with some characteristics of nomadic societies that were put forward in works by certain of the modern scholars.

For all who are interested in the history of the nomadic societies of Eurasia.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-16099д)

© Е. И. Кычанов, 2010
© Петербургское лингвистическое общество, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

ISBN 978-5-4318-0005-4

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагая вниманию читателей второе издание монографии «Кочевые государства (от гуннов до маньчжуров)», я изменил название книги на «История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)» как наиболее отвечающее ее содержанию. В книге речь идет и о некочевых государствах (Фуюй, Бохай, Чоучи, Тибет, Наньчжао, государства чжурчжэней и маньчжуров), или, условно говоря, «полукочевых», как, например, государство киданей Ляо, отчасти тот же Тибет. Мне было важно показать постоянство процессов возникновения самостоятельных государств у приграничных с Китаем народов с III в. до н. э. до XVII в. н. э., у народов, большинство которых, за исключением Монгольской Народной Республики, ныне входят в многонациональную семью народов КНР.

Что касается новых добавлений в текст книги, то мною рассмотрены положения некоторых работ, изданных на русском языке в первые годы нашего тысячелетия. Я не согласен с некоторыми имеющимися в них суждениями, прежде всего о кочевых обществах и кочевых государствах.

Первое издание книги давно разошлось. В течение последних десяти лет ко мне неоднократно обращались как специалисты, так и читатели с просьбой помочь им в приобретении книги. Я обычно отвечал им, что следует обращаться в издательскую фирму «Восточная литература» РАН с предложением о ее переиздании. Ныне такое предложение поступило от Издательства филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Надеюсь, что оно будет реализовано.

Замысел этой работы возник у меня довольно давно, в самом начале 70-х годов, когда я писал научно-популярную книгу «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир». Тогда я обратил внимание на то, что Темучжин, будущий Чингисхан, дважды «устраивал» свой улус — до объединения всей Монголии и после ее объединения в 1206 г. В обоих случаях процедуры «собирания» народа и «устройства» улуса в принципе были одинаковыми, различались лишь количественно, масштабами улуса, а не качественно. Это дало мне повод полагать, что и улусы татаро-монголов XII в. до объединения Монголии в единое государст-

во являлись государствами, о чем мною в мае 1973 г. был сделан доклад «К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен XII в.» на международном симпозиуме «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» в г. Улан-Баторе.

В 1983 г. появилась возможность, даже необходимость, написать такую книгу. Дело в том, что по предписанию, как тогда говорили, «директивных органов» в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР предлагалось создать специальный сектор «Историография и источниковедение Китая и Центральной Азии». Была поставлена задача подготовки переводов сведений из китайских источников о народах, проживавших в северных и западных районах Китая, на территории разграничения Советского Союза с Китайской Народной республикой. Это была вторая попытка привлечь для такой работы сотрудников Лениградского отделения Института востоковедения. В первый раз в начале 70-х годов с похожей миссией в Ленинград приезжал Б. П. Гуревич. Часть китаеведов ЛО ИВ получила конкретные задания, работой руководил заведующий Сектором Дальнего Востока Б. Б. Вахтин. Я не помню точно китайский источник, но мне достался район Бадахшана и Сарезского озера. Переводы были отправлены в Москву, и их дальнейшая судьба мне не известна. Но их использовали, позже мне Б. П. Гуревич говорил, что в одном месте мой перевод был признан не точным. В начале 1983 г. я был заведующим сектором Дальнего Востока. Теперь Сектор предполагалось поделить на два. При первом обсужденении в дирекции Института заведующим новым сектором должен был стать С. А. Школяр. Но в последний момент директор Ленинградского отделения ИВ Ю. А. Петросян изменил свое решение, на заведование новым сектором был назначен я, а заведующим сектором Дальнего Востока назначен В. Н. Горегляд. Тогда-то написание работы о некитайских государствах в прошлом на территории современного Китая и стало моей плановой темой. Некоторые результаты работы сектора в указанном направлении позже были опубликованы в сборнике Географического общества АН «Страны и народы Востока»[1].

Проблемы некитайских государств на территории современного Китая, включая проблемы кочевых цивилизаций и зон разграничения Китая с соседями, были абсолютно не чужды американской и западноевропейской науке начиная с трудов О. Латтимора и до современных

[1] Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: «Восточная литература» РАН, 2005.

работа Т. Дж. Барфилда и А. М. Хазанова, хорошо известных в нашей стране.

Проблемы уровня развития кочевых народов остаются не решенными в науке, в том числе и отечественной, по сей день. В послевоенные годы внимание исследователей было сконцентрировано на проблеме, что являлось основным средством производства у кочевников — земля или скот[1]? На сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Ташкент, 1954) главный докладчик Л. П. Потапов высказался за то, что «основой феодализма у кочевников, как и у других народов, была земельная собственность»[2]. Те исследователи, которые полагали, что в жизни кочевников главным была не земля, а скот, в то время проиграли. Столь же важной оказалась проблема государственности кочевых обществ. Нельзя закрывать глаза на то, что и прошлые дискуссии «о кочевом феодализме», и нынешние об оценках так называемых «кочевых империй», о наличии классового расслоения и государственности в кочевых обществах, о роли «пограничных» государств и их связях с Китаем всегда имели в себе определенный элемент политики.

В предлагаемом исследовании я не раз касаюсь этих проблем, будучи твердо убежденным в том, что общества кочевников были обществами классовыми, и как результат имущественного и классового расслоения этих обществ возникли и кочевые государства. Задача работы и состояла именно в том, чтобы проследить ранние формы государственности в государствах кочевников и в государствах народов, соседствовавших с тогдашним Китаем с рубежа новой эры до XVIII в. Мне хотелось показать, что, возникая в результате внутреннего развития, каждое из обществ соседних с Китаем народов развило и свои формы ранней государственности, свой механизм управления. Эти формы государственности отчасти потому и были своеобразными, что генетически они связаны с формами (по крайней мере, некоторыми формами) первобытнообщинной организации данных обществ, которые являлись самобытными при общей сущности их характера. Не уверен, что во всех случаях мне удалось это показать достаточно наглядно и убедительно, прежде всего из-за ограниченности доступных источников. Однако, думается, то, что сохранилось до наших дней, прежде всего в источниках китайских, свидетельствует о развитии у всех народов Центральной Азии ранней государственности в самобытных и оригинальных формах.

---

[1] *Шахматов В. Ф.* Патриархально-феодальные отношения в Казахстане (вопросы зарождения, специфики и эволюции). Алма-Ата, 1962. С. 12.

[2] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1954. С. 36.

В этих формах на протяжении столетий прослеживается определенная преемственность, особенно у кочевых государств. Можно указать, например, на такие признаки, как военно-административный характер органов управления, необходимость разных форм рассредоточения центральной власти, отношение к Небу как объекту государственных культов и источнику власти правящего клана и т. п. Я не разделяю мнений о том, что эти государства возникли исключительно под влиянием оседлой цивилизации, в данном случае — китайской, или существовали за счет ее ограбления или поступлений от нее. Конечно, имели место включения в состав некоторых таких государств китайских территорий с китайским населением, ощущалось влияние могущественной китайской государственности, существовавшей тысячелетиями. Заимствовались формы китайской государственности, особенно в государствах, включавших обширные территории с китайским населением. Государства сяньбийцев Северное Вэй, киданей — Ляо, чжурчжэней — Цзинь в пору своего расцвета являлись в равной мере как государствами создавших их народов, так и государствами китайскими по многим своим институтам, тем более что большинство их населения составляли китайцы. Но при этом всегда в той или иной форме наличествовал и механизм угнетения и утверждения превосходства завоевателей. А в целом государства соседних с Китаем народов всегда являлись государствами этих народов — гуннов, жуаньжуаней, тюрков, тибетцев и т. д., а не неотъемлемыми частями некоего культурно-территориального исторического единства Чжунго, неизменно существовавшего три тысячи лет.

Мы встречаем со стороны некоторых китайских историков стремление все многонациональное население современного Китая чуть ли не с неолита считать чжунхуа миньцзу — «народами Китая». Все население государств гуннов, сяньбийцев, тибетцев, киданей, чжурчжэней, монголов, по мнению таких историков, «одинаково являлось чжунгожэнь»[1] (людьми Чжунго). Антиисторизм такого подхода очевиден, как очевидно и то, что нельзя считать исторически объективным взгляд на эти государства как на некие «отколовшиеся местные политические власти», а не на самостоятельные государства. Эти теории, появившиеся в китайской исторической науке в 70-е годы, не принимаются всеми китайскими историками без исключения, но имели и имеют определенную поддержку со стороны официальных властей. Спору нет, история

[1] *Тянь Цзичжоу.* Во го миньцзу ши яньцзю чжун ды цзыгэ вэньти (Нскоторыс вопросы изучсния истории народностей нашей страны) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 5. С. 29.

народов, населяющих ныне Китайскую Народную Республику, является составной частью ее истории. Но это не значит, что эти народы и до их вхождения в состав Китая являлись только частью такового и не имели своей самостоятельной истории.

Думается, что предлагаемая читателю работа будет интересна и как систематизированный материал по истории возникновения государств большого региона Азии. Несмотря на успехи науки в изучении истории появления государства, бытования его ранних форм, общая теория не всегда легко приложима к материалу конкретному, как правило — ограниченному. Сам факт рождения государства, ранние стадии его развития особенно трудны для обобщения. Я сознательно не рассматривал в исследовании проблемы военной демократии, теоретически спорной, хотя сведения, касающиеся ухуаней или ранних чжурчжэней, могли бы быть интерпретированы и как отношения военной демократии. Мне представляется неприемлемым и перенесение на историю появления государств региона достижений американской социальной антропологии.

Вождизм (чифдом) и присвоенные им функции распределения общественного продукта (реципрокция) — это и есть сложение господствующего класса и приобретение им особого положения в распределении общественного продукта.

Полинезийский и африканский материал отнюдь не свидетельствует о том, что государство возникло раньше классов. Он как раз подтверждает то, что имущественное и классовое расслоение общества порождает новый уровень его организации, новый общественный порядок — государство. Мы в наши дни при нашем многолюдстве привыкли понимать под классами огромные массы людей. Нам непросто представить себе, что несколько десятков вождей-правителей (вождь и члены его рода), несколько сот их охранников-гвардейцев, управленцев и советников, с помощью которых правитель властвует, могли составлять господствующий эксплуататорский класс общества. Зачастую антагонистические классы (правители и рабы, например) были не столь многочисленны, их нередко разделял большой промежуточный слой тех, кто очень условно может именоваться простыми людьми. Слой, тоже не являвшийся однородным и тяготевший к тому или иному полюсу теми или иными своими составными частями.

Однако пропасть между правителями и рабами была сущностной. И если она, может быть, не играла роли как фактор чисто экономический, на что нередко указывают, то эта пропасть имела громадное значение в общественном сознании, была господствующей в идеологии общества. Мы обнаруживаем рабство во всех исследованных нами обществах.

Роль рабства в появлении кочевых государств, а также таких государств, как Тибет, Наньчжао, Бохай, нам представляется очевидной. Чтобы удерживать рабов в состоянии рабской зависимости, мало было одного хозяина-рабовладельца. Нужна была соответствующая система общественных отношений и властная сила (механизм принуждения), которые были бы способны выполнять эту задачу. Такой механизм принуждения воплощается в государстве.

Я не настаиваю, разумеется, на своей абсолютной правоте. Споры были, они продолжаются, будем надеяться, что в них когда-нибудь родится истина. Ясно одно: без учета истории кочевых государств, других государств народов Центральной Азии она была бы неполной.

ГУННЫ

В степях и лесостепной зоне Евразии гунны являлись одним из крупных кочевых обществ наряду с дунху (сяньби, ухуань), юечжи, усунями, саками, массагетами и скифами. «В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских родов, возглавлявшихся военным вождем шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал ломку традиционных отношений, завершившихся возникновением примитивного государства» [82, с. 173]. Впервые в китайских источниках сюнну (гунны) упоминаются в 318 г. до н. э. Чтобы не касаться сложнейшего вопроса об этнической принадлежности гуннов, сошлемся на слова К. Иностранцева, сказанные им еще в 1924 г.: «По нашему мнению (которое было и есть наиболее распространенное), невозможно положительно решить этот вопрос при средствах, которыми мы теперь располагаем» [70, с. 2]. Есть мнение, что гунны говорили на вымершем, не дошедшем до нас языке [285].

Изображения гуннов были найдены в 1936 г. венгерским антропологом Золтаном Такечи на барельефе на могиле известного китайского полководца Хо Цюй-бина. По характеристике С. Г. Кляшторного, это были монголоиды, имевшие «выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, бороду и торчащие вверх прямые жесткие волосы»[1].

Правители гуннов до воцарения Маодунь-шаньюя из династии Люаньди именовались в китайских источниках цзюньчжан (государями-старейшинами), цзюнь ван (князьями-государями) и просто ван (князьями) [267, цз. 110, с. 4а]. С III в. до н. э. правители гуннов носят титул шаньюй, который, по комментарию Бань Гу, означал «обладающего обликом (мао) обширного и великого» [251, цз. 94, с. 7а]. Как было установлено М. И. Никитиной, в древней корейской поэзии термин «облик» означал некий образ старшего по социальному положению, с которым лицо, читавшее или писавшее данный стихотворный текст, было связано отношениями ритуала. «Облик... старшего понимался тождественным социуму и космосу... Облик старшего мыслился как

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии: исторические исследования. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 25.

Гунны (по: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. С. 25)

неразрывное единство с младшим, т. е. социально зависимым от старшего, лицом. Поскольку облик старшего был тождествен социуму и космосу, предполагалось, что именно его состояние определяло порядок в мире и благополучие в нем людей» [140, с. 309]. Очевидно, термин «мао» (облик) был китайским техническим термином, связанным с характеристикой правителя» старшего. Образ шаньюя характеризовался наличием «обширности» (гуан) и «великости» (да). Сочетание «гуан да» означало «обширность», фактически «беспредельность», ибо это был образ того, чья «обширность» уподоблялась беспредельности Неба, поскольку, как писал Бань Гу, «говорят, что он (шаньюй. — *Е. К.*) имеет образ Неба». Перед нами глубинный пласт представлений, связанных с уподоблением образа правителя Небу как верховному божеству и источнику всего сущего. А. Н. Бернштам полагал, что тотемом шаньюйского рода гуннов был бык [20, с. 84].

Маодунь-шаньюй (209–174 гг. до н. э.), по одним данным, наследовал власть от своего отца Тоумань-шаньюя (?–209 гг. до н. э.), «сам вступил на престол» [267, цз. 110, с. 6б], а по другим, точнее, судя по его титулу от 176 г. до н. э. («Возведенный на престол Небом великий шаньюй сюнну» [267, цз. 110, с. 10б]), был «возведен на престол Небом» (тянь со ли). Сын Маодуня Цзисюй, правивший под титулом Лаошаншаньюй (174–127 гг. до н. э.), изменил титул и стал зваться «Порожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луною великий шаньюй сюнну» [267, цз. 110, с. 12б].

Этим титулом власть шаньюя четко была вписана в основные характеристики космического пространства: Небо — Земля — Солнце — Луна, при этом Небо характеризуется порождающим качеством, силой порождения, так же как и Земля, а Солнце и Луна обладают силой утверждения. Известный японский тюрколог Мори Масао полагает, что гуннские шаньюй обладали особой «небесной харизмой» (кут, тэнгри кут), что очевидно из имеющегося в титулах шаньюя выражения «танли гуту» [334, с. 74–75]. В принципе небесная харизма (кут) в чем-то близка по своей природе китайской «благой силе» (дэ). Очевидно, сакрализация власти шаньюев прошла ряд этапов: облику шаньюя была присуща «обширность», граничащая с беспредельностью, подобная Небу, затем власть шаньюя стала рассматриваться как власть от Неба. Беспредельность Неба и дар Неба где-то сомкнулись. Трудно избежать китайских параллелей, так же как трудно решить, где здесь возможное влияние, а где общее, идущее из недр восточноазиатской и центральноазиатской истории. Власть китайского императора также уподоблялась Небу, покрывавшему все. Император, «подобно Небу, все покрывает». «Высота государя столь велика, что может сравнять-

ся с Небом, широта столь огромна, что напоминает Землю». Государственная деятельность уподоблялась космической. Императоры либо «всё покрывали, подобно Небу, и всё освещали, подобно Солнцу», либо «всё накрывали, подобно Небу, и всё несли [на себе], подобно Земле» [123, с. 39; 122, с. 75–76]. Чжоусцы рассматривали Небо как «высшее божество», «абстрактную регулирующую безликую силу» [32, с. 160]. «Из числа выработанных западночжоускими идеологами узаконений власти вана, — писал К. В. Васильев, — центральное место, несомненно, приналежит утверждению, что в последнем была воплощена связь чжоусцев с космическим порядком. Ван представлялся земным аналогом Неба, верховного божества в религии чжоуского правящего рода, в котором древние признавали личное начало, наделенное рядом чисто этических предикатов... Небо и ван выступали как два мироустроителя, носящие имена „верхнего“ и „нижнего“ владык» [31, с. 15].

Однако имелись и различия в действиях Неба по сакрализации власти императора Китая и шаньюя гуннов. Китайский император, по крайней мере в гуннскую эпоху, получал на власть «мандат Неба» [32, с. 158]. По тексту «Шу цзина» мандат Неба значил «повеление, данное Небом» вану, мандат не оставлялся постоянно у того, на кого он был возложен [326, с. 85–86]. Гуннский же шаньюй был «возведен на престол Небом». Близость китайской и гуннской концепций власти, таким образом, может быть прослежена только на раннем этапе этих представлений, когда ван уподоблялся земному аналогу Неба. У нас нет свидетельств, подтверждающих, что гуннская концепция власти шаньюя покоилась на китайском учении о мандате Неба, тем более что есть исследователи, которые полагают, что теория мандата Неба была разработана только при Ван Мане на рубеже нашей эры в связи с теорией космических и династических изменений [326, с. 85–90].

Имеется и еще один комплекс представлений о сакральной природе власти шаньюя. Он обнаруживается в титуле Лаошан-шаньюя: «Порожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной». И в данном случае мы встречаемся с представлениями о природе власти шаньюя, отличными от сакральной природы власти китайских императоров. И по китайским представлениям Небо и Земля имели функцию порождения, но они не порождали императора. «Небо ведает рождением и ростом, совершенномудрый [государь] — учением и преобразованием» [122, с. 76]. Император уподоблялся солнцу и луне, освещавшим всё сущее, сравнением с солнцем подчеркивалась его исключительность («на Небе нет двух солнц, на земле нет двух государей») [122, с. 77]. Но китайский император не был, подобно шаньюю, «порожден Небом и Землею,

поставлен Солнцем и Луною». Идея различных типов связи власти с Небом обща для всей Центральной Азии и Китая. В этом проявляется и глубокое генетическое родство, и древнее взаимовлияние. В представлениях гуннов о природе власти шаньюя можно попытаться выделить два момента, отличающих эти представления от китайских: об облике шаньюя и о порождении шаньюя Небом.

Маодунь-шаньюя, сына Тоуманя, со времен Н. Я. Бичурина сопоставляют с легендарным предком тюрок Огуз-ханом. Говорят о «поразительном сходстве биографии Огуз-кагана в тюрко-персидских рукописях... с биографией Маодуня в китайских источниках» [126, с. 129]. Между тем сходен в общих чертах лишь один факт: желание отца погубить сына, в результате чего, однако, гибнет отец. В истории с Маодунь-шаньюем причиной этому было желание отца возвести на престол сына от другой жены, в истории с Огузом — желание его отца Кара-хана убить Огуза за то, что тот изменил вере предков и принял ислам [150, т. 1, кн. 1, с. 83]. В китайских источниках рассказывается, что Маодунь был послан заложником к юечжи. Тоумань, его отец, с целью погубить сына нападает на юечжи. Они хотели убить заложника, но Маодунь украл коня и скрылся. Отец ценит мужество старшего сына и назначает его темником. В истории с Огузом происходит следующее: Огуз с дружиной уезжает на охоту, отец его, Кара-хан, объявляет родственникам и эмирам, что его сын изменил вере отцов и его нельзя оставлять в живых. Третья, любимая жена Огуз-хана, принявшая его веру, предупредила мужа об опасности. В битве между войсками отца и сына отец гибнет. Огуз победил. Маодунь же, помня коварство отца, убивает Тоуманя на охоте.

И в том и в другом случае наличествует мотив убийства отца сыном. Можно с достаточным основанием утверждать, что в обоих случаях это не описание эпизода из жизни одного и того же лица, а повторение в двух разных источниках чисто фольклорного мотива отцеубийства. Этот мотив хорошо исследован В. Я. Проппом [148, с. 258, 259]. В. Я. Пропп установил, что «отцеубийство идет от цареубийства, что убийство сыном идет от убийства зятем... причины такой замены: наследование престола сыном повлекло за собой перенос на него убийства предшественника. Страху перед сыном предшествует страх перед зятем, сознательное, даже героическое убийство предшествует бессознательному, невольному убийству» [148, с. 290]. То, что рассказано об Огуз-кагане и Маодунь-шаньюе, известно и в зулусском мифе, где присутствует «отец-злодей, покушающийся на убийство сына. Вместо этого сын сам убивает его» [148, с. 291].

Таким образом, налицо отождествление Маодунь-шаньюя и Огуз-кагана на основании этого чисто фольклорного мотива, отразившего

реально бытовавший переход наследования власти правителя вначале к зятю, мужу дочери правителя, а затем — к сыну; вначале жених дочери — смертельный враг царя, так как лишает его власти, а часто и жизни, а затем смертельный враг — сын, когда наследник-зять сменяется наследником-сыном. Это мотив фольклорный, общий для многих народов.

Отцеубийство — акт, резко отрицательно оцениваемый всей китайской культурой. И история Маодуня, даже если допустить, что она реальная, должна была в описании гуннов китайским автором подчеркивать принципиальную разность событий и представлений, лежащих в основании происхождения гуннской династии, от представлений о династии императоров китайских, ханьских.

Китайские историки, помещая безусловно полученные от гуннов сведения о связи природы власти шаньюя с Небом, не могли думать, что Небо так же относится к этим северным чужеземцам, как и к китайскому государству. Гунны живут в пустынной и полупустынной местности, стране, где не прокормиться земледелием (интенсивное земледелие — фундамент китайского государства). Они, с позиций китайцев, как раз те, кого Небо обошло своей заботой. Гунны подобны животным. И раз они те, кого «Небо презирало», то, говоря о связях гуннских шаньюев с Небом, китайцы не конструировали эти связи по собственному образцу, а лишь переделывали то, что узнавали от самих гуннов.

Гуннские шаньюи происходили из рода Люаньти или, в иной передаче, Сюйляньти [267, цз. 110, с. 5б; 228, цз. 119, с. 5а]. К концу III в. до н. э. род шаньюев четко выделялся среди прочих знатных гуннских родов как род избранников Неба. Источники, сообщив наименование правящего рода, добавляют, что в своем государстве гунны именовали шаньюев «танли гуту». Гунны «Небо называют „танли“, сына называют „гуту“» [228, цз. 119, с. 5а]. В слове «танли» легко распознать алтайское «тэнгри» (небо). «Гуту» можно сопоставить с древнетюркским «кут», встречающимся позже в титулах древнетюркских каганов. «Кут» в этих титулах означало «небесную благодать». Шаньюй по-гуннски звался «тэнгри кут» — «одаренный небесной благодатью». Трактовка источниками «танли гуту» как «сына Неба» — это, очевидно, стремление уподобить титул шаньюя титулу «сына Неба», китайского императора.

При воцарении шаньюя Лаошан Цзицюе китайский император Вэньди (179–156 гг. до н. э.) отправил к гуннам евнуха Чжунхан Юе. Чжунхан Юе перешел на сторону гуннов. В беседе с ханьским послом он защищал обычаи гуннов. Китайский посол говорил: «У сюнну отцы и сыновья спят в одной юрте. Если умирает отец, женятся на мачехах; если умирают братья, берут за себя всех их жен. У них нет шапок и

поясов для чиновников, нет придворного церемониала». Чжунхан Юе ответил: «По обычаю сюнну народ ест мясо домашнего скота, пьет молоко его, одевается в его кожи, скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место. Поэтому в тревожное время каждый упражняется в верховой езде и стрельбе из лука, а в спокойное время каждый наслаждается бездельем. Законы сюнну просты, а поэтому управление целым государством подобно управлению своим телом. [Сюнну] берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род. Поэтому, хотя среди сюнну происходили смуты, на престол все-таки ставились люди из одного и того же рода» [126, с. 46].

Последняя фраза могла бы служить доказательством давнего и постоянного правления рода шаньюев Люаньти. Однако перевод ее затруднен именно в самой существенной части. Н. Я. Бичурин перевел ее именно так: «И посему, хоть есть кровосмешение у хуннов, но роды не прекращаются» [23, т. 1, с. 58]. Слово «луань» действительно имеет два значения: «смуты», «беспорядки» и «кровосмесительные связи». Допустим, что Чжунхан Юе воспользовался игрой слов — китайский посол намекал на кровосмесительные связи, каковыми ему представлялся обычай левирата, а ответ ему можно было понять как наличие и кровосмесительных связей, и различных смут, беспорядков. Не очень ясны и последние слова данной фразы «цзунчжун» в сочетании «обязательно возведут на престол цзунчжун». В данном случае речь категорически не идет о роде Люаньти, а о «семени» (чжун) от общих предков по мужской линии (цзун). Поэтому Н. Я. Бичурин и перевел эту фразу так: «роды не прекращаются».

Род Люаньти выдвинулся из числа правителей — глав племен (цзюньчжанов), титул которых по китайской традиции приравнивался к титулу цзюнь вана (князя — правителя области). Затем представители правящего рода приняли титул шаньюй, который в сути своей равнялся императорскому, хотя подлинное его значение неизвестно. После смерти шаньюя Хуханье (58–31 гг. до н. э.) и воцарения шаньюя Фучжулайжоти (31–20 гг. до н. э.) род шаньюев стал иметь в своем титуле слово «жоти». Гуннское «жоти» в китайской интерпретации означало «почтительный к родителям», «отцепочтительный» (ся̄о) [251, цз. 94б, с. 10а]. По сведениям «Цянь Хань шу», гуннские шаньюи стали включать это слово в титул по примеру китайских императоров, у которых оно присутствовало в посмертных титулах императоров Хань. «Сюнну называют почтительного к родителям „жоти“. Начиная с Хуханье сюнну находились в дружественных отношениях с Хань и, видя, что в Хань при поднесении посмертных титулов покойным императорам употреб-

ляют слово „почтительный к родителям", полюбили это слово, а поэтому все шаньюи стали именоваться „жоти"» [127, с. 62]. Этот пассаж из «Цянь Хань шу» ставит важный вопрос: если «жоти», как и китайское «сяо», — слово из титулов, то в описаниях сюнну мы, вероятно, имеем не имена, а титулы шаньюев, остающиеся для нас непонятными.

Ставка шаньюя по-китайски именовалась «тин», словом, означающим «дворцовое помещение». Во времена первых шаньюев она находилась напротив китайских округов Дайчжоу и Юньчжун [267, цз. 110, с. 8а]. Есть мнение, что шаньюй управлял землями по рр. Орхон и Тола и его ставка Лунтин (Ставка дракона) находилась на восточном берегу р. Орхон в окрестностях оз. Хэшочойдамуху [208, с. 55]. Ставка могла быть кочевой и полуоседлой. В источнике под 47 г. место пребывания шаньюя упомянуто как «чжан» (юрта, палатка) [228, цз. 119, с. 3а]. Палатка отличалась от обычного жилища гуннов — юрты (хунлу). Предполагают, что юрты гуннов представляли собой крытые войлоком неразборные шалаши, а разборная юрта появилась лишь с середины I тысячелетия [29]. Палатка-чжан предполагала ставку походную, а не оседлую или полуоседлую.

Символом власти шаньюя была яшмовая печать (юй си), она упоминается под 90 г., когда гунны подчинялись Китаю [228, цз. 119, с. 11б]. Были ли у шаньюев печати до этого, в принципе остается неясным. Не исключено, что и были, так как в государстве гуннов велось какое-то делопроизводство, о чем будет сказано ниже. Предполагается, что шаньюй восседал, во всяком случае на официальных приемах, лицом к северу [267, цз. 110, с. 8б]. Фразу «ци цзо чжан цзо эр бэй сян» Н. Я. Бичурин переводит так: «Он сидит на левой стороне, лицом к северу» [23, т. 1, с. 50]. В. С. Таскин дает иной перевод: «Когда садится, то обращается лицом на север, а левая сторона у него считается почетной» [126, с. 40]. В этой фразе трудны для перевода слова «чжан (чан) цзо». Если принять перевод Н. Я. Бичурина, то непонятно, относительно чего или кого шаньюй предпочитал сидеть слева, оборотясь лицом к северу, и как понимать слово «чжан» (чан)? Он «сидит, предпочитая левую сторону и обратясь лицом к северу»? Если принять перевод В. С. Таскина («левая сторона от него считается почетной»), то неясно, кто сидит лицом к северу — сам шаньюй или те, кто помещался слева от него, на почетной стороне. Может быть, допустим иной перевод, в котором слово «чжан» возможно принять в значении «старший», «начальник», «знатный»: «Когда он (шаньюй) сидит, то знатные помещаются по левую сторону [от него], оборотясь лицом к северу».

Из такого перевода вытекает иная ориентация шаньюя: он сидел лицом к югу, спиной к северу, как сидели и китайские императоры, а его

сановники размещались слева от него, оборотясь лицом к северу, т. е. к шаньюю. Китайский комментарий — «ци цзо бэй сян» («его трон обращен к северу») — противоречит этому толкованию, и переводчики следуют за комментарием, хотя при этом неясности, указанные нами выше, остаются. Наконец, если шаньюй сидел лицом к северу, то левая, почетная, сторона от него была бы западной, а не восточной, а это не согласуется со всем тем, что известно о пространственной ориентации государства гуннов. У гуннов считалась почетной левая, восточная сторона. Это могло быть только в том случае, если шаньюй восседал лицом к югу, а не к северу. Возможно, Сыма Цянь умышленно, чтобы не приравнивать шаньюя к китайскому императору, сидевшему лицом к югу, иносказательно объяснил, что и шаньюй сидел лицом к югу: «Он сидит, а сановники слева от него и лицом к северу». Шаньюя окружали именно сановники — «да чэнь», «цзюнь чэнь» [267, цз. 110, с. 6б], лица, обозначенные терминами, которые Н. Я. Бичурин в силу представлений своего времени переводил как «старейшины» [23, т. 1, с. 47]. В «Ши цзи» обозначения окружения самого шаньюя и окружения наследника престола различаются терминологически. Если шаньюя окружают сановники, то наследника престола — просто «свита», «окружение» — цзюо ю, «те, кто находятся справа и слева от него» [267, цз. 110, с. 6а].

Род шаньюев Люаньти был связан брачными отношениями с другими тремя, а позднее — четырьмя «знатными родами» (гуй чжун, букв, «драгоценным семенем») гуннов. Это была высшая гуннская аристократия, кланы Хуянь, Лань и Сюйбу [267, цз. 110, с. 7б]. Позже в число этих кланов вошел еще клан Цю-линь [228, цз. 119, с. 5а]. Эти аристократические кланы «постоянно заключали брачные союзы (хунь инь) с шаньюями» и их кланом [267, цз. 110, с. 7б]. «Четыре клана (син) являлись знатными родами (мин цзу) в государстве, постоянно заключали брачные союзы с шаньюями» [228, цз. 119, с. 5а]. В III в. при южных гуннах знатных кланов тоже было четыре: Хань, Данюй, Лань и Суцзи [208, с. 152]. Эти три или четыре аристократических клана в отличие от клана шаньюя именовались «другими», «иными» кланами (и син) [228, цз. 119, с. 5а].

Информация относительно положения этих кланов в гуннском государстве — «Хуянь ши вэй цзо, Лань ши, Сюйбу ши вэй ю» [228, цз. 119, с. 5а] — переводчиками описаний гуннов на русский язык Н. Я. Бичуриным и В. С. Таскиным дана по-разному. Н. Я. Бичурин, исходя из примата левой стороны над правой у гуннов, перевел эту фразу так: «Дом Хуянь считался старшим, дома Лань и Хэйбу — младшими» [23, т. 1, с. 120]. В. С. Таскин пишет: «Фамилия Хуянь, относящаяся к левой, а Лань и Сюйбу — к правой стороне» [127, с. 73]. Вышеуказанную фразу и фразу следующую, с рассказом о том, чем административно

занимались эти кланы, соединяет иероглиф «чжу» — «государь», «хозяин», «ведать», «руководить». В. С. Таскин переводит: «ведали» тем-то, Н. Я. Бичурин фактически оставил данное слово без перевода. В переводе многое зависит от того, где поставить точку — до «чжу» или после «чжу». Если после, то клан Хуянь был «государем», «правителем левой стороны», восточной части гуннского государства, а кланы Лань и Сюйбу — «государями», правителями правой, западной его части. Фактически при переводе В. С. Таскина и при том, что точка будет поставлена перед «чжу», предложенный нами вариант сохраняет следующий смысл — клан Хуянь «ведал», «управлял» левой, восточной стороной гуннского государства, кланы Лань и Сюйбу — правой, западной, а шаньюй, помещаясь в центре, управлял центром и всем государством.

Из вышеназванных кланов шаньюй брали себе жен, государынь, которые именовались по-гуннски «яньчжи». Титул «яньчжи» китайцы-современники считали равным титулу «хуан-хоу» — «императрица» [82, с. 76]. Клан шаньюя и кланы, из которых были яньчжи, рассматривают как аристократическую верхушку гуннского общества. «Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанные между собой брачными отношениями, т. е. мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства шаньюй мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех» [82, с. 176]. С. Г. Кляшторный, автор этих строк, дает расширительное толкование связей между кланами, полагая, что они заключали брачные союзы и между собой.

Шаньюй управлял государством через штат высших чиновников, который подразделялся на левую и правую половины (восточную и западную):

А. Четыре князя (вана), именовавшиеся «четырьмя рогами»	
1. Левый сяньван	2. Правый сяньван
3. Левый луливан	4. Правый луливан
Б. Два командующих войсками	
5. Левый генерал (дацзян)	6. Правый генерал (дацзян)
В. Два главноуправляющих	
7. Левый дадувэй	8. Правый дадувэй
Г. Два управляющих семьями (народом)	
9. Левый даданху	10. Правый даданху
Д. Два князя второй степени	
11. Левый гудухоу	12. Правый гудухоу

Американский исследователь Т. Дж. Барфилд полагает должность дадувэя равнозначной должности коменданта [277], а китайский комментатор Сюй Сун считал, что она была старше должности тысячника (см. [108, с. 82]). Ма Чаншоу высказывался за то, что чин (титул) гудухоу получали лица, занимавшие командные посты в армии [208, с. 52].

Шесть сдвоенных административных постов в государстве гуннов были названы в китайских источниках или, очевидно, в переводе их значений (сяньваны — «мудрые князья»; дацзяны — «генералы», «главнокомандующие»; даданху — «начальники», «старшие начальники над семьями»; дадувэй — «главноуправляющие», «комендanты») или оставлены по-гуннски в транскрипции (лули ван — «князь первой степени лули», гуду хоу — «князь второй степени гуду»). Если считать возможным принимать «гуду» как тюркское «кутлуг», то титул гудухоу имел значение «мудрый», «наделенный благодатью», «князь второй степени». Только, в отличие от сяньвана, он являлся князем более низкого княжеского достоинства (в китайской традиции княжеских титулов: ван, гун, хоу).

Высшая администрация предполагала разделение управления страной на два крыла: левое (восточное) и правое (западное). Левым мудрым (по-гуннски «туцзи») ваном был наследник престола, в текстах встречается его титул в смешанной передаче «цзо туцзи ван». Дацзян, дадувэй и даданху, очевидно, имели более или менее очерченный их наименованиями круг обязанностей. О гудухоу в тексте есть только упоминание: «Левый и правый гудухоу помогали в управлении» [267, цз. 110, с. 8а]. Ван левой стороны, ван правой стороны и сам шаньюй «каждый имели выделенную [им] территорию, на которой кочевали в зависимости от наличия воды и травы» [267, цз. 110, с. 8а].

Выделение в составе гуннского государства центра, левого и правого крыла предполагало дальнейшее иерархическое деление этих трех территорий на владения. Восточные земли, видимо, не были целиком владениями левого сяньвана, а западные — правого, поскольку в числе правого и левого территориальных подразделений гуннского государства «самыми являлись большими владениями» владения левого и правого сяньванов, левого и правого луливанов. Очевидно, что территория левого и правого крыла гуннского государства складывалась из владений сяньванов, луливанов и прочих владений-уделов, поскольку если были владения «самые большие», то были и владения-уделы менее крупные и менее сильные. Это положение подтверждается и тем, что, по свидетельству «Хоу Хань шу», нахождение на высшей или более низкой социальной ступени в системе иерархии того или иного из знатных лиц, принадлежавших к роду шаньюя, и «сановников из других

фамилий» (и син да чэнь) определялось «обилием или недостатком влияния и числом подданных» [228, цз. 119, с. 5а]. По некоторым данным, ставка левого сяньвана находилась на территории современного уезда Яньцин пров. Хэбэй (КНР), а правого сяньвана — на территории современного уезда Суйдэ пров. Шэньси (КНР) [208, с. 55].

Кроме «четырех рогов» в число сановников из числа знати входили еще шесть князей-ванов:

1. Левый жичжуван	2. Правый жичжуван
3. Левый вэньюйтиван	4. Правый вэньюйтиван
5. Левый чжанцзянван	6. Правый чжанцзянван

Четыре и шесть, т. е. совокупно «десять рогов», являлись великими князьями разных рангов, так как это были титулы сыновей и младших братьев шаньюя, в числе этих князей как раз были те, кто «в порядке очереди» мог стать шаньюями [228, цз. 119, с. 4б]. При шаньюе Хуяньти (85–68 гг. до н. э.) левым луливаном был младший брат шаньюя, левым сяньваном был также его младший брат, правым луливаном — тесть шаньюя [127, с. 24, 28]. Шаньюй Улэй (13–18 гг.) назначил левым сяньваном своего сына, а правым сяньваном и левым луливаном своих младших братьев [127, с. 60]. Шаньюй Учжулю (8–13 гг.) имел в качестве сяньвана своего старшего сына [127, с. 60–61]. Высшие сановники государства нередко были связаны с шаньюем узами родства. При шаньюе Силюйцюаньцзюе (68–60 гг. до н. э.) старшей яньчжи, супругой шаньюя, была дочь левого дацзюй-цзюя [127, с. 28–29].

Таким образом, «знатные великие сановники» (да чэнь гуй-чжэ), «десять рогов» шаньюя, все назначались из его сыновей и братьев. Официально — из младших братьев, так как ни один из «князей-рогов» не должен был быть по возрасту старше шаньюя, хотя реально, возможно, и имелись отклонения от этого правила. «Десять рогов» включали принцев крови, ванов: цзо сяньвана, ю сяньвана, цзо луливана, ю луливана («четыре рога»), цзо жичжувана, ю жичжувана, цзо вэньюйтивана, ю вэньюйтивана, цзо чжанцзянвана, ю чжанцзянвана («шесть рогов»). Соответственно не исключено, что термин «великий князь» передавался по-китайски титулом «ван» и совпадал с гуннским «рог».

Прочие высшие сановники: левый и правый дацзяны, левый и правый дувэи, левый и правый данху — не были из рода шаньюя. Не были из рода шаньюя и левый и правый гудухоу, левый и правый шичжу гудухоу, жичжу цецзюй и данху. Они могли быть из кланов, с которыми клан шаньюя находился в отношениях свойства. Данху и гудухоу вхо-

дили в штат чинов, указанных в «Ши цзи», остальные, возможно, появились позже, по мере развития гуннской государственности. Но все перечисленные чины относились к «наименованиям чинов» (гуань хао), как сказано в «Хоу Хань шу» [228, цз. 119, с. 5а].

Таким образом, известный нам из китайских источников штат высшей администрации гуннского государства состоял из 13, а если даданху (великого, старшего данху) из информации «Ши цзи» и просто «данху» из информации «Хоу Хань шу» полагать за один чин, то из 12 наименований чинов и титулов, ибо смешение тех и других в данном случае очевидно. 10 титулов и чинов были в левом и правом крыльях, поэтому всего (при условии, что даданху и данху были разные чины) чинов и титулов имелось 23, общий их перечень таков:

1. Сяньван (2)	8. Вэньюйтиван (2)
2. Луливан (2)	9. Чжанцзянван (2)
3. Дацзян (2)	10. Шичжу гудухоу (2)
4. Дадувэй (2)	11. Жичжу (1)
5. Даданху (2)	12. Цецзюй (1)
6. Гудухоу (2)	13. Данху (1)
7. Жичжуван (2)	

Этот подсчет не совпадает на единицу с тем числом высших начальников, которое указано в «Ши цзи» — 24. Все высшие начальники-администраторы гуннов имели в китайской передаче общее наименование «чжан» (начальники). Эти начальники, кроме того, одновременно еще именовались «ваньци» (темниками). «От левого и правого сяньванов и ниже вплоть до данху, больших (старших, да-чжэ), имеющих 10 тыс. всадников, и младших (малых), имеющих по нескольку тысяч всадников, всего 24 начальника (чжан), для которых установлено наименование „темник“ (ваньци)» [267, цз. 110, с. 76].

Вероятно, ваньци (темник) был тем самым 24-м чином в высшем эшелоне администрации, которого при реальном подсчете недостает. Вместе с вышеперечисленными чинами это действительно составляет 24 чина высшей административной иерархии государства гуннов. Значит, практически все высшие чины (титулы) в административном аппарате гуннов, различно титуловавшиеся, одновременно имели и чин темника, т. е. наличие темника, который был бы просто темником, исключалось. В то же время получение высокого титула (чина) предполагало и получение темничества, во всяком случае, если его не было ранее.

Следует указать на давно, впрочем, установленный факт: для того, чтобы быть темником, не обязательно было иметь 10 тыс. всадников, их у темника могло быть и меньше, и больше. Это число в известной мере условно. Оно указывало на подчинение темнику того количества населения, которое могло выставить 10 тыс. воинов, или количества, близкого к этому. Г. А. Федоров-Давыдов понимает термины «тумэн» и «тысячу» как соответствующие кочевья-держания, способные выставить 10 тыс. или тысячу воинов соответственно [171, с. 122].

Каждый темник в пределах своей юрисдикции «сам назначал» (цзы чжи) местных начальников, представителей местной администрации. Таковыми у гуннов были (в порядке старшинства) тысячники (цянь-чжан), сотники (байчжан) и десятники (шичжан). Следующий за этим перечнем текст «Ши цзи» не очень ясен: «Би сяо ван сянфэнь дувэй, данху, цецзюй-чжи шу». В. С. Таскин переводит этот текст так: «Каждый из двадцати четырех начальников также назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей (би сяо ван), главных помощников (сянфэнь), дувэев, данху и цецзюев» [126, с. 40].

Н. Я. Бичурин дает следующий перевод: «Каждый из 24 старейшин для исправления дел поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья (би сяо ван) поставляют у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкиев» [23, т. I, с. 49]. Разница в переводе снова возникает из-за того, где поставить точку. По переводу В. С. Таскина появляется новая должность «главного помощника» (сянфэнь) и получается, что мелкие князья (би сяо ваны), сянфэнь, дувэй, данху и цецзюй составляли наряду с тысячниками, сотниками и десятниками штат управления темника. Если же принять перевод Н. Я. Бичурина, то мелкие князья стояли особняком от верховной администрации и аппарата тысячников, сотников, десятников и имели свой штат из дувэй, данху и цецзюй (ср. в центральном аппарате — дадувэй, да-данху). Мелкие князья могут быть соотнесены с князьями центрального аппарата. Может быть, это были сыновья сыновей и младших братьев (внуки и племянники) шаньюя? Или это были местные владетели, князья, чьи земли и народ входили в темничество? Если следовать простому перечню, то в ряду тысячников, сотников и десятников, би сяо ванов «сянфэнь» тоже, безусловно, представляет собой наименование должности (или титула).

В. С. Таскин обращает внимание на то, что такой должности нет в китайской номенклатуре чинов, следовательно, это должность гуннская. Он указывает, что существует гуннская печать с надписью «сюнну сянбан юй инь» («яшмовая печать гуннского сянбана»), и сопоставляет должности «сянбан» и «сянфэнь», указав при этом, что в «Цянь Хань шу» эта должность сокращена просто до слова «сян». Сянбан — китай-

ская должность периода «Воюющих царств» (403–221 гг. до н. э.), означавшая помощника правителя владения. После того как из-за имени Лю Бана, основателя династии Хань, иероглиф «бан» стал табуированным, она была переименована в «сянго». Если принять этот ход рассуждений В. С. Таскина, то должность «сянфэнь» в значении «помощник правителя» владения (темника и высшего администратора) логично вливается в административную систему на местах: главой ее был темник, имевший одновременно чин (титул) в центральном административном аппарате; если он был ван, то его дети и братья могли быть «мелкими князьями» (би сяо ванами), и би сяо ваны вместе с главным помощником правителя владения (сянфэнь) возглавляли аппарат управления, состоявший из дувэй, данху и цецзюй, а на местах в пределах темничества — из тысячников, в пределах тысяч — из сотников и десятников.

Левый сяньван, по сведениям «Хоу Хань шу», считался наследником шаньюя [228, цз. 119, с. 2а]. Это подтверждается и другими текстами. По данным «Цянь Хань шу», шань-юй Учжулю в 13 г. из-за того, что умерло сразу подряд несколько левых сяньванов, заменил титул (чин) сяньвана на титул (чин) хуюй (защитника?). «Хуюй почитался самым знатным, и при преемстве он должен был быть шаньюем» [251, цз. 94а, с. 20б]. Примерно в 42 г. при шаньюе Хуханье его младший брат Иту Чжияши, правый луливан, должен был стать левым сяньваном. Получение этого титула автоматически превращало лицо, ставшее левым сяньваном, в наследника престола, и Хуханье, который хотел видеть наследником своего сына, а не младшего брата, убил Чжияши [228, цз. 119. с. 2а–2б].

Левый и правый гудухоу по своим функциям были «помощниками в управлении» (фу чжэн) [267, цз. 110, с. 8а]. Неясно только, кому они помогали. В. С. Таскин полагает, что непосредственно шаньюю [126, с. 40]. Если же следовать переводу Н. Я. Бичурина [23, т. 1, с. 49], то гудухоу были помощниками в управлении у сяньванов и луливанов. И в этом есть логика, ибо они «помогали в управлении» «самыми большими государствами» (владениями).

Должности всех высших сановников (да чэнь), как «гуйчжэ», т. е. происходивших из клана шаньюя, так и «и син», происходивших из «других кланов», передавались по наследству. «Да чэнь все являются чиновниками, получившими свои должности по преемству из поколения в поколение» [267, цз. 110, с. 7б].

Кроме вышеназванных, в штате шаньюя упоминается еще специальный чиновник, ведавший приемом гостей (чжу кэ) [267, цз. 110, с. 20б]. Чжу кэ, кажется, исполнял обязанности, близкие к обязанностям министра иностранных дел. В комментарии его функции объяснены так: «Чиновник, ведавший послами и прибывшими гостями».

Китайцам отношения шаньюя и его штата чиновников казались простыми, явно по сравнению со своими. Только так можно расценить сообщение «Ши цзи», что у гуннов «нет поясов и шапок для чиновников, нет придворного церемониала» [267, цз. 110, с. 13а]. Все-таки думается, что сановники — да чэнь — отличались по одежде от их государя-шаньюя и от прочих его подданных. Были и специальные нормы, регулировавшие общение высших и низших. Просто они казались китайцам маловыразительными по сравнению со сложным церемониалом при китайском дворе. Но известно, что при дворе шаньюя были музыканты, часть придворных церемоний, очевидно, могла сопровождаться музыкой [127, с. 74–76]. И тем не менее на простоту придворного этикета при дворе шаньюя по сравнению с блеском и пышностью китайского двора китайские авторы указывают не раз: «Отношения между государем и сановниками просты» и т. п. Но эту простоту китайцы не осуждают, ибо благодаря ей достигается идеальное, по понятиям китайцев, состояние, когда «управление [у шаньюя] целым государством подобно [управлению] единым телом» [267, цз. 110, с. 13а]. По китайским понятиям, чиновники являлись руками и ногами императора, который с их помощью управлял государством, как своим телом.

Упомянем о двух сравнительно недавних по времени интерпретациях структуры и функций высших органов власти в государстве гуннов. Американский исследователь Т. Дж. Барфилд предложил выделить три уровня администрации в гуннском государстве: 1. Шаньюй и гудухоу составляли императорское правительство (т. е. Т. Дж. Барфилд, как и В. С. Таскин, считает, что гудухоу «помогали в управлении» шаньюю), координировавшее все дела империи вообще; 2. Двадцать четыре, по выражению Т. Дж. Барфилда, «лидера империи» с титулами темников были расставлены по всей империи с востока на запад. Он сравнивает их с «императорскими губернаторами», все они состояли в тесном родстве с шаньюем или являлись представителями аристократии гуннов; 3. Дувэй (главные коменданты), данху (администраторы, ведавшие подворным учетом населения) и чиновники цецзюй, по мнению Т. Дж. Барфилда, представляли собой «широкий класс туземных лидеров». Они были под началом у 24 губернаторов, а на деле пользовались на местах поддержкой своих племенных групп [277, с. 48].

В принципе такая классификация соответствует имеющемуся материалу и не вызывает сомнений. Менее обоснованными нам кажутся предположения Т. Дж. Барфилда о наличии «двойной системы рангирования» в государстве гуннов. Он полагает, что имелась система рангов децимальных и другая система — рангов недецимальных. Обе системы сосуществовали, недецимальные ранги использовались «для

политической администрации племен и территорий внутри империи», а «децимальные использовались во время войны, когда значительное число отрядов из различных районов степей бывали собраны вместе под единой командной структурой» [277, с. 49]. Это положение нам кажется, по меньшей мере, требующим каких-то новых материалов для своего доказательства. Оно противоречит ясному указанию текста на то, что все высшие администраторы государства одновременно являлись и темниками. А система тысячников, сотников и десятников как раз и охватывала «племена и территории внутри империи», что, кстати, подтверждается вообще всем центральноазиатским материалом.

Мори Масао, наоборот, полагает, что гудухоу, видимо, вообще не входили в число 24 высших правителей, поскольку, по списку «Хоу Хань шу», они находятся за пределами «десяти рогов» и отнесены к «и син да чэнь» — «сановникам из других кланов», хотя он и допускает, что это могло быть результатом изменений, которые «со временем произошли в структуре высшего аппарата управления гуннов», или «более поздней большей осведомленности китайцев о государстве гуннов» [334].

Есть еще вопрос, который требует решения. Называлась ли в эпоху гуннов ставка шаньюя ордой? С. Г. Кляшторный допускает это. По его мнению, ордой «называли гунны военный лагерь и княжескую ставку» [82, с. 173], тем более что в китайских текстах о гуннах есть слово «оуто», которое трактуют как китайскую передачу слова «орда» [126, с. 131, 132]. Из текстов ясно, что термин «оуто» означал комплекс пограничных караулов с сопутствующими им сооружениями и ставкой вана, ответственного за охрану данного участка границы. Впервые оуто упоминается при воцарении шаньюя Маодуня. Между государствами гуннов и дунху (Дунху, по словам Маодунь-шаньюя, было соседнее государство [267, цз. 110, с. 6б]) «имелись брошенные земли, на которых никто не жил на протяжении тысячи ли. Каждая [из сторон, гунны и дунху], жили только у своей границы, создавая оуто» [267, цз. 110, с. 7а; 251, цз. 94а, с. 5а]. Китайские комментаторы поясняют термин «оуто» так: «военное поселение на границе, место охраны [границы]», там гунны «делают земляные дома, чтобы наблюдать за китайцами», «оуто — земляные ямы (землянки?)», «помещения (сооружения?) на границе для наблюдения и сигнализации являются оуто». События 80 г. до н. э. подтверждают, что оуто — это пограничный военный лагерь, находившийся под командованием вана. В этом году китайцы «захватили оуто вана», и гунны, с одной стороны, отвели свои кочевья от границы, боясь, что плененный «оуто ван» наведет на них китайцев, а с другой — приняли меры к обороне, «отправили людей стать военным

лагерем в оуто» [251, цз. 94а, с. 25а]. То, что оуто был не просто изолированный военный караул или несколько караулов, а дислоцированные на границе люди, обязанные охранять границу и извне, и изнутри, показывают события 69 г. до н. э. В этом году покоренное до этого гуннами племя силу числом в несколько тысяч человек во главе со своим предводителем, двигаясь вместе со скотом, вступило в сражение с оуто [251, цз. 94а, с. 28а–28б], видимо пытаясь вырваться за пределы государства гуннов. То, что оуто сражался с несколькими тысячами, пусть даже только часть из которых (скажем, условно тысяча) являлась воинами, свидетельствует о многочисленности гарнизона самого оуто. В 49 г. китайский сановник Гу Цзи повез находившегося в заложниках при ханьском дворе сына Чжичжи-шаньюя обратно к его отцу. И сын Чжичжи-шаньюя, и Гу Цзи погибли, стало известно, что «всех их убили в оуто» [251, цз. 94б, с. 4б].

Еще в 8 г. до н. э. возник вопрос о спрямлении границы между Хань и государством гуннов. В районе Чжанъе (современный г. Чжанъе, пров. Ганьсу, КНР) в земли Хань вклинивался кусок земли гуннов. Китайцы просили спрямить границу. Шаньюй Учжилю ответил отказом, сославшись на то, что «эти земли — место, где живет вэнь оуто ван» [251, цз. 94б, с. 10б]. Правда, слово «оуто» в данном случае передано другими иероглифами. Может быть, вэнь оуто ван — это иная передача титула (чина) вэньюйтиван? Таким образом, оуто являлся зоной, местом расположения зонального пограничного центра, ставкой командовавшего пограничными караулами вана. В таком случае впервые предложенная Де Гроотом трактовка оуто как «орды» оправданна. К. Виттфогель полагал, что «гуннские оуто развились из пограничного поста (или места, или гарнизона) в вооруженный лагерь значительных размеров и большого политического значения [359, с. 509]. Такой лагерь мог служить и временной резиденцией шаньюя. Де Гроот указывает на связь гуннского «оуто» с тюркским «орда», которое позже значило «лагерь или резиденция монгольских принцев» [306, с. 52]. В древнетюркских орхонских текстах орду — это место обитания жены кагана и его родственников со стороны жены [339, с. 147]. В тексте Махмуда Кашгарского (1066 г.) орда — это лагерь правителя [359, с. 517]. По мнению специалистов, слово «ордо» имело первоначальное значение «юрта», «шатер», а позже приобрело более специальное значение — «ханская ставка» [280, с. 128; 284, с. 32–39]. В эпоху Ляо у киданей орда, как будет сказано ниже, означала походную ставку кагана (императора). Таким образом, гуннское «оуто» также могло иметь значение «ставка», хотя бы походная ставка шаньюя, но, строго говоря, это лишь логическое допущение, которое пока не имеет подтверждения фактами.

Наличие караулов, караульных зон и даже полос ничейной территории, как это было между государством гуннов и государством дунху, означает, что имелись точные или достаточно точные пределы территории, на которую государство гуннов распространяло свой суверенитет. Более того, есть прямые сведения о том, что территория гуннского государства была занесена на карту. В 46 г. Би, будущий шаньюй Хуханье, «тайно послал китайца Гэ Хэна поднести ханьскому императору карту земель сюнну» [67, цз. 110, с. 3а]. Понятие «земли сюнну» существовало за 250 лет до их картографирования. Шаньюй Маодунь вернул «захваченные Мэн Тянем земли сюнну» [267, цз. 110, с. 7а]. «Земля, — утверждал он, — основа государства» [267, цз. 110, с. 7а]. Таким образом, государство гуннов обладало двумя важнейшими признаками государства — своей суверенной территорией, охраняемой пограничными караулами, и центральным и местным аппаратом управления.

Государство гуннов знало письменное делопроизводство, в нем велся учет населения, существовало налогообложение; как и всякое государство, оно имело свои законы. В «Ши цзи» сообщается, что в государстве гуннов «не было письменных документов» и все обязательства «заключались устно» [267, цз. 110, с. 16]. Этот текст свидетельствует не столько об отсутствии письма вообще, сколько об отсутствии заключенных в письменном виде обязательств. Нам кажется, что такое понимание текста тем более справедливо, что уже к 70-м годам II в. до н. э. относится ряд упоминаний о том, что гунны пользовались каким-то письмом. Гунны вели переписку с ханьским двором. В 176 г. до н. э. Маодунь-шаньюй «отправил посла с письменным ответом» [267, цз. 110, с. 10б]. Этим послом был Сихуцянь, которому поручили «представить письмо» [267, цз. 110, с. 11а]. В 174 г. до н. э. евнух Чжунхан Юе, сопровождавший принцессу, отправленную Лаошан Цзиюй-шаньюю, «обучил сановников из окружения шаньюя вести записи для того, чтобы производить учет и облагать налогом его (шаньюя. — *Е. К.*) людей и скот» [267, цз. 110, с. 12б]. По примеру китайцев гунны писали на деревянных пластинках, величиной в один чи и один цунь. Письма в Китай скреплялись печатью шаньюя [267, цз. 110, с. 12б]. Очевидно, что гунны пользовались письмом, и вопрос заключается только в том, каким письмом они пользовались. Китайским, каким-то другим или своим?

Само разделение населения на десятки, сотни, тысячи и тьмы предполагало наличие его учета. И уже со II в. до н. э., как свидетельствует текст «Ши цзи», гунны считали людей и скот, при этом итоги подсчета записывались, и на основании этого подсчета по каким-то неизвестным нам правилам и нормам облагали налогом людей и брали налог со ско-

та. Чжунхан Юе просто мог рекомендовать гуннам наладить это дело по хорошо разработанным ханьским образцам, обучить гуннов не учету населения и скота вообще, а упорядочению его. Гунны знали возрастное деление людей на мальчиков, подростков, совершеннолетних воинов и работников и на стариков [267, цз. 110, с. 2а]. Это было не просто бытовое возрастное деление населения, а хорошо известные из китайской практики категории населения, выделяемые для фиксации повинностей, трудовых и воинских, и налогообложения.

Государство гуннов имело свое право. Ханьцам, располагавшим хорошо систематизированным кодифицированным законодательством, законы гуннов казались «простыми и легкоисполнимыми» [267, цз. 110, с. 13а]. Гунны были воинами, «они почитали молодых и сильных и с презрением относились к старым и слабым» [267, цз. 110, с. 2а]. Естественно, что, как у народа, имевшего организованную армию, у гуннов существовали военные законы. Сохранились два из них: «Тому, кто в сражении отрубит голову [неприятелю] или возьмет [неприятеля] в плен, дают в награду кубок вина, по той же причине ему отдают и захваченную добычу» [267, цз. 110, с. 9а]. Вознаграждение за предъявленную голову противника было распространенным обычаем (законом), наглядным доказательством успеха, подвига в бою, оно практиковалось и в китайской армии.

Гунны старались не бросать тело убитого воина на поле сражения, поэтому существовал закон, согласно которому тот, кто привез с поля боя «убитого, полностью получает семейное имущество» [267, цз. 110, с. 9а]. Здесь сложность представляет трактовка слов «цзя цай» — «имущество семьи», «семейное имущество». В. С. Таскин переводит: «Получает всё имущество [его] семьи» [126, с. 41]. Н. Я. Бичурин переводит иначе: «Получает всё имущество его» [23, т. 1, с. 50]. Думается, что в данном случае следует более склоняться к трактовке Н. Я. Бичурина. Если привезший убитого воина с поля сражения получал бы всё имущество его семьи, члены семьи вряд ли были бы заинтересованы в том, чтобы их сородича, даже главу семьи, везли с поля боя домой, ибо это означало их полное разорение. Думается, что слова «цзя цай» следует понимать узко, как личное имущество убитого, его одежду, оружие, используемые им посуду, украшения, его коня или коней, может быть, его долю скота. Это действительно предполагало реальную и разумную награду и не пускало по миру членов семьи убитого, и без того лишавшихся молодого и сильного, трудоспособного члена семьи. Конечно, можно предположить, что при этом существовала родовая взаимопомощь и какие-то религиозно-этические нормы обязывали семью лишиться имущества, но самим схоронить убитого воина. Од-

нако это лишь предположения, которые не подкреплены никакими сведениями источников.

Из уголовных наказаний гуннов известны смертная казнь (способ осуществления казни не указан), наказание, именовавшееся «я», и обращение в рабство [267, цз. 110, с. 8б; 126, с. 130]. Конфискация семьи преступника, т. е. обращение в рабство, в принципе являлась не самостоятельным, а сопутствующим наказанием. Смертной казнью карали за тяжкие преступления, наказанием «я» — за легкие. Китайские комментаторы предполагали под наказанием «я» нанесение надрезов на лицо наказуемого, а также битье палками или даже «дробление костей под колесами телег» [267, цз. 110, с. 8б]. Сделать в данном случае выбор (если под «я» действительно не подразумевался целый ряд мер) наказания довольно трудно. В. С. Таскин избирает в своем переводе вариант такой — «наказание палками», что, может быть, предпочтительнее всего, хотя допустимы в виде наказания и своеобразная татуировка, надрезы на лице, мета преступника и даже, как наказание менее тяжкое, чем смертная казнь, дробление костей конечности (ноги, руки) телегой. «У того, кто совершил кражу, конфискуется семья», т. е. имела место общесемейная ответственность. Конфискация членов семьи преступника была известна и в Китае. Там это наказание означало, что члены семьи преступника переходят в казну и становятся казенными рабами. Если семью обращали в рабство, то сам преступник за кражу, по-видимому, подлежал смертной казни. Очевидно, в таких случаях имелись в виду крупные кражи — грабеж, баранта (угон скота).

Подлежали смертной казни и лица, готовые пустить в ссоре в ход оружие, правда, сама фраза, в которой говорится об этом, не очень понятна и труднопереводима: «Тот, кто вытащил меч-фут, наказывается смертью». В. С. Таскин переводит эту фразу так: «Извлекший из ножен меч на один фут подлежит смерти» [126, с. 40]. Н. Я. Бичурин дает иной перевод: «Извлекшему острое оружие и фут — смерть» [23, т. 1, с. 50], понимая под футом металлический предмет, который можно было бы использовать как оружие. С нашей точки зрения, возможно, текст подразумевает, что использование в ситуации угрозы режущего или колющего орудия длиною «в фут» (примерно 30 см) каралось смертью, т. е. речь идет о том же положении права, которое имеется и в наше время — определенных размеров орудие (оружие), например нож, может считаться опасным орудием убийства или причинения ранения.

Даже те сведения, которые сохранились, свидетельствуют о наличии у гуннов разработанной системы наказаний и вообще достаточно разработанного права, ибо конфикация, обращение в уголовное рабство

членов семьи преступника — наказание государственное, осуществляемое по закону, а не по нормам обычного права. Можно полагать, что суд в государстве гуннов вершился первоначально на местах, местной администрацией, но был и суд иных инстанций. Основанием к такому выводу служит сообщение «Хоу Хань шу»: представители клана Хуянь, управлявшие восточными областями государства гуннов, и представители кланов Лань и Сюйбу, управлявшие западными районами, «выносили приговоры и выслушивали жалобы». Когда же следовало определить меру наказания, то «[они] устно докладывали дело шаньюю, не прибегая к помощи секретарей-регистраторов дел в книгах записей и не пользуясь письменными документами» [228, цз. 119, с. 5а].

Текст дает точное свидетельство того, что высшая администрация гуннского государства решала судебные дела, т. е. являлась судебной инстанцией определенного уровня, слушала тяжбы и выносила приговоры. Очевидно, при решении дел сомнительных или дел, касавшихся особо важных лиц, докладывали об этом шаньюю как верховному судье государства гуннов на его окончательное решение. Докладывали устно; возможно, и слушание дел, и вынесение приговоров в судах всех инстанций также не фиксировалось в письменных документах. Содержание обвиняемых под стражей на период рассмотрения их дела было непродолжительным, «не превышало десяти дней» (вероятно, это был официально установленный срок для рассмотрения дел), поэтому «число заключенных во всем государстве не превышало нескольких человек» [267, цз. 110, с. 8б]. Тюрьмами служили ямы, в частности ямы для хранения зерна [127, с. 103]. Здесь, пожалуй, уместно сказать, что и в Китае тюремное заключение не было видом наказания, тюрьмы были только следственными, т. е. обвиняемый содержался в тюрьме только во время следствия, суда или в ожидании исполнения приговора.

В. С. Таскин на основании письма шаньюя Маодуня ханьскому императору, в котором шаньюй сообщал, что он отправил правого сяньвана на запад на войну против юечжи за то, что этот сяньван нарушил дружеские отношения с Китаем, делает вывод, что у гуннов существовал такой вид наказания, как ссылка [127, с. 135]. Нам кажется, что сам факт отправки знатного сородича, крупного администратора на войну, даже в наказание, недостаточен для вывода о том, что в гуннском государстве ссылка существовала как вид наказания.

Гунны придерживались своих правил приема послов. Эти правила были связаны с религиозными представлениями гуннов, их ритуалами. Прежде всего иноземный посол должен был «разрисовать себе лицо тушью» [267, цз. 110, с. 21а]. В принципе в данном случае сомнителен материал для разрисовки лица — тушь. Тушь — китайский продукт,

и если это был древний гуннский обычай, то гунны должны были использовать какие-то свои натуральные красители. Но очевидно, что посол должен был нанести на лицо знаки, которые обезопасили бы шаньюя от возможного сглаза и иного «вреда» со стороны чужого человека. Посол допускался в юрту шаньюя без оружия и обязан был оставить за пределами юрты свою верительную бирку (верительную грамоту наших дней). Почему послу нельзя было входить в юрту шаньюя с верительной биркой, непонятно. Возможно, бирка считалась источником дурного воздействия на жилище шаньюя. Именно на жилище, а не на самого шаньюя, чему есть пример. Когда в 112 г. до н. э. китайский посол Хань Янсинь отказался оставить свою верительную бирку за пределами юрты шаньюя, шаньюй не отказал ему в приеме, но принял его, «сидя вне юрты» [267, цз. 110, с. 1б]. Этот факт можно объяснить двояко: или действительно верительная бирка посла считалась опасной для юрты шаньюя, или просто шаньюй решил не принимать в своей юрте упрямого китайского посла, показав тем самым, что и гунны менять своих правил ради ханьских послов не намерены.

Общеизвестно, что основу хозяйства гуннов составляло кочевое скотоводство. Кочевья были поделены. В обществе гуннов «каждый имел выделенную [ему] землю» (гэ ю фэнь ди) [267, цз. 110, с. 1б]. Кочевое скотоводческое хозяйство как вид производства являлось соединением некоего пастбищного пространства с некоторым количеством скота различных пород, которого могло быть столько, сколько способна прокормить данная территория. Людей в идеале тоже было столько, сколько могло прокормить данное хозяйство как сумма ресурсов территории, количества скота в комбинации его пород и труда обслуживающих его людей. Пастбища (земля), скот как одно из условий и люди-пастухи или люди вообще, как обслуживающие скотоводческое хозяйство, так и ведшие обработку его продуктов, были равно необходимы для успешного ведения хозяйства, а значит, и благосостояния кочевого общества. Тому или иному коллективу на уровне родоплеменного или государственно-административного объединения могло недоставать территории, скота, людей. Поэтому имели место захват пастбищ, угон скота, увод людей. Осенью 121 г. до н. э. гуннский ван Хунье из западных районов гуннского государства, попавший в опалу у шаньюя за поражения, которые он потерпел от ханьских войск, напал на другого опального князя, Почу, убил его и присоединил к себе его народ, после чего сдался китайцам. Перешло к китайцам 40 тыс. гуннов; если грубо разделить их поровну между двумя ванами, то на каждого было по 20 тыс. человек.

В китайских текстах встречаются еще два упоминания о низовых единицах социального и административного объединения людей в государстве гуннов. Это «бу», термин, который весьма условно можно перевести как «племя», хотя надо сказать, что это самый неопределенный термин из тех, которые китайские авторы употребляли при описании соседей. Будет точнее понимать «бу» как некую часть народа. «Бу» подменялось и словом «область» (цзюнь). Бу в государстве гуннов, вероятно, были какими-то объединениями, стоявшими вне децимальной административной структуры гуннского государства, единицей социальной значимости. В 48 г. «большие люди» (дажэнь) восьми бу после обсуждения состояния дел посадили князя Би на шаньюйский престол с титулом Хуханье-шаньюй [228, цз. 119, с. 3а]. Эти бу, как мы уже говорили, одновременно воспринимались китайцами и как области, по крайней мере у южных гуннов. Автор «Хоу Хань шу» употребляет эти слова как взаимозаменяемые. Восемь бу-областей были в подчинении у Би, ибо с них в 47 г. он собрал примерно 40–50 тыс. войска. Следовательно, каждое бу выставляло около 5–6 тыс. воинов. В данном случае по своему людскому ресурсу бу составляло половину темничества.

В 90 г. у южных гуннов имелось 34 тыс. семей с 237 300 душами [228, цз. 119, с. 116]. В данном случае средняя гуннская семья как податная единица состояла из восьми душ. Эти 34 тыс. семей могли выставить 50 тыс. воинов [228, цз. 119, с. 116], т. е. одного воина примерно от четырех-пяти человек. Это близко к общепринятым подсчетно-мобилизационным нормам. Если каждое бу могло выставить 5–6 тыс. воинов, то население бу насчитывало 20–24 или 25–30 тысяч. Взаимозависимость терминов «бу» и «цзюнь» (область) может свидетельствовать о том, что китайские информаторы не могли твердо решить для себя, являются ли эти восемь единиц южногуннского государства некими родоплеменными единицами или единицами административными. Бу являлись реально признаваемой единицей гуннского государства, они имели свои наименования, известны Цюйлань бу, Чуби бу, Худусюй бу [228, цз. 119, с. 10а]. В 87 г. под ударами сяньби 20 тыс. человек из 58 бу, в их числе 8 тыс. воинов, бежали и сдались Хань [228, цз. 119, с. 10а]. Таким образом, наряду со стройной, децимальной системой в гуннском государстве (возможно, позже и только в южном) имелись и бу. В. С. Таскин переводит слово «бу» как «кочевье».

Военная служба была «основной повинностью всего мужского населения государства» [82, с. 117] гуннов. Шаньюй Маодунь приказал рубить головы всем, почему-либо не явившимся на военную службу [267, цз. 110, с. 7а]. Основу войска гуннов составляла конница, в пешем бою они, возможно, уступали китайцам [167, с. 25].

Мы уже упоминали о разделении населения на детей, подростков, совершеннолетних и престарелых. Все совершеннолетние, которые могли натянуть лук, становились конными воинами. Армия была организована по десятеричной системе: десятки, сотни, тысячи, тьмы. Когда Маодунь, посланный заложником к юечжи, бежал от них, его отец Тоуманъ за мужество приказал назначить сына командиром тьмы — 10 тыс. всадников. Конница гуннов делилась на четыре армии, различавшиеся мастью коней. У армии, расквартированной на западе, кони были белые, у расквартированной на востоке — серые, с белыми пятнами на морде, у расквартированной на севере — вороные, у расквартированной на юге — рыжие [267, цз. 110, с. 9б]. В данном случае мы вслед за Л. Н. Гумилевым [56, с. 65] допускаем возможность такого комплектования конского состава армии, поскольку разделение конных армий по масти коней имелось, например, позже у тибетцев. В. С. Таскин [126, с. 137] сомневается в реальности этого деления, считая подбор коней по масти для каждой армии отдельно затруднительным. Действительно, предположить, что по масти коней формировались армии в период большой войны или всеобщей мобилизации, трудно, но кони могли быть подобраны по масти в гвардии, в гарнизонах, которые несли караульную службу в оуто, и т. п. Численность армии гуннов в пору их наивысшего подъема могла достигать 100 тыс. Вот данные о численности армии гуннов, которые сохранились в китайских источниках: 166 г. до н. э. — 140 тыс. [267, цз. 110, с. 23б], 140 г. до н. э. — 100 тыс. [267, цз. 110, с. 16а], 128 г. до н. э. — 20 тыс. [267, цз. 110, с. 16б], 125 г. до н. э. — 90 тыс. [267, цз. 110, с. 17б], 103 г. до н. э. — 80 тыс. [267, цз. 110, с. 22б], 97 г. до н. э. — 100 тыс. [267, цз. 110, с. 24а], 90 г. до н. э. — 50 тыс. [251, цз. 94а, с. 23а].

Гунны воевали с Китаем, дунху, динлинами, юечжи. Они подолгу контролировали города-государства Западного края (современная китайская пров. Синьцзян). Хорошо обученная, выносливая конница была основой армии и могущества государства гуннов. Не случайно во всех исследованиях о гуннах стала крылатой фраза гуннского шаньюя Хуханье: «Гунны... создали государство, сражаясь на коне» [251, цз. 94б, с. 2б].

Гунны часто вели войны с Китаем. В этих войнах они одерживали победы и терпели поражения. Отношения между гуннским и китайским государствами закреплялись в двусторонних договорах трех типов: на основе договоров «хэцинь» («о мире и родстве»), на основе отношений типа «ди го» («равных по силе государств»); на основе «мэн юе» («клятвенных договоров»). Китай проводил в отношении гуннов политику, именовавшуюся «цзи ми» (букв. «удержание в узде»). Разумеется, это

было возможно лишь в тех случаях, когда Китай так или иначе одерживал верх.

«Договоры, основанные на мире и родстве» (хэ цинь-чжи юе) [267, цз. 110, с. 9б] являлись договорами «между двумя государями» [267, цз. 110, с. 19б] и устанавливали между ханьским Китаем и государством гуннов, а точнее между императором Хань и шаньюем гуннов, отношения «братьев» (сюнди, гунь-ди) [267, цз. 110, с. 10а, 11б], «родства братьев» (сюнди-чжи цинь) [267, цз. 110, с. 10б]. Договор чаще всего сопровождался установлением реальных отношений родства, выдачей замуж за шаньюя принцессы из правящего ханьского дома, что ставило императора Хань и шаньюя в иные отношения родства, чем родство братьев, — в идеале — в отношения тестя и зятя. Будучи в принципе равноправным договором двух сторон, этот тип договора субъективно оставлял за Китаем ощущение старшинства, поскольку китайское слово «сюнди» (братья) состояло из двух самостоятельных слов — «сюн» (старший брат) и «ди» (младший брат). Китай, как бы за скобками, понимался старшим братом, а его партнер — младшим. Подлинные отношения установившегося родства в расчет не принимались. Тем самым Китай «не терял своего лица». Получивший в жены принцессу правящего дома гуннский правитель становился зятем китайского императора, а если его сын от этого брака наследовал престол, то на престоле государства гуннов оказывался внук императора Китая. «А где это слыхано, чтобы внук выступал против деда?» [95, с. 5]. При всём том равноправность договоров, основанных на мире и родстве, очевидна. В 119 г. до н. э., когда гунны просили о заключении мира и установлении родства, мнения в совете при ханьском императоре разделились. Одни высказывались за договор хэцинь, другие — за приведение гуннов в вассальную зависимость [267, цз. 110, с. 20а]. Жэнь Чан предложил объявить гуннов «внешними вассалами», являющимися на границу с просьбами, обращенными к правящей династии [267, цз. 110, с. 20а]. В 54 г. до н. э., когда шаньюй Хуханье выразил пожелание сдаться Хань, его советник заявил ему: «Хотя Хань сильна, она не в состоянии поглотить сюнну, и разве можно в нарушение древних установлений служить Хань в качестве вассала, позорить имя умерших шаньюев и подвергать себя осмеянию со стороны всех владений?» [127, с. 34]. Из всего этого совершенно ясно, что договор хэцинь не означал наличие вассалитета, а был договором равных, за исключением подразумеваемого «неравенства» старшего и младшего братьев в одном поколении, что объяснялось отсутствием «в китайской системе родства эпохи древности и раннего средневековья взаимных терминов типа русского термина „брат“» [95, с. 7].

Договорные отношения типа «ди го» также предполагали отношения «двух государей» (лян чжу) и «двух государств» (эр го) [267, цз. 110, с. 146]. Термин «ди го» появляется в письме ханьского императора Вэнь-ди гуннскому Лаошан-шаньюю в 162 г.: «Хань и сюнну — соседние государства, состоящие в отношениях „ди“» [267, цз. 110, с. 14б]. Н. Я. Бичурин переводит слова «ди го» как «равные государства» [23, т. I, с. 60], В. С. Таскин — как «равные по силе государства» [127, с. 48]. М. В. Крюков термин «ди го» не переводит, он полагает отношения «ди го» генеральными, а отношения «хэцинь» — частным случаем «ди го». «Употребление термина „ди го“ подразумевает не реальное равенство сил двух государств, а их статус, не предусматривающий отношений типа „сюзерен — вассал“» [95, с. 5].

Между тем есть все основания рассматривать эти типы договорных отношений как различные и самостоятельные. И тот и другой типы договорных отношений были предложены гуннам китайцами: договор хэцинь — императором Гао-ди (206–194 гг. до н. э.), договор ди го — императором Вэнь-ди (179–156 гг. до н. э.). Договор хэцинь предполагал установление братских отношений. Договор же ди го предполагал установление отношений, которые привели бы к тому, что «народы двух государств стали бы как дети одной семьи» [267, цз. 110, с. 15а]. Н. Я. Бичурин понимал сочетание «цзя цзы» как одно слово и перевел его так: «Составят одну семью». Восприятие государства гуннов как «ди го» встречается в авторском тексте Сыма Цяня, когда он говорит, что при Маодуне гунны так усилились, что это было государство, которое стало «ди го с Китаем» [267, цз. 110, с. 16б]. Как показал Ю. Л. Кроль, термин «ди го» — чжоуский по происхождению и означал «государства равного статуса», «равные государства» и одновременно «враждебные государства»; этот термин «имеет в виду не гармонию, а конфликт, причем конфликт равных» [94, с. 130]. Поэтому фразу «стал ди го с Китаем» Ю. Л. Кроль переводит как «сделалось равным государством с государством центра на юге» [94, с. 131]. Нам представляется совершенно правильным тезис Ю. Л. Кроля о том, что Сыма Цянь не связывает термин «ди го» с породнением Хань и сюнну [94, с. 131]. Отношения «ди го» выражались в том, что «равное государство» не пользовалось календарем Хань, не присылало дани, его правителя принимали при ханьском дворе не как подданного Хань [94, с. 131–132]. Вместе с тем попытка Хань интерпретировать отношения «ди го» как родственные сама по себе очень примечательна. Если «ди го» были «дети одной семьи», то вновь была возможность полагать одних детей (Китай) за старших, а других (гуннов) — за младших в пределах одного поколения и тем самым вновь дать Хань возможность претендовать на старшин-

ство. Именно начиная с Хань в отношениях с внешним миром Китай всегда учитывал реальное соотношение сил, искал для себя лазейку, чтобы утвердить принципы универсальной монархии.

Отношения клятвенного договора (мэн юе) были установлены между государством гуннов и ханьским Китаем в 49 г. до н. э. при шаньюе Хуханье. Само название договора «мэн юе» говорит о том, что он сопровождался клятвой сторон перед высшими силами хранить верность договору под угрозой кары со стороны этих сил за его нарушение. И в данном случае китайцы истолковывали отношения двух государств как семейные, родственные. Клятвенный договор гласил: «Отныне и впредь [династии] Хань и сюнну составляют одну семью и никогда не должны больше обманывать или нападать друг на друга. Если случится воровство, обе стороны обязаны сообщать об этом друг другу, наказывать виновных и возвращать украденное; если случится нападение, выставлять друг другу войска на помощь. Тот, кто первый, династия Хань или сюнну, осмелится нарушить договор, подвергнется несчастьям, ниспосланным Небом. Пусть наши сыновья и внуки из поколения в поколение во всем поступают согласно данной клятве» [127, с. 37–38]. Китайские сановники, заключавшие договор, вместе с шаньюем и его окружением в знак заключения клятвенного договора поднялись на гору, где была забита белая лошадь, кровь лошади смешана с вином в чаше, сделанной из черепа правителя юечжи. Затем обе стороны пили эту смесь в знак заключения договора, скрепленного клятвой. Договор предусматривал: 1) трактовку китайского государства и государства гуннов как одной семьи; 2) взаимное обязательство не нападать друг на друга и не обманывать друг друга; 3) сообщение другой стороне о случаях воровства, т. е. вторжения на территорию соседа с целью грабежа, наказание виновных и возмещение ущерба; 4) в случае нападения на одну из сторон третьей стороны оказание друг другу военной помощи. Это был абсолютно равноправный договор, если не принимать во внимание тезиса о «единой семье», в которой кто-то мог полагать себя старшим.

Таким образом, все типы договоров государства гуннов с ханьским Китаем, заключенные в пору могущества гуннов, являлись договорами равноправными. Это были годы, когда гунны (в 89 г. до н. э.) с полным основанием могли заявить: «На юге есть [государство] Великое Хань, на севере есть сильный [народ] ху. Ху — любимые сыны Неба» [251, цз. 94а, с. 23б].

Построенная китайцами, чтобы отгородиться от гуннов, Длинная стена (Великая китайская стена) чаще всего и была границей между двумя государствами. В 162 г. до н. э. император Вэнь-ди писал гуннскому шаньюю: «Лежащее к северу от Длинной стены государство

натягивающих луки получает приказы шаньюя, дома носящих пояса и шапки [чиновников] находятся во внутренних пределах Длинной стены. Я управляю ими» [267, цз. 110, с. 14а–14б]. Проходы в стене охранялись пограничными заставами, у некоторых пограничных застав были открыты китайской стороной «рынки при заставах» [267, цз. 110, с. 15б]. Гунны продавали в основном скот и продукты скотоводства, китайцы — продукты земледелия, шелк, товары ремесленного производства, в том числе предметы роскоши.

Идеологические потребности государства гуннов удовлетворяли культ Неба и Земли, Солнца и Луны. Мы уже отмечали выше, что гуннские шаньюи считались порождением Неба и Земли и были поставлены управлять Солнцем и Луною. Чтобы забить белую лошадь при заключении клятвенного договора, гунны поднимались на гору, так они были ближе к Небу (гора — это то, что соединяло Небо и Землю). Когда заболела мать шаньюя, гунны принесли в жертву духу Земли взятого в плен князя Эрши [251, цз. 94а, с. 236]. «Шаньюй, если утром он выходил из походной ставки, кланялся восходу солнца, а если вечером, кланялся луне» [267, цз. 110, с. 8б]. Отметим, что в том и другом случае шаньюй совершал поклон в восточную сторону. То, в какой фазе пребывала луна, имело значение для успеха военного похода: «Начиная дело, смотрят на звезды и луну. Если полнолуние, то нападают, если луна в ущербе, то отводят войска» [267, цз. 110, с. 8б–9а]. В ставке шаньюя был жертвенник [127, с. 98]. Служителями культов у гуннов являлись шаманы. На пути ханьских войск, продвигавшихся по территории гуннов, гуннские военачальники приказывали шаманам закапывать у водоемов овец и быков и просить духов данной местности, ее хозяев, наслать на ханьские войска погибель. С этой же целью связывали ноги лошадям [127, с. 120], чтобы вызвать ответное схожее действие, парализовать коней противника, лишить их возможности двигаться. Посылая императору Хань лошадей, шубы и т. п., шаньюй всегда просил шамана уговорить духов наслать на китайского императора несчастья.

Культ Неба имел государственное значение. По установленному распорядку гунны три раза в году в г. Лунчэне совершали поклонение «божеству Неба», «духу-божеству Неба» (тянь-шэнь), в день «у» в 1-м, 5-м и 12-м месяце [228, цз. 119, с. 4б]. На жертвоприношения собирались все бу, разумеется, не в полном составе, а их представители. Собравшиеся обсуждали государственные дела. Одновременно происходили празднества и состязания, конские скачки и верблюжьи бега [228, цз. 119, с. 4б]. Текст «Ши цзи» содержит дополнительные детали об этом трехразовом в году съезде гуннской знати и чиновников: в 1-м месяце был

«малый съезд» начальников в ставке шаньюя для совершения жертвоприношения. В 5-м месяце и осенью, когда кони нагуливали тело, были «большие съезды». На «большом съезде» в 5-м месяце (реально в конце весны — в начале лета), проводившемся в г. Лунчэне, совершались жертвоприношения предкам, Небу, Земле, духам умерших и небесным духам. Хотя Лунчэн был городом, во время жертвоприношения шаньюй жил в юрте [127, с. 70]. Осенний «большой съезд» собирался в Дай-линь, на нем происходил «подсчет количества людей и скота с целью налогообложения» [267, цз. 110, с. 8а–8б].

Старые китайские комментаторы расходятся в трактовке слов «дай линь». Одни полагают, что это название местности, другие — что это название обряда: «дай линь» значит «обходить лес», деревья и приносить жертвы [267, цз. 110, с. 8а–8б]. Китайский историк Лю Итан, ссылаясь на «Ляо ши», где в разделе «Язык государства» есть слово «дайлинь», которое поясняется как «древнее место» и означает «сосновый лес», также предлагает считать «дайлинь» названием местности [202, с. 65]. Для нашей темы данный вопрос несущественен. Нам важно отметить, что «начальники» гуннского государства три раза в году собирались на один «малый» и два «больших» съезда, на которых они обсуждали с шаньюем государственные дела, вели учет людей и скота, итогом чего, очевидно, было установление норм налогообложения по результатам минувшего лета. Съезды являлись постоянными органами управления государством.

В 121 г. до н. э. китайский полководец Хо Цюйбин в ставке гуннского Сючжу-вана «захватил… золотого человека, который использовался для поклонения Небу» [267, цз. 110, с. 18а]. Комментаторы расходятся в истолковании того, что из себя представлял этот «золотой человек». Одни полагали, что это был образ «Небесного владыки», которому приносили жертвы, другие — что это было изваяние Будды [267, цз. 110, с. 18а–18б]. Независимо от того, было ли это антропоморфное изображение владыки Неба или изваяние Будды (теоретически допустимо и скульптурное изображение одного из греко-римских божеств), факт этот примечателен сам по себе, так как свидетельствует, точнее может свидетельствовать, или о высоком уровне разработки культа Неба у гуннов, или о знакомстве гуннов с буддизмом. Решить этот вопрос трудно. Однако, даже если это была статуя Будды, допустить широкое распространение буддизма у гуннов сложно из-за отсутствия других материалов. Допустимо предположить и то, что с буддизмом были знакомы ван Сючжу и его окружение, и то, что гунны просто вывезли статую из одного из городов Западного края, которые часто находились под их властью и контролем. Они могли ее исполь-

зовать для поклонения Небу, так же как и изображение одного из греко-римских божеств.

У гуннов, прежде всего у знати, практиковалось сопогребение. Число сопогребенных могло быть очень большим и исчисляться десятками и сотнями человек [267, цз. 110, с. 8б]. Гунны не носили по умершим траурных одежд, не насыпали могильного холма и не обсаживали место погребения деревьями. Знатных и богатых хоронили в двух гробах — внутреннем и внешнем [267, цз. 110, с. 8б]. В хорошо известном Иволгинском городище (примерно в 7 км к югу от г. Улан-Удэ), открытом в 1936 г. и без сомнения относящемся к памятникам гуннской археологии, исследователи выделяют несколько уровней социальной дифференциации. С одной стороны, выделяются безынвентарные захоронения низших групп общества, имевших низкий имущественный и социальный статус. На другом полюсе общества — обеспеченные жители городища. «Их погребения сопровождены разнообразным инвентарем, оружием, обилием заупокойной пищи. Нельзя исключать, что они принадлежали лицам, связанным с кочевым образом жизни. Между этими крайними полюсами фиксируется достаточно широко количество дополнительных прослоек (в мужских захоронениях — до трех, в женских — от двух до четырех, в детских — одна). Все они — представители оседло-земледельческой части гуннского общества. Их социальное положение было ниже статуса кочевников-скотоводов. Однако это не исключает, что эти люди не играли определенную, видимо исключительную, роль в экономической структуре степной империи»[1].

Хотя в основных китайских источниках о гуннах говорится, что они были кочевниками и не занимались обработкой земли, хорошо известно, что это обобщенные сведения и на практике было не совсем так. Гунны еще в IV в. до н. э. строили города. Циньский Хуэй-ван (337–315 гг. до н. э.) захватил 25 городов ицзюй, предков гуннов. Как мы уже говорили, в г. Лунчэне гунны проводили один из своих ежегодных съездов. В 66 г. до н. э. гуннскими властями были посланы левый и правый да-цзяны, каждый с 10 тыс. всадников, с тем чтобы они, разместив гарнизоны в правых (западных) землях гуннского государства, занялись там земледелием («занимались обработкой полей в правых землях») [127, с. 30]. Это была явная попытка создать военные поселения по образцу пограничных китайских. Имеются сведения о том, что в 89 г. у гуннов не вызрели хлеба [127, с. 137]. Есть много и иных свидетельств о наличии у гуннов городов и земледелия. Еще в 119 г. до н. э. ханьский полководец Вэй Цин захватил гуннский город Чжаосинь,

[1] *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк Пресс, 2007. С. 237–238.

находившийся у горы Тяньяньшань (судя по комментариям, у южной оконечности Хангайского хребта). В этом городе гунны хранили запасы хлеба [126, с. 91]. В 91 г. до н. э. ханьские войска, разгромив гуннов на их территориях, «преследовали разбитого противника до города Фаньфужэньчэн» [251, цз. 94а, с. 22б]. Китаец Вэй Люй советовал шаньюю Хуяньти: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, возведите для хранения зерна башни» [127, с. 23–24]. В 10 г. пришедший к гуннам «народ был поселен... на реке Миншуй для занятия земледелием» [127, с. 57]. У гуннов имелись ямы для хранения зерна [127, с. 103]. На Иволгинском городище, насельников которого полагают гуннами, найдены чугунные плужные сошники. Плуги у гуннов «были небольшие, деревянные, а земля вспахивалась на небольшую глубину». Сеяли гунны в основном просо [153, с. 29]. Вместе с тем есть основания полагать, что гунны не столько сами обрабатывали землю, сколько заставляли заниматься земледелием рабов.

Рабство у гуннов было широко распространено. Основным источником порабощения был плен. Когда шаньюй Маодунь напал на вана дунху, то он «пленил его людей и захватил его скот» [267, цз. 110, с. 7а]. Гунны «захваченных в плен людей считали рабами и рабынями» [267, цз. 110, с. 9а]. В биографии ханьского сановника Чжуфу Яня о гуннах сказано: «Грабежи, набеги, угон скота и пленных — вот их занятие» [127, с. 113]. Гунны торговали рабами. В 110 г. южный шаньюй вернул в Китай 10 тыс. рабов, купленных гуннами у цянов [127, с. 89]. Раба гунны называли «цзы» [267, цз. 110, с. 9а].

Рабы у гуннов пасли скот, занимались земледелием, ремеслом. По подсчетам современного китайского историка Мо Жэнь-наня, у гуннов было 180–190 тыс. рабов при общей численности самих гуннов 1,5–2 млн человек [209, с. 127], т. е. рабы составляли примерно $^{1}/_{10}$ часть населения гуннского государства. В. С. Таскин также определяет численность гуннов в 1,5 млн [127, с. 5]. Мо Жэньнань полагает, что «противостояние рабов и рабовладельцев являлось основным противоречием общества» [209, с. 130]. Он, с нашей точки зрения, правильно отмечает: для того, чтобы определить, рабовладельческое общество это или нет, не следует принимать во внимание только число рабов и то, какое место — главное или нет — они занимали в общественном производстве. Важно то, что рабовладельческие отношения были главными, и Мо Жэньнань убежден, что общество гуннов «являлось рабовладельческим обществом» [209, с. 130]. Отечественный исследователь С. Г. Кляшторный пишет: «Рабство у гуннов часто упоминается во многих источниках. Рабами были пленные, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использо-

вались прежде всего в оседлом хозяйстве, они жили вместе с гуннами в укрепленных городках, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи»[1].

В гуннском обществе существовала частная собственность на скот и рабов [167, с. 31–32]. В. С. Таскин вслед за Б. Я. Владимирцовым характеризует упоминаемое в источниках «выделение участков земли» как выделение уделов, отданных шаньюем своим сыновьям и братьям и знати других кланов в наследственное пользование. «Владение землей в кочевом обществе сюнну состояло в том, что темник, получивший удел, распоряжался пастбищами и регулировал перекочевки зависимых от него людей» [167, с. 36]. Сведения источников скудные, и понятие «владение», естественно, нуждается в уточнении: был ли удел административной единицей? Являлся ли он владением, данным в кормление, т. е. был ли территорией, данной администратору или пользователю, который часть дохода с этого владения получал в качестве жалованья? Наконец, если удел отдавался в собственность, то каковы были правомочия собственника? На все эти и подобные вопросы мы не имеем ответа.

Гунны вели экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство. Подсчеты И. Майского для современной Монголии (17,8 головы разного скота на душу населения, см. [167, с. 43]) и японского исследователя Эгами Намио (19 голов скота на душу населения у гуннов, см. [167, с. 43]), видимо, отражают реальные кормовые ресурсы территории Монголии и сопредельных районов при ведении экстенсивного кочевого хозяйства. Освоение степных пространств Монголии исследователи ставят в заслугу именно гуннам [56, с. 96].

Сохранение в быту многих родовых черт — наличие больших семей, поддерживаемых обычаем левирата, кочевой образ жизни — сглаживало классовые отношения в гуннском обществе. Мы склонны считать, что основным противоречием гуннского общества действительно было противоречие между рабами и лично свободными людьми. «По-видимому, — пишет А. П. Смирнов, — рабство развитого типа возможно в некоторых случаях и в скотоводческом хозяйстве» [161, с. 130]. Рабы являлись эксплуатируемым и бесправным классом гуннского общества. Но и лично свободные, даже будучи рабовладельцами, были социально далеко не однородны. Различие определялось положением в государстве, родовитостью, личным богатством, прежде всего — тем количеством скота, которое имело данное лицо, силой и влиянием клана,

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 25.

к которому оно принадлежало. Семья и клан шаньюя, другие знатные кланы гуннов, иные кланы, а также их представители в лице темников, тысячников, сотников, чиновников аппарата управления составляли основу господствующего класса гуннского общества, и прежде всего именно они и являлись рабовладельцами. Мы говорим «основу», поскольку каждый класс имеет как бы ядро и примыкающие к нему различные слои и группы населения.

Ядро господствующего класса гуннского общества окружал широкий круг семей их родственников и свойственников, людей, состоявших при них на службе и в услужении, просто богатых людей, сильных и удачливых воинов преданных им войск. Богатырство, большая физическая сила, военное мастерство в кочевом обществе являлись общепризнанным путем к славе и богатству. Все эти люди, все богатые скотоводы наряду с кланом шаньюя и его окружением являлись господствующим классом гуннского общества.

Ма Чаншоу так определяет состав господствующего класса в гуннском обществе: класс рабовладельцев состоял из императора (шаньюя), родовой знати, знатных людей (дажэнь) и простых людей, тех, которые использовали труд рабов. Они были теми, кто держали в своих руках политическую власть в государстве гуннов и одновременно являлись представителями класса рабовладельцев [208, с. 52].

Лично свободные скотоводы, работавшие на родовую знать и на богатых людей, на всех «больших людей», имевшие мало скота, вынужденные быть в услужении, семьи, жертвы военных набегов и разорений, падежа скота, те, кто пасли скот знати, не будучи рабами, составляли наряду с рабами второй эксплуатируемый класс гуннского общества — группы людей, плативших господствующему классу своим трудом, плодами труда (налоги) и кровью, исполняя воинскую повинность. Война и военная служба были важным, если не главным, каналом вертикальной социальной мобильности в гуннском обществе.

Государство гуннов выступало и как умелый эксплуататор покоренных народов. Их гунны прежде всего облагали данью. Коров, лошадей, овец, кожи поставляли шаньюю Маодуню покоренные им ухуани, позже они платили налог гуннам кожами и полотном[1] [251, цз. 96а, с. 16]. Подчинив Западный край, города-государства на территории современ-

[1] Как известно, гунны контролировали Западный край примерно до 74 г. до н. э. Описание Западного края в «Цянь Хань шу» отражает его состояние на 74–39 гг. до н. э., когда контроль над городами-государствами края перешел от ослабленных гуннов к китайцам. Но следует обратить внимание на то, что в аппарате управления этих городов-государств мы часто встречаем должности из аппарата управления гуннского государства [251, цз. 96а, с. 13б].

ной китайской пров. Синьцзян, гунны всех их обложили налогом. Побежденные платили и дань кровью, т. е. были обязаны участвовать в завоевательных походах гуннов. Правили покоренными от имени государства гуннов его эмиссары (ши). Покоренные присылали ко двору шаньюя заложников. Западным краем управляли жичжуваны. «Сюннуский жичжуван западных границ назначал тунпудувэй, для того чтобы тот управлял Западным краем. [Тунпудувэй] постоянно жил между Яньци (Карашаром) и Вэйсюйвэйли и облагал поземельным налогом все государства, получая с них богатый доход» [251, цз. 96а, с. 13б].

Гуннское государство — тип раннего государства, спонтанно развившегося из институтов первобытного общества. Историки, писавшие о происхождении государства, не сомневались, что государственный аппарат ранних государств во многом состоял из родовых учреждений, приспособленных к новым задачам. «Государство восприняло и развило, — пишет Б. А. Рыбаков, — те институты родоплеменного строя, которые возникли на его последней стадии и являлись высшим достижением его структуры: племенное войско (или войско союза племен) с воеводой, суд, вече, единый племенной культ» [155, с. 25]. «Первые государственные организации — это приспособленные родовые советы. Старая оболочка давала возможность рабовладельческой знати вуалировать классовые противоречия. Военные отряды, ставившие своей задачей не только защиту родовой знати, но и захват чужих территорий, имущества, сыграли роль той силы, которая нужна была в тот период. В интересах рабовладельцев выступали в конечном счете и религиозные, и другие стороны идеологии классового общества. С течением времени государственный аппарат окреп, а во многих случаях был уже далек от своей основы — родового учреждения» [161, с. 132].

Но далеко не все признают наличие у гуннов государственности. Наиболее крайнюю точку зрения в отечественной историографии пропагандирует Н. Н. Крадин, борец «с пятичленкой» (пониманием истории как прохождения человечеством в общих чертах фаз первобытно-общинного строя, рабства, феодализма, капитализма и социализма) и с «догматическим советским марксизмом»[1]. По его мнению, «к сожалению для многих историков и этнологов, в постсоветских странах марксизм, по-прежнему, является влиятельным течением»[2]. Н. Н. Крадин вслед за частью исследователей США и Западной Европы полагает кочевые общества и кочевые империи по их социальной структуре «вождествами» (чифдом) или «суперсложными вождествами»[3], хотя и допускает,

[1] *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. С. 48.
[2] Там же. С. 56
[3] Там же. С. 29.

что суперсложные вождества в форме кочевых империй это уже «реальный прообраз раннего государства»[1]. Эти суперсложные общества извне выглядели как деспотические общества-завоеватели, уподобленные государствам, ибо созданы были для изъятия прибавочного продукта вне степи. Но изнутри «кочевые империи» оставались основанными на племенных связях, без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества, как правило, базировалась не на возможности применять легитимное насилие, а на его умении организовать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны»[2].

Известный американский исследователь Т. Дж. Барфилд, интересная книга которого совсем недавно вышла в русском переводе[3], в принципе тоже считает государство гуннов «государствоподобным». «Это была „империя-конфедерация", автократическая и государствоподобная во внешней и военной политике, но придерживающаяся принципов совещательной федерации во внутренних делах»[4]. Т. Дж. Барфилд разделяет мнение о том, что кочевые государства возникли не на основе внутреннего развития, а как реакция, ответ на государственность оседлых обществ. Однако он ссылается на исследователей кочевых обществ Африки (Бёрнехем), Юго-Западной Азии (Айсиз), которые, с нашей точки зрения, неправомерно сопоставлять с кочевыми обществами Внутренней Азии в силу весьма отличных природных условий, на утверждение Хазанова, что «кочевые государства были продуктом асимметричных отношений между кочевыми и оседлыми обществами, которые были выгодны кочевникам»[5].

«Основание Маодунем кочевой империи совпало со временем объединения Китая под властью Гао-цзу, первого императора династии Хань»[6]. «Совпадение» отнюдь не могло быть причиной. Просто из китайских источников, единственных для нас, мы знаем о Маодуне. Мы уже почти ничего не знаем об его отце Тоумане и том гуннском государстве, которое было до Маодуня и возникновения династии Хань. Против кого воевал циньский полководец Мэн Тянь и против кого построили Великую (Длинную) стену? Т. Дж. Барфилд противоречит сам себе, когда утверждает, что строительство Великой стены не было свя-

[1] Там же. С. 31.

[2] Там же. С. 21.

[3] *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История. СПб., 2009.

[4] Там же. С. 82.

[5] Там же. С. 41–42.

[6] Там же. С. 80.

зано с «вторжением кочевников», а это была старая китайская традиция, когда «каждое государство окружало себя стенами»[1]. Ниже Т. Дж. Барфилд пишет совсем иное: завершение постройки Великой стены нужно было «для удержания кочевников за ее пределами»[2]. Отчего же стену строили в связи с походами на север китайских войск, потеснивших гуннов, на севере, а не где-то на южных или восточных границах Цинь? Более того, Т. Дж. Барфилд вопреки своему основополагающему взгляду пишет, что именно кочевники и их конница стали одной из причин объединения Китая и нововведений «в методах ведения войны, ускоривших процесс консолидации Китая в единое государство»[3]. В данном случае у Т. Дж. Барфилда концы с концами не сходятся: не объединение Китая первопричина образования государства гуннов, а возникновение государства гуннов во второй половине III в. до н. э. стало одной из причин объединения Китая при династиях Цинь и Хань.

Т. Дж. Барфилд, его некоторые предшественники и последователи полагают, что империя гуннов и другие кочевые государства существовали за счет даней, получаемых из Китая, и торговли с Китаем. «Кочевые государства держались за счет эксплуатации экономики Китая, а не за счет эксплуатации производительных сил разрозненных скотоводов, которых оно эффективно организовывало лишь для того, чтобы сделать вымогательство у Китая возможным. Следовательно, нет необходимости постулировать развитие классовых отношений в степи, чтобы объяснить существование у кочевников государства. И не обязательно видеть в таком государстве лишь частное предприятие кочевого автократического лидера, обреченное на дезинтеграцию после его смерти. В связи с тем, что государство в степи структурировалось с помощью внешних связей, оно значительно отличалось от соседних государств, одновременно сочетая в себе и племенную, и государственную иерархии, у каждой их которых была своя собственная функция»[4].

Т. Дж. Барфилд, между прочим, часто и справедливо ставя в своих исследованиях во главу экономический фактор, полагает, что государство гуннов сохраняло стабильность «через ресурсы извне»[5], т. е. из Китая. Так ли велики и значительны были эти ресурсы? Мы не имеем их реальной оценки, нет никаких сведений о распределении получаемых даней внутри страны, даже о дележе предметов роскоши — шелка, вина и т. п. И сам Т. Дж. Барфилд прямо пишет, что «объем и типы субсидий

[1] Там же. С. 76.
[2] Там же. С. 145.
[3] Там же. С. 75.
[4] Там же. С. 43.
[5] Там же. С. 94

могли лишь в малой степени влиять на основу потребительского хозяйства скотоводов»[1]. Это убедительно показано им там, где есть конкретные данные. По договору Хань поставляло гуннам 5000 ху зерна, что, по подсчетам самого Т. Дж. Барфилда, могло обеспечить всего 140 чел. ежегодно, при самом скромном потреблении — 700 чел.[2] И Т. Дж. Барфилд делает справедливый вывод о том, что «поставки продовольствия в степь были предназначены лишь для того, чтобы шаньюй мог должным образом содержать свой двор, а не поддерживать массу рядовых кочевников»[3]. Чтобы доказать, что государство гуннов возникло не в результате внутренних процессов развития гуннского общества, что оно было лишь ответом на объединение Китая при династии Хань, жило за счет экономики Китая (дань, торговля, грабежи), для этих фундаментальных выводов, содержавшихся и в прежних работах американского исследователя, его западных коллег и наших отечественных подражателей, нужны основательные, новые факты, а их, к сожалению, пока нет.

Таким образом, несмотря на скепсис некоторых исследователей в прошлом и настоящем [56, с. 73–74[4]; 154, с. 241], по нашему мнению, нет никаких сомнений, что у гуннов с конца III в. до н. э. существовало государство. Не случайно, повествуя о гуннах в «Ши цзи», Сыма Цянь употребил слово «го» (государство). Китайцы — современники гуннов никогда не сомневались в том, что у гуннов было государство [127, с. 4]. Подавляющее большинство отечественных исследователей признавало существование у гуннов государства [70, с. 12, 90, 118; 80, с. 321; 82, с. 173; 35, с. 121][5]. Государство гуннов было одним из первых государств кочевников Центральной Азии. Его традиции, часть титулов, «прямо или непрямо», были восприняты центральноазиатскими народами [331, с. XXVII]. «Замечательно, — писал В. В. Бартольд, — что некоторые черты этого устройства (государственного устройства гуннов. — *Е. К.*) повторяются в новейшей истории Средней Азии; так, число 24 имело значение как в политической жизни гуннов (24 должности), так и в жизни последней независимой кочевой общины в исто-

[1] Там же. С. 96.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Л. Н. Гумилев неправомерно употребляет термин «держава». Этот термин и означает «независимое самостоятельное государство» [25, т. 8, с. 359].

[5] Японский исследователь Эгами Нобуо полагал, что существование государства гуннов зависело от поступлений из Китая и завоеванных областей (см.: [268]), хотя и рассматривал эти поступления как дополнение к скотоводческому хозяйству гуннов. Т. Дж. Барфилд считает, что государство гуннов вообще существовало лишь за счет Китая [277, с. 47, 57, 58, 59].

рии Средней Азии — общины мервских туркмен (по 24 старейшины у обоих главных текинских племен, тохтамышцев и отамышцев)» [8, с. 136]. Мы надеемся, что и нам в нашем исследовании в какой-то мере удастся еще раз подтвердить правоту этого важнейшего научного положения о государстве гуннов как реальном прообразе государств кочевников Центральной Азии.

Могущество гуннов, когда Маодунь — шаньюй — чуть не пленил императора Хань Гао-цзук и хотел жениться на ханьской императрице Люй Хоу, было поколеблено китайцами в последней четверти II в. до н. э. В 121–117 гг. до н. э. поражение гуннам нанес Хо Цюй-бин. В 119 г. китайцы захватили ставку шаньюя, и 90 тыс. гуннов были убиты. Междоусобные войны гуннов привели к распаду государства на северное и южное. В 53 г. до н. э. южный шаньюй Хуханье подчинился Китаю, а вслед за ним признал свою зависимость от Китая и северный шаньюй Чжичжи, который позже погиб.

Т. Дж. Барфилд полагает, что основной причиной внутрених раздоров у гуннов стал порядок наследования власти шаньюя. Первоначально престол передавался от отца к сыну, а с середины последнего столетия до н. э. шаньюи наследовали друг другу по боковой линии от старшего брата к младшему «до тех пор, пока все представители данного поколения не умирали»[1]. В 93–94 гг. гуннов разгромили сяньби. В 89 г. южные гунны и сяньби добили северных гуннов, и в 87 г. сяньби обезглавили северного шаньюя. «Большинство северных сюнну (100 000 юрт согласно ханьским источникам) приняли название сяньби и отложились от северного шаньюя»[2]. Как свидетельствует С. Г. Кляшторный, десятки тысяч гуннских семей «были включены в состав сяньбийской конфедерации», и в 151–155 гг. «сяньби вытеснили гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племен в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем вместе с угорскими племенами Западной Сибири и Приуралья ушли в прикаспийские и заволжские степи»[3]. Во II–V вв. «можно с уверенностью утверждать, что с этого времени на огромном пространстве казахстанских степей вместе с племенами „северных“ гуннов появляется население, говорившее на древнем языке (языках?) из тюркской языковой семьи»[4].

[1] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 90.
[2] Там же. С. 142.
[3] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 33.
[4] Там же. С. 38.

ЮЕЧЖИ

Современниками и западными соседями гуннов были юечжи-кушаны. О. Мэнхен-Хелфен прямо полагал, что юечжи — «это транскрипция слова „куша“» [328, с. 77]. В III в. до н. э. юечжи кочевали между Дуньхуаном и горами Циляньшань. Танский ученый Чжан Шоуцзе писал: «Первоначально территория государства народа юечжи охватывала округа Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Это и есть территория, о которой в „Хань шу“ говорится: „Первоначально жили между Дуньхуаном и горами Цилянь“» [116, с. 138]. Таким образом, юечжи занимали всю западную часть современной пров. Ганьсу (КНР).

Есть суждения о том, что «реальная власть юечжийских вождей и расселение их племен распространялось... на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн...». Юечжи связывают со скифско-сакской этнокультурной общностью или с народом, который в античных и индийских источниках именуется тохарами; частью юечжи могли быть восточноиранские племена. По гипотезе С. И. Руденко, к юечжи могли принадлежать и носители культуры знаменитых позырыкских курганов[1]. Раннее государство юечжи характеризуют как «архаическую кочевническую империю», «кочевническую империю»[2].

В ту пору их было 100 тыс. семей, 400 тыс. душ. Они могли выставить 100 тыс. воинов. Войско было поделено на тумены — корпуса в 10 тыс воинов. Слово «тумен» — юечжийское (тохарское), это слово вошло в древнетюркский язык, а затем в монгольский и, наконец, в русский как «тьма»[3]. Последнее не очень правдоподобно: это могло иметь место разве что в случае тотальной мобилизации. Китайцы рассматривали государство юечжи именно как государство. По их определению, это было «искони кочевое государство (да юечжи бэнь син го е)» [251, цз. 96а, с. 12а]. Правитель юечжи имел ставку в городе Цзяньши (или

[1] Цит. по: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 23.

[2] Там же. С. 25.

[3] Там же. С. 24.

Ланьши). Иероглифы «цзянь» и «лань» близки по начертанию, и какой из них правильный, какой ошибочный — неясно.

О. Мэнхен-Хелфен полагал, что юечжи-кушаны были «господствующей группой» в своем государстве (цит. по: [18, с. 136]). В китайской передаче правитель юечжи титуловался ваном, позже, в так называемую кушанскую эпоху, когда юечжи создали Кушанское государство, он титуловался «царь царей» [66, с. 153]. В начале II в. до н. э. юечжи были разгромлены гуннами, отступили на запад и покорили Да Ся (Бактрию). Ставка их вана в это время находилась к северу от р. Дугуйшуй. Правитель юечжи поделил управление страной на пять частей (у бу). Каждым бу правили чиновники (или князья) с титулом сихоу. «Хоу» по-китайски значит князь низшей, чем ван, степени. Термин «сихоу», возможно, соответствует должностям великого сатрапа и сатрапа, о которых стало известно позже по кушанским материалам. Этими пятью частями государства юечжи были Сюми, Шуанми, Гуйшуан (Кушан), Хэйси, Гаофу (по «Цянь Хань шу») или Думи (по «Хоу Хань шу») [228, цз. 118, с. 9а–9б]. Во время, которое до сих пор остается тайной, сихоу Гуйшуан (кушанский сатрап) по имени Цюцзюцзюе (Куджула Кадфиз) уничтожил четыре других подразделения государства и объединил под своей властью территорию к югу от Амударьи и почти весь северный Афганистан, создав Кушанское царство. Китайцы полагали его титул равнозначным титулу вана; сам он титуловался «царь царей». Сын Куджула Кадфиза, имя которого в китайской транскрипции Яньгаочжэнь, а кушанское — Вима Кадфиз, «завоевал Тяньчжу» — территорию современного Пакистана и северо-западной Индии. Управлять Тяньчжу был назначен наместник, который по-китайски назван «цзян» (генерал). Его задачей было осуществлять надзор над завоеванными территориями и управлять ими. В государстве имелась в обращении монета, которая, по сведению источника, была такой же, как в Аньси (Парфии) [251, цз. 96а, с. 12а]. Для эпохи Кушанского царства кушанские монеты, медные и золотые, с легендой на греческом языке или письмом кхарошти, являются одним из основных источников для реставрации его истории. При самом знаменитом кушанском царе Канишке кушаны пользовались кушано-бактрийской письменностью.

Та часть юечжи, которая после разгрома их гуннами не ушла на запад, а откочевала к югу (так называемые «малые юечжи»), исповедовала буддизм. Как покровитель буддизма прославился и царь Канишка. Полагают, что именно при Канишке был созван собор, который утвердил направления северного буддизма — махаяны. Вместе с тем археологические и нумизматические материалы свидетельствуют, что кушаны почитали иранских божеств (бога солнца Михр, бога луны Мах, бога

огня Атш и т. д.), индийских (Шива), кроме того, в их государстве было распространено поклонение царю. Царские святилища, грандиозные сооружения, украшенные статуями, имелись в разных частях государства [66, с. 154].

Для темы нашего исследования важно подчеркнуть, что предки кушан — юечжи обрели государственность, еще будучи кочевниками. Имелась ставка их государя, титул которого по-юечжийски нам неизвестен. Вероятно, разными частями государства управляли сихоу (возможно, сатрапы), так как не исключено, что, завоевав Бактрию, юечжи разделили управление страной на пять частей (областей) по давней традиции. У кочевников-юечжи в их государстве имела хождение монета, похожая на парфянскую. К сожалению, формы государственности юечжи практически неизвестны. То, что мы знаем о кушанах, безусловно, абсолютно и безоговорочно переносить на юечжи нельзя.

СКИФЫ

Скифы были кочевниками. «Они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота, жилища у них на повозках» [60, с. 117]. Персидскому царю Дарию перед походом на скифов разъясняли, что Скифия — это страна, «в которой не окажется никаких поселков и ни одного обитаемого города» [60, с. 139]. Мужчины-скифы пасли скот и воевали, а женщины, «оставаясь в повозках, занимались женским трудом» [60, с. 145]. «Так называемая „Скифская пустыня" представляет собой равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошаемую: по ней текут реки, которые отводят воду из степей. Здесь-то и живут скифы, называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках[1]... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях, за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей, на одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят на другую местность. Они едят вареное мясо, пьют кумыс, молоко» [45, с. 296]. Сами скифы называли себя сколотами. Скифы было наименованием лишь одного из сколотских племен [48, с. 22].

Во главе государства скифов стоял царь. Царский род был чудесного, божественного происхождения: по одной версии, предок скифов Таргитай был сыном Зевса и дочери р. Борисфен (Днепра). У Таргитая было три сына — Линоксай, Арпоксай и Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший сын, увидев эти предметы первым, подошел, чтобы взять их, но при его приближении золото загорелось. Когда подошел второй сын, с золотом произошло то

[1] Повозки скифов «наименьшие бывают четырехколесными, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями, они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов» [45, с. 296].

же самое. «Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе». Старшие братья, видя такое чудо, передали всю власть в стране младшему. Окончание «ксай» в именах сыновей Таргитая соответствует древнеиранскому xšaya — «царь», «владыка». По другой версии, предками скифских царей были Геракл и некое существо — наполовину ехидна, наполовину дева, которая «выше ягодиц была женщиной, а ниже — змеей». От Геракла и полудевы-полузмеи родились три сына: Агафир, Гелон и Скиф. По завещанию Геракла сыновья проходят испытание: они пытаются натянуть лук отца и надеть его пояс. Это удается только младшему, Скифу. Старшие братья удаляются в изгнание, а от Скифа произошли цари скифов [60, с. 101, 103, 207]. Царский род скифов, «скифы царские», именовался «саи». «Скифов царских называли саями» [48, с. 22]. Первое время скифскому царю наследовал его младший сын, позже — старший.

Государство скифов делилось на три части, именовавшиеся «басилей» или «архэ» [48, с. 38]. По преданию, деление скифов на три части связано или с тремя сыновьями их предка Таргитая («От Линоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего, Арпоксая, произошли именуемые катиарами или траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты, по имени царя, скифами же назвали их греки»), или с реформами младшего из сыновей Таргитая — Колаксая («Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото») [60, с. 101]. Разделению государства скифов на три части соответствовало разделение войска скифов на три армии. «Скифское царство, — писал М. И. Ростовцев, — разделено было на три части с отдельным Царем во главе каждой. Питающим центром для всех этих частей были... степи между Днепром и Доном, населенные так называемыми царскими скифами... скифская держава была крупным и серьезным государственным образованием» [152, с. 40]. Государство скифов имело четкие границы с соседями. Скиф Лонхит говорил царю Боспора: «Скифы просят о том, что всякому известно и ежедневно повторяется, чтобы ваши пастухи не переходили на равнину, а пасли стада в пределах каменистой местности» [134, с. 32].

Ставка царя скифов могла напоминать кочевой военный лагерь, окруженный телегами, наподобие известного позже монгольского куреня [109, с. 263]. «Царский кочевой поезд», как именует его Б. Н. Граков, передвигался по стране в самых разных направлениях, «уходил иногда к греческим городам, как это было при Скиле и Сайтаферно» [48, с. 39].

Часть населения скифского государства занималась земледелием. Скифы выгодно торговали хлебом с греками. Во II в. до н. э. у скифов появляются города, «цари Скилур и Палак уже обитали во внешне сильно эллинизированном городе» [48, с. 42].

Царь был главой государства скифов. Придворные сановники царя именовались ферапонтами. Ряд придворных должностей упоминает Геродот при описании сопогребаемых царя. «В свободном пространстве могилы они хоронят, удушив, одну из наложниц, и виночерпия, и повара, и конюха, и слугу, и вестника» [60, с. 127]. Исследователи (М. П. Грязнов, Э. А. Грантовский) видят в перечисленных лицах «высокопоставленных должностных лиц» [53, с. 46], «придворные чины» [49, с. 132]. Конюший (гиппоком) следил за конем царя. «При царях эти обязанности — подсаживать, менять в битве павшего коня и пр. — исполняли лица высокого ранга, это было привилегией» [49, с. 131]. «Вестники осуществляли связь царя с подданными, объявляли его волю, допускали к аудиенции и пр.» [49, с. 131]. Знатного происхождения были и царские виночерпии. Безусловно, как и во многих обществах с ранней государственностью, это был тот придворный штат чинов, который не только выполнял функции обслуги царя, но и управлял страной. Лукиан упоминает должностных лиц — пилофоров. Как полагает Э. А. Грантовский, пилофоры «в плане социальных функций относятся к жречеству и его обязанностям, это должно быть верным и для скифских пилофоров» [49, с. 143].

Государство скифов имело и свое административное деление. Об этом имеется упоминание у Геродота: «У всех у них по округам их областей устраиваются святилища» [60, с. 121]. Слово «номос» — «округ» — имело и значение «пастбище», «выгон» [60, с. 300]. И. М. Дьяконов полагает, что номы скифов соответствовали крупным административно-политическим единицам, а не племенам [62, с. 342]. Б. Н. Граков считает, что все государство скифов и три его части греки называли «басилейя» или «архэ». Эти части «делились на номы с номархом во главе. В этих номах собирались народные собрания или, что то же самое, собрания войска и находились святилища бога войны... Номы, вероятно, были старыми территориями разросшихся и изменившихся племен» [43, с. 34]. Номархи, начальники номов, упомянуты у Геродота: «Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врагов» (см.: [60, с. 123]). Что касается «архэ» (области), то большинство комментаторов дает разное толкование этому термину. По Б. Н. Гракову, как мы уже упоминали, термин «архэ» равен понятию «басилейя», одной из трех частей государства скифов. Э. А. Грантовский полагает, что конкретный текст, где упомя-

нута архэ, и другие данные Геродота едва ли позволяют видеть тут «области помимо номов и крупнее их» [49, с. 133].

Зимой 329–328 гг. до н. э. к Александру Македонскому прибыло посольство скифского царя. Царь предлагал «с целью скрепления их дружбы и союза» выдать за Александра свою дочь. «Если же ему самому будет неугодно жениться на скифской царевне, то царь желает... выдать за вернейших сподвижников Александра дочерей сатрапов скифской земли и других властителей, какие там есть» [109, 1948, № 1, с. 227]. Таким образом, во второй половине IV в. до н. э. областями государства скифов правили лица, чей статус соответствовал статусу сатрапа.

Античные авторы упоминают о законах, о праве у скифов. «Кочующие скифы не имеют домов и не занимаются ни земледелием, ни садоводством, но это ничуть не препятствует им управляться справедливо и по законам» [109, 1948, № 1, с. 234]. Анахарсис, будучи в Афинах, говорил Солону: «У нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных, или, напав, повалит на землю, или разорвет платье, то старейшины налагают за это большое наказание, даже если обида будет нанесена при немногих свидетелях» [109, 1948, № 1, с. 304]. Есть упоминание о том, что одним из видов наказаний у скифов было отсечение правой руки [109, 1948, № 1, с. 308]. При казни лжепрорицателей подлежали казни и их сыновья, т. е. имела место общесемейная ответственность. Имущество лица, ложно поклявшегося царским очагом, подлежало конфискации и разделу между лицами, уличившими его в даче ложной клятвы [60, с. 125].

Лукиан Самосатский (род. около 125 г. до н. э.) упоминает о том, что скифское общество делилось на представителей царского рода, полифоров («носящих войлочные шапки») и «восьминогих». В Афины прибыл Токсарсис, «муж мудрый... но происходивший не из царского рода и не из „колпаконосцев“ (полифоров. — *Е. К.*), а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые „восьминогие“, т. е. владельцы пары быков и одной повозки» [109, 1948, № 1, с. 302], в противоположность другому его соплеменнику, также прибывшему в Афины — Анахарсису, «происходившему из знатнейшего рода, одного из первых в Скифии» [109, 1948, № 1, с. 303]. Однако Токсарсис, будучи «восьминогим», был отнюдь не из бедняков [109, 1948, № 1, с. 313]. Э. А. Грантовский предлагает видеть в «восьминогих» основную массу свободных скотоводов, «хозяйственно независимых и полноправных в хозяйственном и культовом аспекте, составлявших основную массу воинов, противопоставляющуюся рабам и другим неполноправным и зависимым слоям населения» [49, с. 136].

У скифов было много рабов, занятых на разных работах, включая и надзор за скотом [49, с. 149]. Рабство бытовало у скифов с момента

утверждения их в степях Причерноморья, а может быть и ранее. Возвратившись из похода против киммерийцев, скифы обнаружили, что за длительное время их отсутствия их жены сошлись с их рабами и нарожали от рабов детей. «Они обнаружили, что им противостоит немалое войско: дело в том, что жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в сговор с их рабами... И вот дети, родившиеся от этих-то их рабов и жен, и задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев». Документ свидетельствует о том, что рабов было много; сражаясь с ними, убивая их, скифы были озабочены тем, что «мы впредь будем властвовать над меньшим их числом». Источник свидетельствует и о том, что дети от связи свободной с рабом являлись рабами. Желая показать, что свободные скифы не ровня рабам и даже дети их жен от рабов не могут «считать себя подобными нам и равного с нами происхождения», скифы сменили мечи на кнуты и обратили своих рабов в бегство [60, с. 99–101]. С рабами скифы обращались сурово. Клеарх Солийский отмечал, что «рабское служение у них ни для кого не бесслезное» [109, 1947, № 3, с. 254].

Таким образом, скифское общество делилось на лично свободных и рабов, рабское состояние было наследственным, дети рабов являлись рабами. Лично свободные также подразделялись на несколько сословий, существовало понятие сословного равенства («равный причинил побои равному»). Этими сословиями были: представители царского рода, пилофоры — они, возможно, являлись жреческим сословием — и «восьминогие», рядовые граждане-скифы, не аристократы и не жрецы, а скотовладельцы, пастухи и воины. Возможно, они же именовались «гиппотоксоты» («конные стрелки»), в которых Б. Н. Граков видит свободных общинников [48, с. 39]. Самые низкие слои лично свободных людей, не рабов, вероятно, составляли так называемые «неуважаемые» — лица, не имевшие ни дома, ни повозки, а возможно, лишенные и скота [168, с. 9].

Государственный аппарат государства скифов состоял из царя (старшего, верховного) и царей других двух третей государства, ферапонтов-сановников при царе, правителей региональных административных единиц государства (номархов, сатрапов), их аппарата управления, к сожалению неизвестного нам.

Важным в скифском государстве был институт юношей-отроков, молодых людей на царской службе. Вероятно, они образовывали царскую гвардию, постоянное войско, охранявшее царя, его дружину, и выполняли различные административные поручения. Гвардия в известной мере противостояла войску, набираемому в случае войны из скотовладельцев и членов их семей. Из числа этих отроков рекрутиро-

вались и ферапонты, сановники царя. Вокруг могилы умершего царя сажали на убитых коней задушенных его «служителей»-юношей и «расставляли таких всадников вокруг могилы» [60, с. 127]. Среди юношей, охранявших царя и прислуживавших ему, были распространены «договоры дружбы» (побратимство, ср. монгольское «анда»).

Скифы выше всего чтили Солнце и Землю [109, 1947, № 4, с. 285], особого упоминания заслуживает скифский бог войны Арес, которому скифы сооружали святилища. Прародительница скифов, дева, нижняя часть тела которой была телом змеи, была порождена Землей [109, 1947, № 4, с. 250].

Большая часть исследователей полагает, что у скифов бытовала частная собственность на скот и прочее имущество. Археологические материалы — наличие богатых и бедных погребений — подтверждают это положение. О том же говорят и письменные источники. По данным Лукиана, один богач-скиф из Прикубанья имел «десять золотых чаш, восемьдесят четырехместных повозок и множество овец и быков» [109, 1948, № 1, с. 34]. Мужчины обладали правом на долю имущества семьи: юноши, посланные к амазонкам, объявили, что у них «есть родители, есть и имущество» [60, с. 145], и вернулись к амазонкам, «получив полагающуюся им часть имущества» [60, с. 145]. Конфискации и разделу, как мы уже упоминали, подлежало имущество того, кто дал ложную клятву царским очагом [109, 1948, № 1, с. 308]. Видимо, были поделены и пастбища, так как есть упоминания о схватках из-за пастбищ [109, 1948, № 1, с. 308]. Богатство позволяло эксплуатировать не только рабов, но и «неуважаемых», неимущих скифов. Скифское общество было классовым. Эксплуатируемыми были класс рабов, а также неимущие скифы.

В своих внешнеполитических связях скифское государство практиковало союзы, основанные на родстве. Так, скифы предлагали в жены Александру Македонскому дочь своего царя «с целью скрепления их дружбы и союза». Царь Боспора Митридат Евпатор сам отправил «своих дочерей к скифским правителям в жены, прося возможно скорее прислать к нему войска» [109, 1948, № 1, с. 288]. После победы скифов над союзными войсками махлиев, аланов и боспорцев, вторгшимися в Скифию, «пришли от неприятелей послы с мольбой о заключении с нами дружбы, причем боспорцы обещали платить двойную дань, махлии — дать заложников, а аланы взялись за это нападение подчинить нам синдианов, издревле враждовавших с нами. Мы согласились на эти условия» [109, 1948, № 1, с. 288]. Таким образом, установление мира и дружбы часто сопровождалось установлением брачных отношений царствующих домов, что было широкой практикой международных отношений «монархической» эпохи вообще.

УСУНЬ

Этническая принадлежность усуней точно не установлена. Одни относят их к тюркам [69, с. 1], другие — к ираноязычным народам. А. Н. Бернштам писал об усунях-исседонах и полагал, что «кушан является тохарской формой усунь — племен Тянь-Шаня» [19, с. 59]. По характеристике Янь Шигу, танского комментатора «Цянь Хань шу», основного источника сведений об усунях, усуни походили на согдийцев и были голубоглазыми людьми с рыжими бородами [251, цз. 96б, с. 1а]. Китайцы характеризовали Усунь как государство («усунь го») [251, цз. 96б, с. 1а]. Государство усуней, по мнению китайцев, было «сильным государством». Первоначально усуни подчинялись гуннам, потом они усилились и «не соглашались прибыть на аудиенцию ко двору гуннского цаньюя» [251, цз. 96б, с. 1б].

Усуни были кочевниками, они, по стандартной формуле китайских историй, «кочевали со скотом в зависимости от наличия воды и травы». По определению В. В. Бартольда, кочевали усуни «в области между хребтом Нань-шань и рекой Булунцзир». Их кочевья занимали главным образом равнинную часть Семиречья, «стоянка усуней Чигу, по-видимому, находилась на юго-восточном берегу Иссык-Куля» [11, с. 25–27]. По наблюдениям китайцев, обычаи усуней были схожи с обычаями гуннов [251, цз. 96б, с. 1а]. Страна усуней славилась равнинами, покрытыми травой, и горами, поросшими хвойными лесами. В землях усуней выпадало много дождей и снега. Китайцы полагали, что усуни занимали «исконные земли сэ (саков)» [251, цз. 96б, с. 1б]. Их государство на востоке граничило с гуннами, на северо-западе — с Канцзюй, на западе — с Давань, на юге — с городами-государствами Западного края, т. е. располагалось в Притяньшанье. Саки (сэ) были разгромлены юечжи во время их продвижения на запад. В результате ван саков переселился на юг. Юечжи, занявшие земли саков, в свою очередь, были разбиты усунями, откочевали на запад, а усуни заняли бывшие земли саков. Однако среди усуней остались и жили саки и юечжи. Центром государства усуней был г. Чигучэн («Красное ущелье»). В. В. Бартольд, как мы уже писали, считал, что Чигу располагался на восточном берегу Иссык-Куля, китайский комментатор XIX в. Хэ Цютао полагал, что

он был к северу от Аксу и Яньпань. По китайским данным, усуней было 120 тыс. дворов, 630 тыс. душ, они могли выставить армию числом 188 800 воинов [251, цз. 96б, с. 1а]. Точность цифр обескураживающая, возможно, китайцы пользовались данными усуньских подсчетов. По китайским сведениям, у усуней было немало богатых людей. Государство усуней славилось своими лошадьми, у богатых скотовладельцев их было обычно по 4–5 тыс. голов.

Во главе государства Усунь стоял государь с титулом «великий куньми» (гуньми, куньмо). По определению китайцев, этот титул соответствовал китайскому титулу «ван». «Куньмо есть титул вана» [251, цз. 96б, с. 3а]. Одного из куньми звали Лецяоми, китайцы полагали, что в связи с близким звучанием окончания «-ми» в имени государя и «мо» в титуле его «куньмо» произношение титула изменилось из «куньмо» в «куньми». Следует сказать, что окончание «-ми» было характерно для многих титулов государей усуней или их имен: Лецяоми, Ними, Вэньгуйми, Юаньгуйми, Ичими, Аньлими, Цылими, Синми, т. е. возможно, что компонент «-ми» тоже был частью титула (ми-мби — би-бий?). Смешение титулов и имен характерно для китайского описания усуней.

Существовала легенда о происхождении династии, правившей усунями. Согласно этой легенде, один из предков династии младенцем был брошен в степи. Он не погиб только потому, что к нему приходила волчица и кормила его своим молоком. Прилетали птицы и склевывали с мальчика насекомых. По более подробной версии легенды, излагаемой Хэ Цютао, «большие юечжи напали и убили Наньдоуми (правителя усуней. — *Е. К.*), захватили его землю. Народ бежал к сюнну. Гуньмо был новорожденным. Наставник (пестун) Фубуцзюйцюйхоу бежал с ним, [затем] положил в траву и пошел искать пищу. Когда вернулся, то увидел, что волчица кормит его (ребенка. — *Е. К.*) молоком, ворон, держа в клюве мясо, летает около него; поэтому счел ребенка духом и, взяв его, вернулся к сюнну. Шаньюй полюбил и воспитал [ребенка]. Когда ребенок вырос и возмужал, шаньюй дал Гуньмо народ его отца, велел начальствовать над войсками» [108, с. 72].

Усуньский куньми был типичным ханом кочевников. Китайская принцесса, выданная замуж за правителя усуней, так описывала своего супруга: «Усуньский ван сделал своей жилой комнатой юрту, стены [юрты] — из войлока, [он] ест мясо, пьет кумыс» [251, цз. 96б, с. 2б]. В управлении государством куньми помогали его великие сановники (да чэнь). Когда Чжан Цянь предлагал усуням договор, основанный на родстве, и понуждал их переселиться на восток для совместной борьбы Хань и усуней против гуннов, великие сановники куньми не пожелали переселяться [251, цз. 96б, с. 2а].

Администрация, которая управляла государством усуней, состояла из главы государства (далу), левого великого полководца (цзо да цзян), правого великого полководца (ю да цзян)[1], трех князей (хоу)[2], одного дафу, одного дувэй, двух дацзянь, одного далу, двух шэчжун, одного цицзюнь[3]. Таким образом, у усуней, как и у гуннов, было принято деление должностей командующих войсками (дацзян) на левые и правые.

По аналогии с государственным аппаратом гуннов, а также потому, что у усуней «государство делилось на три части, а в целом подчинялось куньмо» [251, цз. 96б, с. 2а], можно полагать, что левые и правые генералы и администраторы управляли восточными (левыми) и западными (правыми) областями страны. Если обратиться к списку административных должностей в целом, то мы увидим, что перед нами не перечень их в усуньском оригинале, а перевод или, скорее, истолкование через схожие китайские должности. Был сян, глава правительства: «Сян — это глава правительства… сян — это глава всех чиновников» [246, с. 945]. Текст «сян далу цзо ю да цзян эр жэнь» труден для разбивки. Н. Я. Бичурин поделил текст так: «Сян, далу, цзо далу, ю далу, два Гян» [23, т. II, с. 190]. Однако поскольку из последующего текста известно, что были левый и правый дацзяны, то очевидно, что «цзо ю дацзян эр жэнь» надо переводить как «левый и правый дацзяны, два человека». Остается проблема перевода слов «сян далу». Были это две должности или одна? Как мы видим, Н. Я. Бичурин полагал, что «сян далу» — одна должность. Должность далу не зафиксирована в китайской номенклатуре должностей. Поэтому Хэ Цютао предложил понимать «сян» как разъяснение к «далу»: «Далу — усуньский сян» [239, цз. 67, с. 16]. Таким образом, если следовать за Хэ Цютао, то усуньское наименование «сяна», премьер-министра, главы всех чиновников, было «далу». При Чжан Цяне, когда тот посетил куньми, должность далу (сяна) занимал средний сын куньми. У далу была своя, отдельная от куньми ставка, «он жил отдельно, его армия насчитывала более 10 тыс. всадников. Наследником престола был старший сын далу» [251, цз. 96б, с. 1б], т. е. внук куньми.

---

[1] В тексте «Цянь Хань шу» [251, цз. 96б] вначале сказано, что великих полководцев было два (с. 1а), потом упоминается левый великий полководец (с. 3а), а затем и левый и правый великие полководцы (с. 4а).

[2] Титул «хоу» у усуней был равнозначен титулу «сихоу» у юэчжи [252, цз. 96б, с. 3б]. Их было трое, поскольку государство делилось на три части.

[3] Хэ Цютао, интерпретируя текст, в котором перечисляется состав административного аппарата государства усуней, предложил считать, что должностей дувэй было две, а должности дафу не было вообще (см.: [108, с. 73]).

По субординации чинов за далу следовали два великих командующих (дацзяна), левый — восточного крыла и правый — западного крыла. За ними — три хоу. У юечжи было пять сихоу, что соответствовало делению государства на пять провинций, а у усуней — три.

Выше мы уже писали, что должность хоу (сихоу), возможно, соответствовала должности сатрапа. «Дафу», буквально «мудрый», «великий муж», сановник — должность, которую в Китае занимали наследник престола или князья-хоу. Это была гражданская должность, более низкая, чем должность министра (цин). Дувэй — военная должность, известная и у гуннов. В Китае она была введена при династии Цинь, так именовались чиновники, ведавшие военными делами в каждой из областей империи. При Хань дувэй назначались только в пограничные области. Дацзянь — должность надзирающего чиновника, контролера, инспектора. Дали — должность старшего писца (секретаря) в шэ — ставке куньми, постоянной или походной. Цицзюнь — армейская должность (чин) начальника конницы. В тексте упоминается еще должность — цэньцзоу, которую занимал сын наследника престола. Сказать что-либо конкретное о ней мешает полное отсутствие сведений.

Помимо богатых людей (фу жэнь) китайские источники выделяют в верхних слоях усуньского общества «знать» (гуй жэнь). Знать обладала большими правами, ибо именно она в 71 г., когда умер куньми Вэньгуйми, «сообща, следуя прежнему договору, возвела на престол Ними, сына цэньцзоу [Цзюнь-сюйми], и сделала его куньми, присвоив ему титул „куан ван“ (неистовый князь)» [251, цз. 96б, с. 4а].

Мы ничего не знаем ни об администрации среднего звена, ни о низовой администрации государства усуней, например были ли у усуней темничества. При ханьском императоре У-ди (140–86 гг. до н. э.) сам куньми имел 10 тыс. конницы, глава его правительства (далу) и сын наследника престола в должности цэньцзоу также имели по 10 тыс. конницы каждый. Вопрос, были ли это для далу и цэньцзоу одновременно темничества, остается открытым. По мнению китайских комментаторов, деление государства усуней на три части не означало его раскола, а являлось лишь наиболее крупным его административным делением. Далу «начальствовал над войском в 10 000 с лишним всадников, жил отдельно… Гуньмо дал цэньцзоу 10 000 с лишком всадников, приказал жить отдельно. Гуньмо тоже имел 10 000 с лишком всадников, чтобы оберегать себя. Государство было разделено натрое. Общая власть принадлежала гуньмо. Сюй Сун говорит: «В „Исторических записках“ написано: „Но над ним (государством) общая власть принадлежала гуньмо. Это значит, что только гуньмо мог управлять [государством]“» [108, с. 76].

Китайские источники не упоминают о родоплеменном делении у усуней.

Внешнеполитические связи усуней с Китаем и государством гуннов строились на основе договоров, основанных на «мире и родстве» (хэцинь). У куньми Сицзюня в женах были китайская и гуннская принцессы, при этом гуннская принцесса полагалась левой (старшей), а китайская — правой (младшей). Китайцы видели в усунях силу, способную стать их союзником в борьбе с гуннами, но равнять усуньского куньми с гуннским шаньюем не желали. Чжан Цянь был недоволен, когда куньми усуней принял его так же, как и гуннский шаньюй. Он потребовал выражения большего почтения, пригрозив лишить куньми даров. Далее версии китайских источников расходятся. По данным «Ши цзи» (цз. 123), куньми встал и поклонился дарам из Китая, а по данным «Цянь Хань шу», поклонился лично Чжан Цяню. Хэ Цютао передает это событие так: «Чжан Цянь сказал: „Сын Неба прислал подарки, если ван не поклонится, то пусть вернет подарки". Гуньмо встал и поклонился. Остальное было по-старому» [108, с. 75–76].

В 104 г. до н. э., во время похода китайского полководца Ли Гунли на Давань, китайцы потребовали от усуней помощи. Куньми выслал отряд конницы в 20 тыс. человек, отряд этот, выжидая развития событий, на деле соблюдал нейтралитет. В 71 г. до н. э. усуни совершили успешный поход против гуннов. В походе участвовали сам куньми, его сихоу и прочие нижестоящие и, к сожалению, не перечисленные в источнике лица. В поход отправилось 50 тыс. всадников, или половина отборного войска государства усуней [251, цз. 96б, с. 3б]. Поход был успешным. Усуни захватили 40 тыс. пленных и 700 тыс. голов скота.

Усуни имели и контакты с городами-государствами Западного края. Дочь куньми Вэньгуйми была женой вана Гуйцы, один из его сыновей имел титул Сочэ-вана (вана Яркенда) и являлся правителем этого города-государства. Правил он жестоко, за что и был убит в 65 г. до н. э. [251, цз. 96а, с. 16а–16б]. Часть городов-государств Западного края имела в составе своей администрации должности цицзюнь — командующих кавалерией, те же должности имелись и в государстве усуней. О некоторых народах Западного края, прежде всего кочевых, китайские авторы писали, что они по своим обычаям и по носимой ими одежде были схожи с усунями.

С усилением влияния Хань в Западном крае и в результате интриг китайцев государство усуней в 73 г. раскололось на две части, которыми соответственно правили старший и младший куньми. Таким образом «разделили этот народ и его земли» [251, цз. 96б, с. 5а]. У старшего куньми было 60 тыс. семей, у младшего — более 40 тыс.

УХУАНИ

Ухуани, потомки разгромленных шаньюем Маодунем дунху, жили у гор Ухуань, от которых якобы и получили свое название. Горы Ухуань, как полагают, находились в пределах бывшей цинской пров. Чахар, в центральной части современного автономного района Внутренняя Монголия, КНР[1]. Ухуани были кочевниками и звероловами, хорошими стрелками из луков. Жилищем им служили юрты «хунлу», вход в которые был обращен на восток, к солнцу. «Ухуани едят мясо, пьют кумыс, одежду изготовляют из шерсти и пуха. Почитают молодых и презирают старых» [228, цз. 120, с. 1а]. Занимались ухуани и земледелием, они сеяли просо [228, цз. 120, с. 1б]. Людей здоровых и способных, умеющих разбирать тяжбы, ухуани «выдвигали» и назначали начальниками (дажэнь). Н. В. Кюнер переводил чин «дажэнь» как «князь» или «вассальный правитель» [108, с. 134]. Низшей социальной и административной единицей общества ухуаней был поселок (кочевье) — ило. В. С. Таскин переводит слово «ило» как «род» [166, с. 134]. Каждым ило управлял сяошуай (младший командир). Несколько сот или даже тысяч ило образовывали один бу [228, цз. 120, с. 1а].

Дажэнь отдавали приказы с помощью деревянных планок с насечками, служившими подтверждением отданного распоряжения. «И хотя [у ухуаней] не было письма, бу и войско не осмеливались нарушать приказов» [228, цз. 120, с. 1а–1б]. «От дажэнь и ниже каждый пасет сам скот и распоряжается имуществом и не несет трудовых повинностей в пользу другого» [228, цз. 120, с. 1а–1б]. Отсюда В. С. Таскин делает вывод, что «скот, основное богатство ухуаней, находился как в частной, так и в личной собственности» [166, с. 66]. «По их законам, тот, кто нарушит приказ дажэнь, подлежит наказанию вплоть до смертной казни. Если кто-либо ограбил или убил друг друга, то позволено было самим назначать возмещения друг другу. Не довольствующиеся этим доходили до дажэнь и докладывали им с тем, чтобы те произвели суд. Пригоняли лошадей, коров, овец, чтобы откупиться от смертной казни.

[1] По разысканиям В. С. Таскина, ухуани «занимали древние монгольские земли в бассейне верхнего течения Амура» [166, с. 59].

Если кто-то из таковых сами убивали отца или старшего брата, то это не считалось преступлением и не наказывалось» [228, цз. 120, с. 2а]. Последнее обстоятельство как-то связано с более ранним сообщением о том, что ухуани в гневе убивают отца или старшего брата, но никогда не причиняют вреда матери, ибо по материнской линии они имеют отношение к роду [228, цз. 120, с. 2а; 108, с. 134]. «Если беглый является тем лицом, которое подлежало аресту со стороны дажэнь, то ило не имели права принимать его». Все беглые подлежали изгнанию в дикую пустынную местность в центре пустыни Гоби [228, цз. 120, с. 1б].

После разгрома ухуаней Маодунь-шаньюем они длительное время зависели от гуннов [228, цз. 120, с. 2а]. Ухуани поставляли гуннам воловьи, конские и бараньи шкуры. За просрочку уплаты гунны забирали у них детей. После разгрома китайцами восточных областей государства гуннов ухуани при императоре У-ди были переселены в «пять областей» за пределами пограничных китайских крепостей и были лишены самостоятельности. Их дажэнь стали ежегодно прибывать к китайскому двору [228, цз. 120, с. 2б].

Таким образом, правителем (или правителями) ухуаней был дажэнь. Дажэнь выдвигался народом и войском, он должен был быть физически крепким, умным и способным вести дела и вершить суд. Дажэнь командовал ухуанями, рассылая деревянные планки (бирки) с зарубками, и его приказы исполняли и народ, и войско. Дажэнь являлся верховным судьей второй инстанции и разбирал те тяжбы, которые не были решены на местах. Лица, подлежащие по приказу дажэнь аресту, лишались всякого покровительства, и никто не имел права предоставлять им убежище. За неповиновение дажэнь полагалось наказание вплоть до смертной казни.

Уже после падения Хань в III–IV вв. у ухуаней зафиксирована десятеричная военно-административная система организации власти на местах, появившаяся, возможно, как результат освобождения от китайской зависимости. По сведениям «Сань го чжи», у ухуаней имелись «тысячники (цяньфучжан) и сотники (байфучжан), командовавшие и руководившие друг другом» [215, цз. 30, с. 3б], разумеется, старшие руководили младшими. Н. В. Кюнер перевел название этих должностей как «начальник тысячи мужчин» и «начальник сотни мужчин» [108, с. 139].

С давних пор низшей социальной и административной единицей ухуаней были ило — объединения совместно кочующих и проживающих семей, связанных узами реального или так называемого вторичного родства (о нем подробнее ниже). Ухуани кочевали, хотя жили не только скотоводством, но и охотой, а также сеяли просо. Во главе ило

стоял администратор-военачальник, должность которого китайцы называли «сяошуай» (младший командир). Несколько сот или тысяча ило — эти данные говорят о том, что система «ило — бу» могла сосуществовать с системой «цяньфучжан — байфучжан» — составляли один бу. Н. Я. Бичурин в данном случае предложил трактовать термин «бу» как «аймак» [23, т. 1, с. 142]. Как именовался глава бу, неясно. Возможно, это были «старшие командиры» (хаошу-ай, цюйшуай), ибо известно, что во времена Ван Мана некоторые «отважные командиры (хаошуай) ухуаней служили у гуннов мелкими чиновниками» [228, цз. 120, с. 3а]. В источнике под 49 г. упоминаются «старшие командиры» (цюйшуай) [228, цз. 120, с. 33а]. Бу являлись судебной инстанцией низшего уровня. Суд на уровне бу был обязан добиваться удовлетворения тяжущихся сторон, наказания виновных и возмещения убытков пострадавшему.

Мы склонны считать, что дажэнь был один и являлся выборным правителем ухуаней, власть которого во II–I вв. до н. э. не была наследственной. Правители бу, возможно, приравнивались китайцами к ванам. При императоре Чжао-ди (86–73 гг. до н. э.) китайский генерал Фань Минъю, разгромивший ухуаней, «добыл три головы их ванов» [228, цз. 120, с. 2б]. В 49 г. ухуаньский дажэнь Хэдань прибыл к ханьскому двору с подношениями и помимо скота, луков, шкур тигров и леопардов, собольих шкурок подарил рабов и рабынь. Его сопровождали 922 человека. Некоторые из 81 начальника, приехавшего с Хэданем и поименованного китайцами как «цюйши», были пожалованы княжескими титулами хоуванов, титулами правителей областей, и отправлены на службу в пограничные районы Хань. В 109 г. упоминается ухуаньский правитель «чжунван» («князь народа и войска») по имени Ухэюнь. Он потерпел поражение и утратил власть. Через некоторое время сообщается, что другой ухуаньский дажэнь Жунчжухуэй, возможно, преемник Ухэюня, получил из Китая должность дувэй [228, цз. 120, с. 4а]. В 168 г. было два ухуаньских дажэнь, оба они имели титулы ванов. В Шангу правил дажэнь ван Наньлоу, в подчинении у которого было более 10 тыс. ло (ило) [166, с. 141], а в Ляоси — дажэнь ван Цюлицзюй, у которого в подчинении было свыше 5 тыс. ло. Кроме этих двух дажэнь ванов были еще два ухуаньских владетеля, которые титула дажэнь не имели, хотя также титуловались ванами. Это — Супуянь в Ляодуне, управлявший тысячей с лишним ло и титуловавший себя «суровым» ваном, и Уянь, правитель местности Юйбэйпин, имевший более 800 ло и титуловавшийся Ханьлу-ваном.

Власть дажэнь к этому времени, очевидно, становится наследственной. Между 190–193 гг. дажэнь Цюлицзюй умер, и вместо него дажэнь

должен был стать его сын, который не получил этот титул и место правителя потому, что был еще малолетним [228, цз. 120, с. 4а-4б]. Власть перешла к Датуню, племяннику Цюлицзюя. Датунь сумел подчинить «ухуаней трех областей», т. е. добился их объединения. Это был суверенный правитель. Он обратился к Китаю с предложением заключить договор о «мире и родстве». За военные заслуги наряду с тремя другими ухуаньскими дажэнь он получил из Китая титул шаньюя и печать. В III в. ухуаньский правитель (всех или части ухуаней, неясно) титуловался шаньюем. В штате его сановников были «духу» (наместники), управлявшие отдельными областями страны, и прочие чины, о которых подробно не сообщается, они просто названы в источнике «окружавшими шаньюя слева и справа». Китайцы приравнивали чины этих людей к своему чину сяовэй — военачальник среднего ранга [215, цз. 30, с. 3б–4а]. В 206 г. под властью Датуня было 10 тыс. ло. Через некоторое время люди Датуня были переселены в Китай, но при этом сообщается, что управляли ими по-прежнему их собственные дажэнь, ваны и хоу.

В. С. Таскин полагает ухуаней одним из древнемонгольских племен [166, с. 57–59]. Следуя схеме Б. Я. Владимирцова, выделявшего в монгольском обществе семью (аил), род (обог) и племя (ирген), а затем государство (улус), В. С. Таскин следующим образом реконструирует систему общества ухуаней: ло (юрта или семья) равна аилу, ило (род), равен обогу, бу (племя или кочевье) равно ирген [166, с. 70–73]. Он не признает наличия у ухуаней государства: «Ухуани... находились на пути к созданию государства, но в 207 г. они потерпели сильное поражение от Цао Цао, после чего более 10 тыс. юрт было переселено во внутренние районы Китая, где ухуани были постепенно ассимилированы китайцами» [166, с. 73]. Действительно, примерно на протяжении четырех веков после разгрома и подчинения их гуннами ухуани почти постоянно зависели то от гуннов, то от Китая. И хотя у них развивались свои формы управления, имевшие все перспективы стать формами государственного правления (принятие дажэнь титулов шаньюя и вана, наличие наместников-духу, военачальников-сяовэй), ухуани не получили возможности создать свое независимое государство.

СЯНЬБИ

Вслед за Сиратори Куракити В. С. Таскин считает сяньбийцев, как и ухуаней, одним из древнемонгольских племен, обитавших в верховьях Амура. Ухуани и сяньби занимали «земли в бассейне верхнего течения Амура, которые издавна принадлежали различным монгольским племенам, одним из которых можно считать сяньби. Их обычаи походили на обычаи ухуаней, т. е. были более свойственны монголам, чем тюркам. Все это дает основание считать сяньбийцев, как и ухуаней, одним из древних монгольских племен» [166, с. 64].

Основоположник клана сяньбийских правителей Таньшихуай имел необыкновенное происхождение. «Его отец Тоулухоу вначале три года сопровождал войска сюнну, его жена оставалась дома и родила сына. Когда Тоулухоу возвратился, то он счел его (ребенка. — *Е. К.*) за оборотня и хотел убить его. Жена сказала, что как-то днем она шла и услышала раскаты грома, подняла голову, чтобы посмотреть на небо, а градина упала ей в рот, и она проглотила ее. После этого забеременела и через девять месяцев родила. Этого ребенка обязательно ожидает нечто необыкновенное, следует его вырастить и посмотреть. Тоулухоу не послушался и выбросил его. Жена приказала домашним подобрать и вырастить его. Назвали [ребенка] Таньшихуай» [228, цз. 120, с. 8а–8б].

Предполагается, что, поскольку сяньби, как и ухуани, были частью дунху, социальная организация и административные органы и у ухуаней, и у сяньби были тождественны. Правители сяньби именовались дажэнь. В 54 г. два сяньбийских дажэнь, Юйчоупэнь и Маньтоу, прибыли к ханьскому двору. Юйчоупэнь получил титул вана, а Маньтоу — титул хоу [228, цз. 120, с. 5б]. В 89–91 гг. после разгрома китайскими войсками гуннов сяньбийцы заняли земли гуннов и присоединили к себе свыше 100 тыс. их семей. При этом подчинившиеся сяньбийцам гунны «сами назвались сяньбийцами» [228, цз. 120, с. 6а]. Т. Дж. Барфилд полагает империю сяньби империей вторичного порядка: «сяньби стали самостоятельным государством в результате второй междоусобной войны с сюнну»[1], «падение северных сюнну не было результатом воз-

[1] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 147.

никновения империи сяньби. Наоборот, оно положило начало ее возвышению»[1].

В годы царствования Юн-чу (107–113 гг.) сяньбийский дажэнь Яньлиян явился к китайскому двору и получил печать вана со шнуром [228, цз. 120, с. 6б]. Были открыты рынки для торговли с сяньби, сяньбийцы обязались посылать в Китай заложников в качестве гарантии их стремления торговать, а не воевать. Заложников присылали из многих сяньбийских ило [228, цз. 120, с. 6б]. В 120 г. два явившихся к китайскому двору сяньбийских дажэнь, Улунь и Цичжицзянь, были пожалованы титулами шуайчжунвана и шуайчжунхоу — князей первой и второй степени, командующих войсками и народом [228, цз. 120, с. 7а]. У сяньби, как и у ухуаней, таким образом, существовала иерархия дажэнь, ибо один дажэнь признавался китайцами старшим, а второй — младшим. Мы не знаем, подчинялись ли дажэнь-хоу дажэнь-ванам, возможно, и те и другие были достаточно самостоятельными правителями.

К 122 г. сяньбийская армия «натягивающих луки» насчитывала несколько десятков тысяч всадников. Несмотря на свой более низкий титул, хоу Цичжицзянь несколько лет являлся главным врагом Хань и организатором набегов на границы Китая. Ему-то на смену и пришел Таньшихуай. Уже в возрасте 14–15 лет Таньшихуай отличался храбростью, силой и умом, совершал такие подвиги, что «сяньбийские було испугались и подчинились ему» [228, цз. 120, с. 8б]. Он «был выдвинут и сделан дажэнь». Этому предшествовала деятельность Таньшихуая как законодателя, «он ввел в действие законы и запреты, точно указав, что правильно и что неправильно, и не было тех, кто осмелился бы нарушить их» [228, цз. 120, с. 8б]. Ставка Таньшихуая по-китайски именовалась «тин», как и ставка гуннского шаньюя.

«Все дажэнь восточных и западных бу подчинились ему» [228, цз. 120, с. 8б]. Таньшихуай разгромил Фуюй, государство в центре Маньчжурии, динлинов и усуней и постепенно овладел всеми бывшими землями гуннов, которые простирались с востока на запад на 14 тыс. ли. Пограничные области Хань подвергались набегам сяньби, и китайский двор предложил Таньшихуаю титул вана и заключение договора, основанного на «мире и родстве», на что Таньщихуай не согласился. Он разделил свое государство на три части («сам разделил свои земли на три части» [228, цз. 120, с. 9а]), более 20 «и» (областей) его восточных владений образовали восточное бу, свыше 10 «и» — центральное бу и более 20 «и» его западных владений — западное бу. Для управления каждым бу был поставлен дажэнь [228, цз. 120, с. 9а]. Это была

[1] Там же. С. 150.

подлинная административная реформа. Новые административные единицы «и» не только не соответствовали старым ило, но и были по своей величине больше старых бу и було и не совпадали с ними. Огромная территория от центра Маньчжурии до Дуньхуана и владений усуней была разделена всего на 30 с небольшим «и» (областей), объединенных в три бу. Армия сяньби в то время насчитывала 100 тыс. воинов [228, цз. 120, с. 10а]. С Таньшихуая власть правителей сяньбийского государства стала наследственной. Когда Таньшихуай умер в возрасте 45 лет, его «сменил на престоле» его сын Хэлянь. Ранняя гибель Хэляня привела к междоусобицам, но тем не менее источник отмечает, что «начиная с Таньшихуая все дажэнь из поколения в поколение передавали друг другу власть по наследству» [228, цз. 120, с. 12а].

По крайней мере, во II в. у сяньбийцев были знатные и менее знатные люди и семьи. Происхождение имело значение, что очевидно из биографии Кэбинэна, о котором говорится, что он был происхождения незнатного, «происходил из маленького (ничтожного) клана» [215, цз. 30, с. 6б] и был «выдвинут в дажэнь войском и народом» за свою силу и храбрость, за вынесение решений по тяжбам по закону и справедливости и за то еще, что «он не был алчен и не стремился к богатству» [215, цз. 30, с. 6б], что также примечательно как свидетельство очевидного различения бедности и богатства. Кэбинэн жил поблизости от китайской границы («его було был поблизости от пограничных укреплений»). Он был грамотен («усердно изучал письменность», возможно китайскую). Учителями могли служить китайские перебежчики, которые учили сяньбийцев изготовлять оружие и доспехи. Как и Таньшихуай, Кэбинэн был сяньбийским реформатором, он «управлял народом и войском, подражая Китаю» [215, цз. 30, с. 6б]. В 220 г. Кэбинэн получил от императора Вэнь-ди титул Фу-и вана («князя, приверженного справедливости, долгу»). Отличие образа жизни правящей сяньбийской верхушки от образа жизни правящей элиты Китая Кэбинэн видел в том, что «иноземцы востока и севера (и ди) не знают письменности», «мы, иноземцы востока и севера, не знаем правил этикета и долга» [215, цз. 30, с. 7а]. Эти фразы свидетельствуют о том, что сам Кэбинэн имел представление о китайском письме и письменной культуре, о роли норм поведения, церемониала в жизни китайского двора и высших слоев общества. В период своего наивысшего могущества Кэбинэн имел 100 тыс. всадников, вооруженных луками. Добычу он делил между воинами сразу и поровну. «Поэтому он добился того, что войска и народ отдавали служению ему все силы, а дажэнь остальных бу все почитали и боялись его. Однако он оказался неспособен справиться с Таньшихуаем» [215, цз. 30, с. 7б].

Соперником Кэбинэна, также стремившимся к установлению господства над всеми сяньби, был Будугэнь. В 223 г. Кэбинэн (второй такой примечательный факт) предложил Будугэню заключить с ним договор, основанный на «мире и родстве» (хэ-цинь, цзе хэ цинь) [215, цз. 30, с. 7б]. Союз, основанный на договоре этого типа, между двумя сяньбийскими владениями был недолог. В 235 г. Кэбинэн, по представлению ханьцев не в меру разумный и активный пограничный иноземный правитель, был убит китайским лазутчиком. Из источников очевидно, что на момент гибели Кэбинэна помимо его самого и его соперника Будугэня были еще, по меньшей мере, три правителя сяньби, имевшие титулы ванов.

Было ли общество сяньби (и ухуаней) к середине III в. классовым и имелась ли у сяньби государственность? В недавнее время на эти вопросы стремился ответить Л. И. Думан. По его заключению, «во II–III вв. н. э. сяньби находились на стадии перехода от доклассового общества к классовому. Судя по ряду данных, у сяньби происходило разложение родовых отношений и в то же время сохранились некоторые родовые традиции и институты. Так, например, во II и даже III в. н. э. существовала еще выборная власть. В период наибольшего усиления племени сяньби, когда к власти пришел вождь Таньшихуай (136/137–181 гг.), он был избран, а не наследовал управление... Употребление термина „дажэнь“ также свидетельствует об отсутствии династической власти. Что касается упоминания о законах и запретах, то здесь, вероятно, речь идет о родовом праве, а не о законах классового общества» [61, с. 46]. Китайские титулы ванов, которые получали сяньбийские дажэнь, по мнению Л. И. Думана, «не имели никакого значения» в тех условиях, когда еще не созрело классовое общество и не сложилось государство [61, с. 46].

Для оценки этого вывода надо сказать несколько слов об употреблявшихся китайцами терминах при описании социальной организации ухуаней и сяньби. Термин «ило» сам по себе значит «поселение». В древнем Китае большие поселения именовались «ду», малые — «и». Кстати, термин «и» имел еще и два других значения — «государство» и «жалованные земли» (фэнь ди) [246, с. 335]. Никакого специального социального смысла (племя, род и т. п.) не вкладывали китайские авторы и в термин «було». Он также означал «региональное поселение, поселение» и применялся к описанию соседних с Китаем народов для указания способов их расселения: «иноплеменники мань и „и“ делились на бу и так проживали», «жили как бы военными поселениями» (тунь) [246, с. 1340]. То, что старший начальник «выдвигался» (туй), не обязательно означало первобытно-общинную демократию. Его ставили у

власти воины, знать, а не народ. Далее мы увидим, что так же выдвигали тюркских каганов, Чингисхана. Это, однако, не свидетельствовало о существовании первобытной демократии, хотя и могло быть ее отголоском.

Термин «дажэнь» тоже имел ряд значений начиная от обозначения толкователя снов до лица, обладающего благой силой дэ и священномудрого (шэн), т. е. императора. Применяя его к описанию соседей, китайцы, естественно, брали не эти, а те его значения, которые предполагали наименование человека, занимающего должность, имеющего должностной ранг. В середине I тыс. до н. э. в Китае в понятие «дажэнь» включали высоких знатных лиц, а также местную знать — представителей знатных и сильных семей на местах [246, с. 342]. Думается, что именно в этих значениях термин «дажэнь» употреблен при описании ухуаней и сяньби и означает знатное или должностное лицо. Дажэнь «выдвигались», а отнюдь не избирались, за свои личные качества (Таньшихуай, Кэбинэн), добычу Кэбинэн делил поровну, но, вероятно, сообщено об этом как раз не потому, что это была норма, а скорее потому, что это было исключением. Деля поровну добычу, не будучи алчным (и это исключение), Кэбинэн управлял, подражая порядкам, установленным в Китае, учил письменность, заключил с соседом договор, основанный на «мире и родстве», по хорошо известному в региональной практике образцу, т. е. и внутри своего владения, и вне его вел себя как государь, а не как простой родовой старейшина. Действительно, не было «династической власти» [61, с. 46], но была идея о чудесном небесном происхождении правителя (Таньшихуай). Надо всегда учитывать то, что огромное значение имеет и подбор русского слова, акцент при переводе. Например, «применил» Таньшихуай законы и запреты или «ввел в действие» законы и запреты? То, что Таньшихуай разделил свои владения на 30 «и» и 3 бу, тоже можно трактовать по-разному: и как то, что «Таньшихуай не был единовластным правителем... он разделил свои земли на три орды или аймака, которые управлялись старейшинами, тоже именовавшимися дажэнь» [61, с. 47], и как то, что Таньшихуай провел административную реформу, имевшую прецедент и образец в государстве гуннов, тем более что население державы Таньшихуая было смешанным гуннско-сяньбийским и часть его имела за своими плечами 400 лет государственности. Родовые старейшины, даже объединившись, вряд ли могли выставить 100-тысячную армию. Наконец, в ухуаньско-сяньбийской системе управления имелись сотники и тысячники, о чем сообщает «Сань го чжи». Наличие многовекового социального расслоения, богатства и бедности, знатности и незнатности, процессов, явно указывающих на становление государственности, как

нам представляется, исключает твердые, однозначные, как у Л. И. Думана, оценки состояния общества сяньби в первые века нашей эры. Становление государственности являлось процессом, определяемым многими условиями, и, по нашему мнению, оно для сяньби завершилось в периоды правления Таньшихуая и Кэбинэна.

За исключением времени правления Таньшихуая, сяньби во II в. никогда не были полностью объединены. К середине III в. выделяются основавшиеся этносоциально как самостоятельные части этого народа — тоба, муюн, юйвэнь и др. И поскольку каждая из них играла свою роль в жизни Центральной Азии III–VI вв., китайские источники повествуют о них отдельно.

ТОБА

Первоначально тоба жили далеко на севере и не были в контакте с Китаем. Их предок Мао управлял 36 го (государствами) и 99 да син («большими фамилиями»). В данном случае термины «го» и «да син» очень трудны для истолкования [61, с. 49–51], поскольку они попали в анналы династии Северная Вэй (386–535), когда Тоба уже являлись императорами половины Китая. Можно не сомневаться, что «го» в данном случае — это преувеличение и, вероятно, реально Тоба правили 99 «большими семьями» (кланами) соплеменников и имели в подчинении 36 владений не-тоба, чужих, которые для возвеличения предка названы в истории «государствами». Потомок Мао в пятом поколении по имени Туйянь был правителем одного из трех бу в державе Таньшихуая. При нем тоба переселились к югу от своих мест прежнего обитания, к Большому озеру. Как полагает Лю Итан, сяньби между 89–104 гг. вообще заняли древние земли гуннов [202, с. 72], Туйянь переселился к Большому озеру, площадь которого более тысячи квадратных ли. Эта местность была мрачной и заболоченной, поэтому он решил переселиться еще далее на юг, но сделать этого не успел, так как умер. При его преемнике Тоба Лине явился «дух-человек, который говорил о государстве: „Эти земли бесплодны и находятся на окраине, они не годны для того, чтобы построить здесь столицу и поселения, нужно еще раз переселиться“» [185, цз. 1, с. 1б]. Тоба Линь вместе со своими семью братьями и сородичами из кланов Ичжэнь и Чэхунь разделил управление народом и войском и «сделал 10 цзу» [270, ч. 3, цз. 16а, с. 42]. Еще раз укажем, как важны интерпретация текста и подбор слов. Л. И. Думан писал: «Ко времени правления вождя (?) Линя (в тексте „Тун цзянь цзи ши бэнь мо“ Линь назван ханом) выделяются связанные отношениями близкого родства 10 родов или знатных семейств, поделивших между собой власть» [61, с. 42]. В тексте же сказано, что хан Линь «побудил 7 человек братьев, а также сородичей по фамилии Ичжань и Чэхунь раздельно управлять народом и войском» и «создал 10 цзу». Цзу в данном случае — явно искусственные образования, административно-управленческие единицы, и слово «цзу» употреблено в значениях «семья», «все семьи» («бай-цзя» — «сто семей, скопление, собрание чего-либо») [247, с. 625].

Тоба имели свою династическую легенду, отличную от той, которая была у Таньшихуая. Основоположник династии Тоба Ливэй родился чудесным образом. Отец его Цзефэнь встретил на охоте небесную деву, опустившуюся на землю, от их связи и родился Ливэй. А случилось это так: Цзефэнь «приказал передвигаться на юг, горы были высоки, ущелья глубоки, девять трудностей, восемь препятствий. В это время он выразил пожелание остановиться. Некий дух-животное с обликом коня и ревом быка пошел впереди и повел [тоба за собой]. Только через несколько лет [тоба] вышли [из гор] и стали жить на древних землях гуннов. Замыслов их переселения было много, они появились при двух императорах — Сюань (Туйяне) и Сянь (Лине). Древние люди при этом говорили: „Туйянь в просторечьи имеет смысл „упорно добиваться чего-либо". Вначале император Шэн-у хуанди (Цзефэнь) как-то раз с несколькими десятками тысяч всадников охотился в горах и на болотах и вдруг увидел легкую повозку с занавеской, [предназначенную для знатных дам], которая спустилась с неба. Когда он подошел, то обнаружил в ней красивую женщину и множество телохранителей. Император изумился и спросил ее, кто она, и она ответила: „Я небесная дева. Получила приказ, чтобы мы спарились". После чего они вместе ушли в спальное помещение. Утром она попросила разрешить ей вернуться и сказала: „На следующий год в это же время снова встретимся на этом месте", — сказала и исчезла, как ветер или дождь. Когда наступил срок, император прибыл на прежнее место охоты, и они действительно увиделись вновь. Небесная дева вручила императору рожденного ею мальчика, сказав: „Это твой сын. Заботливо воспитай его! Потомки, сыновья и внуки ваши, преемствуя друг другу, из поколения в поколение будут императорами!" Сказала и исчезла. Сын ее как раз и есть Ши-цзу, [основоположник династии]. В древние времена люди употребляли пословицу: „У императора Цзефэнь не было жены, у императора Ливэй не было дядьев по матери"» [185, цз. 1, с. 16–2а].

Тоба были связаны своим происхождением как с небом, так и с землей. Само название «тоба» означало «владычица земли». «По обычаю севера землю называют „то", а владычицу называют „ба"» [185, цз. 1, с. 1а]. Есть и другие версии происхождения термина «тоба». В словаре «Гуан юнь» тоба значило «рожденные небом и взращенные землей» [202, с. 190]. Предки тоба жили охотой и скотоводством, не имели письма, пользовались лишь зарубками на деревянных планках (палочках), которые передавали друг другу, и «они (эти палочки. — *Е. К.*) были подобны записям писцов и чиновников» [185, цз. 1, с. 1а]. Рожденный чудесным образом Тоба Ливэй в возрасте 29 лет покорил соплеменников и соседей, «все дажэнь всех бу покорились ему». Его армия насчитывала более 200

тыс. и состояла «из сидящих на коне и натягивающих луки». В 39 лет (в 258 г.) Ливэй перенес свою ставку в г. Шэнлэ (современный г. Датун, пров. Шаньси, КНР). Летом, в 4-м месяце он совершил жертвоприношение небу, помогать ему приехали правители всех бу. Власть Ливэя была уже настолько прочна, что правителя (цзюньчжана) из бу Бай (Белого), не приехавшего на церемонию, он казнил. В это же время Ливэй заключил с одной из правивших в Китае династий Вэй (220–264 гг.) договор, основанный на «мире и родстве» [185, цз. 1, с. 26]. Ливэй назначил наследника престола. В управлении ему помогал его центральный административный аппарат, «те, кто вели дела государства». Это были чиновники, которые отличались от дажэнь «внешних бу».

Сын Ливэя Лигуань (295–307) в 294 г. разделил государство на три части. Одной частью государства управлял он сам, правителями двух других назначил своих племянников Ии и Илу [270, ч. 3, цз. 16а, с. 42]. Государство Лигуаня имело установленную границу с китайским государством Цзинь (265–419 гг.) и мощную армию численностью 400 тыс. всадников-лучников [185, цз. 1, с. 3б-4а]. Лигуань правил как самодержавный государь. Когда он скончался, на его похороны прибыли представители разных стран, в том числе и Китая.

Преемник Лигуаня заключил клятвенный договор с правителем области Бинчжоу Сыма Тэн и был пожалован от династии Цзинь титулом шаньюя с вручением золотой печати и фиолетовой ленты. В 307 г. государь Илу ликвидировал разделение страны на три бу и, «соединив их воедино, управлял ими» [135, цз. 1, с. 40]. Он оказал династии Цзинь помощь в войнах с гуннами, и титул его был повышен до титула «великий шаньюй». Резиденцией Илу стал г. Дай (в современном уезде Вэйсянь, пров. Хэбэй, КНР). В 313 г. Илу обнес стеной г. Чэнло (в районе современного Хух-Хото, автономный район Внутренняя Монголия, КНР) и объявил его своей северной столицей. Южной столицей стал г. Пинчэн. Здесь была резиденция старшего сына Илу — Люсю, объявленного правителем южных бу (южной части страны) с титулом ю сяньвана. В 315 г. император Цзинь пожаловал Илу титул Дай-вана, и Илу «утвердил штат чинов». Источник утверждает, что до этого в государстве тоба обычаи были просты и законы не строги, народ не знал запретов, а с этого времени были назначены ясные наказания на основании суровых законов и во всех бу нарушители законов стали подвергаться наказаниям. Если кто-то из бу опаздывал к месту сбора, казнили весь бу, люди целыми семьями, держась за руки, шли к местам казней [185, цз. 1, с. 5б]. В ходу были общесемейные наказания.

Государство Тоба имело границы, которые охранялись [185, цз. 1, с. 5б]. Владения Тоба простирались от земель уцзи в Маньчжурии до

древних земель усунь. Армия насчитывала 1 млн. всадников, вооруженных луками. Государь Тоба Юйлюй хорошо был осведомлен об остановке в Китае и разрабатывал планы захвата севера страны. Своим сыновьям он говорил: «Центральная равнина не имеет государя, Небо дает ее мне» [185, цз. 1, с. 6а]. Государь Тоба Шицзянь в 338 г. объявил свой девиз царствования — Цзянь-го («Создание государства»), назначил чиновников и распределил между ними должности для управления народом [185, цз. 1, с. 7а–7б]. Первыми известными чинами в государстве Тоба были ю чжан («правый правитель») и ланчжунлин — сановник, руководивший жизнедеятельностью двора и командовавший гвардией государя. При государе Тоба имелся совет из дажэнь. Об остальных чинах, введенных в 338 г., ничего не известно, кроме того, что «прочие чины именовались по-разному, но большинство из них было схоже с таковыми в Цзинь» [185, цз. 113, с. 1а]. Поскольку те основы государственности, из которых выросло государство Северная Вэй, не были стандартными и включали традиции как Центральной Азии, так и Китая, составитель истории династии Вэй Шоу в преамбуле к главе о чиновниках записал: «Подходящие службы подбирались в соответствии с нуждами времени. Ведь государства отличаются администрацией и семьями, разнятся обычаями. Какое же может быть постоянство в установлении чинов и приказах о должностях (службах)?» [185, цз. 113, с. 1а].

В стране были введены законы, карающие за государственную измену и мятеж, убийства, прелюбодеяния и ограбления. Законы эти именовались «ясными». Совершенствование аппарата управления было продолжено в 339 г. Были введены должности цзиньши («помощников при дворе»). Они набирались из знати и помогали государю в управлении, ведали документацией, направляемой от императора и к императору, число их было непостоянно и доходило до сотни. Все это были молодые люди, красивые и крепкие, набранные из сыновей и младших братьев дажэнь, из «сильных семей» и семей «добропорядочных». Нэйшичжан (их было четверо) управляли дворцовыми служащими и являлись советниками государя. Был введен почетный титул «саньцичанши». По своему происхождению это было звание конного, сопровождавшего государя. Лицо, получившее этот титул, становилось советником и помощником государя. Покорившиеся Тоба народы (правители) получили общее наименование «ува», управляющий определенным числом людей стал именоваться «цюшучжан» («управитель, руководящий людьми»). Государство было поделено на две части, северную и южную, во главе северного и южного бу страны были поставлены два дажэнь, младший брат государя «надзирал» за северной частью,

а его сын — за южной. Эти два дажэнь «разделили народ и управляли им» [185, цз. 113, с. 1б].

Разделение государства Тоба на северную и южную части сохранялось до 386 г. Одновременно усложнился аппарат управления. Появились новые должности: дутунчжан — дворцовый комендант, который служил непосредственно в резиденции государя и командовал гвардией, размещенной в ставке; чуанцзян — их было шесть, каждый из них командовал отрядом гвардии; вайчао дажэнь ведал приемом и проводами иностранных послов, отвечал за соблюдение правил допуска их в Запретный город, он же был церемониймейстером, так как отвечал за то, чтобы все радостные и траурные события при дворе отмечались по установленному порядку. Ставка государя в 339 г. была перенесена в г. Юньчжун.

Важнейшие реформы произошли в 386 г. В государстве были учреждены управления (министерства — цаошэн), чиновники распределены по пяти группам рангов, в пределах основного и вне основного штата чиновников. Местными администраторами стали правители округов (цыши), правители военных округов (тайшоулины) и управители (чжаны), главы поселений. Тоба Лигуй собрал большой съезд на р. Нючуань и взошел на престол с титулом Дай-вана, сменив девиз царствования на Дэн-го («Возвышение государства»).

Видимо, был проведен церемониал инвеституры. Семь человек накрывали черной войлочной попоной. Государь становился на попону и, оборотясь лицом на запад, поклонялся небу. «Это был старый обычай Тоба» [180, цз. 5, с. 9б]. Введены были должности цзочжанши — левого чиновника-исполнителя и юсыма — правого командующего, эти чиновники олицетворяли гражданскую и военную власти. Судя по тому, что исполнительный чиновник был «левым», можно предполагать примат гражданской власти над военной, хотя неизвестно, была ли левая сторона у тоба предпочтительнее правой (например, у монголов, наоборот, левое означало младшее, подчиненное). Чжиминьчжан, судя по названию, являлся сановником, управлявшим народом. «Все назначенные на должности принадлежали к гвардии и участвовали в совете по обсуждению дел армии и государства» [270, ч. 3, цз. 16а, с. 50]. Лигуй «развивал земледелие и заботился о народе». В 4-м месяце 386 г. династия из Дай была переименована в Вэй, государь принял титул Вэй-вана.

В 396 г. Тоба Гуй официально был провозглашен императором, сыном Неба. Разгромив китайское княжество Янь, он перенес столицу в г. Пинчэн, построил в нем дворец, храм предков, алтари земли и злаков, т. е. все сакральные атрибуты власти китайских императоров [185,

цз. 2, с. 7б]. Постепенно Тоба овладели всем северным Китаем, основав династию Северная Вэй, и их государство, уже шедшее по пути китаизации аппарата управления, приобретало традиционные китайские формы. Были утверждены штат чинов и порядок чиновничьей службы, установлен церемониал, введены законы люй и лин, унификация причесок и головных уборов. Государство было поделено на внутреннюю часть и внешние районы, которыми управляли воинские начальники. Тоба приняли буддизм: в 419 г. монах Фа Го объявил, что император Тай-цзу является не просто императором, но и буддой. Этим был решен спорный для китайских буддистов вопрос, могут ли, должны ли буддийские монахи кланяться императору. Отныне, кланяясь императору, монах выражал почтение не императору как таковому, что было запрещено буддийской письменной традицией, а почитал Будду [292, с. 9–10].

ТУЮЙХУНЬ

Туюйхуни, получившие свое наименование по имени основателя династии Муюн Туюйхуня (247–318 гг.), покинули родину в 285 г. и через Ордос пришли в восточную часть современной китайской пров. Цинхай. Здесь они основали государство, которое просуществовало три с половиной столетия. Уходу туюйхуней, их отрыву от родной сяньбийской стороны предшествовало необычное явление. Отец Туюйхуня Муюн Шэгуй разделил було между двумя сыновьями — Туюйхунем и Вэем. Муюн Вэй считался наследником власти отца, а Туюйхуню было выделено 1700 семей.

Однажды кони, принадлежавшие Туюйхуню и Вэю, подрались. «Кони двух бу подрались. Вэй разгневался и сказал: „Покойный государь разделил було и установил имеющееся на [данный момент] обособление. Почему же мы не удалились друг от друга и позволяем нашим коням драться?“ Туюйхунь ответил: „Кони — домашние животные, и драться — постоянное свойство их натуры. Зачем же гневаться на людей? Разойтись в разные стороны очень странно, но, видно, я должен уйти от тебя за десять тысяч ли!“ — и ушел» [257, цз. 97, с. 4а]. Драка лошадей была понята как знак Неба. Следовало решить, куда идти. Пустили коней на восток. «Однако внезапно кони печально заржали и повернули на запад. И так более десятка раз». Было сочтено, что «это содеяно не людьми» [257, цз. 97, с. 4б]. Туюйхунь, следуя воле Неба, объявил своим людям: «Мы, старший и младший брат, оба должны наслаждаться властью над государством» [257, цз. 97, с. 4б].

К 310 г. туюйхуни дошли до Лун, восточной области современной китайской пров. Ганьсу, где и закрепились в верховьях р. Вэй. Брат, поссорившийся с Туюйхунем, сочинил по ушедшему брату песню под названием «Агань». Упоминание этой песни дало основания П. Будбергу и Л. Базэну увидеть в данном слове тюркское «ага», схожесть с монгольским «ака» и полагать сяньби или прототюрками, или протомонголами [279, с. 171; 278, с. 311]. Постепенно туюйхуни заняли территорию от оз. Кукунор и района г. Синин на северо-востоке до хребта Баян Хара-ула на юго-западе и от Цайдамской впадины на северо-западе до северо-западной Сычуани (район Сунпань) на юго-востоке.

Здесь они покорили цянские племена, приобретя их укрепленные, обнесенные стенами города-цзонги. Сами туюйхуни кочевали и жили в юртах. По данным «Нань ши» [214, цз. 79, с. 8б] и «Лян шу» [205, цз. 54], туюйхуни пользовались «палатками на сотню детей», т. е. очень больших размеров. Среди туюйхуней бытовал обычай левирата. Кроме скотоводства они занимались и земледелием. Но чаще всего туюйхуни ели мясо, пили кумыс.

«Вначале у них были только сотники, тысячники, предводители. Впоследствии явились князья, министры, президенты» [270, ч. 1, с. 97]. Позже был установлен штат чинов, в котором имелись чжанши (чиновники-исполнители; ю чжанши — у тоба), сыма (командующие войсками; юсыма — у тоба), цзянцзюни (генералы). Туюйхуни «кое-что знали о письме» [257, цз. 97, с. 4б][1]. «В государстве не было постоянных налогов, но когда не отдавали „необходимое“, то [власти] отбирали самоуправно у богатых семей и торговцев, и брали столько, сколько требовалось» [257, цз. 97, с. 4б].

За невесту туюйхуни платили калым. Бедные люди, которые не могли заплатить калыма, похищали девушку [185, цз. 101, с. 8б].

По законам государства Туюйхунь, того, кто убил человека и украл коня, наказывали сурово, вплоть до смертной казни. «Если кто совершил иное преступление, то у [виновного] в качестве откупа от наказания конфисковывали имущество». Имелось наказание палками. Смертная казнь осуществлялась таким способом: осужденным заворачивали головы войлоком и с высоты забивали камнями [185, цз. 101, с. 8б].

Мы уже упоминали о том, что правитель Циянь взял в качестве фамилии правящего рода имя Муюн Туюйхуня. Таким образом, фактически слово «туюйхунь» являлось лишь обозначением правящего клана, в китайских источниках оно было перенесено на весь народ, на все население государства, называвшегося также Туюйхунь. Есть сведения, что на деле население государства Туюйхунь называло себя «ачжайлу» (в китайской передаче), «аша» (в тибетской передаче). Происхождение этого этнонима связывают с гуннским словом, исходя из предположения, что в составе населения государства Туюйхунь было много бывших гуннских рабов [282, с. 24]. Возможно, это какая-то местная легенда.

[1] В царствование туюйхуньского государя Шиина туюйхуни «пользовались письмом и палочками с зарубками» [205, цз. 54, с. 38б; 214, цз. 79, с. 9б]. В «Тушу цзичэн» сообщается, что туюйхуни в своем государстве «пользовались таким же письмом, какое было у династии Вэй» [226, бянь и, цз. 62, с. 11б]. Интерпретируя эти сведения, Т. Каролл полагает, что «в то время, как часть населения была грамотной, другая умела пользоваться только палочками с зарубками» [282, с. 22]. Каким письмом пользовались туюйхуни? Если «как династия Вэй», то китайским?

Она возродилась в данном регионе в IX в. в рассказах о тибетских рабах (умо, вамо), создавших свое государство [102, с. 6, 7].

Туюйхуньский правитель Биси отправил посольство к вану династии Хоу Цинь Фуцзянью (359–385) и получил от него звание аньюань цзянцзюнь («полководец, умиротворяющий отдаленных») [257, цз. 97, с. 5б]. Правитель Шулоганъ принял титулы дадуду, чэци дацзянцзюнь — командира конницы (чэци означало «отряд из колесниц и всадников») [345, с. 520], шаньюя и вана Туюйхунь. Он также титуловался Моуинькэ-хань, каган Моуинь [257, цз. 97, с. 6б]. Каган Шулоганъ «облегчил налоги и повинности» [270, ч. 5, цз. 24б, с. 114]. Сын Шулоганя Ачай был признан императором династии Сун Байланъ-ваном. Ачай завещал потомкам хранить единство. Это завещание было повторено позже прародительницей монголов Алан-Гоа. Агай взял 20 стрел по числу своих сыновей и раздал им стрелы. Затем попросил своего младшего брата Мулияня сломать стрелу, и тот легко это сделал. После этого Ачай собрал в единый пучок оставшиеся 19 стрел и предложил брату снова сломать их. Мулиянь не смог сделать это. Ачай сказал: «Легко переломить одного, но трудно сломить многих!» [270, ч. 5, цз. 24б, с. 115]. Титул ванов закрепился за правителями Туюйхунь. При своем дворе они завели те же порядки, которые были при дворах китайских ванов. «В ставке выход из нее и вход в нее были подобны [входу и выходу] из ставки вана» [270, ч. 5, цз. 24б, с. 117]. Ван Фуляньчоу, «живя в своем государстве, установил все чины и ввел всюду управление, подобное тому, которое было у императоров — сынов Неба» [270, ч. 5, цз. 24б, с. 118]. Ван Куалюй титуловался каганом, имел ставку в 7 км к западу от озера Кукунор в г. Фусы. Он также полагал себя императором, поскольку имел при своем дворе в штате чинов ванов. Были в государстве Туюйхунь в то время пушэ — советник императора по гражданским и военным делам [287, с. 118, 119], шаншу — в то время глава министерств, административных учреждений (цао) [302, с. 254–255], ланчжуны (писцы, секретари-исполнители), цзянцзюни (генералы). Куалюй сидел на троне, на голове у него была корона, трон украшали золотые львы. Свою супругу Куалюй титуловал катун (кэцзунь). Он установил с китайской династией Цзинь отношения родства и получил в жены китайскую принцессу. Этот каган отличался долголетием, и, по данным источника, к 586 г. он сидел на туюйхуньском престоле сто лет [185, цз. 101, с. 8б; 270, ч. 5, цз. 24б, с. 120]. В 596 г. преемник Куалюя каган Шифу «получил в жены от суйского двора принцессу» и «просил титуловать принцессу императрицей» (тяньхоу) [270, ч. 5, цз. 24б, с. 121]. И хотя суйский двор не дал согласия на это, ясно, что в пределах своего государства каган Шифу и себя полагал императором, и свою супру-

гу — императрицей. Принцессу от суйского двора получил в жены и преемник Шифу Фуюнь.

К началу VII в. государство Туюйхунь имело территорию, протянувшуюся с запада на восток более чем на 2 тыс. км и с юга на север — на 1 тыс. км. Объединившая к тому времени под своей властью Китай династия Суй предприняла попытку уничтожить государство Туюйхунь, но она оказалась безрезультатной. В 635 г. войска династии Тан, пришедшей в Китае на смену династии Суй, разгромили туюйхуней. 70-летний каган Фуюнь покончил с собой, и китайцы посадили на престол его старшего сына Муюн Шуня, долгое время до этого прожившего при суйском дворе. Однако он вскоре был убит, каганом стал Нахэбо, который в 641 г. получил в жены китайскую принцессу. В середине VII в. государство Туюйхунь стало подвергаться нашествиям тибетцев, которые к 663 г. подчинили себе всю страну. В общей сложности государство Туюйхунь просуществовало 350 лет.

Туюйхуни, очевидно, первоначально были шаманистами, но в VI в. в их среде утверждается буддизм, около 514 г. в столице Туюйхунь был выстроен девятиярусный буддийский храм.

Туюйхуни — одни из первых, у кого были зафиксированы ставшие потом популярными в Центральной Азии титулы правителя и правительницы — каган и катун. Г. Моле полагает, что Азия вообще обязана появлением этих титулов на свет туюйхуням [331, с. XXVII]. На честь введения этого титула наряду с туюйхунями претендуют и жуаньжуань. Мы практически ничего не знаем о самобытных формах государственности у туюйхуней, возможно, в целом государственность у них развивалась от должностей военных к должностям военным и гражданским, как полагает Г. Моле [331, с. XXVIII], мы, однако, знаем лишь китайские наименования (или китайскую передачу наименований) штата чинов. Бесспорно лишь одно: со временем власть правителя все более уподоблялась власти китайских императоров, при этом безусловно увеличивалось и заимствование форм государственности китайской. Полагать туюйхуньского кагана лишь «первым среди равных» в числе туюйхуньской знати, как это предлагает Г. Моле [331, с. XXVIII], вряд ли правильно.

ФУЮЙ

Фуюй (корейское Пуё) — страна, располагавшаяся в центре Маньчжурии, в верховьях р. Сунгари, к востоку от сяньби, к западу от племен илоу и к северу от корейского государства Когурё.

По мнению Сиратори Куракити, фуюйцы были тунгусами «с примесью протомонгольского элемента» [322, с. 1]. Основоположником правящей династии был Дунмин (корейское Тон-мён) — «Свет на Востоке», «Восточный свет»; имя его осмысливается и как тунгусо-маньчжурское «тонг мангга» — «хороший стрелок из лука» (ср. монгольское «мэргэн»). Его мать была служанкой у вана одного из государств восточных варваров. Она зачала сына оттого, что увидела на небе скопление воздуха величиной с куриное яйцо, которое опустилось на нее. Ван приказал заточить ее в темницу, где она и родила сына, а когда ребенок родился, велел отнести его в свиной загон. Свиньи обогревали его своим дыханием, а когда его перенесли в конюшню, то своим дыханием его обогревали лошади. Благодаря заботе животных мальчик не погиб, а ван счел его духом, позволил матери выкормить его и дал ему имя Дунмин. По одной из версий легенды, мальчик должен был стать рабом [322, с. 21], по другой — он вырос и стал отличным стрелком из лука. Доли-ван — так звали правителя страны — вновь задумал убить его. Дунмин вынужден был бежать на юг. Путь ему преградила р. Яньди. Дунмин ударил луком по воде, и тогда собрались рыбы и черепахи. Они плавали по поверхности воды, создав плавучий мост, по которому Дунмин и переправился через реку. После этого он добрался до Фуюй, где и стал ваном [228, цз. 115, с. 3а–3б]. Сиратори Куракити полагал, что Фуюй — это тунгусское «буюй» (олень) [322, с. 29].

Более поздняя версия легенды изложена в «Вэйши» (цз. 30; перевод см.: [317, с. 23–24]). Государство Доли, в котором родился Дунмин, названо здесь Кореей (Гаоли), река — Янь-дишуй, Шияньшуй. Сиратори Куракити отождествлял р. Яньдишуй с Амуром и полагал, что государство Доли размещалось к северу от Амура [322, с. 25–28], хотя реально ясно только одно: Дунмин пришел в Фуюй, в Центральную Маньчжурию, с севера.

Основной административной единицей в государстве Фуюй являлось поселение ило, этот термин мы уже встречали у ухуаней. Над каждым ило властвовал чиновник, называвшийся цзя (корейское чтение — га). В Фуюй чиновники именовались названиями домашних животных: мацзя (правитель-лошадь), нюцзя (правитель-бык), гоуцзя (правитель-собака) и т. д. Фуюйцы разводили скот и сеяли зерновые культуры. Жили они оседло, стены своих поселений делали из деревянных частоколов. Имелись дворцовые постройки, жилые помещения, склады и тюрьмы. В первый месяц по своему календарю [215, цз. 30, с. 9а] фуюйцы поклонялись Небу, в последний месяц года устраивали праздник «встреча барабана (бубна)». Во время этого праздника собиралось много народа, это был «большой сбор», приносили жертвы Небу, несколько дней пили, ели и танцевали. В праздник «встреча барабана» не совершались казни, объявлялась амнистия. Перед выступлением в поход фуюйцы приносили в жертву Небу быка, по его копытам гадали об успехе или неуспехе похода [228, цз. 115, с. 3б].

В Фуюй имелась разработанная система наказаний. Вся семья наказуемого смертной казнью обращалась в рабство. («Тот, кто убил человека, подлежал смерти. Его семью конфисковывали в казну и делали рабами» [215, цз. 30, с. 2б].) Совершивший кражу возмещал стоимость украденного в 12-кратном размере. За прелюбодеяние казнили мужчину и женщину.

У фуюйцев бытовал обычай левирата; при погребении богатых людей убивали сопогребаемых, их число могло доходить до нескольких сот человек.

Конфисковавшиеся казной люди считались казенными рабами, но, очевидно, имелись и рабы, принадлежавшие частным лицам, во всяком случае людям богатым, из их числа и могла быть часть сопогребаемых. Армия Фуюй была вооружена луками, мечами и копьями. В 167 г. в походе на область Сюаньту (район современного г. Шэньян, Мукден) участвовало более 20 тыс. воинов.

В III в. площадь Фуюй, по оценкам китайцев, составляла более 1000 кв. км, население — 80 тыс. дворов [228, цз. 115, с. 4а]. «В государстве имеется государь (цзюнь). Ван все чины поименовал домашними животными. Имеются мацзя, нюцзя, чжуцзя (правитель-свинья), гоуцзя, цюаньни (посланец-собака), даши (великий посланец) и ши (посланец). В поселениях имеются „ничтожные люди“, именуемые „низшие дворы“ (ся ху). Все ся ху являются рабами. Каждый цзя отдельно управляет „дорогой“ (областью), имеющей выход на четыре стороны, сильные [цзя] управляют несколькими тысячами семей, слабые — несколькими сотнями семей» [215, цз. 30, с. 8б–9а]. Среди жителей имелись дажэнь,

они отличались тем, что одевались богаче, в меха, в том числе собольи, украшали головные уборы золотом и серебром [215, цз. 30, с. 9а].

При аппарате управления, вероятно, прежде всего центральном, имелся штат переводчиков (ижэнь). В тексте сообщается, что «переводчики, передавая сказанное [послами вану?], все [они] преклоняли колена, упирались руками в землю и говорили вежливо» [215, цз. 30, с. 9а]. У каждой семьи фуюйцев, людей свободных, имелись доспехи и оружие. В случае нападения врага все цзя выходили сражаться, «низшие дворы» выполняли функции солдат вспомогательных войск, они снабжали воинов продовольствием [215, цз. 30, с. 9б]. Цзя участвовали в интронизации вана. Когда умер ван Маюйвэйцзюй, все цзя сообща возвели на престол сына старшего брата нюцзя (правителя-быка) Маюйя по имени Вэйцзюй. Вэйцзюй был даши [215, цз. 30, с. 9б]. Упоминаются также старшие цзя (да цзя). Ван Вэйцзюй посылал старшего цзя в предместье столицы встречать прибывавших знатных китайцев. Значит, да цзя исполнял функции чиновника по делам с иностранцами. Хотя цзя возводили на престол ванов, ваны имели над ними всю полноту власти. Так, нюцзя Цзифу был уличен в неверности. Ван Вэйцзюй казнил его, описал и конфисковал имущество самого Цзифу и его сыновей, послал чиновника ши (посланца, посыльного) собрать и учесть урожай с полей Цзифу и передать его в казну.

Государство Фуюй было уничтожено в 285 г. сяньбийцами, последний его ван Илюй покончил с собой, а его младшие братья бежали.

Если подвести итоги китайским сведениям об административном аппарате государства Фуюй, то становится ясно, что во главе государства стоял ван — государь божественного происхождения, которое оформлено соответствующей легендой. Ван располагал штатом чинов, чиновники именовались цзя, по крайней мере в III в. имелись цзя старшие (да цзя), а значит, были и цзя младшие. Кроме чиновников цзя, были чиновники ши (посыльные): упоминаются просто ши, старшие, большие ши (да ши) и «ши-собаки» (цюань ши), а также переводчики. В III в. государство делилось на области («дороги»). В «дорогах» имелись поселения — ило. Над каждым ило властвовал цзя, или, как перевел Н. В. Кюнер, «в их селениях все правители (хозяева, владельцы) принадлежат к цзя» [108, с. 338].

Надо сказать, что в маньчжурскую эпоху, когда маньчжуры заинтересовались прошлым своей родины, своеобразное наименование чинов в Фуюй было сочтено маньчжурами результатом ошибки, оскорбляющей их достоинство. Поэтому в «Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжур») сообщается, что в описании Фуюй допущена ошибка, и слово «цзя» было заменено другим иероглифом. Использо-

вали иероглиф «цзя» (семья). «Так как история сообщает, что фуюй любили разводить скот, то скотоводство должно было непременно процветать и должны были быть чиновники у каждого [рода скота] для заведования им. Подобно этому монголы еще теперь называют чиновников, заведующих баранами, хэници. Хэни есть баран (по-монгольски хони). Заведующий лошадьми — молици, моли есть лошадь (по-монгольски морли), заведующий верблюдами — тэмоци, тэмо есть верблюд (по-монгольски тэмэн). Во всех случаях должности называются по предметам, которыми исключительно заведовали некоторые из чиновников. Что касается двух указанных описаний для Фуюй, то в то время должны были быть люди, знавшие фуюйский язык, и они, переводя названия их заведующих лошадьми и заведующих быками, сделали их наименования по-китайски ма-цзя (в этом случае цзя — буквально „семья“ — означает группу, профессию, деятеля). Так, нюцзя — это бычатник, мацзя — вроде лошадник. Потом ошибочно написали мацзя, нюцзя» (цит. по: [108, с. 270]).

Такое объяснение было явным ухищрением со стороны маньчжуров. И из текста «Хоу Хань шу», и из текста «Сань го чжи» очевидно, что термин «цзя» означал по-фуюйски наименование чиновника вообще. Другое дело, что по происхождению некоторые должности действительно могли означать заведование тем или иным домашним скотом и собаками — «бычатник» (скотник), «лошадник» (конюший), «собачник» и т. п. Но в III в. «бычатник» вряд ли ведал коровами и быками, это была высокая должность, даже скорее титул. Вэйцзюй, ставший ваном Фуюй, был сыном «бычатника» Маюя, богатым и знатным человеком был и «бычатник» Цифу.

Цзя могли сообща посадить на престол вана. Они являлись воинами, в случае нападения врага лично выходили сражаться, их сопровождали рабы ся ху.

Как мы уже говорили, в поселениях фуюйцев были «ничтожные люди», именовавшиеся «низшие дворы» (ся ху). Ся ху были рабами (нупу). Термин «хаоминь» («ничтожные люди») в китайских текстах эпохи Хань означал знатных и богатых людей провинции. Как видим, имеются противоречия в употреблении термина и разъяснении его существа. Возможно, что знак «хао» употреблен в данном случае в одном из своих редких значений — «ничтожный» и «хаоминь» следует переводить как «низкие», «ничтожные люди», ибо только «ничтожные люди» могли считаться рабами — ся ху.

В Фуюй бытовала разработанная система уголовных наказаний, за убийство приговаривали к смертной казни. Имелись тюрьмы.

Служилое сословие цзя и ши вместе с «большими людьми» (дажэнь)

и правящий клан составляли господствующий класс общества Фуюй. Эксплуатируемым классом были рабы — ся ху и простые люди, жители поселений ило. Общество Фуюй было классовым. Государство Фуюй просуществовало в центральных районах современной Маньчжурии около 500 лет. По представлениям китайских авторов, наличие поселений ило, социальной группы дажэнь свидетельствует о связях или сходстве обществ фуюйцев и ухуаней. Легенды о происхождении правящей династии Фуюй схожи с таковыми легендами раннекорейских государств.

По характеристике Ю. В. Бутина, сведения о Пуё (он всю терминологию, относящуюся к Фуюй, читает по-корейски) «позволяют судить, что пуёское общество вступило в стадию государственности». Цзя (га) представляли наследственную титулованную знать. Га управляли окраинными землями, четыре «дороги» Ю. В. Бутин трактует как четыре окраинные провинции, прилегавшие к столице, домену. Были четыре разновидности га — мага, уга, чега и куга, каждая из четырех частей страны имела свою знать, своих га. Хаоминь (хомины) — это местные богачи, ся ху (хахо) — земледельцы-общинники, бедняки [28, с. 288–289, 328]. Кто знает, может быть, возможна и такая трактовка материала. Во всяком случае, китайская терминология, означающая две группы жителей ило — хаоминь и ся ху, вполне допускает это, а сопоставление четырех упоминаемых текстами цзя — лошади, быка, собаки и свиньи — с четырьмя «дорогами» заслуживает внимания.

Как бы там ни было, наряду с корейскими государствами Фуюй стало первым государством на территории Маньчжурии, возможно, первым государством тунгусо-маньчжур, о котором в китайских источниках сохранились относительно пространные сведения, а не просто упоминания. Корейские историки полагают Фуюй государством корейским, но для этого, кроме сходства легенд об основателях Фуюй и Коре, никаких оснований нет.

ЧОУЧИ

Обратимся теперь к районам, прилегающим с востока к Тибетскому нагорью. Ди — тибето-бирманские по языку племена группы Бай ма («Белая лошадь») — с древности «сами имели правителей цзюньчжан». Жили они южнее Чжилун и западнее р. Ханьчуань (в северной части современной пров. Сычуань, КНР), «сами ставили над собой доблестных начальников». При ханьском императоре У-ди после китайских походов на ди в этом районе была создана область Уду, а население звалось «бай ди» (белые ди) или «гу ди» (древние ди). «Каждый имел [князей] — хоу и ванов». Хоу и ваны получали свои титулы из Китая.

В 196–212 гг. среди ди выдвигается «було дашуай» Ян Тэн, он характеризуется в источнике как человек «сильный и смелый, имевший много замыслов». Он переселился в Чоучи, на укрепленное плато, расположенное высоко в горах. Потомок Ян Тэна Цяньвань получил от императора Вэй титул Бай-цинь ди ван («Ван ди с владением в сто цинь»), внук Цяньвана Фэйлун носил титул Цинси цзянцзюнь («Генерал, умиротворивший запад»).

В 291–299 гг. правитель ди Маосао принял титул Фуго цзянцзюнь («Генерал — опора государства») и титул гуннских князей юсянь ван («правый западный мудрый ван»). Маосао, как указывается в «Вэй шу», «был выдвинут ди и стал государем» [185, цз. 101, с. 1а]. От китайцев Маосао имел титулы генерала и, что любопытно, цзо сяньвана — не правого, а левого (восточного) мудрого вана.

Когда Маосао умер, престол наследовал его сын Наньди. Наньди и его младший брат Цяньтоу «раздельно управляли зависимыми от них людьми» [270, ч. 3, цз. 13б, с. 58]. Наньди являлся цзосянь ваном, а Цяньтоу — юсянь ваном, и каждый имел свою ставку. После братьев какое-то время правили их сыновья, потом некий Чу, также принадлежавший к правящему клану, убил левого и правого мудрых ванов, единолично занял престол, после чего «подчинил себе весь народ и принял титул князя — Чоучи-гуна».

В 389 г. потомок Чоучи-гуна Фогоу провел реформы. Он «разделил всех цянов и ди на 20 бу, создал „армии обороны“ (ху цзюнь) и каждый [бу] сделал опорным пунктом с гарнизоном. [Он поступил так] и не

учреждал областей (цзюнь) и уездов (сянь)» [185, цз. 101, с. 2а]. Титул свой Фогоу повысил до титула Чоучи-вана. Фогоу по образцу китайских императоров ввел посмертные титулы правителям Чоучи, своему отцу он дал посмертный титул У-вана. Когда умер сам Фогоу, его сын дал покойному отцу титул Хэйвэнь-вана. Внук Фогоу Сюань после смерти отца разослал в соседние страны посольства с извещением о смерти отца и государя, а взойдя на престол, первым из Чоучи-ванов объявил девиз царствования Юань-цзя («Начало счастья») [270, ч. 4, цз. 18б, с. 89].

Известно, что девиз царствования был еще у одного Чоучи-вана — Наньдана. Наньдан в 434 г. принял титул Да Цинь-вана и объявил девиз царствования Цзянь-и («Введение справедливости»). При Наньдане наиболее яркое выражение получила тенденция к принятию ванами Чоучи форм китайского императорского правления. Своей супруге он дал титул «государыни» (ванхоу), а сына объявил наследником престола с титулом «тайцзы», «установил чины, соответствующие двору императора» [185, цз. 101, с. 2б]. Возможно, еще до Наньдана была проведена какая-то местная административная реформа и введена должность региональных правителей чжанцзюней. Жена Наньдана, убеждая последнего свергнуть с престола правившего в то время его племянника Баоцзуна, говорила: «Государство в опасности. Следует [тебе] занять престол. Чжанцзюни не слушаются» [185, цз. 101, с. 2а].

«Императорское правление» Наньдана было недолговечным. Вначале страну поразила засуха. Воспользовавшись этим, в 443 г. государство Чоучи заняли войска династии Вэй. Борьба южных и северных династий в Китае помогла Чоучи выжить. В 480 г. внук Наньдана Ян Хоуци был объявлен императором династии Южная Ци и ваном Чоучи. Титул императора имел его потомок Ян Шаосян. Однако в 506 г. он был взят в плен войсками династии Северная Вэй и вывезен в Китай в г. Лоян. Государство Чоучи было уничтожено, на его территории создан округ Дуничжоу. К сожалению, мы очень мало знаем о Чоучи, особенно в том, что касается его форм государственности. Можно уверенно говорить о китайском и гуннском влиянии. Северным соседом Чоучи долгое время являлось государство Туюйхунь, население которого было смешанным сяньбийско-цянским. Чоучи же стало одним из первых государств тибето-бирманских народов цян и ди в I тыс. н. э.

ЖУАНЬЖУАНЬ

По китайской традиции жуаньжуани относились к группе народов дунху, в которых многие исследователи видят предков монгольских народов: монголы вышли из шивэй, также потомков дунху. Существует версия, хотя и не общепризнанная, отождествления жуаньжуаней с аварами (обры русских летописей). По совместным изысканиям С. Е. Яхонтова и С. Г. Кляшторного жуаньжуани (реконструкция имени племен / империи Нёкёр) являлись протомонгольскими племенами, состоявшими из племенных объединений сэрви/сэрби (сяньби) и татар (датань). Это наиболее раннее упоминание об этносе, именовавшемся татарами[1]. Монгольский китаевед Сухэ-баатар предлагал реконструировать этноним «жуаньжуань» как «нируны».

Предком жуаньжуаней считался раб по имени Мугулюй. Японские ученые Комаи Ёсиаки и Фудзита Тоёхати полагают в этом имени прообраз будущего названия народа «монгол» [195, с. 332]. Мугулюй попал в плен и получил свободу. Однако позже он нарушил воинскую дисциплину, бежал и присоединился к бу Шаньтулинь. Его сын Цзюйлухуэй со временем приобрел своих подданных, свой народ и войско (бучжун) и стал именоваться Жоужань [185, цз. 103, с. 729]. При императоре Ши-цзу (Тай у ди) династии Северная Вэй Жоужань был переименован в Жуаньжуань, получив прозвище уничижительное, данное ему якобы за то, что он внешне напоминал какое-то ядовитое насекомое. Однако, если верить источнику и хронологии, это произошло через много лет после смерти Жоужаня. До этого жуаньжуани пережили традиционный раскол на восточных и западных. «Их бу, — сказано в „Вэй шу“, — разделилось, образовав два бу» [185, цз. 103, с. 729]. Шэлунь, правитель Западного края, поселился к северу от пустыни, т. е. на территории современной МНР, здесь размещалось его «государство-кочевья» (голо), в переводе В. С. Таскина — «юрточное государство» [165, с. 403]. Сделав своей ставкой берега р. Жолошуй (ориентировочно р. Халха, МНР), Шэлунь начал проводить реформы и устраивать свое «государство-кочевья», «кочевья, [организованные] в государство». В своем голо

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 58–59.

Шэлунь установил военные законы, суть которых была в военно-административной реформе: «Тысяча человек составили армию (цзюнь), во главе каждой армии ставился один генерал (цзян). Сто человек образовывали знамя, во главе каждой сотни ставился один командир (шуай)» [185, цз. 103, с. 729]. Отличившихся в бою награждали пленными и добычей, трусов забивали камнями или наказывали плетью. Жуаньжуани не имели письменности, чтобы вести записи. По сведениям источника, генералы-тысячники и командиры-сотники пользовались овечьим пометом, чтобы подсчитывать число воинов. Позже жуаньжуани «хорошо научились делать памятные заметки с помощью зарубок на дереве» [185, цз. 103, с. 729]. Но следует помнить, что под неграмотностью китайцы часто понимали незнание китайской письменности. Хорошо известно, что в китайских историях говорится, что древние тюрки не имели письма, хотя на самом деле они его имели.

Реформы Шэлуня относятся к началу V в. Проведя реформы, Шэлунь осуществил ряд успешных походов, и его государство, по китайским сведениям, достигло размеров, в известной мере стандартных для многих государств Центральной Азии: на востоке оно простиралось до Чаосянь (Кореи), на западе — до Яньци (Карашара), на юге — до Великой пустыни (Гоби), на севере — до Ханьхая (условно — верхнего течения Амура). Свою ставку Шэлунь расположил к северу от Дуньхуана и Чжанъе (современные города Дуньхуан и Чжанъе, пров. Ганьсу, КНР). Наименование ставки по-китайски передано словом «тин» (двор). Шэлунь принял титул кагана. Его полный титул звучал (в китайской передаче) как «цюдоуфа кэхань». На государственном языке династии Вэй, сяньбийском, слово «цюдоуфа» значило «правящий и приведший к расширению», а «кэхань» — император. Титул кагана Шэлунь принял в 402 г. До принятия каганского титула он имел титул, который на их язык переводился как «цзян шэн» — «могущественный и процветающий». Каган жуаньжуаней и его сановники (дачэнь) имели титулы (чэнхао), которые китайские историки сравнивали с посмертными титулами, принятыми в Китае. Наличие пространного титула, похожего на титулы китайских императоров, стало характерной чертой жуаньжуаньских каганов. Известный список их таков: хулюй — «каган с прекрасными качествами»; да-тань — «каган победоносный»; ути — «каган божественный»; тухэчжэнь — «каган почтительно поддакивающий»; юйчэн — «каган милостивый»; доулунь — «каган постоянный»; нагай — «каган радостный»; футу — «каган, продолжающий дело»; чоуну — «каган, освещающий правлением»; поломынь — «каган спокойный»; анагуй — «каган, забравший все в свои руки». В сущности, за исключением таких титулов, как «победоносный», «божественный»

и т. п., титулы жуаньжуаньских каганов не похожи на китайские, среди них есть и не очень лестные, вроде «постоянно поддакивающий» или «забравший все в свои руки».

В 464 г. жуаньжуаньский каган Юйчэн впервые ввел в употребление девизы царствования. Он обозначил свое царствование девизом Юнкан — «Вечное процветание». Девизы царствования объявляли все последующие каганы жуаньжуаней. Образовывались они на китайский манер: Тай-пин («Великое умиротворение»), Тай-юань («Великое спокойствие») и т. п. Неясно только, на каком языке они провозглашались — на родном или на китайском. Очевидно, даже будучи записаны иероглифически, они читались на языке жуаньжуаней, как это было, например, в Японии.

По описанию китайских источников, жуаньжуани являлись типичными кочевниками: они занимались скотоводством, жили в войлочных юртах, постоянно кочевали, у них не было городов, обнесенных стенами [220, цз. 95, с. 50а–51а]. Однако эта общая характеристика, вероятно в основном правильная, противоречит конкретным фактам, упоминаемым в тех же источниках. Есть свидетельства, что жуаньжуани занимались земледелием. Их каган Анагуй просил у властей Северной Вэй просо для посева [185, цз. 103, с. 733], а в начале VI в. жуаньжуани выстроили город Мулючэн, обнесенный внешними и внутренними стенами [205, цз. 54, с. 46б–47а]. Жуаньжуани заплетали волосы в косы, носили халаты, узкие штаны и сапоги с высокими голенищами.

Раскол в 534 г. государства Северная Вэй на два — Восточная Вэй и Западная Вэй — привел к дальнейшему усилению жуаньжуаней, уже до этого почти полтора столетия господствовавших в Центральной Азии. Император Западной Вэй Вэнь-ди взял в жены дочь кагана Анагуя, а брату Анагуя Таханю дал в жены принцессу Хуачжэн гунчжу. Анагуй в сношениях с Западной Вэй перестал именовать себя вассалом (чэнь), а в отношениях с Восточной Вэй, при подаче «государственных грамот» (го шу) от жуаньжуаней, он, согласно переводу В. С. Таскина, «держался [с императором] как равный» [165, с. 294], а по переводу Н. Я. Бичурина — «удерживал равенство» [23, т. 1, с. 207] — так оба переводчика интерпретировали выражение «линь ди кан ли» — «сосед-соперник, соблюдающий взаимный этикет как между равными» [180, цз. 98, с. 882].

Конец государству жуаньжуаней положили подчинявшиеся ранее жуаньжуаням тюрки, которые в 552 г. разгромили Анагуя, после чего тот покончил жизнь самоубийством.

Таким образом, в конце IV в. жуаньжуани создали государство, именовавшееся в китайских источниках «голо» — «государство-ко-

чевья», «государство, образованное из кочевий». Во главе государства стоял каган, который имел пространный титул и объявлял девиз царствования по китайскому образцу. Титул «каган» был известен у сяньбийцев и туюйхуней, девизы лет царствования также стали употреблять сяньбийские правители. Таким образом, мы видим, что такие нововведения в государственности народов Центральной Азии, как принятие титула «каган», использование на китайский манер девизов царствования, присвоение пространных титулов, одновременно были введены в практику сяньбийцами, жуаньжуанями и тибето-бирманцами в Чоучи.

Подданные в государстве жуаньжуаней делились на народ и сановников (чиновников). Каган Анагуй употреблял такое выражение: «Сановники (чиновники) и народ моего государства» [185, цз. 103, с. 732]. Деление государства было военно-административным: население делилось на армии (тысячи) и знамена (сотни). Армию возглавлял генерал, знамя (сотню) — командир.

Жуаньжуани имели свой аппарат управления. По данным «Вэй шу» и «Бэй ши», он включал такие должности, как мофу, сыцзинь, сылифа, тудоудэн. Титулы (должности) сыцзинь (иркин) и сылифа (эльтебер) были позже заимствованы от жуаньжуаней тюрками. Они означали глав племен (народов), входивших в состав жуаньжуаньского (тюркского) государства и не имевших своих каганов. В тюркское время титул (должность) эльтебера был выше титула (должности) иркина. Титул иркин известен также у киданей, у которых он сохранялся до X в. Очевидно, можно попытаться также отождествить должность тудоудэн с должностью тюркского тутука — наместника, управлявшего подчиненными народами, собиравшего с них налоги в пользу кагана. Термин «мофу» встречается как титул глав мохэских племен, создавших в VIII в. государство Бохай. В форме «мохэфу» он употреблялся как титул главы киданьских племен. Этот титул так или иначе исследователи возводят к тюркскому титулу «бек» [359, с. 430], который, в свою очередь, иранского происхождения. Во всяком случае, очевидна соотнесенность титулов (должностей) в государственном аппарате жуаньжуаней с таковыми у тюрок (последними они могли быть как раз заимствованы у жуаньжуаней) и народов Маньчжурии.

Мы уже упоминали о том, что, по ранним сведениям, жуаньжуани не знали письма и вели счет с помощью овечьего помета. Однако позже, по данным «Сун шу», «они постепенно познакомились с письменностью, и в настоящее время среди них много ученых» [220, цз. 95, с. 50б]. В последние десятилетия жуаньжуаньского государства, во всяком случае у Анагуя, имелся секретариат, была введена должность началь-

ника секретариата (мишуцзянь), которую, правда, занимал китаец. Как мы уже говорили, остается загадкой, каким письмом пользовались жуаньжуани. Во внешнеполитической переписке, упоминаемой в источниках многократно, очевидно, китайским.

Жуаньжуани строили свои отношения с государствами Северного Китая в рамках традиционной китайской дипломатии. Шэлунь на рубеже IV–V вв. заключил с Яо Сином, правителем недолго существовавшего государства Хоу Цинь, хэцинь — договор о мире, основанном на родстве. В отношениях с могущественной династией Северная Вэй государство жуаньжуаней считалось вначале «вассалом» (чэнь), в 506 г. имело статус «фань ли» — «вассального государства», а с ослаблением Вэй этот статус был сменен на «линь ди кан ли», т. е. тоже на известный из истории традиционной китайской дипломатии статус «ди го» — «соперничающих равных государств». При статусе «фань ли» жуаньжуани не раз строили свои отношения с государством Северная Вэй и другими китайскими государствами на основе «договоров, основанных на мире и родстве».

Мы ничего по существу не знаем о праве жуаньжуаней, помимо сказанного выше о наказании воинов. Можно лишь предполагать, что у них в качестве наказания за антигосударственные преступления применялась общесемейная ответственность. Каган Доулунь, обвинив своего сановника Шилохоу в мятеже, не только казнил его самого, но и уничтожил три поколения в его семье.

Наконец, жуаньжуани были знакомы с буддизмом. В 511 г. их каган Чоуну прислал к китайскому двору шрамана Хун Сюаня, который поднес от его имени украшенную жемчугом статую Будды.

Полтора столетия с лишним господствовал Жуаньжуаньский каганат в Центральной Азии. Сведений о нем (я не имею в виду сведения о политических взаимоотношениях жуаньжуаней и их войнах с китайским государством) осталось крайне мало. Однако и этих сведений достаточно для того, чтобы утверждать, что Жуаньжуаньский каганат занимает прочное место в цепи государств народов Центральной Азии, в становлении системы центральноазиатской кочевой государственности. Если отождествление жуаньжуаней с аварами (обрами) верно, то именно у жуаньжуаней заимствовала Европа стремена и сабли [145, с. 47]. С. А. Плетнева в соответствии со своей концепцией трех стадий кочевания относит государство жуаньжуаней ко второй стадии, когда были «союзы орд» — зародыши будущих государств, «объединения государственного типа» [145, с. 40].

ТИБЕТ

Тибетское государство возникло в начале VII в. По преданиям, первый тибетский легендарный государь (цанпо) был сыном небесного божества (лха) и спустился с неба на землю по священной горе-лестнице. Титул государя свидетельствовал о его связи с божеством цан, которое в отличие от лха, принадлежавшего к небесной сфере, относилось к промежуточной сфере и жило среди людей.

Из страны божества Лха,
Семи сфер голубого Неба,
Пришел сын Лха, защитник людей.
Справедливыми законами и его великим разумом
Были объединены все мелкие правители [309, с. 237].

Первая тибетская династия получила наименование Ярлунгской. Первоначально Тибет состоял из трех областей — Ньянгпо, Конгпо и Дагпо (или Пово), затем к ним была присоединена область Ярлунг, центральные земли будущей династии. Природа Ярлунга, Ньянгпо, Конгпо и Пово (Дагпо) дает возможность составить наиболее ясное представление о древнем Тибете [309, с. 271]. Здесь находились горы, по которым основатель династии Ньятри-цанпо, как по лестнице, спустился с неба на землю. Объединенные племена центра подчинили себе окружавшие их племена шудпу, цзепон, балнон и нанам, которые были включены в состав (в войска) центра и положили начало знатным фамилиям Тибета. Известный тибетолог Д. Туччи считал, что власть первых цанпо была ограничена контролем за племенами и соблюдением обычаев [351, с. 197]. По преданиям, цанпо обучили людей обрабатывать землю и орошать поля, добывать металлы, заготовлять на зиму сено для скота, ввели в употребление меры для зерна [24, с. 24, 25].

В Тибете VII–X вв. пахотные земли делились на государственные (джешинг), земли цанпо, которые он раздавал в качестве жалованья за службу (кхольюл), и земли семей, возглавлявших некоторые тибетские кланы (сид, срид). Государевы земли учитывались в особых списках, в которых «фиксировались размеры участков, владельцы их и размеры налогов и сборов» [24, с. 78].

Кланы (пхуну) в VII–X вв. объединяли потомков одного предка по мужской линии [344, с. 255–256]. Клановая верхушка являлась владельцем клановых (в прошлом родовых) земель (сид); это были «частновладельческие земли, представляющие собою родовую собственность аристократических семей — потомков родовой верхушки данного племени, рода» [24, с. 87]. Главными были кланы Мьян, Дбай, Мнон, Чейпон [344, с. 267], или, в иной передаче, Дбай, Чогро, Судпу и Бро [357, с. 544]. Из членов кланов, тесно связанных с кланом цанпо свойством, назначались высшие сановники государства. Это были куджял — «придворные», лица, служившие при дворе цанпо, лонпо — «министры» и жанлон — «советники»; «советники» принадлежали к клану государынь [344, с. 61], «жан» («шан» в китайской передаче) означало «дядя по матери».

Тибетское общество делилось на аристократию (джялриг) и простолюдинов, народ (ман). «Народ», точнее «неаристократы», в свою очередь, состоял из людей лично свободных (банг) и лично несвободных (бран). Лично несвободные люди нередко жаловались государем вместе с землей высшим сановникам. Лично свободные люди обрабатывали землю государя и платили цанпо налог (кхраль). Каждый банг, владелец участка земли, получал красную бирку (кхраммар), на которой было записано количество налога зерном, причитавшегося с него. С середины VIII в. налоговые списки, как и в Китае, стали составлять на бумаге [323, с. 517–522; 343, с. 166–167]. Помимо фиксированного поземельного налога банг облагались поборами, их привлекали к трудовой повинности.

Бран были чаще всего из числа военнопленных, они являлись не только земледельцами, но и ремесленниками, слугами и т. п. Это были «те непосредственные производители, которые обрабатывали земли или пасли скот своих владельцев, находились в личной зависимости от них и эксплуатировались ими» [24, с. 119]. Состояние бран безусловно было формой рабства (см.: [149]).

Собственно административный аппарат древнего тибетского государства во многом реконструирован учеными на материалах тибетских хроник и документов, обнаруженных в Дуньхуане и Турфане [275].

Государь (император, король) Тибета носил титул «пхрул-ги лха цанпо», что значит «воплощенное божество», «могущественный», «божество, наделенное магической силой» [357, с. 544]. Резиденция государя именовалась «пхо бранг» или «лха срай-ки пхо бранг» (резиденция сына богов). Государь имел сезонные летние и зимние резиденции и менял место пребывания неоднократно в течение года. Советники (лонпо), о которых говорилось выше, были его министрами, помощниками

в делах управления. Они созывались на совещания, советы, на которых обсуждались и решались дела государства. Главный министр именовался лонче, его помощниками были лон ченпо («великие министры»), ниже стояли пхал (пхра, «простые министры»). В число министров входили магпон ченпо — командующий армией, нанлон — министр внутренних земель Тибета и пхилон — министр, управлявший внешними (завоеванными) землями. В последние десятилетия существования империи с упрочением буддизма в правительстве появился банде ченпо (министр — великий монах) [342, с. 6–7].

При особе государя для его нужд имелись придворные чиновники (нампхи). Указы государя до всеобщего сведения доводил чиновник, именовавшийся пхринлон, судебные дела решал жал цепа [342, с. 7]. Китайские сведения, возможно, содержат намек на существование кабинета министров, состоявшего из девяти старших министров [342, с. 9].

Описание военно-административной организации тибетского государства VII–X вв. в общих чертах сохранилось в «военном каталоге» в сочинении «Катан дена» конца XIV в. По данным этого источника, территория Тибета была разделена на четыре ру (рога, крыла, знамени, части). В каждом «роге» было по восемь «округов-тысяч» (танде), по одному малому «округу-тысяче» (стон бучхун) и по одному «округу-тысяче» императорской гвардии (ку рун-ги тонде). «Рог» делился также на верхнюю и нижнюю части, верхнюю возглавлял командующий армией (магпон), а нижнюю — «правитель рога» (рупон). У каждого из них было по одному помощнику (заместителю) [258, с. 36]. Первоначально Тибет делился на три «рога» — левый, средний (центр) и правый. Поскольку левый «рог» был восточным [309, с. 281, 334, 339–340], то такое деление явно повторяло деление ранних государств Центральной Азии. Государь Тибета размещался в центре, восседая лицом к югу. «Три рога», т. е. деление на центр, левое и правое крыло, существовали, судя по документам, в 684–719 гг.; левый «рог» Гьёру известен с 690 г.; средний — Буру — с 684 г., правый — Гяйру, вместе с левым и центром, — с 712 г. С 733 г. известны четыре «рога». Совокупно «рога» охватывали территорию двух основных традиционных районов Тибета — Цзан и Уй. «Рога» были единицами как военными, так и административными, прежде всего финансовой администрации. Дела «рога» решались на советах. Дунма — советы как центральные, так и региональные — созывались два–четыре раза в году в разных местах.

С началом успешных завоевательных походов тибетцев их власть на востоке распространилась на районы Аша Сунпа, на севере — на Восточный Туркестан (Западный край). С конца VII до середины IX в. для управления завоеванными территориями были созданы генерал-

губернаторства (кхром). В собственно Тибете, центре страны, кхром не было. После завоеваний появилось деление территории Тибета на «юл ченпой буй» («центр великой страны») и «со кхам-кий кхром» («военные генерал-губернаторства для защиты пограничных земель») [354, с. 314]. Известны кхром Куку-Нора, располагавшийся в верховьях р. Хуанхэ, и кхром Гильгита.

Крупные ру и кхром делились на единицы, организованные по военно-административной десятеричной системе — десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч. Основной единицей была тысяча. Такое деление связано с тем, что население, таким образом разверстанное, помимо повинностей экономических, вероятно, должно было в первую очередь нести «повинность кровью», т. е. поставлять воинов в армию. Военнообязанные мужчины по-тибетски образно именовались «свирепыми» (ргол). В тибетских документах, как и в документах всех центральноазиатских государств, нет ясных сведений о том, относился ли термин «тысяча» к численности всего населения или же к числу солдат, которое обязан был выставить на службу данный «округ-тысяча» [355, с. 545].

Тысячей управлял тысячник (тонпон), наряду с ним из аппарата управления тысячи известен сборщик налогов (кхабсо). Сохранились сведения о десятке и десятнике (лнгабон), полусотнике, главе 50 семей или солдат (бргьеурдже), сотне (чан), полутысячнике (тончхун), десятитысячнике (темнике — кхрипон). Венгерский тибетолог Геза Ураи, много лет исследовавший тибетские документы в целях реконструкции социальной и административной структуры древнего тибетского общества и государства, считал, что десятники, полусотники, сотники, полутысячники, тысячники были администраторами, гражданскими чиновниками, а не только военными [355, с. 546].

В армии также была принята десятеричная система разделения воинов на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (возможно, что десятки тысяч, тьмы, имелись прежде всего в армии). В отрядах солдаты были разделены на пары: один солдат назывался пхон (смысл слова неясен), второй — дгон (стрелок из лука) [356, с. 223–230].

Внешним кхром управлял генерал-губернатор (магпон) — чин, который Г. Ураи приравнивает к китайскому цзедуши (генерал-губернатор). В администрации кхром известны должности инспектора (спьян), правителя округа (цердже, от китайского цыши), «советника» правителя округа (лон). По заключению Г. Ураи, правитель города также именовался лон, правители городов имелись в городах-оазисах района озера Лобнор [354, с. 311]. Результаты исследований японского ученого Такеути Цугухито показывают, что население занятых тибетцами районов Западного края часто было двуязычным, владевшим родным

языком и тибетским, знало тибетскую письменность. И тибетский язык, и тибетская письменность продолжали использоваться даже после распада Великого Тибета[1]. «Бедствием, разрушившим династию (Э. Хаар), оказался буддизм. Династия обладала бонской харизмой. Постепенное введение буддизма, адаптация к нему старых верований тибетцев, процесс, в ходе которого должен был быть выработан новый „божественный" характер власти, привели к тому, что в какой-то период старые представления пошатнулись, а новые еще не утвердились. Произошло это в середине IX в. В ходе междоусобных войн в 877 г. были разрушены могилы цэнпо, лишившиеся сакральной защиты»[2].

Внешние связи государя Тибета нередко строились на отношениях родства. С императором танского Китая это были отношения дяди (жан — китайский император) и племянника (дбон, которым являлся цанпо Тибета). В свою очередь, в отношениях с Туюйхунь (Ажа) цанпо Тибета был дядей, а государь Туюйхунь — племянником. Государь Наньчжао считался младшим братом тибетского цанпо. Самым крупным договором Тибета с Китаем являлся договор 821–822 гг. Текст его сохранился не только по-китайски, но и на тибетском языке. По своему типу это был клятвенный договор.

[1] См.: *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература, 2005. С. 72.

[2] Там же. С. 74.

НАНЬЧЖАО

Американский историк Ч. Баккус писал о государстве Наньчжао (653–902) как о некоем «независимом политическом и культурном образовании, имевшем своей базой долину Дали современной провинции Юньнань» [276, с. 1]. В первые века нашей эры власть в этом регионе принадлежала клану Цзуань, этнически относившемуся, по мнению многих исследователей, к лоло (современные ицзу) [294, с. 117, 118]. В V в. Цзуань прочно утвердились как наследственные правители над северо-восточной частью современной Юньнани. Однако к 602 г. власть Цзуань в этом регионе была уничтожена китайцами, которые захватили в плен местного правителя Цзуань-вана и его семью. Это был разгром местной власти, а не овладение территорией, так как, отмечает Ч. Баккус, в источниках нет никаких свидетельств «административного присутствия Суй или обложения налогами» [276, с. 13] в этом регионе.

В VII в. в западной части Юньнани формируются «шесть чжао», шесть местных региональных образований, объединенных позже в государство Наньчжао. Сложным и до сих пор не решенным является вопрос об этнической принадлежности правящего дома Наньчжао и населения государства. «Наименование короля „чжао“ (и некоторые подобные имена, термины и т. п.), — пишет венгерская исследовательница Илдико Эчеди, — может свидетельствовать о тайской основе созданного южным (нань) племенем и пятью другими племенами Наньчжао, а этнокультурные различия у этого населения в то же время могут указывать на существование связей в некоторых иных географических и исторических направлениях, а именно с бирманской культурной средой южных соседей» [288, с. 165]. Заметим, что в современном тайском языке слово «чжао» означает «король», «принц». По китайским сведениям, правящий Дом Наньчжао происходил из «черных мань» (мань — общее наименование некитайского населения юга), население Наньчжао составляли как «черные», так и «белые» мань. Поскольку есть много оснований полагать «белых мань» предками народа южного Китая бай (миньцзя), а «черных мань» — предками ицзу, то население государства Наньчжао можно считать тибето-бирманским [76, с. 38].

Весомым доказательством принадлежности правящего клана к ицзу является сохранившаяся у ицзу и до наших дней практика первым слогом в имени делать последний слог имени отца (Шэнлопи — Пилогэ — Гэлофэнь — Фэньцзя и т. д.) [245, с. 45].

Судя по «Синь Тан шу», термин «чжао», которым позже титуловался государь Наньчжао, первоначально означал «правителя», «предводителя» (цюйшуай) и, очевидно, ту этнотерриториальную группу, которой он управлял. Таких чжао было шесть [218, с. 1601]. Они сложились вокруг оз. Эрхай в районе между верхним течением рр. Меконг и Янцзы. Этими чжао были Мэнсуй, Юеси, Ланцюн, Дэнтань, Шилан, Мэншэ (прочие варианты их китайских наименований по «Синь Тан шу» см.: [276, с. 54]). Поскольку чжао Мэншэ было самым южным, оно именовалось «южное чжао», по-китайски «нань чжао», что и дало наименование всему государству.

Генеалогия правителей Наньчжао начинается с Шэлуна, который правил до 653 г. Однако лишь шестому государю — Пилогэ (правил в 728–748 гг.) удалось уничтожить власть правителей прочих пяти чжао. По легенде, под предлогом совета с ними Пилогэ собрал их в столице, пригласил на пир в башню, специально выстроенную из легковоспламеняющихся материалов, и сжег их там. Независимо от достоверности легенды именно Пилогэ около 739 г. установил полный контроль центральной власти над всеми шестью чжао. В 739 г. Пилогэ перенес столицу государства в Тайхачэн (южнее современного г. Дали). Сын Пилогэ Гэлофэнь (748–779) покорил юго-западную часть современной пров. Юньнань и установил свою власть над королевством Пью в Верхней Бирме. В 765 г. под власть Наньчжао попали и владения клана Цзуань.

Ван Наньчжао восседал на троне, оборотясь лицом на восток. Он именовал себя словом, которое звучало по-китайски как «юань» и значило «мы, император». Когда ван выходил, впереди несли восемь знамен. Своих подданных он называл «чан», что схоже с китайским «ты». Сановники и чиновники в разговоре с государем и в письмах к нему называли себя «чэнь» («я, Ваш подданный», «Ваш раб») [218, с. 1701]. Вана охраняла гвардия (юйи), которая, видимо, подразделялась на восемь отрядов, ибо ею командовали восемь юйичжанов. Юйичжаны назначались из сыновей и младших братьев цинпингуаней (о них мы расскажем ниже). На аудиенциях они окружали государя слева и справа и были вооружены, хотя их отцы и старшие братья — цинпингуани — не имели права являться к государю с оружием. Один из наньчжаоских государей встречал китайского посла в золотых доспехах и тигровой шкуре, его сопровождало 12 больших слонов и охраняла тысяча копьеносцев.

Различные китайские источники по-разному интерпретируют национальные титулы наньчжаоских ванов. Это и посмертные титулы, обычные для китайских государей: Синуло (653–674) — Гаоцзу, Лошэн (674–712) — Шицзу, Шэнлопи — Тай-цзун. До государя Фэнъю (823–859) правители Наньчжао и внутри страны титуловались ванами. Начиная с Шилуна (859–877) государи Наньчжао титулуются императорами «и» (ди — в китайской передаче) [276, с. 58]. Мать вана Наньчжао носила титул «синьма», или «цзюма» (смысл слова неясен), его супруга-государыня — титул «цзинъу» (смысл также неясен). Когда выходила мать вана, впереди нее также несли восемь знамен.

Центральный аппарат управления страны составляли три визиря (премьер-министра, цзайсяна), которые именовались «чистыми и правильными чиновниками» (кит. цинпингуань). «Чистые и правильные чиновники», которые на языке Наньчжао назывались «таньчжао», «бусе» и «цзоцзань», составляли совет при государе и «решали простые и сложные государственные дела» [218, с. 1701]. Число «чистых и правильных чиновников» [218, с. 1701] временами было больше трех и достигало семи-восьми. Кроме «чистых и правильных чиновников», которые вероятно, олицетворяли прежде всего гражданские начала администрации, имелось 12 командующих войсками (генералов — да цзянцзюнь). По табели о рангах командующие войсками были равны «чистым и правильным чиновникам». Они вместе с ними участвовали в работе Государственного совета, который обсуждал государственные дела в резиденции вана (ван со). Должности «чистых и правильных чиновников» и командующих войсками были взаимозаменяемы и совместимы. Командующий войсками, командированный из ставки государя командовать армией в провинцию, именовался китайским титулом «цзеду» (генерал-губернатор) и одновременно мог иметь звание «чистого и правильного чиновника». Предполагалось, что из 12 командующих армиями шесть должны находиться при дворе, а шесть — в провинции. Кроме «чистых и правильных чиновников» и командующих армиями в высшую администрацию входили еще чиновники нэйсуаньгуань («чиновник внутренних расчетов»), который обладал высоким правом отдавать распоряжения вместо государя в его отсутствие, и вайсуаньгуань («чиновник внешних расчетов»). «Чиновников внешних расчетов» было два, практически это были главные секретари двора, ибо они отвечали за делопроизводство в ставке государя и передачу документов «шести министерствам» (цао). Позже министерств стало девять. Имелись еще «чиновники на испытании» (кит. шигуань) — высшие чиновники, именовавшиеся на местном языке «цюван», «чжэнцюван», «юаньвайцюван» и «юаньвай». То, что это были высшие чинов-

ники, хотя и на испытании, ясно из того, что из их числа, так же как из числа «чистых и правильных чиновников» и командующих войсками, назначались шуаны — министры. По данным «Наньчжао ши», три «чистых и правильных чиновника» — таньчжо, бусе и цзоцзань — вместе с цюван, чжэн-цюван, юаньвайцюван, юаньван и командующими войсками составляли высший эшелон администрации Наньчжао, которая в китайском переводе именовалась «ба го ши» («ведающие делами государства, советники государя») [336, с. 15].

«Шесть министерств» Наньчжао копировали танские «лю бу» и являлись центральными учреждениями, ведавшими войсками, учетом населения, обрядами, уголовными наказаниями, штатом чинов, общественными работами. Позже, при государе Имоусюнь (779–808), были добавлены министерства торговли, «гостей» (очевидно, приема иноземных послов, внешних сношений), финансов (богатств). Как видим, функции китайского ху бу — министерства, ведавшего учетом населения (налогоплательщиков) и финансами в Наньчжао, были поделены. На языке Наньчжао министерства именовались «шуан», китайцы — современники Наньчжао полагали, что это слово схоже с китайским «шэн» (управление). В дополнение к девяти министерствам имелись еще три центральных ведомства, именовавшихся «то». Это были ци то, ведавшее лошадьми, лу то — быками и коровами, возможно, вообще крупным рогатым скотом, и цзюй то, управлявшее государственными складами. Руководители этих ведомств назначались из числа «чистых и правильных чиновников», командующих войсками и цюванов.

Налогообложением в государстве ведали три специальных чиновника — шуанцю, милэ и циньци. Они рассылали во все поселения («и») уведомления (книги — вэньшу), определявшие сроки уплаты налогов и их сумму. Особое управление — бинноусы — ведало «тайными делами».

О праве Наньчжао известно только то, что солдат, получивших раны в грудь, лечили, а солдат, раненных в спину, обезглавливали [218, с. 1701].

В Наньчжао имелись две столицы — города Янцзюйме (современный Дали) и Шаньчаньфу (современный Куньмин). Территория Наньчжао была поделена на цзянь и цзеду. Цзянь приравнивалась китайскими информаторами-современниками к китайскому округу (чжоу). Вначале в Наньчжао имелось 6 цзянь, затем их число было увеличено до 10. Цзянь создавались на окраинных территориях государства. В штате управителей цзянь-округов имелись чиновники тоцзо, исполнявшие обязанности судей [336, с. 16]. Цзеду — «генерал-губернаторств» — вначале также было 6, а затем 10.

Таким образом, если верить аналогиям, проводившимся китайскими информаторами, центральный аппарат Наньчжао состоял из шести, а затем девяти цао — министерств, которые были созданы по образцу танских лю бу. «Цао» — возможно, заимствованное из китайского слово: так в танском Китае именовались провинциальные ведомства. Административное деление Наньчжао (10 цзянь, равных округам-чжоу, и 10 цзеду — генерал-губернаторств) копировало основы государственного механизма танского Китая.

Население Наньчжао занималось земледелием, которое считалось почетным делом, ибо, как указывает источник, «и знатные и подлые — все пашут землю» [218, цз. 222а, с. 1701]. Налог взимался рисом, подушно, по 2 доу риса с человека. Единицей измерения земли признавался шуан, равный пяти китайским му. Старшие чиновники государственного аппарата Наньчжао получали по 40 шуан пахотной земли (около 12 га), дворы (семьи) высшей (шан) категории — по 13 шуан (около 4 га). Налог начислялся с земли. Таким образом, квота налога зависела от количества пахотной земли, которое было во владении семьи, и от чина ее главы или ее членов.

Население Наньчжао делилось на «знатных» и «подлых», а поскольку «подлые» по-китайски обозначены словом «цзянь», в их число должны были входить и рабы.

Жители поселений «и» организовывались по десятеричной системе: 100 семей возглавлял сотник (цзунцзо), 1000 семей — «чиновник, управляющий людьми» (жэньгуан), 10 тыс. семей возглавлял генерал-губернатор (дуду).

Все совершеннолетние мужчины считались воинами. В армию брали одного мужчину от трех семей [218, цз. 22а, с. 1704]. Те, кто имел коней, служили в кавалерии, у кого коней не было, — в пехоте. Солдаты ежегодно получали от государства кожаную рубаху и штаны. Имелись четыре армии, размещавшиеся на разных расстояниях от столиц. Каждая армия имела знамя своего цвета. Эти четыре армии рекрутировались из сельской местности. Солдаты Наньчжао на голове носили кожаные шлемы, доспехи тоже шились из кожи, для сотников — из кожи носорога. Щиты делались из меди. Украшали доспехи кошачьими и бычьими хвостами. Солдаты ходили и воевали без обуви, босиком. Каждый брал в поход 1 доу, 4–5 шэн зерна. Основной воинской единицей была сотня, армейский сотник, в отличие от главы ста семей, именовался лоцзюйцзы. Кроме сотни источник называет еще два подразделения, численность которых неясна. Это мэй и ми, 16 мэй образовывали 1 ми. 2500 солдат составляли лагерь — ин. Солдат за заслуги награждали шкурами тигров и парчой. Кроме обычной армии

имелась гвардия — чжуну цецзюй, или цецзюй. «Цецзюй» означало «кожаный пояс» [218, цз. 222а, с. 1701].

В сношениях с Тибетом и танским Китаем Наньчжао выступало как самостоятельное государство. В 751 г. посольство из Наньчжао прибыло в Лхасу. Взаимные статусы Тибета и Наньчжао были определены в рамках традиционных дальневосточных норм — как «отношения братских государств», «государств-братьев», хотя, как мы уже отмечали выше, здесь подразумевались отношения старшего и младшего братьев, т. е. скрытое неравенство статусов. Примечательно, что в данном случае практика фиксации статусов государей в терминах родства, принятая Китаем, была возведена в норму международных отношений и между некитайскими государствами. Государь Наньчжао получал титул «младшего брата цанпо». В плане раздела влияний в сопредельных территориях тибетский цанпо признал за государем Наньчжао титул «восточного императора», себя считая «императором западным», и как старший брат дал младшему свидетельство на титул и золотую печать, где этот титул был обозначен. Договор был оформлен как клятвенный, стороны клялись в верности договору горами и реками [276, с. 71]. Примерно через 30 лет после разгрома китайцами тибетской и наньчжаоской армий, вторгшихся в Сычуань, государь Наньчжао Имоусюнь (779–808) получил от тибетского цанпо новый титул — «ван, правящий на востоке, где восходит солнце». По крайней мере, в китайской передаче смена титулов «восточного императора» (ди) на «восточного вана» была определенным «понижением».

Как известно, китайская сторона никогда не признавала за государями соседних самостоятельных государств титулов ди (император), за исключением ситуаций, для Китая экстремальных. Титул ван (князь, удельный князь по отношению к правителю центра, китайскому хуанди) был обычным, если он не подменялся титулом туземным (шаньюй, каган, цанпо). В отношениях с Тан государь Наньчжао титуловался китайской стороной ваном, например: Тайдэн-цзюньван — Шэнлопи (712–728) (титул цзюньван был более низким, чем просто ван), Юньнань-ван — Пилогэ (728–748) и т. д. Начиная с Имоусюня, сыновей и братьев которого пленный китаец ознакомил с учением Конфуция [218, цз. 222а, с. 1702], и до второй половины IX в. все государи Наньчжао во взаимоотношениях с Китаем титуловались Наньчжао-ванами.

Наньчжао не раз вело успешные войны с Тан в Сычуани и на территориях современных китайских провинций Гуанси и Гуандун, вторгалось на территорию Вьетнама (весной 863 г. войска Наньчжао взяли Ханой). В 878 г. посольство от государя Наньчжао предложило танскому двору заключить договор «о мире и родстве» (хэцинь) и настаивало на том,

чтобы государь Наньчжао именовался в переписке дворов «младшим братом». Танский двор не дал определенного ответа на эти требования. Дело тянулось до 880 г., когда Китай охватило восстание под руководством Хуан Чао и Ван Сяньчжи. Китайские власти спешно информировали государя Наньчжао, что пришлют ему в жены принцессу и примут во внимание его нежелание именоваться в сношениях с Тан вассалом (чэнь). Однако эти обещания не были выполнены. Одновременно с упадком и гибелью Тан (907 г.) в Наньчжао лишилась престола династия Мэн (902 г.). Узурпатор Чжань Майсы основал новую династию и переименовал государство в Дачжанхэ. Междоусобицы и борьба за власть привели к тому, что Дуань Сыши из «белых мань» узурпировал трон и назвал свое государство Дали (937–1253). Оно было уничтожено монголами в 1253 г. Его население относилось к тем же этносам, что и население Наньчжао, и, по мнению специалистов, его «институты, экономика и культура также, кажется, в основе своей были теми же» [276, с. 161], что и в Наньчжао. Сведения о государстве Дали скудны и не дают возможности проследить какие-либо изменения в его государственном устройстве, хотя таковые, возможно, и имели место.

БОХАЙ

После падения Фуюй продолжала совершенствоваться государственность тунгусо-маньчжурских народов территории Маньчжурии. Свод переводов известий о Бохае из китайских и корейских источников можно найти в труде Иоганнеса Реккеля «Бохай. История и культура маньчжурско-корейского королевства времен Тан»[1]. Государство Бохай было создано сумо (сунгарийскими) мохэ. До этого в VI в. мохэ жили оседло, сеяли в основном просо. Главными видами разводимого мохэ скота были лошади и свиньи.

Мохэ делились на семь бу, или чжун: лимо, боду, аньчэгу, фуне, ши, хэйшуй и байшуй. Каждое бу имело войска численностью от 3 до 7 тыс. Как именовался глава бу в VI в., неизвестно. Бу делились на ило (селения), во главе каждого ило стоял староста — цючжан. «Суй шу» дает противоречивую информацию об объединении мохэ. С одной стороны, говорится, что мохэ «не были объединены друг с другом», а с другой — что «семь бу мохэ имели общего главу цзюйшуай». Очевидно, мохэ быстро сплачивались и усиливались, так как источник именует их «сильным государством» среди прочих восточных иноземцев. Глава семи бу мохэ носил титул «великий (да) мофуманьду» [219, цз. 81, с. 5б–6а].

В VII–VIII вв. китайские источники сообщают о хэйшуйских мохэ, одном из семи мохэских бу, живших между тюрками и морем и между Китаем и шивэй. Как полагает Э. В. Шавкунов, «центр расселения мохэских племен в IV–VII вв. приходился на бассейн Сунгари, Уссури, нижнего Амура и их притоков» [175, с. 30], или бассейн Сунгари, среднего и нижнего Амура, по определению Е. И. Деревянко [59, с. 169].

К этому времени китайские авторы подразделяют мохэ не на 7 бу, а на 16 було (хотя речь может идти не о було всех мохэ, а лишь о було мохэ чернореченских — хэйшуй). Глава мохэ титуловался «великим мофу» (да мофу), его власть и титул были наследственными, т. е. существовал правящий дом. О законах мохэ китайцы сообщают лишь то, что

[1] *Reckel J.* Bohai. Geschichte und Kultur eines madschurisch-koreischen Königsreiches der Tang Zeit // Actas Mannjurica 5. Wiesbaden, 1995.

муж, узнав об измене жены, убивал ее, он мог убить и того, кто изобличил его жену в неверности [218, цз. 219, с. 1672]. Китайцы, хотя и именовали владение мохэ «сильным государством», приравнивали его к своему округу (чжоу). В 629 г. они именовали тот округ, за которым, по их мнению, располагались земли мохэ, Яньчжоу, а в 722 г. — Боличжоу. Правителю мохэ жаловали титул цыши (правитель округа). Е. И. Деревянко отмечает наличие у мохэ в предбохайскую эпоху эксплуатации родовых общинников общинной верхушкой и родовой знатью и существование ранних форм рабовладения [59, с. 173].

Видимо, можно отметить два момента: безусловно неравномерный и потому неравный уровень социального развития разных составных частей того этноса, который совокупно именовался мохэ, и то, что у наиболее социально развитых групп мохэ он достиг уровня классообразования и создания потенциальной возможности возникновения государства. Особенно высок был уровень социального развития сунгарийских (сумо) мохэ, которые жили в городах и селениях. В верховьях Сунгари и к северу от гор Чанбайшань складывался политический центр будущего государства. В 696–697 гг. некий шэли Циси Чжунсян с мохэским старейшиной Циси Биюй и корейцами бежал к горам Чанбайшань. Японский исследователь Вада Сэй полагает, что правящий род Бохая пришел не с севера, а с юга, из корейского государства Когурё [181, с. 131–132]. Во второй половине VII в. танский Китай уничтожил два корейских государства — Пэкче (660 г.) и Когурё (668 г.). Союзником Китая в этих войнах было третье корейское государство — Силла. Оба мохэских старейшины получили от танского Китая титулы князей второй степени: Циси Биюй — титул Сюйго-гуна, а Циси Чжунсян — титул Чжэньго-гуна. Правление двух гунов было недолгим. Биюй погиб в войне с китайцами, а Чжунсян умер. Власть перешла к сыну Чжунсяна — Цзожуну. И Цзожун, и его отец принадлежали к правящему клану мохэ Да. В 698 г. Да Цзожун «создал государство», которое назвал Чжэнь, а себя титуловал ваном этого государства [218, цз. 219, с. 1672].

Основанное Да Цзожуном государство, с 712 г. переименованное в Бохай, просуществовало с 698 до 926 г. и было уничтожено киданями. Сын Да Цзожуна Да Ци ввел по примеру китайских императоров девизы царствования, первым из которых был Жэнь-ань (720–737). Государи Бохая имели титул, который на языке бохайцев (а население Бохая консолидировалось в народность, в X в. кидани воспринимали его как единую бохайскую народность) звучал как «кэдуфуцзися», что значило «священномудрый государь». Напрашивается желание видеть в названии этого титула тюркское «кутлуг» (кэдуфу), «бильгя» (цзися), только

видоизмененное мохэским произношением. В китайской интерпретации члены семьи государя именовались: покойный ван, отец государя, — «старым», «почтенным ваном» (лао ван), мать вана — государыней (тайцзи), жена государя — «супругой государя» (гуй цзи), старший сын — «наследником» (фу ваном), все прочие сыновья — «принцами», «сыновьями вана» (ван цзы). В сохранившейся до наших дней надгробной надписи на памятнике бохайской принцессы Чжэнь Хуэй (умерла в 777 г.) ее отец, ван Бохая, именуется «священномудрым» (шэн) и «императором» (хуан) [105, с. 229].

Центральные административные органы Бохая создавались по китайскому образцу. В основу высшей администрации были положены три шэн (управления) и шесть бу (министерств). Три шэн (от «шэн» — «надзирать», «инспектировать») именовались в китайской передаче сюаньчжаошэн (управление опубликования государевых указов), чжунтайшэн (государственный департамент, равнозначный высшему административному органу Тан, — шаншушэн) и чжэнтайшэн (ведомство управления государством, видоизменение китайского чжэншитан — «великого зала управления»). Каждый шэн возглавлялся сяном (президентом). Во главе сюаньчжаошэна стоял левый сян (цзо сян), во главе чжунтайшэна — правый сян (ю сян), чжэнтайшэн возглавлял сян центра, сян «великого внутреннего» (данэйсян). Сян центра считался по своему положению выше левого и правого сянов.

Министерства (бу) делились на левые и правые. Левые бу состояли из шести сы (условно — бюро, палата, приказ) [345, с. 1001] и включали:

1) чжунжэньбу — министерство верности, гуманности и справедливости. Оно не имеет прямых аналогов в администрации Тан, но, возможно, это было министерство, ведавшее штатом чинов бохайской администрации;

2) чжисыцзиданшаньбу — министерство финансов, складов и поставки продуктов для совершения жертвоприношений. Прямых аналогов в танской администрации оно также не имеет и, очевидно, выполняло функции, близкие к функциям министерства финансов.

Правые бу также состояли из шести сы:

3) чжилисиньбу — являлось министерством церемониалов, схожим с танским ли бу;

4) чжишижунцзишуйбу — можно понимать как министерство вооруженных сил и планирования ирригационных работ; этот орган выполнял функции танских цзюнь бу и гун бу.

Как мы видим, министерств было четыре, а не шесть, неясно, были ли цзо лю сы («левые шесть бюро») и ю лю сы («правые шесть бюро») самостоятельными бюро или это лишь общие наименования двух левых

и двух правых бу. Четыре бохайских министерства (бу) выполняли функции, которые в Тан были возложены на шесть министерств. Во всяком случае, мы находим аналоги функции бохайских министерств в названиях пяти танских министерств из шести: ли — чиновников, кадров, ху — финансов, ли — церемониала, цзюнь — армии, гун — общественных работ. Не хватает только министерства уголовных наказаний — син. Совершенно очевидно, что функции верховного суда и органа юстиции исполнял чжунчжэнтай — цензорат, который в Бохае в число бу, очевидно, не входил. Это прямой аналог танскому цензорату юйшитай, органу контроля, в том числе и судебных решений местной администрации.

Помимо бу в центральной администрации Бохая имелись органы управления, именовавшиеся сы (бюро, палата, приказ). Это были: дяньчжунсы — Палаты управления внутренними дворцовыми делами (министерство двора бохайского государя), цзуншусы — палата управления родословной государя, видимо, управляла делами родни государя, биньданунсы — палата управления сельским хозяйством, сыцзансышансы — палата управления складами (?). Одно административное учреждение разряда сы именовалось по-китайски тайчансы (палата императорских жертвоприношений), но слово «сы» в данном случае было другим. Имелось и учреждение вэньцзиюань — ведомство учета населения, составления его списков. Государственное училище именовалось вэйцзыцзянь (кит. гоцзыцзянь). При дворе существовала сянбоцзюй — специальная контора по управлению евнухами. Таким образом, центральные органы управления Бохая с известными модификациями копировали китайскую систему администрации и соответственно представляли собой высокоорганизованный и развитый аппарат.

Войсками Бохая командовали восемь главнокомандующих (генералов — дацзянцзюнь). Термин «генерал» в китайских источниках («большой генерал» — дацзянцзюнь, просто генерал — цзянцзюнь) обычно заменяет местные наименования командующих войсками, делая для нас неизвестными их туземные названия. Что же касается наименования бохайских генералов, то источник дает и их туземные названия: они звались «левый свирепый», «правый свирепый», «страж — гималайский медведь», «страж — бурый медведь», «южный левый страж», «южный правый страж», «северный левый страж» и «северный правый страж».

Должности и титулы бохайских чиновников распределялись по девяти разрядам рангов, как это было и в Китае. Только разряд ранга вместо «пинь» именовался «чжи». Чиновники 1–3-го разрядов рангов носили фиолетовое платье, имели при себе «яху», или «ху», — костяную табличку, символизировавшую готовность чиновника записать на ней

распоряжение императора или вышестоящего чиновника, и золотую верительную бирку-пайцзу в форме рыбки. Чиновники 4–5-го разрядов рангов носили платье малинового цвета, имели «ху» и верительную бирку-рыбку из серебра, чиновники 6–7-го разрядов рангов — светло-малиновое платье, «ху» из дерева, а не из кости и не имели верительной бирки-пайцзы. Чиновники 8–9-го разрядов рангов носили платье зеленого цвета, у них были деревянные «ху», верительной бирки они не имели.

Местная администрация Бохая состояла из 62 округов (чжоу) и 15 областей особого управления (департаментов — фу). Почти вся местная администрация замыкалась на пяти столицах. Бохайцы заимствовали принцип рассредоточения власти по пяти столицам от корейского государства Когурё. В основе этого принципа, по нашему мнению, лежало представление о суше как квадратной платформе, у которой было четыре угла и центр. Практически же необходимость появления пяти столиц была связана с этнической неоднородностью государства. Население Бохая включало мохэ, которые, хотя и являлись этносом — опорой государства, тоже, видимо, не были этнически однородны, корейцев, а также иные этнические группы населения современной восточной Маньчжурии и Приморья. Идея пяти столиц могла быть и не корейской, так как она известна и в танском Китае [181, с. 135]. Верхняя столица Лунцюаньфу находилась у современного г. Дуньхуа, на правом берегу верхнего течения р. Муданьцзян, на древних землях народа сушэнь. Средняя столица г. Сяньдэфу располагалась к югу от верхней, также в окрестностях г. Дуньхуа. Она являлась центром и местом расселения мохэского этноса (точное расположение этих столиц см.: [181, с. 132–133]). Восточная столица Лунъюаньфу находилась на древних землях народа вэймо (корейское «емек») у современного г. Ханьчунь (Байлачэнцзы). Южная столица — Наньхай располагалась на древних землях народа воцзюй, на территории современной Северной Кореи в области Хамгён, западная столица — Ялу — на территории бывшего корейского государства Коре (Гаоли) на берегу р. Ялуцзян, где в настоящее время располагается уезд Линьцзян. Пять столиц не охватывали управления всеми «древними землями». Часть бохайских фу (департаментов) находилась на «древних землях Фуюй» (к юго-западу от современного г. Нунань), департамент Динлифу и Дунши — на древних землях фуне, Телифу — на древних землях тели, Хуайюаньфу — на древних землях юеси.

Таким образом, нам кажется достаточно очевидным, что административное деление государства учитывало и этнический состав его населения. Китайские источники выделяют еще «пять дорог» (дао), но их,

видимо, и следует понимать как дороги, пути, тракты, а не как территориально-административные единицы. От верхней столицы Лунцюань вела «главная дорога» (бэнь дао) на восток к океану. От Южной столицы шла «дорога» «Южное море» (Наньхай) в корейское государство Силла. С Западной столицей, очевидно, была связана «дорога подношений императорскому двору»; «дорога» Чанлининчжоу вела в Китай, в окружной центр г. Инчжоу. От г. Фуюй шла «дорога», так и именовавшаяся «Фуюй». Имелась «дорога к киданям» (цидань дао). Правители столиц и департаментов (фу) именовались дуду, правители округов — цыши, т. е. и в данном случае была принята система Тан. И. Реккель полагает, что население Бохая было смешанным и состояло из тунгусов мохэ и людей корейского государства Когурё. В период существования государства Бохай бытовало мнение, что «древнее Корё — сегодняшний Бохай», «Корея, которую сегодня называют Бохай». В японских текстах 758–778 гг. Бохай обозначался как Корё[1].

Известно, что Бохай был высококультурным государством Восточной Азии VIII–X вв. Формы его государственности развивались по китайским образцам, хотя нельзя не отметить стремление государей и государственных деятелей Бохая затушевать это сходство. Бохай относился к тому типу форм государственности, который развивался в Корее и в Японии под заметным китайским влиянием. Очевидно, в Бохае было значительным влияние корейского этноса, но полагать Бохай государством корейским, как это делают некоторые современные корейские историки, пока оснований нет. Бохай воспринял идею «пяти столиц» и практически реализовал ее как институт рассредоточения власти для управления многонациональным в нашем современном понимании государством. Этот институт позже не раз возобновлялся в истории Азии. За 200 лет существования государства Бохай основная масса его населения образовала единое этническое целое — бохайцев, этнос тунгусо-маньчжурский, который просуществовал до завоевания этого региона монголами.

[1] Там же. С. 467–468.

ТЮРКИ

В результате войны 551–555 гг. тюрки освободились из-под власти жуаньжуаней, у которых они, по преданию, были «рабами-кузнецами». Очевидно, надо согласиться с Л. Р. Кызласовым, что «подменять термином „древние тюрки", „древне-тюркская культура", „древнетюркское время" наименование всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки — это та этническая группа, которая сама себя называла народом тюрк („тюрк будун"), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования древнетюркских каганов в VI–VIII вв. — древнетюркским временем» [98, с. 42].

Тюрки быстро расширили границы своих владений. В 50–60-х годах VI в. они подчинили на западе Семиречье, Центральный Казахстан и Хорезм. Разгромив в союзе с Ираном эфталитов, тюрки с 567 г. установили свои границы с Ираном по Амударье. Несколько позже границы каганата расширились до Северного Кавказа и Причерноморья, тюрки установили контакты с Византией [163, с. 29]. По китайским источникам, с падением династии Суй в начале VII в. тюрки подчинили себе в Центральной Азии ту же огромную территорию, которой ранее владели и жуаньжуани, — от земель киданей на востоке до государств Восточного Туркестана на западе: «На востоке, начиная с киданей и шивэй, на западе — до пределов Туюйхунь и Гаочана все государства были зависимы от них» [239, цз. 194а, с. 1а]. По данным «Чжоу шу», при кагане Букан (Мугань, Мухань) «на востоке на запад от Ляохай (Корейский залив) и на западе до Сихай (Каспийское море) владения их (тюрков. — *Е. К.*) тянулись на 10 тыс. ли, с юга от Шамо (Гоби) к северу и на север до Бэйхай (Байкал) на 5–6 тыс. ли» [255, цз. 50, с. 2а]. Государства тюрков в Центральной Азии просуществовали почти 300 лет: Тюркский каганат — с 551 по 744 г., Уйгурский каганат — с 744 по 840 г. Сменивший Уйгурский каганат Киргизский был в X в. уничтожен киданями.

Правящий тюркский клан Ашина вел свое происхождение от волчицы. Государь тюрков носил титул «каган», который «был подобен древнему шаньюй» [255, цз. 50, с. 2а]. Жена кагана имела титул «катун»

(кэхэтунь), что значило «то же, что и древнее яньчжи» [255, цз. 50, с. 2а]. Неизвестно, кто так полагал, сами ли тюрки, информаторы китайцев, или китайцы, мысленному взору которых открывалась к тому времени уже многовековая история Центральной Азии, но действительно непонятно, кто увязывал традиции тюрок с гуннской традицией, делал их продолжателями гуннов. Известно, например, что, одержав верх над тюрками, танские власти в 30-х годах VII в. назначили двух представителей дома Ашина на гуннские должности. «Ашина Чжун получил должность цзосянь вана, а Ашина Нишу — должность юсянь вана» [239, цз. 194а, с. 7б]. В данном случае гуннские традиции явно насаждались китайцами. Когда в 696 г. каган Мочжо разбил киданей, императрица Ухоу пожаловала ему титул шаньюя — Тэцзинь цзедилиши да шаньюй [239, цз. 194а, с. 10а]. Таким образом, китайцы если не придумали сами, то поддерживали традицию сопоставления «гунны — тюрки».

Великие князья из клана кагана, его сыновья и братья имели титул «тэлэ».

В первой трети VI в. тюрки были вассалами жуаньжуаней и платили им дань железом из алтайских рудников и плавилен. В 534 г. во главе их стал Бумын, унаследовавший от отца титул «великий ябгу», т. е. «великий князь». В 545 г. Бумын получил признание от сяньбийского государства Западное Вэй. «Тюрки поздравляли друг друга и говорили: «Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!» В 546 г. тюркское посольство прибыло в Чанъань. Бумын нанес поражение жуаньжуаням. Одни жуаньжуани (авары) ушли на запад, часть бежала в Корею и западный Китай. В 551 г. Бумын был провозглашен каганом Тюркского эля, а в 552 г. получил в жены китайскую принцессу. Однако вскоре он умер[1].

Объединенные в 551 г. Бумын-каганом, тюрки в 581 г. разделились на восточных и западных. В 630 г. пал первый каганат, и восточные тюрки попали в зависимость от танского Китая. В 658 г. в зависимость от Китая попали и западные тюрки. Сильное тюркское государство в качестве Второго тюркского каганата возродилось в 691 г. и просуществовало до 744 г. Как отмечал еще В. В. Бартольд, в периоды подчинения Китаю «фактическими правителями в степи везде оставались прежние ханы и предводители, только теперь они считались китайскими губернаторами, получившими китайские чины» [9, с. 483].

По представлениям древних тюрков, средоточием тюркской государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган, точнее, правящая династия каганов. Тюркское государство «с самого

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 80–83.

начала находилось только под властью одной династии, но не одного лица» [8, с. 20].

Династия тюркских каганов была частью мироздания, видимого и осязаемого древними тюрками мира, естественной составляющей развития и бытования этого мира. В большой надписи в честь Кюль-тегина от 732 г. говорится:

Когда вверху голубое Небо (кок тэнгри),
[А] внизу бурая земля (джагыз джир)
возникли (или были сотворены),
между ними возникли (или были сотворены)
человеческие сыны (кысы оглы).
Над человеческими сынами мои предки
(предки Бильге-кагана. — *Е. К.*)
Бумын-каган [и] Истеми-каган
сели [на царство].
Сев [на царство], государство (илин)
и законы (тор) тюркского народа
Они поддерживали и устраивали [162, с. 15].

Итак, мир представлялся таким: вверху было голубое небо, внизу — бурая земля. «Устройство мира, — пишет С. Г. Кляшторный, — представлялось создателям рунических памятников простым: голубой свод неба прикрывает обитаемый мир, т. е. „бурую землю“, как «крыша»[1]. Между небом и землей — люди, «человеческие сыны». Над «человеческими сынами» — династия тюркских каганов, «поддерживающая и устраивающая» государство (илин, или эль) и законы (тор) тюркского народа, если не всех «человеческих сынов», то их лучшей и достойной части.

Тюркские каганы получили свое место в мироздании по воле Неба, они были «рождены Небом» (тэнгри дэ белмыш — «неборожденными») и одновременно были «подобны Небу» (тэнгри таг — «небоподобными»). Бильге-каган титулует себя «небоподобный, неборожденный тюркский мудрый каган» [115, с. 33]. Каган Мояньчжо (правил в 747–759 гг.) говорил о себе: «Я, рожденный Небом» [319, с. 343]. Правитель-каган получал помощь и содействие неба посредством команды, приказа Неба (ярлык), властью Неба (куч) и его мудростью (билиг) [210, с. 3].

Как и все народы Центральной Азии и Китая, тюрки чтили и понимали небо в двух ипостасях — небо в материальном смысле, как видимую небесную твердь, и Небо как верховное божество. Каганы, их

[1] *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 244.

династия, естественно, были порождены Небом-божеством. Небо порождало каганов, оно даровало им их основные качества — бильге (мудрость) и алп (храбрость), защищало их от врагов, обеспечивало им процветание, если они следовали его воле, и карало их, если они нарушали эту волю [334, с. 58]. Как установил известный японский историк Мори Масао, древние тюрки верили в то, что их каганы обладают «небесной харизмой» — особой силой и качествами, дарованными им небом. Эта небесная харизма именовалась по-древнетюркски «кут». По заключению Мори, термин этот отражен и в терминах «идикут» («тот, кому кут дарован небом»), кутлуг («одаренный кут небом») [334, с. 71, 72]. Термин «кут» нашел отражение в письме Шибара-кагана императору Вэнь-ди (581–605) династии Суй. В титуле кагана слову «кутлуг» соответствует китайское слово «шэн» — «совершенномудрый», «обладающий наивысшей способностью постигать сущее». Тюркское «бильге кутлуг тинси» в китайском тексте передано как «сянь шэн тяньцзы» — «мудрый совершенномудрый сын Неба [император]». Тинси (кит. тяньцзы) — «сын Неба», «император» — встречается в надписи Тоньюкуку (около 705 г.).

Хотя в титуле Шибара-кагана тюркскому «кут» соответствует китайское «шэн», по своим свойствам тюркское «кут» должно было бы равняться китайскому «дэ», некоей благой силе, харизме, которой Небо наделило китайских императоров, сынов Неба. Небо как верховное божество обладало порождающей силой дэ, сила дэ могла быть «рождена» Небом у монарха, она становилась достоянием династии. Переход силы дэ от Неба к монарху осуществлялся методом уподобления (тюркские каганы также титуловали себя «небоподобными»), сила дэ обеспечивала монарху его функцию мироустроителя [123, с. 14–41]. М. Мори не уподобляет кут тюркских каганов благой силе дэ китайских императоров. Он полагает, что представления о небесной харизме тюркских каганов не были заимствованы тюрками из Китая, а отражали лишь общие представления о природе власти монарха у древних китайцев и народов Центральной Азии еще с эпохи гуннских шаньюев [334, с. 72–74].

Мы уже упоминали о том, что кут обладал весь правящий клан, это породило институт «эб-каган» — «дома кагана». Тюркскую небесную харизму кут сравнивают и с иранским хварена — «королевским венцом», харизмой иранских мессианских правителей-спасителей [304, с. 46]. Может быть, в поддержку мнения М. Мори можно указать на различное отношение китайских и тюркских монархов к оценке степени удаленности «устраиваемых» народов от монарха. По китайской концепции, монарх щедрее одаривал пришедших с выражением почтительности

издалека, ибо, чем большее расстояние от местожительства пришедшего к императору до Китая, тем сильнее сила «дэ» монарха, тем шире распространяется ее влияние, так как пришедшие издалека затратили больше сил и средств на дорогу (см.: [121]). По тюркской же оценке:

Кто далеко, тому дают плохие дары,
Кто близко, тому дают хорошие дары [162, с. 12].

Однако в сущности своей небесная харизма кут тюркских каганов очень близка силе дэ китайских императоров. Отличие от китайской концепции состояло еще и в том, что у гуннов и тюрков Небо прямо само «порождало» шаньюев и каганов. В китайской традиции это положение развито не было.

По китайским представлениям, благой силой дэ была наделена и Земля. И древнетюркские тексты свидетельствуют о том, что каганы правили не только силою кут Неба, но и силою Земли, силою «земли-воды».

Вверху небо тюрков,
Тюркская священная земля-вода так сказали:
«Да не исчезнет тюркский народ», — они сказали.
«Да будет он народом», — они сказали.
Моего отца Ильтериш-кагана,
Мою мать Ильбильге-катун
Небо, поддержав со своей высоты,
Вот так возвысило [162, с. 19].

И хотя, вероятно, первенствующая роль в возвышении кагана принадлежала Небу, но в этом участвовала и Земля, «земля-вода» («эр-сут» как единое божество). Известная роль в этом принадлежала и народу. Обладая небесной харизмой кут, полученной династией каганов от Неба, тюркский каган «устраивал» (ити бирмис), «собирал» тюркский народ. «Двигаясь с войсками вперед и назад, он собирал и объединял людей» [162, с. 20]. По его воле люди «возвращались, собирали и образовывали простой народ» [219, цз. 84, с. 7б]. Понятие «байсин» («простой народ»), встречающееся в китайском тексте, в данном случае, очевидно, аналогично тюркскому «будун». Народ не был пассивен и сам мог принять участие в интронизации кагана. Западнотюркский тэгин Асицзицюе и его союзник Тун-тутук «призывали людей государства» посадить на трон великого кагана шада Юйгу, а правившего в это время кагана Силиши объявить малым каганом [239, цз. 194б, с. 3б]. Их заговор не удался, но для нас важно отметить, что не только каган «устраи-

вал» свой народ и свой эль, но и «людей государства» (эля) призывали поставить одного великого кагана вместо другого. И в древнетюркских надписях при изложении, ведущемся от имени народа, государство (эль) первично, а каган, хотя он и «собирает» народ и создает государство, оказывается на втором месте.

Вся масса тюркского народа сказала так:
«Я была народом, имевшим государство.
Где теперь мое государство?
Кому я добываю государство?» — она сказала.
«Я была народом, имевшим кагана.
Где мой каган?
Какому кагану я отдаю труды и силы?» —
она сказала [162, с. 19].

Народ не был пассивен, он добывал государство кагану, ему же «отдавал труды и силы». Наряду с Небом и «землей-водой» народ был той силой, которая утверждала кагана или губила его:

Если небо сверху не давило,
Если земля внизу не разверзлась,
Тюркский народ, кто привел к гибели,
Твое государство и твои законы?
Тюркский народ, покайся! [162, с. 23].

Обряд интронизации кагана носил явные отголоски его выборности в прошлом. «Их государя (чжу) сперва перед возведением его на престол близкие его помощники и важные сановники усаживали на войлок и несли девять кругов по солнцу. При прохождении каждого круга сановники и подданные все кланялись [кагану]. Кончив поклонение, помогали ему сесть на коня и затем шелковой тканью сдавливали ему горло так, чтобы только не удушить его, затем ослабляли [петлю] и быстро спрашивали: „Сколько лет ты можешь быть каганом?“ Их государь, поскольку самочувствие его было плохое, не мог точно сказать, сколько [лет он собирается царствовать]. Сановники и подданные, следуя его словам, свидетельствовали короткий срок» [255, цз. 50, с. 2а]. Как отмечает М. Мори, церемония интронизации кагана была такой же, как и интронизация шамана в шаманизме [333, с. 268]. Процедура интронизации, одобрение кандидата в каганы сородичами имела, видимо, практическое значение. О кагане Датоу сказано, что «он сам возвел себя на трон и стал Би-цзя-каганом» [219, цз. 84, с. 7а]. В. В. Бартольд писал об обряде интронизации кагана: «Избрания, в полном смысле слова,

нового хана на курултае не происходило... там не было решения вопросов голосованием по большинству голосов. Кандидаты на престол намечались заранее, а на курултае происходил не акт избрания, но акт торжественного провозглашения: кто не хотел подчиниться, тот вообще не являлся на курултай» [10, с. 742–748].

Как и каганы жуаньжуаней, тюркские каганы имели титул. Первый их каган Тумэнь носил титул Илиг-кагана (Или кэ-хань). Н. Я. Бичурин, переводя титул как «правитель народа», видимо, сравнивал «или» с «эль» [23, т. 1, с. 227]. Он же дает и вариант «хан реки Или» [23, т. 1, с. 228]. Третий каган имел титул Мугань-каган. В «Суй шу» значение титула объясняется как «храбрый и многомудрый» [219, цз. 84, с. 16]. А в «Тун цзянь цзи ши бэньмо» под словом «мугань» понимается человек «с необычным обликом, твердым характером, храбрый и многомудрый» [270, ч. 5, цз. 26а, с. 75]. Судя по «Чжоу шу», титул «мугань» был связан с обликом кагана. «Облик его был необычен, лицо у кагана было широкое, шире чи (30 см), очень красное, глаза казались остекленевшими. Характером каган был тверд, жесток, любил военные походы» [255, цз. 50, с. 2а]. Шаболю-каган имел титул, который, возможно, значил «Рожденный Небом великий тюрк, мудрый и совершенномудрый император Поднебесной» [219, цз. 84, с. 4а]. У Тули-кагана был титул «мудрый и крепкий» [219, цз. 84, с. 6б]. Титул Бильге-кагана — «мудрый каган», одного из его преемников, Тэнгри-кагана, — «небесный каган». Однако в источнике слово «Тэнгри» (дэнли) поясняется как понятие, схожее с «го бао» (воздаяние за плоды), т. е. титул кагана был буддийским, в котором «го» — «плод», «результат» — означало то, что накоплено деяниями в прошлых перерождениях, а «бао» — воздаяние в этом рождении за прошлые деяния [239, цз. 194а, с. 15а]. Чем это объяснить, неясно. Китайские трактовки значений титулов тюркских каганов любопытны, они соответствуют тому, что позже подтвердили тюркские источники: каганы были «подобны Небу», «порождены Небом», мудрые, смелые, сильные. В большой надписи в честь Кюль-тегина говорится:

> Они были мудрыми каганами,
> Они были смелыми каганами [162, с. 16, 45].

Это были «каганы-герои».

Но имелись и плохие, неразумные каганы:

> И если [на царство] неразумные каганы:
> И если [на царство] плохие каганы [162, с. 17].

Таким образом, китайские источники и древнетюркские надписи свидетельствуют о том, что каган, династия каганов порождались тремя силами — волею и силою Неба, волею и силою «земли-воды» и деятельностью самого тюркского народа. Активная роль народа — черта, не свойственная истолкованию природы власти китайского монарха.

Известный знаток древнетюркских текстов С. Г. Кляшторный так характеризует власть кагана. Каган избран Небом, он — гарант благополучия «вечного эля народа тюрков». «Каган: а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию, б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяет земли между племенами, в) собирает и расселяет тюрков в „стране Отюкен", т. е. на коренной территории „народа тюрков", г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением „народа" против кагана и „вечного эля" была откочевка в другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замышлял отделение-откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено „собирание" и „устроение" народа на подвластной кагану земле, т. е. создание политической организации, системы подчинения» [85, с. 15].

Каган должен был обладать внешним величием. Китайский буддийский паломник Сюань Цзан посетил ставку (орду) кагана западных тюрков в Семиречье в окрестностях Суяба. Каган был в зеленом шелковом плаще, волосы его были распущены, лоб закрыт куском шелка, несколько раз обернутым вокруг головы. Жил каган в большом шатре, в котором было множество золотых вещей. В шатре на кошмах в два ряда сидели вельможи в шелковых халатах, волосы у свиты кагана были заплетены. Позади вельмож стояли телохранители кагана. Сюань Цзан отметил, что, «хотя это был варварский государь, живший в войлочном шатре, всё-таки на него нельзя было смотреть без удивления и почтения» [11, с. 32]. По арабским источникам, каган западных тюрков жил в г. Неракете (с. Орловка, Кыргызстан), в Чуйской долине к востоку от г. Токмака. «Здесь у него запретный луг и запретная гора, к которым никто не смел приблизиться, стада, которые паслись на лугу, и дичь горы должны были служить провиантом при военных походах» [11, с. 34].

Культовым центром Тюркского каганата, возможно, была местность Отюкен-иш, отождествляемая с Хангайскими горами. Хангайские горы являлись святым местом у гуннов и жуаньжуаней. Предполагают наличие связи между монгольской богиней Этёген и наименованием местности Отюкен-иш [303, с. 101].

Ставка тюркских каганов именуется в китайских источниках словом «я» или «ячжан». В «Цзю Тан шу» поясняется, что «я» — это место, в котором находились знамя главнокомандующего войсками и органы управления государством [239, цз. 194а, с. 2а]. Н. Я. Бичурин переводил слово «я» как «орда» [23, т. 1, с. 247]. Иногда в китайских текстах ставка кагана именуется словом «тин» (двор). Судя по памятникам древнетюркской письменности, ставки каганов были сезонными, например зимними и летними. Ябгу карлу ков летом жил в шатре, в кочевой ставке, а зимой — в г. Янгикент. Глава ставки хана именовался тойкан, он командовал 900 воинами [319, с. 344]. В. В. Бартольд полагал, что титул каганов был заимствован тюрками у жуаньжуаней [13, с. 602]. Супруга кагана титуловалась хатун. Хатун часто была из клана Ашидэ. Есть мнение, что слово «хатун» также не тюркское, а пришло к тюркам, а затем к монголам из согдийского языка, будучи производным от согдийского «ханик» (госпожа) [8, с. 43]. Позднее государи тюрков имели ряд титулов иранского происхождения. Это ябгу, титул по происхождению тохарский, в начале VIII в. титул ябгу носили правители карлуков [13, с. 581].

Кагану в управлении элем-государством помогали его сородичи, прежде всего члены правящего каганского рода, и создаваемый им аппарат управления. Эти «помощники», судя по древнетюркским надписям, подразделялись каганом на четыре группы: родичи; союзные кагану племена и народы; чиновники-администраторы, которые размещались справа от кагана; чиновники-администраторы, которые размещались слева от кагана. В малой надписи в честь Кюль-тегина в обращении от имени Бильге-кагана говорится:

> Небоподобный, новорожденный
> Тюркский мудрый каган, я ныне [в это время] сел [на царство].
> Мою речь слушайте до конца [полностью]:
> Следующие за [мной] мои младшие родичи, мои сыновья,
> Союзные мне племена и народы,
> [Стоящие] справа беки шад-апыт (шад-апыт бэглэр),
> [Стоящие] слева беки тарханы и приказные
> (таркан, буюрук бэглэр) [162, с. 10, 175].

Более ранний перевод С. Е. Малова отличается тем, что сородичи кагана обозначены не как «мои младшие родичи, мои сыновья», а как «мои родичи и молодежь» [115, с. 33]. Древнетюркская система родства вычленяла отца (кан) и мать (ог), его потомство — мужское (уры огул) и женское (кыз огул). Не вычлененными в особые группы, а только по полу выделялись братья и дядья (ини-ачи — братья-дядья) и се-

стры и тетки (апа спингил). Родственники подразделялись на младших (аты) и старших (апа). Родственники кагана — сыновья, дядья, племянники, братья носили титул тегин (тэлэ). «Как это и общепринято, — указывает Мори Масао, — тегин, в принципе, титул, который носили родственники кагана» [332, с. 37], «сыновья и братья кагана из рода Ашина» [210, с. 360].

По сведениям китайских источников, основной штат чинов древнетюркского государства включал 28 единиц. Эти должности подразделялись на две неравные группы: высшие чиновники (5 человек) и прочие (23 человека). К числу высших чиновников, сановников (да гуань) относились еху (ябгу), шэ (шады), тэлэ (тегины), сылифа (эльтеберы) и тутуньфа (тутуки). Прочие 23 должностных лица (а точнее, вероятно, 24, поскольку тэлэ-тегин являлось просто титулом «сыновей и братьев» в роде Ашина) относились по китайской или тюркской классификации, что не очень ясно, к сяо гуань — младшим чиновникам. Все должности были наследственными. Ближайшее окружение кагана составляла гвардия, именовавшаяся «волки» по ее знамени, украшенному золотой волчьей головой [255, цз. 50, с. 2а–2б; 219, цз. 84, с. 16]. Китайское «да гуань» большинство исследователей связывает с тюркским «таркан» — «тюркский титул таркан (кит. да гуань), который носили большинство должностных лиц у тюрков» [83, с. 56]. Мы не будем сейчас говорить о содержании конкретной должности «таркан». Очень похоже, что в глубокой древности слово «таркан» имело два значения — наименование высших чиновников, сановников древнетюркской империи вообще и наименование конкретной должности. Если тарканы — это старшие чиновники, то младшими чиновниками (сяо гуань) являлись буюруки — «стоящие слева беки-тарханы и приказные» (таркат буюрук бэглэр), т. е. деление на да гуань и сяо гуань (тарканов и буюруков) китайцы определенно взяли от самих тюрков. С. Е. Малов постоянно переводит термин «буюрук» древнетюркских текстов как «приказчик», «приказный» [115, с. 77, 374].

Тегины или иные лица, которым каган поручал управлять частью собственно тюркских племен или определенной группой войск (что, вероятно, очень часто совпадало), титуловались шадами (шэ): «Сыновей и братьев кагана, тэлэ, которых назначали отдельно командовать войсками, называли шэ (шадами)» [270, ч. 5, цз. 26а, с. 74]. Из китайских источников известны 18 шадов, из них, по подсчетам М. Мори, 12 были из рода Ашина, в том числе 8 — сыновья кагана. Прочие — один раз отец кагана, один раз его дядя по отцу, один раз племянник кагана, один раз младший двоюродный брат кагана. Шесть шадов стали позже каганами [210, с. 334]. Из остальных шести шадов, упоминающихся в ки-

тайских источниках, как полагает Мори, два являлись легендарными лицами, три — лицами, происхождение которых неясно, и один шад был китайцем [333, с. 272]. Шады являлись командующими войсками и администраторами над большими территориальными единицами эля-государства, на которые оно подразделялось каганом. Определялись ли территории шадства каким-либо специальным термином, неизвестно. В китайских источниках такие территории именуются «бе бу» (особая часть, отдельная часть). В источниках местонахождение шадства, как правило, указано в самой общей форме. Например, территория, управляемая шадом Мохэду, находилась к северу от Уюань (современный уезд Уюань, автономный район Внутренняя Монголия, КНР), управляемая шадом Шаболо — к западу от Линьчжоу (современный Линъу, пров. Ганьсу, КНР), шадом Нибу — к северу от Ючжоу (современного Пекина), территории, управлявшиеся То-шадом и Юйгу-шадом, размещались «к северу от пустыни». Очевидно, в расчет принималась не столько территория или не только территория, а то количество подданных, которыми управлял шад, что постоянно оговаривается в источниках: Шаболо-шад правил 50 тыс. семей, Юйшэ-шад — 10 тыс. семей или какой-то группой войск. В источниках имеются такие формулировки: шад командует «войсками восточной ставки», «войсками и народом восточной стороны» [210, с. 351].

Китайские источники неоднократно упоминают, что шады собирали с подвластных им людей налоги, очевидно прежде всего скотом и продуктами скотоводства. Эти налоги были нормированными, так как есть упоминания о сборах налога «без меры» или «сборе налога не на основании установленного законом» [210, с. 352]. Таким образом, шады были в основном членами правящей каганской династии, тегинами, они назначались каганом управлять народом и командовать войсками на какой-то определенной территории государства (эля), собирали с местного населения налоги, которые, безусловно, шли в пользу государства (кагана) и, вероятно, частью на содержание самого шада и его аппарата управления. В. В. Бартольд полагал, что наименование должности и титула «шад» — иранского происхождения, «одного происхождения с персидским шах» [8, с. 24].

Почти ничего нельзя сказать о том, чем в древнем тюркском каганате от должности и титула «шад» отличались должность и титул «ябгу», хотя титул «ябгу» стоит первым в ряду высших чинов. В древнетюркских надписях ябгу и шад идут в паре как наименования высших администраторов государства. Ильтериш-каган, возрождая государство после подчинения китайцам, «назначил ябгу и шада» [115, с. 38; 162, с. 20]. В надписи в честь Тоныо-кука говорится, что после победы над «наро-

дом десяти стрел» «их кагана мы схватили, а их ябгу и шада мы умертвили» [115, с. 69]. Получали титул ябгу и занимали должность ябгу в первую очередь сородичи кагана. У западных тюрков в штате «их чинов имеется еху (ябгу) и теле (тегины). На эти должности обычно назначаются сыновья, младшие братья, а также сородичи по мужской линии кагана» [239, цз. 194б, с. 1а]. По мнению А. Н. Бернштама, ябгу назначались из членов ханского рода, они командовали левым и правым крылом войска, служили наместниками [20, с. 112]. Сказать в данный момент, чем ябгу отличался от шада, представляется затруднительным. Китайский исследователь Линь Гань предполагает, что титул и должность ябгу чаще относились к правителям западной части каганата, хотя это не было правилом. Правители западной части каганата нередко именовались «ябгу». Ябгу полагался наследником престола великого кагана. Линь Гань сопоставляет ябгу с сяньванами у гуннов [200, с. 161].

Если есть мнение, что должности (титулы) «ябгу» и «шад» были иранского происхождения, то две другие высшие административные должности тюркского каганата — «эльтебер» (сы (ци) лифа) и «тутук» (тутуньфа) являлись жуаньжуаньскими, так как в пору подчинения тюрков жуаньжуанями они зафиксированы китайскими текстами у последних. Поль Пельо в лекции, прочитанной осенью 1925 г. в Ленинграде, вообще высказал мысль, что своим государственным устройством тюрки всецело были обязаны жуаньжуаням (см.: [8, с. 24]).

Значение должности «эльтебер» в принципе правильно определил еще В. Томсен, который полагал, что этим словом «обозначалось нечто вроде турецкого наместника» [8, с. 48]. В. В. Бартольд считал, что «титул эльтебер стоял ниже титула каган и давался предводителям небольших народов, не имевших самостоятельной политической жизни» [9, с. 482]. А. Н. Бернштам писал: «Племена... входившие в состав тюркского государства непосредственно и сохранившие свое управление, имели во главе эльтеберов» [20, с. 114].

Должность эльтебера оказалась соотнесенной с другой, упоминающейся в «Цзю Тан шу» должностью — сыцзинь (иркин), также имевшейся в штате жуаньжуаньских чинов. В «Цзю Тан шу» дан иной перечень пяти высших чинов в государстве тюрков: цзюйлюйчо, або, селифа (эльтебер), тутунь (тутук) и сыцзинь (иркин). Мы не будем пока касаться двух первых чинов, априорно равных ябгу и шаду, а обратимся к трем последним. Должность (титул) эльтебера встречается в транскрипциях «сылифа», «цзелифа», «селифа», «илифа» и т. п., должность (титул) иркина — в транскрипциях «сыцзинь», «сецзинь», «цзецзинь» и т. п. Тексты с упоминаниями этих должностей (титулов) были под-

робно исследованы Мори. Он установил, что до 629 г. эльтебер и иркин являлись титулами глав племен теле, тех, которые не именовались каганами или утратили титул кагана. Главы телеских племен уйгуров, бокут, баярку, тонгра и кун, подняв в 627 г. восстание против тюрков, сменили титул «иркин» на титул «эльтебер», из чего явствует, что титул «эльтебер» был выше и почетнее. Проведенное М. Мори исследование привело его к выводу, что «эльтебер» и «иркин» являлись равнозначными титулами, поскольку они были титулами глав племен, которые не носили титула кагана. Однако они отличались друг от друга, ибо первый принимали более влиятельные главы племен [332, с. 55]. Значит, это были титулы глав тюркских племен телеской конфедерации в то время, когда они подчинялись тюркскому каганату (кагану). Реально, как показал М. Мори, глава того племени, у которого была тьма, 10 тыс. и более отборных воинов, титуловался эльтебером, а глава того племени, у которого было менее 10 тыс. воинов, титуловался иркином. Когда в 647–648 гг. племена теле попали в зависимость от Китая, эльтеберы получили китайские должности дуду (тутук) — правителей дудуфу, территориальной единицы, более высокой, чем округ. Иркины получили должность цыши (правителей округов) [332, с. 53–54]. Когда при Тон-ябгу, кагане Чулохоу, тюрки подчинили «все государства Западного края», то ваны покоренных государств получили от тюркского кагана титулы эльтеберов.

Должность тутука была связана с управлением подчиненными тюркам народами. В те же государства Западного края каган направил тутуков, по одному в каждое, которые были обязаны управлять новыми подданными и собирать с них налоги.

Подчинив киданей, тюрки послали тутука «управлять ими», покоренными тюрками шивэй управляли три тутука. Таким образом, тутук являлся наместником кагана, посланным управлять покоренными народами и государствами и собирать с них налоги в пользу кагана. В сочинении «Тай пин гуан цзи» (цз. 250) сказано, что в задачу тутуней (тутуков) входило «надзирать за подчиненными» и «собирать [с них] налоги». От шадов тутуки отличались тем, что управляли территориями с нетюркским населением [210, с. 366–367].

Что касается упомянутых первыми титулов цзюйлюйчу (кучлуг-чур) и або (апа, или алп?), то их возможно расшифровать именно как титулы: алп — «герой», кучлуг-чур — «сильный чур», где «чур» — тоже титул [115, с. 33, 357, 397, 376]. Возможно, в более позднее время эти титулы заменили титулы (должности) ябгу и шада. В малой надписи Кюльтегина титулы шад и апа стоят рядом — «справа начальники шад и апа» [115, с. 33]. Возможно, что полное название титула або — або дагань

(апа таркан) — «главнокомандующий». Пост або дагань получил в 682 г. Ашидэ Юань-чжэнь, знаменитый Тоньюкук. Эта должность давала ему особые полномочия в командовании войсками [239, цз. 194а, с. 9а].

За многие десятилетия существования первого и второго тюркских каганатов помимо назначения шадов имели место различные формы рассредоточения центральной власти, делегирования ее на места, в том числе и с присвоением региональным правителям титулов каганов. В 572 г. Тобо-каган «назначил Нету (Шэту) Эрфу каганом управлять восточной стороной его [государства]. Кроме того, сына своего младшего брата кагана Жутань объявил Були-каганом и поселил в западной стороне своего государства» [219, цз. 84, с. 2а].

Таким образом, через 20 лет после утверждения каганата он был разделен на три части — центр, в котором сидел глава государства Тобо-каган, и восточное и западное крылья, которыми управляли два другие члена дома Ашина с титулами «каган». Это был традиционный способ разделения государства на самые крупные административные единицы (части) с целью облегчения управления ими.

После кончины Тобо-кагана (581 г.) возникли междоусобицы. Когда первым, или великим, каганом стал бывший каган восточной стороны Эрфу Нету (Шэту) с титулом Шаболю-кагана, он, чтобы снять напряженность, связанную с борьбой за власть в клане Ашина, назначил кроме себя еще трех каганов. Своего дядю Дяньцюе он сделал каганом западного крыла с титулом Датоу-каган, Яньло, сына Тобо-кагана, объявил вторым каганом и поселил на р. Дулошуй, сын Мугань-кагана Долю-бянь под титулом Або-кагана «был возвращен управлять подчиненными ему». Сам верховный каган разместил свою ставку в горах Дуцзинь (в верховьях р. Орхон). Поскольку Шаболю-каган жил в центре, каган Датоу управлял западным крылом, то возможно, что второй каган правил на востоке. Або-каган, вероятно, управлял северной или южной частью каганата.

Место Дуцзинь было чжэнь (горным укреплением, крепостью), оно названо именно так в «Суй шу», там, где речь идет о поселении в Дуцзинь Тули-кагана с женой, происходившей из правящего в Китае императорского клана [219, цз. 84, с. 6б]. М. Мори полагает, что ставка каганов восточной части государства находилась в Отюкенской черни (современный Хангай), а ставка каганов западной части располагалась в долине Юлдуз в Восточном Туркестане[1]. В 600 г. Чуло-каган назначил

[1] Линь Гань полагает, что ставка восточных каганов размещалась к северу от Пекина, а западная — в районе Уюань, современный уезд Уюань, Внутренняя Монголия, КНР [200, с. 160].

двух «малых каганов» и выделил им в управление две области каганата, вероятно восточную и западную [239, цз. 194б, с. 2б]. «Все каганы управляли племенами и войсками и раздельно жили по четырем сторонам» [270, ч. 25, цз. 26а, с. 77].

Наличие других каганов, кроме верховного, ограничивало центральную каганскую власть и «привело к разделению тюрков на западных и восточных» [333, с. 272]. Титул «каган» не означал универсального господства в отличие от титула китайских императоров — хуанди. Тюрки признавали каганами правителей Китая и Тибета (Табгач-каган, Тюпют-каган). Титул «каган» носили и подчиненные тюркам правители иных тюркских племен — киргизов, токуз-огузов. Правитель токуз-огузов имел титул «баз-каган» (вассальный каган). Разделенность государства тюрков на сферы управления определила наличие младших каганов. Однако, как отмечает П. Гольден, всегда предполагалось, что великий каган лишь один [304, с. 56].

Сели-каган потерпел поражение в войнах с танским Китаем, и с 630 по 687 г. Восточнотюркский каганат не существовал как самостоятельное государство.

Таким образом, каган не занимал исключительного положения, его сородичи из рода Ашина претендовали на свою долю власти и добивались ее, становясь пусть малыми, но каганами. Как испытанная форма управления сохранялось разделение на центр, на восточную и западную части государства. В западнотюркском, среднеазиатском, по определению С. Г. Кляшторного, в отличие от восточного, центральноазиатского [83, с. 21] каганата, каган Шаболо в годы Чжэнь-гуань (627–649) разделил свое государство на 10 частей (бу) и в каждую часть определил правителем шада. Каждому шаду в качестве символа власти была дана стрела, и эти десять частей западнотюркского каганата стали именоваться «десять стрел» (он ок). «Десять стрел», в свою очередь, были поделены на левый и правый край, в каждом крае было по «пять стрел». Восточный, или левый, край получил наименование «пять кочевий племен дулю», правый, или западный, был назван «пять нушиби». В восточном крыле каждой «стрелой» управлял правитель с титулом «чжо» (чур), в западном крае каждой «стрелой» управлял правитель с титулом «иркин». Границей между восточным и западным краями каганата стал г. Суяб (по данным В. В. Бартольда, находился к северу от р. Чу, на месте селения Карабулак неподалеку от Невакента [11, с. 38]). Позже, во всяком случае в китайской интерпретации, «стрелы» стали именоваться «було», а их правители «великие главы стрел» (да цзяньтоу) — «великими вождями» (да шоулин). Все «десять стрел» в китайских источниках известны как «було десяти фамилий» (ши син було) [239,

цз. 194б, с. 3а–3б]. В 657 г. войска ши син було насчитывали 100 тыс. воинов [270, ч. 19, цз. 28а, с. 53]. Судя по этому сообщению, каждая «стрела», или каждый клан (син), государства западных тюрков равнялась тумэну (тьме) — такой военно-административной единице государства, которая могла выставить 10 тыс. воинов или около этого.

После освобождения восточных тюрков из-под власти танского Китая и возрождения второго восточнотюркского каганата Капаган-каган (691–716) снова поделил управление государством. Своего младшего брата Досифу он назначил «наблюдателем (ча) левого края», а Моцзюя, сына покойного Кутлуг-кагана, — «наблюдателем правого края». Линь Гань полагает слово «ча» другой транскрипцией слова «шад». Каждый «наблюдатель» (или шад) получил по 20 тыс. войска. Своего же собственного сына Бепо (Фуцзюй) Капаган-каган назначил «младшим каганом». Младший каган по своему положению был поставлен выше левого и правого «наблюдателей», он командовал десятью кланами, или «стрелами», западных тюрков и имел 40 тыс. войска [239, цз. 194а, с. 10б].

Таким образом, сам принцип рассредоточения власти в доме Ашина на центр, восточное (левое) и западное (правое) крыло, выделения какого-либо региона в особое положение (и назначение малых и прочих каганов) сохранялся. Это был традиционный способ управления в кочевых государствах Центральной Азии, на ее огромной территории. Такой порядок управления, возможно, давал двойной эффект — обеспечивались стабильность управления и оборона в условиях господства в государстве кочевого скотоводства и одновременно относительная стабильность в правящем доме, когда наиболее опасные соперники кагана получали свою долю власти в государстве. Верховный каган теоретически обладал всей полнотой власти над другими каганами. Когда Тули-каган не смог покорить мятежных сеяньто, уйгуров и баегу, Сели-каган держал его за это десять дней под арестом и наказал палками [270, ч. 19, цз. 28а, с. 261]. Правда, впоследствии это привело к тому, что Тули-каган не привел свои войска по требованию Селикагана и поднял мятеж.

В начале VIII в. в числе тюркских должностей (титулов) китайскими источниками отмечена гуннская должность цзо сяньвана. Ее занимал Цюе из племени теле, а затем будущий Бильге-каган [239, цз. 194а, с. 13а]. Трудно судить, сами ли тюрки стремились подчеркнуть свою связь с гуннами, как бы стать их преемниками, — в VIII в. они были знакомы с китайской исторической литературой и могли пойти на это, — или мы имеем дело с творчеством китайских историографов, приверженных идее преемственности власти у народов Центральной Азии.

Окружающее пространство древние тюрки воспринимали в виде квадрата с четырьмя углами. Их пространственная ориентация не совпадала с гуннской — восток у них считался лицевой стороной, запад — тыльной, юг — правой и север — левой.

> Вперед, вплоть до солнечного восхода,
> Направо, вплоть до полудня,
> Назад, к солнечному закату,
> Налево, вплоть до полуночи [162, с. 10].

Однако, как нам кажется, когда каганы делили свой эль на центр, правый и левый края, они отступали от своей традиционной пространственной ориентации и следовали столь же традиционной центральноазиатской, государственной. Этого же мнения придерживается Линь Гань [200, с. 160].

Итак, верхний эшелон власти включал помимо верховного кагана малых, вторых и иных каганов, ябгу и шадов, людей из клана Ашина, высших сановников, управлявших покоренными нетюркскими племенами — тутуков-наместников и, наконец, глав союзных тюркских племен с титулами эльтеберов и иркинов. К сожалению, мы ничего не знаем о среднем и низшем звене администрации. Судя по некоторым китайским сведениям, высшие и низшие чины в государстве тюрков подразделялись на 10 степеней, которые, в свою очередь, образовывали пять групп: 1) чины, именовавшиеся по частям (формам) тела человека, 2) чины, именовавшиеся по возрасту человека, 3) чины, именовавшиеся по облику человека, 4) чины, именовавшиеся названиями видов мяса и сортов напитков, 5) чины, именовавшиеся названиями животных. В последнем случае мы видим прямое совпадение с тем, что имелось в традициях народов Маньчжурии. Есть и некоторые конкретные примеры. Один из армейских корпусов тюрков именовался хэлань супицюе, в его название входило слово «хэлань» — «лошадь». Чиновник, ведавший делами семьи кагана, именовался аньчань цзюйни, первая часть в наименовании его должности — слово «аньчань» — значила «мясо». В наименование должности управляющего округом — согэ тутунь — входило слово «согэ» — «волосы» [202, с. 306]. Мы уже упоминали о том, что гвардия кагана называлась «волки».

Тюркское государство имело достаточно полно разработанное уголовное законодательство. Основным видом наказаний были смертная казнь, композиции и талион. По «Чжоу шу», «их уголовные законы таковы: бунтовщиков, изменников, убийц, жен-прелюбодеек, конокрадов, укравших стреноженного коня, — всех предают смертной казни.

Совративший девушку наказывается большим штрафом и обязан жениться на этой девушке. Причинивший в драке рану или увечье откупается имуществом в зависимости от тяжести причиненного им ранения или увечья. Укравший лошадь [нестреноженную, не на привязи] или какое-либо иное имущество возмещает краденое в десятикратном размере» [255, с. 2б]. По сведениям «Суй шу», «задумавший бунт или измену, убийца подлежат смертной казни. У развратников отрезают половой орган и разрубают их пополам по пояснице. Если кто-либо причинит в драке травму или ранение, то повредивший глаз возмещает ущерб пострадавшему, отдав ему свою дочь, если не имеет дочери, то должен отдать жену и имущество, сломавший другому конечность или какую-либо иную кость тела отдает пострадавшему лошадь. Вор за украденное выплачивает компенсацию в десятикратном размере» [219, цз. 84, с. 1б]. Переводя этот отрывок из «Суй шу», Н. Я. Бичурин пишет, что за выбитый глаз виновный отдавал не «жену и имущество», а «женино имущество» [23, т. 1, с. 230]. У тюрков имела место и общесемейная ответственность. Так, западнотюркский каган Сышеху казнил малого кагана Или со всем его родом [239, цз. 194б, с. 3а].

Таким образом, смертная казнь полагалась за антигосударственные преступления — мятеж и измену и за преступления против личности — совершение убийства. Казнь за убийство являлась талионом. Талионом было и отрезание половых органов у развратника — наказание того органа, которым совершено преступление. Остальные преступления против личности наказывались композицией — за ранения и травмы отдавали имущество и дочь или жену в рабство, за перелом кости отдавали лошадь. Половые преступления (прелюбодеяние) карались смертной казнью, если прелюбодейкой была замужняя женщина. Если имело место совращение несовершеннолетней или незамужней — композицией с обязанностью жениться на ней или отрезанием половых органов и разрубанием по пояснице, очевидно, насильника. Кражи имущества («Чжоу шу» особо выделяет кражу лошади) карались композицией, возмещением краденого в десятикратном размере. Любопытно различение мер наказания за стреноженную лошадь и лошадь, видимо просто пасшуюся на свободе. Возможно, это различие проистекало из меры нуждаемости в данной лошади ее хозяина, причем не только материальной. Владелец стреноженной лошади был недалеко, она в любой момент могла ему понадобиться. Стоит обратить внимание на то, что женщины у древних тюрков приравнивались к имуществу, так как шли в уплату композиций за некоторые уголовные преступления. Можно быть почти уверенным в том, что право у древних тюрков было более разработанным, чем об этом свидетельствуют китайские источники.

Как раз тюркское государство в известной мере является хорошим примером того, что слова китайских источников не всегда следует принимать на веру. В «Суй шу» мы читаем: «Письменности не имеют, деловые документы составляют, делая зарубки на дереве» [219, цз. 84, с. 1б]. Текст «Чжоу шу» пространнее: «Всегда, делая зарубки на дереве, ведут счет взимаемым налогам, разному скоту, лошадям и обязанным являться по воинской повинности. Для того чтобы эти перечни стали официальными документами, их опечатывают восковой печатью, на которой оттиснута стрела с золотым наконечником» [255, цз. 50, с. 2б]. А ниже в этом же источнике сказано: «Буквы, которыми они пишут, схожи с буквами ху (согдийцев)» [255, цз. 50, с. 3а]. Таким образом, сообщение «Суй шу» о том, что тюрки письменности не имели даже для ведения делопроизводства, просто неправдоподобно. Теперь мы знаем древнетюркский рунический алфавит, источником которого как раз явилась одна из разновидностей согдийского письма [83, с. 47], отдельные знаки письма, вероятно, имели происхождение и из китайской иероглифики (см. [146]). Хотя имеются написанные тюркским руническим письмом юридические документы на бумаге из Дуньхуана и Турфана [83, с. 54], неясным остается вопрос, употреблялось ли руническое письмо для делопроизводства в первом каганате. Нам представляется, что это вполне допустимо. Известны деревянные пластинки из Восточного Туркестана (Миран) с зарубками и надписями индо-иранским алфавитом и по-тибетски, которые частью тоже служили для учета повинностей, т. е. были документами такого рода, которые описаны в «Чжоу шу».

Текст «Чжоу шу» прямо свидетельствует о том, что в государстве тюрков взимали налоги и существовала воинская повинность, и то и другое было регламентированным и учитываемым. За сбор налогов отвечали шады и тутуки. Многие исследователи избегают слова «налог» и называют эти налоги, детальной информации о которых нет, данью. М. Мори то пишет, что шады взимали с подчиненных им племен дань и воинскую повинность [333, с. 273], то пишет, что взимали налоги (см.: [210]). Строгого различения дани и налогов нет. И дань и налог могли взиматься натурой. И дань, и налог взимались регулярно, в одно и то же время, установленное для этого. При относительно слабом господстве дань могла взиматься нерегулярно, и только в таком случае ее можно отличить от регулярно взимаемого налога. Подтверждением существования налога не может являться и точная регламентация его размера, ибо дань, как правило, также взималась в установленном количестве, если речь не шла просто об ограблении побежденных. И дань, и налог имели различные способы фиксации — от зарубок на дереве до состав-

ления письменных документов. Судя по китайским источникам, в тюркском государстве, хотя бы в отдельные периоды и в отдельных его регионах, мы имеем дело с налогообложением.

Идеологической основой тюркских каганатов был шаманизм, культы Неба и Земли. «Почитают духов, верят шаманам» [219, цз. 84, с. 1б]. Культы Неба и Земли являлись культами государственными. «В средней декаде пятого месяца собирают людей у воды (реки), совершают поклонение и приносят жертвы божеству Неба. В 500 ли от Дуцинь (ставки кагана. — *Е. К.*) есть высокая гора, весьма отличающаяся от других. На ее вершине не растут ни трава, ни деревья. Называют эту гору Бодэн-ли, что по-китайски значит „божество-дух земли“» [255, цз. 50, с. 2б–3а]. Небо являлось верховным божеством — «верховным Небом» [219, цз. 84, с. 4а].

Однако, по крайней мере, верхушка тюркского общества была знакома с буддизмом. В «Суй шу» сообщается, что шрамана из государства Ци, носивший монашеское имя Хуэй Линь, будучи в плену у тюрков, успешно проповедовал буддизм, в частности Тобо-кагану. «Государство Ци богато и сильно потому, что исповедует закон Будды; [он] объяснил основы буддизма, действие закона кармы (плодов, результатов. — *Е. К.*) и воздаяния. Тобо-каган уверовал и построил обитель-храм Будды. Просил в государстве Ци [буддийские книги] „Цзин мин“ [„Вималакирти нирдеша“], „Небань“ [„Маха паринирвана сутра“], „Хуаянь“ [„Буддха аватамсака маха вайпулья сутра“] и „Ши тун люй“» [219, цз. 84, с. 2а].

«Ши тун люй» — это китайский трактат по буддизму объемом в 61 цзюань. Тобо-каган лично постился и совершал церемониальные обходы пагоды [219, цз. 84, с. 2а]. Н. Я. Бичурин не понял, что «Ши тун люй» — наименование буддийского трактата, и перевел эти слова как «десять человек совокупно совершали богослужение» [23, т. 1, с. 234].

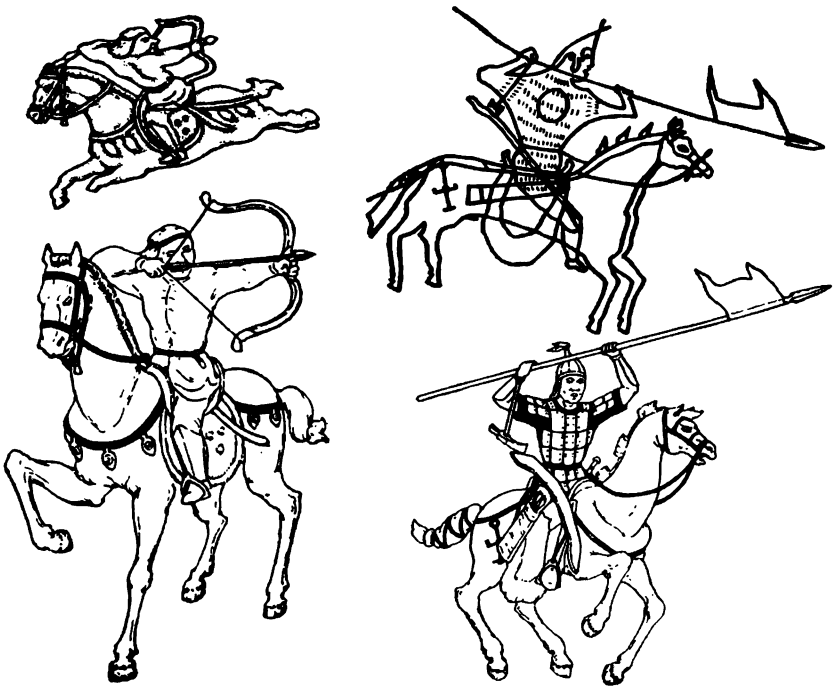
Названные выше события имели место в 574–584 гг. Хуэй Линь жил десять лет у тюрков, по некоторым данным, это был индийский монах Джинагупта со своими последователями, а в переводах сутр на тюркский язык участвовали согдийцы [320, с. 78]. В бугутской надписи сообщается об «учреждении большой новой сангхи» [320, с. 78]. Проявлял интерес к буддизму и Бицзя-каган. После восшествия на престол в 716 г. он решил построить и обнести стеной город, который стал бы его ставкой, в этом городе он предполагал соорудить храмы сы — буддийские и гуань — даосские. От этого намерения его отговорил его тесть и советник Туньюйгу (Тоньюкук), заявив: «Доктрины храмов „сы“ и храмов „гуань“ наставляют людей быть человеколюбивыми и слабыми, в корне отказаться от использования оружия и борьбы с применением силы, не следует сооружать [эти храмы]» [239, цз. 194а, с. 13б].

Китайские источники не содержат сведений об организации тюркской армии. Отдельные ее крупные формирования в 10, 20, 40 тыс. были под командованием шадов или ябгу. Обычно в пору расцвета тюрки и при первом, и при втором каганате могли выставить 100 тыс. воинов [255, цз. 50, с. 3б; 239, цз. 194а, с. 3а]. В 626 г. посол тюрков в Китае похвалялся, что у них миллионное войско [239, цз. 194а, с. 3а]. Западнотюркский каган Ашина Хэлу Шаболо-каган имел несколько сот тысяч отборного войска [239, цз. 194б, с. 4б].

Служба в армии была повинностью и, как всякая повинность, регламентировалась, хотя и неизвестно как. Воинами были «мужи-воины», эры. «Мужем-воином по праву рождения становился любой юноша, достигший определенного возраста и получивший ... мужское (геройское, воинское) имя, будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Получению „мужского имени“ предшествовал обряд инициации после совершения юношей охотничьего или воинского подвига»[1]. Тюркские войска включали отряды латников. В глазах китайцев тюркская армия выглядела неупорядоченным войском грабителей. Танский император Гао-цзун говорил: «Войско тюрков хотя и многочисленно, но не упорядочено. В планы и их государя, и его сановников входит только приобретение богатств и выгод» [239, цз. 194а, с. 3б]. Это, безусловно, чисто эмоциональная и не во всем справедливая оценка, хотя, конечно, захват добычи имел для кагана не последнее значение. Так, по представлениям подданных, хорошим каганом был не только тот, кто не обирал народ, но и тот, кто не забирал лично себе все захваченные в походе трофеи, а делил их между воинами. Таков, например, был Сулу-каган, который «всю добычу делил и отдавал командирам и солдатам, а также народу. Его подданные любили его» [239, цз. 194б, с. 7б].

Вероятно, с определенной долей уверенности можно все-таки говорить, что низовая административная система государства тюрков была военно-административной, т. е. территория и люди были поделены на такие единицы, которые могли выставить десять тысяч, тысячу, сто или десяток воинов, и правители этих административных единиц являлись и командирами соответствующих подразделений. Низшие и средние администраторы — буюруки — командовали сотней, пятьюстами или тысячей воинов [319, с. 334]. В надписях упоминаются «начальники над пятью тысячами мужей-воинов» [84, с. 148]. Возможно, что основной единицей являлась тысяча. В надписи Тоньюкука сказано: «Нас было две тысячи, мы были двумя [отрядами] войск» [115, с. 66]. Боль-

[1] Там же. С. 467.

Древнетюркские воины (по: Чжунго фэнсу тунши (История обычаев и нравов Китая). Шанхай, 2001. С. 368)

шие армии считались на десятки тысяч: «В степи... собралось десять тюменов войска» [115, с. 68]. «Туман» (тюмен), как полагают, вначале означал «очень много». «Как военный отряд тюмень состоял из десяти тысяч воинов... как территориальная единица тюмень будто бы должен был выставить 10 000 воинов, что маловероятно» [15, с. 570]. Тем не менее, несмотря на авторитетное сомнение В. В. Бартольда, очевидно, это было не так, хотя туменом могла именоваться и единица, которая выставляла не точно 10 тыс. воинов, а около 10 тыс.

Тюркское государство, развивавшее свои самостоятельные и традиционные центральноазиатские формы государственности, опиралось на определенные социальные структуры древнетюркского общества и на организованную или контролируемую им хозяйственную деятельность древних тюрков. Основой этой деятельности было кочевое скотоводство, в небольших масштабах древние тюрки занимались земледелием. Тюркские було, шады, иные должностные лица имели определенные земли для кочевания. Китайский источник особо подчеркивает, что тюрки «хотя и кочуют и не имеют постоянного места жительства, но

Тюркские воины. Реконструкция Л. А. Боброва

каждый имеет выделенный ему участок земли» [255, цз. 50, с. 2б]. Однако часть тюрков жила полуоседло или даже оседло. Исследования последних лет установили большую роль согдийцев в хозяйственной жизни тюркского каганата, в ремесле и строительных работах. Очевидно, в администрации каганата могли быть чиновники, ведавшие согдийцами — ремесленниками и строителями [87, с. 19–22].

Тюркское общество делилось на людей лично свободных (бош) и людей лично несвободных, рабов (куль-кюн). Древнетюркский язык различал терминологически мужчину-раба (куль) и женщину-рабыню (кюн). Основным источником рабства был плен [86, с. 160]. Тюрки не различали терминологически раба-чужеземца и раба-соплеменника. Число рабов было велико. Когда в 630 г. китайцы выкупили рабов — выходцев из Китая, их число составило 80 тыс. В 698 г. тюрки угнали из Китая 80–90 тыс. пленных [200, с. 158, 159]. Помимо китайцев, у тюрков были рабы кидани, си, тангуты и многие другие. А. Н. Бернштам писал о рабстве у тюрков: «Кочевники-завоеватели развивали патриархальное рабство первобытно-общинной формации, превращая его в своеобразную форму рабовладельческого уклада» [20, с. 120]. Источники практически не содержат сведений об использовании труда рабов у древних тюрков. Все авторы прибегают к аналогии — от гуннов до монголов, а эти аналогии говорят о том, что труд рабов-мужчин в немалой мере мог использоваться в ремесле, на строительных работах и

для ухода за скотом. С. Г. Кляшторный отмечает преимущественное использование женского труда, подчеркивает домашний характер рабства у тюрков: «Концентрация невольниц, часть которых становилась женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех сложности надзора за ними, осуществлявшегося в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас мелкого скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин… рабы-мужчины… ставились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли»[1]. Линь Гань полагает общество древних тюрков рабовладельческим [200, с. 163] Безусловно, рабы — тюрки и нетюрки, какова бы ни была их численность и в какой бы сфере хозяйственной деятельности они ни использовались — являлись четко очерченным эксплуатируемым классом древнетюркского общества.

В обществе тюрков господствовала частная собственность на скот, рабов, прочее имущество. Скот клеймился знаком собственности — тамгой. Соответственно общество знало бедность и богатство, бедных (чугай) и богатых (бай). «Бай в древнетюркском языке значило „богатый“, „хозяин дома“» [15, с. 491]. Имущественная дифференциация и происхождение делили тюрков на благородных беков и простой народ — будун или «черный народ» — кара будун. Принадлежность к бекам, народу-будун и правящему клану Ашина (тегины), возможно, имела сословное значение, если и не закрепленное в писаном материальном праве, то почти наверное закрепленное в праве обычном (тор). Все чиновники, все должностные лица относились к сословию беков. В малой надписи в честь Кюльтегина говорится:

Тюрк (по: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб., 2009. С. 160

[1] Там же. С. 479.

[Стоящие] справа беки шад-апыт,
[Стоящие] слева беки тарханы и баюрук [162, с. 10].

И от беков, и от народа-будун требовалась верность кагану, правящему клану Ашина.

И беки, и народ были верны,
Поэтому они (каганы) так и держали государство.
Держа государство, они осуществляли его законы [162, с. 23].

Основу государства составлял народ, соединенный с землей. Тюркские каганы, потерпев военное поражение, пострадав от стихийного бедствия, «собирали» народ, а люди, «возвратясь, собирали и образовывали простой народ» [219, цз. 84, с. 7б]. Каган возвышал народ за верность народа кагану [162, с. 23]. Народ-будун должен был работать на кагана, «отдавать [ему] свои труды и силы» [162, с. 18]. Народ платил налоги, посылал своих отцов и сыновей, совершеннолетних здоровых мужчин — эров, в походы, которые предпринимал каган.

Известно, что классы имеют иные границы, чем сословия. Эти границы не юридические, не узаконенные, они социальные. Поэтому господствующим эксплуататорским классом тюркского общества были правящий клан Ашина, другие аристократические кланы (например, клан Ашидэ, поставлявший катун-государыней), все беки (отдельные разорившиеся из них — не в счет) и та часть богатеев, байства, которая по тем или иным причинам не входила в число беков. Эксплуатируемым классом являлись простой народ, «черный народ» (кара будун), бедняки-чугай и люди среднего состояния, платившие налоги скотом, продуктами скотоводства, поставлявшие кагану воинов, ремесленники, изготовлявшие предметы ремесла, доспехи и оружие. С. Г. Кляшторный выделяет две социальные оппозиции в обществе тюрков: каган — беги, народ; каган, беги — народ. Он делает вывод: «Обе оппозиции… оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми классовыми противоречиями» [84, с. 146–147]. Имеющаяся в данном случае некая подмена «социальными оппозициями» отношений классовых и введение понятия зрелых классовых отношений при имеющемся материале вряд ли оправданны. Например, Мори Масао безо всяких колебаний пишет о «господствующем классе беков» [333, с. 275]. Народ-будун следует отличать от «всего целиком тюркского народа» — «тюрк камаг будун», ибо в данном случае тюркский народ противопоставляется не какой-либо части тюрков, а подчиненным и зависимым от тюрков народам.

Тюркское государство определяют как конфедерацию племен, орга-

низованных, «политически организованных» в эль-государство, ставя при этом знак равенства между понятиями будун-народ и будун — родоплеменная организация [210, с. 145]. В принципе противопоставление, очевидно, верное: будун-народ, народ, связанный между собой родоплеменными узами, противопоставляется тому же народу, организованному в эль, народу «устроенному» — «для устройства народов тёлис и тардуш я назначил тогда ябгу и шада» [115, с. 38]. Но каган «устраивал» не только народ, он устраивал государство-эль и законы. В большой надписи в честь Кюль-тегина говорится: «Бумын-каган и Истеми-каган сели [на царство], сев [на царство], государство и законы тюркского народа они поддерживали и устраивали» [162, с. 15].

«Устроение», «организация» народа и эля хотя в чем-то и совпадали, но были неоднозначны. Поддержание и устройство «эля и торы» (государства и законов) являли собой качественно новый уровень политической организации, а если говорить строго, мы не знаем, как у собственно тюркских племен старая родоплеменная организация сочеталась с организацией государственной. Илдико Эчеди, которая априори отказывается рассматривать тюркские каганаты как государства — китайское слово «го» (государство) применительно к тюркам она переводит как «страна», а «туцюе го» — не как «государство тюрков», а как «страна тюрков» [290, с. 4], — полагает основной социальной единицей тюркского общества племя (було), а тюркские каганаты трактует как «племена, организованные в империю» [290, с. 6]. Страна являлась объединением племенных единиц независимо от того, были ли эти группы племенными по происхождению или насильно включенными в племенные рамки [290, с. 6]. Империя покоилась на трех основах — кланах, племенах и политической власти. «В тюркской империи, поскольку ее правители-организаторы были скотоводами-кочевниками, можно выделить три сферы: основную сеть экзогамных кровнородственных групп с патрилинейным отсчетом родства — кланов, обладающих природой большой сплоченности и социальной мобильности, отдельные, даже территориально определенные экономические единицы — племена, основанные на неизолирующей системе родства и, таким образом, являющиеся источником энергии как экономическим, так и иными путями исключительно для своего руководящего клана, особенно когда он принадлежит как к империи, так и к политической власти, поддерживаемой военным превосходством одного (или нескольких) племени (племен), которое также представлено своим (своими) господствующим кланом (кланами)» [291, с. 261].

Нам кажется, что рациональной в концепции Илдико Эчеди является лишь идея о племенах как административных единицах, организованных силою (властью) уже не на кровнородственных связях, а связях хозяйственных и территориальных. А. Н. Бернштам также допускал толкование тюркского эля как «совокупности племен». Но он видел в такой совокупности именно государство. «Совокупность племен, — писал он, — входивших в состав государственного образования, и образовывала эль, племенной союз. Это было, однако, объединение не первобытнообщинного строя, а примитивная форма государственного устройства. Организация такой формы управления, господства и подчинения была следствием расслоения общества на классы» [20, с. 100]. С. Г. Кляшторный считает, что «родоплеменная организация — будун и военно-административная (государственная) организация — эль взаимодополняли друг друга» [84, с. 145]. Но как они дополняли друг друга — по схемам ли, разработанным М. Мори [210, с. 98, 102, 111], или как-то иначе — неизвестно.

Нетюркские народы и какая-то часть тюрков были включены в состав тюркского государства силой оружия. Древнетюркские тексты терминологически выделяют процесс включения в тюркское государство тех, кто по «четырем углам» от тюрок были врагами. Каган говорит:

> Народы четырех стран света
> (букв. находящиеся в четырех углах) —
> всех я усмирил, сделал невраждебными.
> Все [они] мне подчинились [162, с. 26].

Завоеванные враги-чужеземцы и управлялись иначе: они могли сохранять свои социальные структуры — и ими ведал наместник тутук. Главным в инкорпорации нетюркских народов в тюркский эль являлось подчинение; мы не знаем отношений союзнических, а значит, в строгом смысле слова не было конфедерации или федерации. Существовало государство, в котором свой народ был устроен по административному (военно-административному) принципу и которое могло использовать какие-то неизвестные нам формы родоплеменной организации, ибо не нарушение, а сохранение некоторых институтов родового строя «было прямым интересом господствующего класса» [20, с. 115]. А чужой народ был подчинен, и если на него не распространялась своя административная организация, то он сохранял свои социальные структуры и управлялся наместником.

Подчиняясь с 630 по 682 г. танскому Китаю, и до и после этого периода в результате постоянных контактов с Китаем тюрки восприняли

ряд наименований китайских чинов, таких как тутук (от китайского «дуду», правитель пограничной территории; должность эта была заимствована у китайцев жуаньжуанями и от них перешла к тюркам), сэнгун (от китайского «цзянцзюнь» — генерал), тайши (от китайского «тайцзы» — наследник престола, знатный человек). Илдико Эчеди указывает 11 наименований должностей и титулов, в известной мере вопреки своей трактовке тюркского государства как «племен, организованных в империю», справедливо отмечая, что тюрки заимствовали в основном титулы и чины китайской местной администрации, и эти чины и титулы были именно «заимствованы», а не пожалованы из Китая [289, с. 92].

Отношения тюркского государства с суйским и танским Китаем развивались в традиционных формах «родственных» отношений «тестя — зятя», «отца — сына», где младшим — «зятем», «сыном» — являлся тюркский каган, отношений, основанных на клятвенных договорах «мэн», или в системе отношений «ди го». М. Мори, который трактует отношения «ди го» как «отношения соперничества», полагает: главным являлось то, что выбор формы отношений всегда зависел от «подлинного баланса сил» [210, с. 9]. По подсчетам М. Мори, за 161 год взаимоотношений тюрков с Китаем (с 584 по 744 г.) отношения «ди го» практиковались с 615 по 629 г. и с 686 по 696 г., т. е. около 25 лет, а отношения, закрепляемые в тех или иных терминах родства — около 160 лет [210, с. 10].

В 567 г. каган Цицзинь выдал свою дочь замуж за императора Чжоу. Государство Чжоу платило тюркскому кагану ежегодную дань в 100 тыс. кусков различных шелковых тканей [255, цз. 50, с. 3б]. В 579 г. Тобо-каган обратился к императору Чжоу с предложением установить отношения хэцинь. Дочь одного из чжоуских ванов (а не дочь императора Чжоу) была объявлена принцессой Цяньцзинь-гунчжу и отдана кагану в жены [255, цз. 50, с. 3б].

Интересно, как на практике при переписке и процедуре общений квалифицировались отношения тюрков и Китая, скажем, при Шаболю-кагане (Ишпара-кагане, 581–587). Оказавшись в трудном положении из-за войн и вражды с сородичами, тремя другими каганами, Ишпара-каган в 584 г. послал письмо императору Суй Гао-цзу, в котором предложил рассматривать себя как «сына». «Императо̄р — отец [моей] жены и поэтому как бы батюшка и мне. Я — муж [его] дочери и поэтому могу быть наравне с сыном [императора]». Гао-цзу принял это предложение и в ответ написал: «Поскольку я являюсь батюшкой жены Шаболю, то ныне и на Шаболю смотрю как на сына». Привезший письмо посол Суй Юй Цинцзэ, видимо, намекнул, что каган должен поклониться ему. Шаболю принял его сидя и в ответ на намек заявил, что он болен и

встать у него нет сил, и, чтобы было ясно, что это только отговорка, добавил: «С тех пор, как я стал отцом и дядей, я никому не кланяюсь» [219, цз. 84, с. 4а]. Как сказано в «Тун цзянь цзи ши бэнь мо», понимать это надо как заявление о том, что Шаболю стал «отцом всех», т. е. императором [270, ч. 5, цз. 26а, с. 80]. При вручении грамоты китайцы снова стали настаивать на выражении почтения и требовать, чтобы каган встал: «Тюрк и Суй — императоры двух великих государств. Каган не встает — как осмелиться идти против его желания. Однако, если катун — дочь нашего императора, то каган — зять Великой Суй. Почему бы ему не выразить почтения батюшке жены?» Шаболю замялся и, обращаясь к своим дагуань (сановникам), сказал: «Следовало бы поклониться батюшке жены», после чего встал, поклонился, преклонив колени, принял письмо, заверенное императорской печатью, и возложил его себе на голову. Поскольку это было позором, то его подданные сбились в кучу и заплакали. Цинцзэ предложил Шаболю принять звание «чэнь» (вассал). Шаболю, обратясь к окружающим, спросил: «Что значит „чэнь“?». Окружающие ответили: «На языке Суй сказать „чэнь“ все равно, что сказать „раб“». Шаболю сказал: «Усилиями пуе Юй я смог стать рабом императора Суй» [270, ч. 5, цз. 26а, с. 80–81]. Это была ирония. Уступчивость кагана объяснима — он был поставлен в трудное положение каганом Датоу на западе, а на востоке страшился киданей, и весь спектакль с принятием письма императора Суй был ему нужен для того, чтобы обезопасить границу с Китаем. Помощь, оказанная Шаболю, привела к тому, что император Суй смог заявить: «Хотя в прошлом [Шаболю] и просил мира, [мы] были как бы два государства. Теперь же стали государем (цзюнь) и вассалом (чэнь)!»

В 597 г. суйский император Вэнь-ди отдал за Тули-кагана девушку из своего рода [219, цз. 84, с. 4а]. Танский император Гао-цзу первоначально в отношениях с тюрками «пользовался правилами „ди го“», и в переписке использовались послания (шу). После отказа от отношений ди го послания были заменены указами (чжао чи). На смену ди го пришли отношения, основанные на клятвенных договорах — мэн. В 626 г. император Гао-цзу и Сели-каган (Эль-каган) принесли в жертву белую лошадь и заключили клятвенный договор [239, цз. 194а, с. 3б]. В годы царствования У-дэ (618–626) западнотюркский шад Мохэ приезжал в Чанъань. Только что вступивший на престол император Тай-цзун заключил с западными тюрками клятвенный договор мэн, и было решено, что император Тан и каган западных тюрков будут считаться братьями (сюньди) [239, цз. 194б, с. 3а]. Мохэ-шад был подданным кагана Тунябгу и, возможно, заключил договор от его имени, в противном случае мы имеем любопытный пример заключения клятвенного договора ша-

дом. При династии Тан тюрки не раз пытались установить с ней отношения хэцинь, но безуспешно. В 710 г. было дано принципиальное согласие выдать за Мочжо-кагана (Бег-чура) дочь Сун-вана Чэнци под именем Цзиньшань-гунчжу, однако это согласие не было реализовано [239, цз. 194а, с. 12а].

В 721 г. в отношениях тюрков с танским Китаем появился новый момент. Бильге-каган предложил императору Тан Сюань-цзуну считать его «сыном» [239, цз. 194а, с. 14а], т. е. установить такие отношения в терминах кровного родства, при которых император Тан считался бы «отцом», а тюркский каган — «сыном». Одновременно каган просил в жены принцессу, но не получил ее.

Восточные тюрки так и не получили в жены танских принцесс. Принимая танского посла, Бильге-каган говорил: «Тибетцы — собачье племя, но государство Тан дало им [принцессу] и установило с ним брачные отношения. Си и кидани — издревле рабы тюрков, а тоже женаты на принцессах из семьи Тан. Тюрки много раз просили заключить мир, основанный на родстве (цзе хэ цинь), и только они не удостоены согласия. Почему?» Посол Тан, пытаясь хитрить, сказал: «Поскольку каган и император являются сыном и отцом, то может ли сын быть в отношениях брачного родства со своим отцом?» На это каган без обиняков ответил: «Ведь всем хорошо известно, что принцессы, выдаваемые танским императором за иноземных правителей, в действительности не являются дочерьми сына Неба» [239, цз. 194а, с. 14а–14б]. Каган сказал сущую правду, но принцессу в жены не получил.

Западные тюрки, создав свое независимое государство, покорили многие города-оазисы Восточного Туркестана. Для управления покоренными была принята первоначально следующая система: «Все ваны государств Западного края были пожалованы чином эльтебер, и при этом к каждому был послан один человек в чине тутука для того, чтобы надзирать за ними и управлять ими, взыскивать с них налоги» [239, цз. 194б, с. 3б]. При Иби-шаболо-шэху-кагане подвластные тюркам государства «получили своих цзеду», т. е. стали управляться наместниками, которые были приравнены к китайским генерал-губернаторам.

УЙГУРЫ, КИРГИЗЫ

Предки уйгуров именовались в китайских источниках «высокими телегами» (гао чэ, гао цзюй), потому что они кочевали на телегах, у которых были большие колеса и множество спиц в колесе. Они управлялись старейшинами, а основой их социальной организации была семья (юрта) — ло. Народ «высоких телег» состоял более чем из 100 тыс. ло. В 487 г. народ «высоких телег» разделился на две части (бу), одна из которых именовалась «передней», вторая по аналогии должна была бы именоваться «задней». Во главе каждой бу стоял правитель, один из них принял титул, звучавший на языке сяньби как «хоулоу-фулэ», что якобы означало «великий сын Неба», а второй — титул «чучжу» («государь, наследник престола») [185, цз. 103, с. 735]. По сообщениям того же источника, оба правителя «жили в мире и согласии, выделив [свои] части и утвердившись правителями» [185, цз. 103, с. 735]. К началу VI в. прозвище «гаоцзюй» было вытеснено другим — «теле», но в их разных племенах всегда первыми упоминаются уйгуры Девять племен, току Огуз назывались Огузами по имени героического предка Огуз-кагана. Более архаической формой имени Огуз была «огур». «В такой форме оно сохранилось в особой группе тюркских языков, наследником которой является современный чувашский»[1].

С возникновением первого Тюркского каганата уйгуры (именовавшиеся «телэ», затем «хуэйху») стали подданными тюрок. Их правитель имел титул «иркин», и этот титул передавался в семье правителей уйгуров по наследству. «Цзю Тан шу» сообщает, что уйгуров было 100 тыс. человек. Их иркин по имени Пуса вместе с племенем сеяньто в 628 г. нанес поражение тюркам и принял более высокий титул эльтебера. Ставка его находилась на р. Толе. Вместе с сеяньто уйгуры входили в конфедерацию племен теле. В 646 г., пользуясь тем, что первый Тюркский каганат распался и попал в зависимость от Тан, эльтебер уйгуров принял еще более высокий титул кагана. Он вступил в союз с Китаем и получил от китайского императора звание «большого генерала» (да цзянцзюнь), а его подданные по китайскому образцу были поделены на

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи... С. 60.

шесть фу (департаментов) и семь чжоу (округов). Правители фу получили чины дуду, правители чжоу — цыши, в штате чинов появились чины чжанши (главы писцов) и сыма (помощника по военным делам). Однако это были чины для сношений с Тан, ибо, по сообщению того же источника, приняв титул кагана, эльтебер Тулиду «установил штат чинов и титулов, целиком подобный тюркскому» [239, цз. 195, с. 1б].

В первой половине VIII в. при кагане Пэло уйгуры и подчиненные им басмылы и карлуки составили в государстве уйгуров 11 було — девять кланов уйгуров (син) плюс кэ бу — «бу гостей», басмылов и карлуков. Каждым було управлял правитель с китайским титулом «дуду», т. е. було равнялось крупному округу особого управления (департаменту) в китайской административной системе.

В 744 г. с распадом Восточнотюркского каганата власть в Центральной Азии перешла к каганату Уйгурскому. Каганат охватывал огромную территорию от Большого Хингана до Алтая и от южных отрогов Саян до пустыни Гоби. Уйгурские каганы имели титулы бильге-каганов (мудрых каганов), их титулы свидетельствуют о том, что представления о природе власти кагана у уйгуров были аналогичны тюркским: власть была «от Неба» (тэнгрида), каганы обладали небесной харизмой — кут. Ставка уйгурского кагана именовалась по-китайски «ячжан», она была оседлой. Каган жил в городе, обнесенном стенами, который китайцы именовали «уйгурский город». Летом каган сидел «в золотом шатре». Н. Я. Бичурин переводит слова «золотой шатер» как «золотая орда» [23, т. 1, с. 355]. Киргизский правитель угрожал уйгурскому кагану: «Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя» [23, т. 1, с. 355]. По сведениям «Синь Тан шу», «золотой шатер» был постоянным местом пребывания уйгурского кагана [218, цз. 217б, с. 1662]. По старой тюркской традиции уйгурский каган сидел лицом к востоку.

В уйгурской номенклатуре должностей титулы шадов были приравнены к китайским титулам ванов, а титулы дуду — к титулам гун. Но, видимо, все определялось реальной силой и властью, так как один из дуду тоже получил титул вана. Члены правящего дома уйгурских каганов носили титул тегина. Китайские источники упоминают в штате уйгурских чинов мэйлу (буюрук)[1], мохэ (бага) и дагань (таркан), одна-

[1] Основываясь на материалах Терхинской и Тесинской надписей, в которых упоминаются «девять великих буюруков», А. К. Камалов делает вывод о более высокой роли буюруков в администрации Уйгурского каганата по сравнению с той, которую эта группа должностных лиц играла в каганатах тюркских. См.: *Камалов А. К.* Китайские источники эпохи Тан о структуре власти в Уйгурском каганате (744–840 гг.) // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. Ч. II. М., 1988. С. 75–81.

ко, как указывает К. Маккеррас, точные обязанности этих чиновников Уйгурского каганата неизвестны [327, с. 163].

По крайней мере часть уйгуров были манихеями. Манихейские проповедники предполагали «страну с варварскими обычаями и запахом крови» «превратить в страну, где питаются овощами», «страну, в которой убивали», — «в страну, в которой поощряется добро» [13, с. 581].

В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву [163, с. 52], в 755 г. они оказали большую услугу танскому Китаю, подавив восстание Ань Лушаня и Ши Сымина. После этого уйгурский каган Мояньчжо получил в жены подлинную китайскую принцессу, дочь императора Су-цзуна с титулом Нинго-гунчжу. С годов правления Чжи-дэ (756–758) каган уйгуров и император Тан стали считаться братьями. В 787 г. уйгурский Алпкут-луг-бильге-каган предложил императору Тан Дэ-цзуну заключить договор хэцинь. Сохранились основные условия этого договора: 1. Уйгурский каган признавал себя вассалом (чэнь) и сыном императора Тан. 2. Любое посольство уйгуров в Китай не должно было превышать 200 человек. 3. Уйгуры обязались клеймить не более тысячи коней для продажи. 4. Уйгуры обязались не увозить за пределы Тан согдийских купцов. В соответствии с договором за уйгурского кагана была выдана принцесса из правящего дома Тан, Сяньань-гунчжу, 21 года, которая сумела в дальнейшем побыть женой четырех уйгурских каганов. Таким образом, договор был оформлен в терминах родства (отец — сын), скреплен браком, и каган уйгуров признавал себя вассалом. Остальные сохранившиеся пункты договора: односторонние обязательства уйгуров не уводить из Китая согдийских купцов, соблюдать установленную соглашением численность посольств и торговых миссий и количество продаваемых в Китай коней. Танский двор не хотел затруднять себя расходами на закупку лошадей и ответные дары. В 840 г. Уйгурский каганат был уничтожен киргизами.

Формы государственности Уйгурского каганата были аналогичны общетюркским. Возможно, деление на було, возглавляемые дуду, или если не дуду, то иными чиновниками, было и в Тюркском каганате. В этой же традиции строили свой эль тюрки сеяньто в пору их усиления. Их правитель титуловался каганом. Каган Инань поручил командование 200-тысячным войском двум своим сыновьям с титулами шадов, назвав управляемые ими области южной и северной. Другие каганы предпринимали попытки назначать сыновей правителями восточной и западной стороны, китайский двор титуловал этих правителей малыми каганами [218, цз. 217б, с. 1659].

Сохранились некоторые сведения об администрации Киргизского каганата. Енисейские киргизы зависели первоначально от сеяньто, и ими

управлял наместник (цзянь го) с титулом эльтебера. Непосредственно киргизами правили три киргизских старейшины (цючжан) — Цисиби, Цзюйшабоби и Амиби, «би» в данном случае, очевидно, «бий». Они «сообща управляли государством». Киргизский правитель, приезжавший к танскому двору, имел титул эльтебера, а когда киргизы подчинялись Уйгурскому каганату, их правитель имел титул «бицзя тунь цзецзинь» (бильгя... иркин). За два столетия (VII–VIII вв.) сформировался правящий дом киргизов Ажэ. Судя по китайским сведениям, «ажэ» — это и титул, и клановое (син) имя правящего Дома [218, цз. 217б, с. 1662].

Разгромив Уйгурский каганат и преследуя бежавших уйгуров, киргизы совершили ряд походов на запад вплоть до Кашгара, на востоке в верховьях Амура они атаковали шивэй. «В середине IX в. государство на западе ограничивалось Иртышом, на севере и востоке — Ангарой, Селенгой и хребтом Большой Хинган, на юге — пустыней Гоби» [163, с. 58]. В X в. юго-восточную часть каганата отвоевали кидани, и граница здесь стала проходить по Хангайскому хребту.

Государство киргизов, по сведениям китайских источников, делилось на бу. Чиновники Киргизского каганата подразделялись на шесть разрядов (лю дэн), что явно как-то соотносится с «шестью министерствами» администрации танского Китая. И надо сказать, что именно в администрации Киргизского каганата больше всего было китайских чинов. Таковыми являлись: 1) цзайсян (канцлер, визирь, глава правительства); цзайсянов в киргизском государстве было семь; 2) дуду (тутук) — должность, полагаемая тюрками как «своя». Дуду — крупные местные администраторы. По аналогии с Уйгурским каганатом они должны были и в каганате Киргизском управлять крупными административными единицами (бу); дуду было три; 3) чжиши (посыльные) — чиновники, делегируемые из центра на места с каким-либо поручением, их было десять; 4) чжанши — руководители делопроизводства, секретариата, их было пятнадцать; 5) цзянцзюни (сэнгуны) — командующие войсками, генералы, число их было непостоянным; 6) дагань (тарканы); эта должность была уже чисто тюркской (если не принимать во внимание ее происхождение от китайского «да гуань» — большой чиновник); тарканы в традиционном тюрко-монгольском значении этого чина являлись сборщиками налогов, число тарканов, как и число генералов, не было постоянным.

По китайским сведениям, семь цзяйсянов, три дуду и десять чжиши «ведали войсками», хотя реально это, очевидно, были чиновники (и командиры) военно-административного аппарата, при этом большое число цзяйсянов — семь и малое число дуду — три свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что они дополняли друг друга как главные админи-

страторы центральной и местной власти. 15 чиновников, ведавших делопроизводством (секретари-чжанши) — свидетельство широкого употребления письма и документации. Судя по сведениям «Синь Тан шу», в делопроизводстве Киргизского каганата использовалось уйгурское письмо. Население Киргизского каганата платило налоги пушниной, соболями и белками. Налоги, вероятно, собирали тарканы, но не исключено, что в этом участвовали и другие чиновники. Совершеннолетние мужчины всех бу считались военнообязанными и должны были нести повинности, были «теми, кто обязан служить и работать». Они шли на военную службу в войска кагана, а то, что их повинности обозначены и словом «и» (трудовая повинность), может служить свидетельством того, что их привлекали и к общественным (государственным) работам, а не только к службе в армии.

Киргизский каганат имел свое законодательство. За мятеж, измену (букв. «за безрассудные рассуждения о государственных делах») полагалась смертная казнь посредством обезглавливания. Обезглавливали также дезертиров, бежавших из рядов армии «перед битвой», и посыльных (гонцов), не выполнивших свое задание. Смертная казнь полагалась за воровство. Воровство, видимо в особо тяжких случаях, влекло за собой общесемейную ответственность, так как наказывался не только вор, но и его отец. Если чей-либо сын был казнен за воровство, то голову казненного вешали на шею отца и отец должен был носить ее так до самой своей смерти [218, цз. 217б, с. 1661]. Таким образом, известные нам киргизские законы охраняли интересы кагана и государства и права собственников. Каган киргизов имел ставку в горах, в городке, окруженном частоколом. От китайского двора каган имел титул «Потомственный герой, воинственный искренний и светлый каган» (цзун инсюн у чэн мин кэхань).

На примере Уйгурского и Киргизского каганатов мы видим, как совершенствовалась общетюркская государственность народов Центральной Азии; формирование государственного аппарата шло по пути сочетания древнетюркских органов управления, имевших частью жуаньжуаньские истоки, с заимствованными из Китая и приспособляемыми к своим условиям. Практически все каганаты, даже по нашим скудным сведениям, имели определенную специфику в организации органов управления.

С. А. Плетнева, не отрицая, что «тюркские каганаты были уже государствами» [145, с. 69], полагает их находившимися на второй стадии кочевания и противопоставляет им Уйгурский каганат, общество третьей стадии, в котором «земледелие сразу заняло в экономике... видное место, превратившись в развитую ее отрасль» [145, с. 89]. К третьей

стадии относит С. А. Плетнева и Киргизский каганат; она видит в известной мере его успехи в том, что киргизы «более уйгуров и тюрок свободны от влияния и интриг китайского двора, что несомненно способствовало росту их собственной государственности и культуры» [145, с. 93]. Мы уже отмечали, что если брать систему управления, то становится ясным, что Уйгурский каганат практически не создал ничего принципиально отличавшего его от системы и структуры тюркской государственности, а аппарат управления Киргизского каганата как раз гораздо более, чем Тюркский и Уйгурский, был построен именно по китайскому образцу.

КИДАНИ

Китайские авторы, склонные к линейному пониманию истории народов как преемства от одних народов к другим, уже в X–XI вв., не имея точных сведений о происхождении киданей, искали их истоки то в общности сюнну (гуннов), то в среде восточных соседей гуннов дунху [64, с. 17–22].

Столь же неясны и время появления этнонима «цидань» (кидань), и сфера его распространения [64, с. 23]. Первые упоминания о киданях имеются в «Вэй шу» и относятся ко второй половине IV в. Установлено, что «восемь древних киданьских племен», о которых говорится в «Ляо ши» (цз. 32), вряд ли в то время именовались киданьскими. Как полагает Сунь Цзиньцзи, «цидань могло быть названием только одного из восьми племен и не являлось общим наименованием восьми племен» [222, с. 93], т. е. племя «кидань» было лишь одним из восьми племен.

В начале правления в Китае династии Тан (VII в.) китайские авторы насчитывают 12 киданьских племен, в конце правления Тан (конец IX — начало X в.) — 10. Кидани и родственные им племена жили к северу от Хуанлун (г. Нунъань, пров. Гирин, КНР), в долине р. Хуаншуй, современная р. Ляохэ, или Шара-Мурэн. Первый правитель киданей Бинэн упоминается в китайских источниках между 233–237 гг.

Во второй половине V в. предки киданей стали называть себя «кидань», их предводитель именовался «мофухэ» (вариант мохэфу), кидани подразделялись на було, в каждом було было примерно 3 тыс. телег и более 10 тыс. человек. Титул «мохэфу» в разных вариантах его написания встречается у улохоу, туюйхуней, шивэй. Некоторые исследователи возводят его к древнетюркскому «бага», или «бек» [359, с. 430]. Обычаи киданей были близки к обычаям мохэ. По данным «Суй шу», кидани занимали в конце VI в. небольшую территорию протяженностью 250 км с запада на восток и 150 км с юга на север [219, цз. 84, с. 12а]. В это время кидани делились на 10 неравновеликих бу: большое бу могло выставить 3 тыс. воинов, малое — тысячу. Каждое бу возглавлял правитель (цюшуай). В случае подготовки военного похода правители сообща обсуждали вопросы, связанные с предстоящей войной. Непонятно, все ли правители киданей — цюшуай — именовались в этот

период по-киданьски «мохэфу» или это был только титул их верховного правителя, общего для всех киданьских бу. Несомненно, что такой верховный правитель имелся, так как существовала система оповещения общего сбора войск с помощью верительных бирок (пайцз) и такие оповещения могли прежде всего исходить из политического и социального центра [219, цз. 84, с. 12а]. Права верховного правителя были достаточно широки. По сведениям «Цзю Тан шу», правители бу не имели права самостоятельно производить мобилизацию войск [239, цз. 19б, с. 5а; 64, с. 157]. На всем протяжении VI в. кидани поддерживали тесные связи с корейским государством Гаоли (Коре).

В VII в. кидани усиливаются. Китайские источники называют впервые их клан наследственных правителей (цзюнь — государей) — Дахэ. Подчиненные правителю из клана Дахэ, в тот период кидани делились на восемь бу. Глава каждого бу по-киданьски титуловался «жухэчжу». У киданей имелась армия в 40 тыс. человек. Кидани подчинялись тюркам, и их правитель из клана Дахэ носил тюркский титул иркина. Если возникала необходимость выступить на войну, иркин совещался с правителями бу. В правилах выступления войск было оговорено, что при проведении облавных охот, которые играли роль маневров, согласие иркина и жухэчжу не требовалось. Главы бу могли проводить облавные охоты по своему усмотрению [218, цз. 219б, с. 1669]. Сведений о том, как кидани подразделялись в это время внутри бу (на «телеги», «кибитки»?), нет. Родственные киданям племена си делились в пределах бу на ло — группы семей, объединенные кровным родством и ведущие кочевое хозяйство. Можно допустить, что и киданьские бу делились на ло. Семьи, объединявшиеся в ло, жили в войлочных юртах. Кочевали они в повозках, на стоянках повозки каждого ло образовывали окруженный повозками лагерь — курень. В «Синь Тан шу» сказано, что кидани «ставят повозки кольцом, образуя лагерь» [218, цз. 219б, с. 1670]. Ставка правителя бу именуется в китайских источниках «я», ее охраняла гвардейская стража из 500 воинов. Правители киданьских бу иногда также имели тюркский титул иркина, в китайских источниках VII в. они именуются «цзюньчжан».

Во время победоносных войн Китая против корейских государств Коре и Пэкчэ (644–688) в контакт с китайскими властями вступил киданьский правитель Кугэ. Он выразил желание «примкнуть к внутренним (китайским) территориям», признал сюзеренитет Китая, за что получил от императора Тан титул «нань» — пятый и последний титул знатности из числа гун, хоу, бо, цзы, нань. Одновременно слово «нань» значило также «сын». По принятой при династии Тан практике земли киданей были зарегистрированы в административных единицах Тан:

все они были сочтены за дудуфу — «генерал-губернаторство» Сунмо, а территория каждого бу была принята за округ чжоу. Каждый правитель бу получал должность правителя округа — цыши. Кугэ была пожалована фамилия танских императоров Ли. На рубеже VII–VIII вв. при правлении в Китае императрицы Ухоу (690–705) потомок Кугэ по имени Цзиньчжун (китайское имя, значившее «совершенно преданный») отказался признавать сюзеренитет Тан и объявил себя независимым правителем киданей с тюркским титулом «каган». Полный его титул по-китайски передан как «у шан кэхань» — «каган, не имеющий над собой верховного правителя» [218, цз. 219б, с. 1669]. Киданьский каган оказался лицом к лицу с тремя врагами — китайцами, тюрками и си. Он пал в этой борьбе, его сподвижник и преемник Вань-жун продолжал войну, но и он в 697 г. был разбит, бежал в сопровождении своих домашних рабов, которые и убили его. Кидани подчинились тюркам. Их правитель получил от тюрок титул эльтебера.

В 716 г. правитель киданей Ли Шихо вновь вступил в сношения с Китаем. Он получил титул князя региона (цзюнь ван) и должность генерал-губернатора Сунмо (сунмо дуду). Правители восьми киданьских бу были восстановлены в должностях цыши. Шихо установил с танским двором отношения хэцинь и получил в жены танскую принцессу. Титул вана сохраняли преемники Шихо — Юйюй и Шаогу. Оба они также имели жен, полученных от танского двора. Именно в VIII в., по сообщению источника, правители киданей стали именоваться каганами и ванами [218, цз. 219б, с. 1670]. При правлении Шаогу был сделан значительный шаг к созданию государственного аппарата у киданей — более 100 киданьских правителей (цючжан) получили чины (гуань) [218, цз. 219б, с. 1670]. Во время правления Юйюя и Шаогу за их спиной стоял влиятельный и сильный человек, некто Кэтуюй. Кэтуюй убил Шаогу, посадил на «трон» своего ставленника, который подчинился тюркам. Возможно, в лице Юйюя, Шаогу и Кэтуюя мы имеем представителей двух разных ориентаций в правящем клане киданей — на Китай и на тюрков. Победа тюркской партии привела к войне с Китаем. В 732 г. танские войска успешно вели боевые действия против киданей, но в следующем, 733 г. кидани нанесли китайцам поражение. Однако война обострила противоречия в правящем клане киданей: вначале был убит Кэтуюй, затем тот, кто убил его — ван Гочжэ.

После гибели второго Тюркского каганата кидани признали сюзеренитет уйгуров. Правитель киданей получал от уйгурского кагана печать как символ власти, хотя одновременно он продолжал носить и китайский титул вана. В 842 г. уйгуры разгромили киданей, что немедленно привело к упрочению связей киданей с Тан. Правитель киданей

обменял уйгурскую печать на печать, полученную от танского двора. Легенда этой печати была унизительной для его достоинства — «печать киданя, служащего государству» [218, цз. 219б, с. 1670], — хотя за ним сохранялся титул вана. Так продолжалось до тех пор, пока Елюй Абаоцзи не пришел к власти.

Таким образом, клан Дахэ, судя по китайским источникам, наследственно правил киданями около 300 лет. За эти три столетия в киданьском обществе произошло очевидное социальное расслоение. Оно знало рабство (домашние рабы убили правителя Ваньжуна). Кидани делились на богатых и бедных. Богатые — правители бу, их окружение, окружение вана киданей, богатые скотовладельцы — постепенно образовали господствующий класс общества, противостоящий рядовым скотоводам и рабам. Ван имел ставку, двор и гвардию, в его подчинении были войска всех бу, правители бу не имели права самостоятельно поднимать войска в поход, за исключением случаев проведения облавных охот.

Ван имел штат чинов, часть которого, возможно, была организована по китайскому и тюркскому образцам. При Шаогу штат чинов составлял 100 человек. Во второй половине VIII в., когда киданьские местные правители (цюхао) приезжали к танскому двору, император одаривал их в зависимости от того чина, который они имели у себя на родине [218, цз. 219б, с. 1670]. И хотя в «Синь Тан шу» говорится, что после того, как кидани подчинились уйгурам, танские императоры «не жаловали их правителям чинов и титулов» [218, цз. 219б, с. 1670], не следует это понимать как то, что у киданьских правителей были только китайские чины или наличие либо отсутствие чинов зависело только от китайского двора. Кидани имели и тюркские чины, и свои собственные. Можно полагать, что, по крайней мере в VIII–IX вв. мы имеем раннее киданьское государство с государем (ваном) из наследственно правившего клана Дахэ (одним из титулов вана был титул тегина, наследника престола [240, цз. 137, с. 1а]), штатом чинов, армией, подчинявшейся только вану, и административным делением на восемь бу. Китайцы трактовали слово «бу» как округ, а правителя бу — как правителя округа. Китайский двор высоко ставил государство киданей, правители киданей много раз получали в жены танских принцесс. В такие отношения китайский двор вступал только с теми правителями, которых полагал главами государств.

Далее мы сталкиваемся с проблемой, как все вышеизложенное, зафиксированное в единственно доступных нам китайских источниках, увязать с тем, что эти же источники рассказывают о приходе к власти Елюй Абаоцзи и появлении киданьского государства Ляо. «Дажэнь их

(киданей. — *Е. К.*) 8 „бу“ по закону регулярно сменялись каждые три года. В это время Елюй Абаоцзи, водрузив знамя и установив барабан, создал единый (единственный) „бу“ („и бу“) и не согласился на замену. Он сам титуловал себя ваном и завладел государством („ю го“). Род Дахэ пресекся» [218, цз. 219б, с. 1670].

В. С. Таскин абсолютно верит «в регулярную сменяемость вождя» киданей и его избрание [165, с. 171]. Но факты киданьской истории до Абаоцзи противоречат этому. Источники говорят не о владении и выборных вождях, а о государстве, ибо и Абаоцзи захватил, «заимел государство». Данный В. С. Таскиным перевод — «он объявил себя ваном и подчинил все владения» [165, с. 171] — как раз исходит из предположения, что государства у киданей до этого не было. Китайские источники ни слова не говорят о том, что ваны киданей сменялись каждые три года, да, очевидно, этого и не было. Ван киданей Сиэрчжи правил с 860 по 874 г. Шихо умер в 717 г., и после этого примерно до 733 г. у власти был Кэтуюй, или являясь теневым правителем, или управляя сам. В любом случае за эти годы не «по закону» за 16 лет сменилось четыре правителя, и каждый из них правил в среднем по четыре года, а реально — кто больше, кто меньше, и в источниках ни слова не говорится о необходимости менять государя каждые три года. Так, может быть, «закон» о смене дажэнь (кстати, и этот титул выплывает неожиданно, ранее он применительно к киданям не упоминался) регулярно, раз в три года, появляется только в конце IX в.? Или это был обычай весьма глубокой древности, о котором вдруг кто-то вспомнил в конце IX в.? Почему?

Если мы обратимся к событиям тех лет, то увидим, что последний правитель из клана Дахэ по имени Циньдань поначалу правил успешно, подчинил татар, си, шивэй и обложил их данью. Однако позже власть Циньданя ослабела, и ее взял в свои руки Абаоцзи. Не тогда ли вспомнили об обычае или даже придумали этот порядок? Оуян Сю в «У дай ши» дает «обычаю» любопытную интерпретацию, но не указывает на то, что дажэнь сменяли каждые три года. Приводим отрывок текста в переводе В. С. Таскина: «Глава кочевья назывался „великий человек“, причем постоянно выбирался один „великий человек“, перед которым ставили знамя и барабан в знак власти над восемью кочевьями. Если проходило много времени или в государстве случались бедствия или болезни, из-за чего стада приходили в упадок, то восемь кочевий собирались на совещание и заменяли князя, ставя барабан и знамя перед следующим [„великим человеком“]. Сменяемый считал, что таково первоначальное установление, и не смел бороться за власть» [64, с. 347]. Ни о каких трех годах здесь нет и речи. Вана могли сменить, когда слу-

чались бедствия, а не будь их, он мог править «много лет». То же, что ван не противился смене, сомнительно. 300 лет правления клана Дахэ показывают, что ван или умирал, или его свергали, но не сменяли.

Основатель государства Ляо Абаоцзи не принадлежал к правящему клану Дахэ. Его отец был иркином, главой одного из подразделений киданей. В поздней киданьской интерпретации звание иркина носил «крупный чиновник (да гуань), командовавший (управлявший) войсками и лошадьми» [206, цз. 116, с. 2а]. В 872 г., когда родился Абаоцзи, правителем киданей был Сиэрчжи, которого затем сменил Циньдань. В 901 г. при правлении кагана Ханьдэциня (он же Яолянь) Абаоцзи был назначен иркином своего бу. Он совершил удачные походы против шивэй и си и получил повышение, став «да деле фу иркином» — иркином области особого управления (фу), области, где проживало бу деле [206, цз. 116, с. 2а, цз. 1, с. 1а]. Иной вариант наименования бу, которое возглавил Абаоцзи, — «бу ила». В 902 г. Абаоцзи получил титул юйюе (см. о нем ниже) и должность, которая по-китайски переведена как «цзун чжи цзюнь го ши» — «знающий как военное дело, так и государственные дела» [206, цз. 1, с. 1б].

Еще раз обратим внимание на то, что кидани воспринимали себя как государство. В 904 г. они смогли выставить против китайцев 70-тысячную армию [206, цз. 1, с. 1б].

В 906 г. каган Ханьдэцинь (Яолянь) скончался. Сановники государства просили Абаоцзи занять престол. Он трижды отказывался, а затем внял их просьбам и стал каганом [206, цз. 1, с. 1б]. Тождество Ханьдэциня и Яоляня подтверждается текстом «У дай ши» [165, с. 186]. Таким образом, из текста «Ляо ши» следует, что никакого переворота не было. Так когда же все-таки Абаоцзи «нарушил закон» и истребил дажэнь основных киданьских бу? В 906 г. Абаоцзи стал каганом и сидел на престоле девять лет до этого события, не сменяясь. Значит, истребление дажэнь могло иметь место в 915 г. Действительно, воцарившись после смерти Ханьдэциня, Абаоцзи правил, как мы уже сказали, девять лет, не называя девиза царствования, довольствуясь титулом императора (или вана) и кагана. Возможно, в 915 г. имела место какая-то стычка с дажэнь основных киданьских бу или Абаоцзи сам захотел избавиться от них, чтобы «повысить» значение своего имп̄ераторского титула. В «Ляо ши» об этом ничего не говорится. В «Синь у дай ши» и у Е Лунли в «Цидань го чжи» сообщается, что Абаоцзи уничтожил дажэнь по совету своей супруги Шулюй. В жизнеописании самой Шулюй в «Ляо ши» об этом тоже ничего не сказано. Е Лунли сообщает: «Абаоцзи, используя план жены своей Шулюй, созвал дажэнь на пир под предлогом того, что они пользуются солью из его озера и не угощают его за

эту соль. Дажэнь собрались у соляного озера с быком и вином». Неподалеку от озера Абаоцзи укрыл в засаде воинов. Когда все опьянели, воины вышли из засады и «перебили дажэнь всех племен» [64, с. 312]. В «Ляо ши» также есть сведения о смене правителей (цз. 63) в разделе о предыстории киданей. «В последние годы жизни [Ханьдэцинь-кагана] его власть ослабела. Дажэнь восьми бу по закону постоянно сменялись каждые три года. Елюй Абаоцзи из бу деле (ил) поставил барабан и водрузил знамя и сам создал единое (единственное) бу (цзы вэй и бу), не согласился на замену. Сам принял титул и стал ваном, полностью завладел государством киданей». И далее прибавлено: «Род Яолянь погиб» [206, цз. 63, с. 5а].

Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой: когда клан Дахэ уступил власть над киданями клану Яолянь? Мы уже приводили свидетельство того, что, по мнению Оуян Сю, Яолянь (Яаонянь) было именем кагана, предшественника Абаоцзи. В «Ляо ши» делается попытка установить, когда пресекся клан Дахэ и воцарился клан Яолянь. Предполагается, что он пресекся на Шаогу в первой четверти VIII в. [206, цз. 63, с. 5а]. Это противоречит посылке многих китайских источников о том, что все годы царствования в Китае династии Тан киданями правил клан Дахэ. Судя по тексту «Ляо ши», род Яолянь был главой киданей в X в., в период смены в Китае пяти династий: «В период пяти династий... род (ши) Яолянь изменил наименование восьми бу... ему подчинялся 41 уезд. В каждый бу были назначены цыши, в уезды — уездные правители (лин)» [206, цз. 37, с. 1б]. Однако, если вдуматься, на период правления пяти династий (907–960) не приходится и года правления клана Яолянь, ибо Абаоцзи взял в свои руки власть в 906 г. Если «пять династий» — некая условность обозначения времени окончательной гибели династии Тан (время до 907 г.), то Яолянь — это не клан, а конкретное историческое лицо, которым может быть только каган Ханьдэ-цинь. Семья кагана Ханьдэциня была инкорпорирована в клан Абаоцзи, в императорском указе по этому случаю сказано: «Императорский род наследует девять юрт (чжи) клана Яолянь в качестве десятой юрты» [206, цз. 1. с. 2а].

История смены киданьских каганов из рода Дахэ и каганов из клана Яолянь тоже смутна и неясна. И опять нет никаких подтверждений смены правителя киданей через каждые три года. Возможно, дажэнь киданьских бу, превращенные еще до Абаоцзи, по свидетельству ряда текстов, фактически в правителей округов, видя усиление кагана Абаоцзи за счет походов на соседей — Китай, шивэй и си, его очевидное намерение провозгласить себя императором (или даже уже имея налицо факт такого провозглашения), составили некий заговор против Аба-

оцзи. При этом допустимо, что заговорщики вспомнили какой-то древнейший обычай о смене верховного правителя раз в три года.

Но Абаоцзи в 915 г. обманул и истребил заговорщиков. Сведения официальной истории об этом глухи и противоречивы, так как они не согласуются с версией о том, что все сановники просили Абаоцзи стать их каганом и ваном, а затем и императором.

Судя по «Ляо ши» (раздел «Бэнь цзи»), Абаоцзи в 907 г. объявил себя императором. Был сооружен алтарь, осуществлен обряд «разведения огня»: с его помощью Абаоцзи доложил Небу, что он взошел на императорский престол. Матери своей из клана Сяо он дал титул хуантайхоу (императрицы-матери), жене из того же клана Сяо — титул хуанхоу (императрицы), а затем в том же году принял титул Тянь хуанди — «Императора, [поставленного] Небом», а жене дал титул Ди хуанхоу — «Императрицы, [поставленной] Землей» [206, цз. 1, с. 2а]. В 916 г. Абаоцзи «повысил свой титул». По троекратной просьбе своего племянника иркина Елюй Хэлу и всего штата чинов он, соорудив алтарь, произведя нужные обряды, стал титуловаться Да шэн да мин тянь хуанди — «Великим совершенномудрым, великим светлым, [поставленным] Небом императором». Своей супруге он дал титул Ин тянь да мин ди хуанхоу — «Следующая воле Неба, великая светлая, [поставленная] Землей [императрица]». Сын был объявлен наследником императорского престола (хунтайцзи). В соответствии с императорской системой правления был объявлен девиз царствования Шэнь-цэ (916–922) — «Приобретение божественного мандата на титул».

Таким образом, инвеститура 916 г. отличалась от таковой 907 г. лишь «удлинением» титулов императора и императрицы, введением девиза царствования и объявлением вана наследником императорского престола. Наличие в киданьском обществе конца IX — начала X в. закона об обязательном смещении правителя после трех лет правления нам представляется абсолютно недоказуемым. Столь же трудно судить о том, когда клан Яолянь сменил клан Дахэ, если вообще было несколько правителей из этого клана, а не один Ханьдэцинь. Возможно, при воцарении Абаоцзи у него были конфликты с главами бу, даже завершившиеся их уничтожением, которые и породили сведения источников о существовании «закона о смене правителей раз в три года» и отказе Абаоцзи выполнять этот закон, который не был таковым уже не одну сотню лет. Возможно, этот закон касался не верховного правителя киданей, а правителей бу, но и это требует дополнительных доказательств.

Таким образом, ранние формы киданьской государственности складывались уже в VII–VIII вв. Власть была в руках каганов из клана Дахэ.

Сведения о правлении Тай-цзу (Абаоцзи) и его преемника, императора киданей Тай-цзуна, позволяют в какой-то мере реконструировать формы ранней киданьской государственности и проследить процесс «китаизации» киданей в тот период, когда их империя приводила свои формы правления в соответствие с китайскими. Не употребляя слово «государство», К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн отмечали, что кидани «перед созданием империи Ляо выросли в конфедерацию социально стратифицированных племен с фиксированной знатью и относительно стабильным правящим домом, представители которого занимали пост кагана» [359, с. 17].

Власть кагана, императора киданей, была дарована ему Небом. Абаоцзи был «небесным» императором, императором, поставленным Небом. Небо являлось мужским началом, ибо государыня была «земной» императрицей, императрицей, поставленной Землей как началом женским. В преданиях киданей божество Земли имело антропоморфный образ старой женщины. Однажды императрица Шулюй, жена Абаоцзи, была у места слияния рр. Ляохэ и Тухэ (Лаохахэ). Вдруг она увидела женщину, которая ехала в телеге, запряженной серым быком. Очевидно, увидев императрицу, женщина съехала с дороги и стала невидимой. Говорят, что это «божество Земли было [той] старой женщиной, которая ехала в телеге, запряженной серым быком» [206, цз. 71, с. 2а].

Получая власть, киданьский каган и император киданьской империи Ляо совершали обряд, который по-китайски именовался «чай цэ и» — «обряд получения свидетельства на титул на жертвеннике из дров». «Перед выбранным заранее благоприятным днем сооружалось помещение для получения свидетельства на титул на костре и жертвенник. Для сооружения жертвенника из дров поленья укладываются в три слоя, и на них устраивается жертвенник. Сверху он покрывается квадратным войлоком в 100 чи, украшенным драконами. Сооружались помещения для повторного рождения для императрицы-матери и розыска и опознания его (императора. — *Е. К.*). Император входит в помещение для повторного рождения и совершает обряд повторного рождения. Когда обряд завершается, старцы из восьми бу ставят его перед собой, сами становятся позади него, защищают его с левой и с правой стороны и препровождают в северо-восточный угол помещения для получения свидетельства на титул. Император, совершив поклонение солнцу, садится на коня. Старцы из числа родственников матери-императрицы образуют его свиту. Император стремительно мчится на коне. Затем император падает с коня, люди из его свиты накрывают его войлоком. [После этого] император поднимается на возвышенное место, сановники и правители бу в установленном церемониалом порядке кланя-

ются ему. Император направляет посланца сказать: „Умер прежний император, но остались мои дядья и братья. Следует выбрать из них самого мудрого и сильного. [Я же] не имею благой силы дэ, как смогу управлять?“ Сановники отвечали: „Благодаря щедрым милостям покойного императора и очевидному наличию силы дэ Вашего Величества мы все беспредельно преданы Вам. Осмелимся ли иметь иные намерения?“ Император отдавал приказ: „Следуя вашим пожеланиям, раздаваемые мною награды и назначаемые наказания будут справедливыми и четкими. Имеющих заслуги я буду продвигать по службе и назначать на должности, совершивших преступления я буду понижать в должности и изгонять со службы. И если вы подчиняетесь моим приказам, то должны точно исполнять их“. Все [сановники] отвечали: „Мы будем слушаться только приказов императора!“ В месте, указанном императором, которое должно было стать памятным, наваливали кучу земли и камней в знак памяти об имевшем место событии. Император уходил совершать поклонение изображениям предков и устраивал для сановников пир. На следующий день император выходил из помещения для получения свидетельства на титул и в сопровождении своей личной охраны шел к жертвеннику. Таблички с именами предков из семи храмов устанавливались на украшенном изображениями драконов [войлочном] ковре. Цзайсяны северного и южного управлений во главе сановников вставали в круг и поднимали войлок, держа его за углы и произнося при этом заклинания. Сотрудник Тайной канцелярии (военных дел) приносил яшмовую печать и сделанную из яшмы табличку с текстом свидетельства на титул. Чиновник зачитывал текст свидетельства, а служащий Тайной канцелярии объявлял титул императора и вручал ему [яшмовую табличку]. Все сановники трижды провозглашали здравицу в честь императора и кланялись ему. Цзайсяны, великие князья-ваны северного и южного юаней (подразделения клана Или), главы бу каждый подносили императору в дар по овце красно-коричневого и белого цвета. Император сменял одежды, кланялся изображениям предков, после чего устраивал пир для сановников и раздавал им подарки, каждому в зависимости от его ранга» [206, цз. 49, с. 2б–3а].

Записанный в «Ляо ши» обряд — синкретический, включавший элементы обряда старого, доляоского, и нового. Сооружение жертвенника из дров было связано с культом огня. Огнем доводили до сведения Неба о выполнении его воли, восшествии нового императора на престол. Когда в 907 г. Абаоцзи пришел к власти, он приказал соорудить жертвенник и «сжечь дрова, чтобы доложить Небу о том, что император взошел на императорский трон» [206, цз. 1, с. 2а].

Императоры совершали поклонение духу огня в канун последнего дня года. Приказывали особым уполномоченным и илиби (см. о них ниже) выстроить перед залом ведавших делами государства ланцзюней. «В печь клали соль и бараний жир и сжигали их. Шаманы и главный шаман произносили славословия в честь духа огня. Чиновник-церемониймейстер подводил императора, и тот дважды кланялся огню» [206, цз. 49, с. 4а].

Войлок, укрытие войлоком, усаживание на войлок, подымание на войлоке — обряды глубокой древности у кочевых народов Центральной Азии, связанные с утверждением в правах властителя. В рамках нашего исследования мы уже встречались с этим обрядом у сяньбийцев и тюрков, о нем будет сказано и в разделе о монголах. Поклонение солнцу, культ солнца — характерная черта культовых обрядов киданей. Китайцы даже называли киданей «солнечными киданями» [359, с. 215].

Ритуал показывает, что, по представлениям древних киданей, верховная власть принадлежала не лицу, а клану, роду, ибо новый император говорил, что прежний император умер, но остались его дядья и братья, которые также могут иметь право на власть. Сила дэ, уверения избираемого в том, что он не обладает ею в большей мере, чем его дядья и братья, и обратное уверение сановников в том, что обладание им силою дэ очевидно, — явно китаизированная форма представлений о небесной благодати (харизме), которой должен был обладать правитель. Может быть, китайское влияние проявляется и в обещании императора править справедливо, а сановников — подчиняться ему. То же, видимо, можно сказать и о поклонении табличкам с именами предков, хотя и здесь, возможно, мы имеем некое китайское обрамление старых киданьских обрядов. Вручение таблички из яшмы как свидетельства на власть тоже, кажется, не имеет аналогии в китайских представлениях об императорской власти. Древним был и обряд «второго рождения» правителя, призванный символизировать магическое возрождение его физической, духовной и политической мощи. Этот обряд совершали киданьские иркины. В VIII в. иркин Яньгучжи и его преемник, младший брат Сяди, совершили этот обряд: «По древнему обычаю иркины могли совершать обряд второго рождения. Яньгучжи зашел в юрту и сменил там одежды. Сяди взял его красный халат и соболью шапку и ускакал на белом коне. Затем он приказал сопровождающим его кричать: „Появился новый иркин!“ Все собрались и поклонились [Сяди]. Затем был выполнен обряд „получения свидетельства на титул на жертвеннике из дров, и [Сяди] сам стал иркином“» [206, цз. 112, с. 1а–1б].

Церемониал нового рождения совершался киданьским императором каждые 12 лет, т. е. в соответствии с 12-летним животным циклом,

в последний зимний месяц, в избранный «счастливый день», за год до дня рождения императора. Однако, как показывают источники, это было идеальное требование, вряд ли осуществлявшееся постоянно на практике, так как зафиксировано много отступлений от него.

Сам обряд «второго рождения» заключался в следующем: «Предварительно к северу от запретных ворот очищают землю и устанавливают помещение для второго рождения и помещение для матери-императрицы. В юго-восточном углу помещения для повторного рождения устанавливают колесницу с дощечками с именами ранее умерших императоров. Втыкают три шеста с рогульками на конце рогульками вниз. В избранный день в помещение вводят мальчика и повивальную бабку. Вне помещения становятся замужняя женщина, которая держит [кувшин] с вином, и старик, который держит колчан со стрелами. Чиновник снимает с колесницы таблички с именами предков императора и приносит им жертву вином. После возлияния вина император покидает свои спальные покои и входит в помещение повторного рождения. Придворные сановники приветствуют его двукратным поклонением. Император входит в помещение, снимает одежду и обувь и вслед за мальчиком трижды проходит под шестом-рогулькой. Каждый раз, когда он проходит под рогулькой, повивальная бабка произносит заклинание и обтирает тело императора. Мальчик проходит под шестом-рогулькой семь раз, [после чего] император ложится подле шестов с рогульками. Старик ударяет колчаном со стрелами и возглашает: „Родился мальчик!“ Главный шаман покрывает голову императора. [Император] встает. Придворные сановники дважды кланяются ему и поздравляют его. Повивальная бабка берет вино у той женщины, которая держала его, и подносит его [императору]. Главный шаман берет пеленки и цветные ленты и произносит заклинания над ними. Ранее выбранные семь старцев, стоя на коленях, подносят императору перевязанные лентами [свитки] с предлагаемыми императору именами. Император выбирает понравившийся ему [свиток с именем] и получает имя, означенное в нем. Старцы, получив подарки, кланяются дважды и уходят. Придворные сановники подносят [императору] пеленки, цветные ленты. Император кланяется изображениям предков-императоров и устраивает пир придворным сановникам» [206, цз. 53, с. 8а–9б].

Итак, на обряде присутствуют предки (таблички с их именами), мать-императрица в отдельном помещении, мальчик — символ новорожденного, повивальная бабка, женщина с кувшином вина, старик с колчаном, полным стрел, семь старцев, придворные сановники, шаманы. Шест с рогулькой символизировал женский половой орган и, возможно, древнейшие представления о рождении от дерева. Акт рождения

фиксируется троекратным проползанием голого императора под рогатиной (мальчик пролезает семь раз), повивальная бабка обтирает «новорожденного», ему подают пеленки, одежду новорожденного и дают имя. Роль матери-императрицы абсолютно пассивна. Старик с колчаном стрел, возможно, должен был вызвать рождение именно мальчика, будущего охотника и воина. Он и объявляет, что родился мальчик. Обряд очевидно древний. Исполнял ли обряд «второго рождения» Абаоцзи, неизвестно. Его преемник Тай-цзун совершал его дважды, в 929 и 939 г., в возрасте 27 и 36 лет. По подсчетам японского ученого Симада Масао, совершение обряда «второго рождения» зафиксировано в источниках 22 раза. Одиннадцать раз его совершали императоры, шесть — императрицы, три — наследники престола, один раз — юйюе. На практике времена года, в которые совершался обряд, оказывались самыми разными, ибо в принципе многое зависело от реального дня рождения лица, совершавшего обряд [216, с. 309]. Линь Жуйхань полагает, что связи между обрядом «второго рождения» и обрядом получения инвеституры не было [201, с. 48–51]. В отличие от него Симада Масао считает, что такая связь была в древности, а разделение обрядов произошло позже под китайским влиянием [216, с. 311].

Обряд получения инвеституры являлся в древности обрядом избрания и утверждения правителя. Обряд «второго рождения» осуществлялся для приобретения здоровья (омоложения), долголетия и благополучия. Линь Жуйхань связывает обряд с древним обычаем убивать слабого одряхлевшего правителя и ставить вместо него нового. Он полагает, что во времена Ляо истинный смысл обряда уже был забыт и обряд осуществлялся для приобретения императором новых сил и благополучия [201, с. 51].

У киданей существовал еще церемониал опознания императора. В связи с чем он проводился, неясно. Описание обряда оставил китаец Ван И в сочинении «Янь бэй лу». Подбирали девять чиновников одинакового с императором телосложения и внешности и одевали их в императорские одежды. Затем их вместе с императором разводили по десяти отдельным юртам, в каждой юрте имелись только стул и свеча. 10 других чиновников должны были опознать подлинного императора. Опознавшему его император должен был трижды заявить, что он не император, а опознавший трижды настаивал на том, что перед ним именно император. Только после этого император признавался: «Да, это я». Опознавший получал в награду много скота, опознанный император выходил из юрты, совершал поклонение солнцу, предкам, священной горе Муе и Красной госпоже, прародительнице киданей [64, с. 526]. Возможно, когда-то это был своеобразный обряд избегания,

уклонения от возлагаемого на лицо, в данном случае императора, дела. Ему трижды указывали, что он — это он. Вспомним, что в 906 г. Абаоцзи трижды просили стать каганом, то же повторилось в 915 г. И в обряде получения свидетельства на титул император садился на коня и отъезжал от жертвенника, как бы стремясь уйти от своих обязанностей, но падал с коня и торжественно водворялся на место. Обряд опознания — явно древний, связанный с выбором правителя среди ряда претендентов по каким-то признакам. Возможно, этот обряд совершался нерегулярно, так как не вошел в «Ляо ши».

Таким образом, институт правителя и государя сложился у киданей с глубокой древности и был обставлен соответствующими обрядами. Император Ляо правил по воле Неба, во времена Абаоцзи у киданей имелось уже китайское представление о «мандате Неба». Абаоцзи говорил: «Государь, получивший мандат Неба, обязан служить Небу» [206, цз. 72, с. 1а]. Т. Дж. Барфилд акцентирует внимание на том, что «степные империи» не завоевывали территории Китая, довольствуясь влиянием «на расстоянии» — договорами, данью, торговлей, набегами. Исключение составила Монгольская империя. «Завоевание Китая иноземными династиями было делом народов Маньчжурии — либо кочевников, либо лесных племен из бассейна реки Ляохэ». А «кочевники из центральных степей... никогда не основывали могущественные империи в тот период, когда их маньчжурские „кузены“ правили в Китае»[1]. Наблюдение любопытное, хотя есть, по меньшей мере, два больших исключения. Чжурчжэни (маньчжуры) правили северным Китаем, а в степи возникает Монгольская империя. Маньчжуры правят Китаем, а на границах в степях возникает Джунгарское ханство. А когда сяньби (Тоба Вэй) правили северным Китаем, возник Жуаньжуаньский каганат. Это важные исключения из предлагаемого американским автором правила.

Особенностью администрации Ляо являлось разделение управления на северную и южную зоны, в последнюю входили земли, завоеванные у Китая.

Центральный аппарат Севера состоял из следующих органов управления: бэй шумиюань (Северный тайный совет), сюань-вэйюань, да юйюефу, илиби юань, да линья юань, диле мадусы, вэньбаньсы, ачжагэчжи дэн жэнь гуань шу [217, с. 446]. Для того чтобы пояснить это смешение китайских и киданьских терминов, нужно прежде охарактеризовать чины традиционного киданьского аппарата управления.

Издревле в собственно киданьском аппарате управления государством высокое положение занимало лицо, звавшееся юйюе. Титул (чин) «юйюе»

[1] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 45.

давался за большие заслуги, «тот, кто не имел больших заслуг, не получал [его]» [206, цз. 116, с. 2б]. Заслуги эти могли быть достигнуты в войне и иными путями. Чин «юйюе» не передавался по наследству. Во времена Ляо это была уже почетная должность, не сопряженная с определенными обязанностями. Юйюе рассматривают как тюркское (уйгурское) «огют» (советник). Пост юйюе занимали дядя Абаоцзи Шулань и сам Абаоцзи до того, как стал каганом. Юйюе контролировал военные и политические дела государства, поэтому являлся высшим чиновником при правителях государств, подчинявшихся Ляо. Так, правитель Гаочана в Восточном Туркестане имел титул шицза-ван (арслан-хан), его высший чиновник звался юйюе. Собственно, такое же значение имел чин «юйюе» в царствование Абаоцзи. Приняв в 915 г. вторично титул императора, Абаоцзи назначил юйюе с титулом «алудунь» (алудоли) юйюе своего ближайшего сподвижника Елюй Хэлу. Еще до этого назначения Хэлу управлял «всеми делами армии и государства» [206, цз. 73, с. 2а]. Когда сам Абаоцзи выполнял обязанности юйюе, он тоже «ведал всеми военными и государственными делами» [206, цз. 1, с. 1б].

Представляется, что в механизме старого киданьского доляоского и раннеляоского государственного устройства юйюе был кем-то вроде визиря или канцлера. Позже, после китаизации аппарата управления, чин «юйюе» стал лишь почетным титулом. «Это был почетный чин государства Ляо, подобный трем гунам Китая» [206, цз. 45, с. 6а]. Симада Масао полагает, что при правлении клана Дахэ юйюе являлся высшим чином гражданской и военной власти у киданей, был он и при правлении Яолянь, а при Ляо стал без конкретной должности и обязанностей [217, с. 446].

Вторым по значимости после юйюе в старом киданьском аппарате управления являлся чин тииня. «Тиинь», очевидно, инвариант тюркского «тегин». Один раз в «Ляо ши» значение «тиинь» передано через китайское «сыту». Это была должность советника по воспитанию и обучению членов правящего дома [206, цз. 46, с. 1б]. Обязанности тииня были связаны с делами рода кагана. Тиинь курировал четыре наиболее знатные семьи императорского клана Елюй, ведал двором наследника престола. «Управление тииня Великим сокровенным (да нэй тиинь сы) ведало делами и образованием и воспитанием [членов] четырех юрт императорского рода» [206, цз. 45, с. 13а]. Тиинь являлся начальником чанкуней. Чанкуни курировали жизнь знатных семей клана Елюй, семей клана императриц Сяо и семей потомков каганов клана Яолянь. Тиинь мог командовать войсками, он отвечал за доставку средств на строительство погребального комплекса для императора, участвовал в жертвоприношениях на горе Муе. Но прежде

всего тиинь являлся главой администрации императорского клана [206, цз. 106, с. 2а]. «Тай-цзу поручил тииню управление членами императорского рода и их образованием» [206, цз. 45, с. 6а]. «Тиинь управлял кланом императора. Линья ведал составлением документов. [Он] докладывал их юйюе. Собирали заседание [Совета] и обсуждали на Совете дела, с тем чтобы сянгун и наставники докладывали их в ставку государя. Делопроизводство было несложно, система служб своеобразна. Это и есть то, что было создано Ляо» [206, цз. 45, с. 1б]. Третьим важнейшим чином аппарата управления государства киданей был чин илиби. В начальные годы правления Ляо илиби ведал министерством наказаний (синбу), «управление илиби ведало уголовными наказаниями и тюрьмами» [206, цз. 45, с. 1б]. Ранее илиби выполняли функции судей. Вероятно, до Ляо илиби являлся Хумули, предок в пятом поколении ляоского вельможи Сяо Дилу. Хумули часто ездил в качестве посла киданей к танскому двору. Раз он был задержан китайцами и оставлен жить в Ючжоу (Пекине). Хумули сумел прорваться сквозь китайские заставы и вернуться в свое государство. За это его потомки постоянно занимали должность судьи, передавая ее по наследству [206, цз. 73, с. 3а].

С древности существовала у киданей и должность дилемаду. Дилемаду ведал церемониями. В раннем Ляо дилемаду являлся министром обрядов. «Управление дилемаду ведало обрядами» [206, цз. 45, с. 1б, 6б]. В старом аппарате Ляо имелась также должность линья. Чиновник, занимавший эту должность, ведал документацией, секретариатом [206, цз. 106, с. 5б; цз. 45, с. 6б].

Юйюе, тиинь, дилемаду, линья являлись высшими должностными лицами еще доляоского государства. Они составляли Совет при кагане, в который, очевидно, могли входить и другие лица. Одним из таковых, возможно, являлся ачжагэчжи. Об ачжагэчжи сказано, что это был «старый чин, со времен Яолянь» [206, цз. 45, с. 7а]. Ачжагэчжи имел отношение к Тайному совету, а значит, к армии. Связывая слово «ачжагэчжи» с тюркским «ачку» — «ключ» и превращая ачжагэчжи в ключника, К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн предполагали, что ачжагэчжи — древняя киданьская должность казначея, хранителя казны кагана [359, с. 442]. Симада Масао приводит материалы, свидетельствующие о том, что должность ачжагэчжи имела отношение к чиновникам разряда «тунгуань», чиновникам низкого ранга, помогавшим при совершении обрядов [217, с. 445–448].

Кроме ачжагэчжи в «Ляо ши» упоминается еще киданьский чин «далинь», который уподобляется китайскому «сыкун» — «управляющему общественными работами» [206, цз. 46, с. 18а].

Основными единицами административно-территориального деления государства киданей являлись бу, приблизительно приравниваемые к китайскому округу (чжоу). Бу подразделялись на шиле. Слово «шиле» лингвисты сравнивают с тюркским «тире» (собранные), маньчжурским «дзира», «джира» (собирать вместе) [359, с. 453]. Если бу условно приравнивалось к округу, то шиле — к китайскому уезду (сянь) [206, цз. 45, с. 18б]. Крупные шиле управлялись иркинами, их помощниками были тарканы. Глава чиновников, управлявших шиле, позже именовался «синьгун», словом, которое сравнивают с китайским «цзян-цзюнь» (генерал). Тарканы позже стали именоваться мапу, шиле мапу или мабу [206, цз. 46, с. 2а].

Шиле подразделялись на моле (мили) — территориально-административные единицы, приравнивавшиеся к китайским волостям (сян). Первоначально шиле трактовались как сян, а мили — как маленькие сян. Мили подразделялись на вали (поселения). Соотнесенность между собой территориально-административных единиц, составлявших бу, хорошо видна из описания того, откуда происходил Абаоцзи. Он был человеком из бу Ила, шиле Сялайи, мили Елюй [206, цз. 1, с. 1а].

Наряду с делением на шиле существовало деление на чжао (сотни) [206, цз. 46, с. 16а]. По заключению К. Виттфогеля, «очевидно, шиле и чжао были важными подразделениями племен, меньшими, чем племя, но большими, чем моли. Термин „чжао“, „сотня“, является ключом к возможному (минимуму?) величины этих единиц» [359, с. 444–445]. В племени ила вначале было пять шиле и шесть чжао, затем семь шиле и одиннадцать чжао. Шиле и мили «были не только единицами кочевья и стоянок, но и „воинскими“, власть управлявших ими чиновников была как гражданской, так и военной» [359, с. 518]. Соотношение между собой шиле и чжао остается непонятным. Поскольку в 922 г. пять шиле бу Ила были преобразованы в пять юань, а каждый юань включал сто семей, можно думать, что шиле и чжао являлись взаимозаменяемыми понятиями. Каждое бу имело свое знамя определенного цвета [206, цз. 49, с. 1б]. При жертвоприношениях горе Муе сановники и знатные дамы «надевали одежды, соответствующие цвету знамени каждого бу» [206, цз. 49, с. 1б].

Еще в VIII в. у киданей был введен запрет на браки между однофамильцами. Абаоцзи ввел правило, согласно которому «те, кто носят одну фамилию, могут стать друзьями, а те, кто носят разные фамилии, могут вступать в брак» [206, цз. 71, с. 1б].

В конце IX в., при правлении иркина Салади, кидани начали отливать свою монету. Эта монета имела хождение и во времена Абаоцзи [206, цз. 60, с. 2а].

Таковыми в общих чертах могли быть формы ранней государственности у киданей до воцарения Абаоцзи. Эти сведения, вероятно, не являются полными, ибо действия Абаоцзи и его преемника, безусловно, во многом продолжали еще традиции собственно киданьские, хотя и не без китайского влияния, не говоря уже об устройстве управления покоренными территориями, китайскими и бохайскими.

К числу первых административных реформ Абаоцзи относится устройство управления кланом императора. Прямые потомки императорского клана Елюй были разделены на четыре ветви — ветвь прямых потомков Абаоцзи-Тай-цзу, которых называли «поперечные юрты» (хэн чжан), и три ветви потомков братьев и дядей Абаоцзи, получивших наименования «дома трех отцов» (сань фу фан). Все бу Ила, из которого происходил Абаоцзи, он разделил на две неравные части — северную и южную. Северная часть включала пять юань, южная — шесть. Юань первоначально состоял из ста семей. Каждым юань императорского бу вначале управлял иркин. В 937 г. иркины были перетитулованы в да ванов [206, цз. 33, с. 1б; цз. 116, с. 16а].

Возможно, эти преобразования не были нововведениями. Судя по биографии Подэ, в старой системе управления еще с середины VIII в. род кагана именовался «юань» [206, цз. 73, с. 4а]. Прямые потомки Абаоцзи были названы «поперечными юртами» по следующей причине. «В обычаях Ляо — оборачиваться лицом на восток и ценить левую сторону. Императорская юрта обращена на восток, девять юрт клана Яоляня обращены на юг, а юрты „трех отцов“ императорского клана обращены на север. Линия восток–запад — как основа ткани, а линия север–юг — как уток. Поэтому императорская ставка именуется „поперечными юртами“» [206, цз. 43, с. 15а]. Клан императора состоял из девяти юрт. Семьи клана Яолянь, правившего до клана Елюй, были инкорпорированы в императорский клан в качестве «десятой юрты». «Управление чанкуня великих поперечных юрт ведало делами девяти юрт императорского рода потомков Тай-цзу» [206, цз. 45, с. 13а]. «Клан императора наследует девять юрт семьи Яолянь в качестве [своей] десятой юрты» [206, цз. 1, с. 2а].

Большая роль отводилась гвардии кагана, а затем императора. Гвардия именовалась синь фу («сердце и живот»), т. е. сравнивалась с самыми жизненно важными органами. Она набиралась из всех киданьских племен. В 922 г. гвардия стала размещаться в особой ставке, именовавшейся валудо (орда). После смерти императора гарнизон его орды приписывался к гвардии, охранявшей его погребальный комплекс. Таким образом, орды Ляо являлись лагерями императорской гвардии. Китайские авторы переводили название киданьской орды как «гун вэй»

(«охраняемые гвардией ставки, дворцы»). Кидани «для самой сокровенной жизни [государя] имели охраняемые гвардией ставки, именуемые орда. Если император выезжал, то имелись походные лагеря (син ин), именуемые набо» [206, цз. 31, с. 1а]. «По законам государства Ляо, когда сын Неба восходил на престол, то учреждали охраняемую гвардией ставку, выделяли для нее племена и устанавливали в ней штат чинов, приписывали к ней дворы (хукоу) и готовили для нее войска. Когда император умирал, то [гвардия орды] переходила к дворцам и юртам императрицы и наложниц покойного императора, чтобы служить его могиле. При призывах на войну молодые и крепкие солдаты [гвардии покойных императоров] уходили в армию, а старые и слабые оставались охранять [могилу]» [206, цз. 31, с. 1б]. На языке киданей «сердце и живот» (личная гвардия императора) назывались «суань», а дворец — «орда» [206, цз. 31, с. 1б].

А. В. Даньшин справедливо полагает, что «киданьские ордо являлись военизированными организациями, функционирование которых предполагает тесную взаимосвязь выполняемых ими экономических и военных функций» [58, с. 7]. Однако, противопоставляя свое мнение сложившимся взглядам, А. В. Даньшин упускает из виду главное — орда была прежде всего местом размещения гвардии императора, императорской ставкой, а все прочие — приписанные к орде свободные люди, рабы и т. п. — лишь обеспечивали выполнение ордой ее главной функции.

«Тай-цзу, — читаем мы в „Ляо ши“, — поскольку племя Ило получило престол, разделил свое племя и создал пять юань и шесть юань, чтобы управлять императорским кланом. Но, так как ему недоставало личной гвардии, он ввел законы орды. Были учреждены округа и уезды, дворы и обязанные служить, чтобы укрепить ствол и ослабить ветви... Когда император вступал [в свою резиденцию, гвардия] жила с [ним], чтобы защищать [его], а когда его хоронили, она после этого охраняла его могилу» [206, цз. 35, с. 1б]. Можно только поддержать сложившееся мнение, что «главная задача армии орды была защищать личность правителя» [359, с. 515] и исторически орды Ляо развились из личной гвардии императора (кагана) в элитные отряды, гвардейскую армию [359, с. 516].

Орда Абаоцзи состояла из 15 тыс. дворов, т. е. в нее было включено около 75 тыс. человек [206, цз. 31, с. 1б]. Орды имели наименования. Орда Тай-цзу называлась «привести государство в порядок», орда Шицзуна (988–1031) — нюйгу («золотая»). Помимо императора о́рды были и у императриц — императрицы-матери и императрицы-супруги. Гвардия поставляла высших сановников. Сяо Дилу служил при Абаоцзи в

его личной гвардии, позднее он был назначен цзайсяном Северного фу [206, цз. 73, с. 3а].

Кроме орды у каждого императора были свои временные сезонные ставки — набо. Традиция набо продолжалась и при чжурчжэнях в государстве Цзинь, и при монголах в государстве Юань. У императора Ляо «для каждого из четырех времен года имелись походные ставки, их называли набо» [206, цз. 32, с. 1а]. Кочевая, подвижная ставка императора выглядела так: юрту императора окружали частоколом из копий, связанных волосяными веревками. Под каждым копьем имелся черный войлочный зонт для защиты охранников от ветра и снега. За копьями стоял ряд небольших войлочных юрт. В каждой юрте размещались пять вооруженных людей, и они вместе с охранниками составляли окружение запретного места [206, цз. 32, с. 2а]. Весенние набо киданьских императоров были на р. Сунгари, здесь они занимались подледным ловом рыбы, охотились на лебедей и гусей. Весенняя набо была невелика по площади, примерно 10 × 15 км [206, цз. 32, с. 1б].

Летние набо киданьских императоров чаще всего размещались в горах Туршань, в районе Цаган-Хотон (Внутренняя Монголия). Абаоцзи, как и многие его предшественники и последующие ханы и каганы, например Чингисхан, в своей летней набо «спасался от жары» [206, цз. 32, с. 1б]. Осенние набо находились недалеко от слияния рр. Шара-Мурэн и Ляохэ. Здесь император охотился на оленей и тигров. Зимние набо были в 15 км к юго-востоку от г. Юнчжоу, в местности, также находившейся между рр. Шара-Мурэн и Ляохэ. Это было теплое место. «Каждый год во все четыре времени года [император] по кругу объезжал [набо] и всякий раз затем все начинал с начала» [206, цз. 32, с. 2б].

Военнообязанными в государстве киданей считались мужчины в возрасте с 15 до 50 лет. Армия киданьского государства именовалась «великая юрта» (да чжан), она состояла из войск «твердых, как алмаз» (пиши). При Абаоцзи это была его гвардия. Позже войска пиши разделились на пять групп: северную, южную, правую (западную) и левую (восточную), а также «желтую». Командовал войсками пиши сяньвэнь. «Организация армии состояла из северной, левой, правой, южной, а также желтой [армий] пиши, все они включали отборные войска» [206, цз. 116, с. 12а].

Второй составной частью армии киданей были войска императрицы, именовавшиеся «шу шань» («подобные кораллу»). Великие князья, ваны также имели вооруженные отряды. Войска членов правящего дома — «алмазные», «коралловые», войска ванов — дополнялись полками, которые выставляли все бу, а также полками, расквартированными на территориях, населенных китайцами. Армии императора и им-

Кидани (по: Чжунго фэнсу тунши (История обычаев и нравов Китая. С. 57)

пературиц размещались по ордам. Воинские формирования бу и гарнизоны на границах состояли из отрядов цзю. Отряд цзю включал 50 всадников [273, с. 15]. Внутренняя организация армии киданей была десятеричной: минимальная воинская единица — пяток или десяток, отряды цзю — 50 человек, крупные отряды — 500–700 человек. Десять таких отрядов образовывали корпус, десять корпусов — армию [206, цз. 34, с. 3а]. Армия делилась на регулярную и вспомогательные войска. На одного солдата регулярной армии приходились два солдата вспомогательных войск. Средством обучения воинов служили облавные охоты. Мобилизация войск и их управление осуществлялись с помощью пайцз. Для сообщения о наборе лошадей и передачи приказов имелось 200 серебряных пайцз с надписью на каждой по-киданьски: «следует спешить». Гонец с пайцзой за сутки, меняя лошадей, должен был пре-

одолеть расстояние в 250–300 км. Расстояние отмечалось курганами, насыпанными вдоль дорог. Прибытие гонца с пайцзой следовало рассматривать как прибытие лично императора [206, цз. 56, с. 2а]. В отдельных случаях приказ отдавался с помощью золотой пайцзы в форме рыбы.

Отправляясь в поход, кидани приносили жертвы предкам, знамени и горе Муе. О предстоящем походе докладывали Небу и Земле, принося им в жертву серого быка и белую лошадь. Если поход возглавлял лично император, вдоль дороги по направлению движения войск ставили преступников, осужденных к смерти. Проезжающие мимо воины стреляли в них из луков и убивали их. Это называлось «стрельба стрелами дьявола». По возвращении из похода таким же образом расстреливали пленных [206, цз. 116, с. 3а]. Во время похода вперед высылалась разведка — лань-цзы. На привале войска располагались кольцом (куренем). Снабжали их в пути фуражиры из вспомогательных войск. Солдаты вспомогательных войск занимались и развертыванием походных лагерей. Кидани прибегали к той же тактике, что и позже монголы, — ложному бегству и заманиванию врага в засаду; собирали из окрестных селений женщин, стариков, детей и гнали их перед собой на рвы и стены штурмуемых городов. На северных и северо-западных границах Ляо были организованы военные поселения, мужчины из этих поселений являлись и солдатами, и землепашцами. Во время земледельческих работ их разбивали на четверки, одного из четырех отправляли на сторожевую башню, двух — охранять границу, а один пахал землю. Всю работу по уходу за скотом и заготовке сена в это время выполняли женщины и дети. Исследователи постоянно отмечают высокую роль женщины в киданьском обществе [359, с. 199–202; 301, с. 25–43].

Характерной особенностью государства киданей после включения в его состав китайских областей при Абаоцзи являлось наличие раздельного управления севером и югом. Киданьское государство до 936 г. официально именовалось «государство киданей» (цидань го), с 937 по 1013 г. — Великое Ляо, с 1013 по 1063 г. — Великое киданьское государство, а затем снова Великое Ляо. Современный китайский историк Цзи Ши полагает, что наименование «цидань го» означало «Великое срединное государство» [234]. «Ляо» означало «Железное», и, вероятно, государство киданей было названо так по наименованию р. Ляо-шуй (Шара-Мурэн). «Кидани называли свое государство по реке Ляошуй» [223, цз. 3, с. 11а]. Агуда, основатель чжурчжэньского государства, говорил: «Государство Ляо взяло свое название от слова „железо“, так как оно прочно. Но оно в конце концов разрушается и изменяется. Не изменяется и не разрушается только золото» [236, цз. 2, с. 8а–8б].

Север и юг стали «важнейшими элементами административной терминологии страны» [359, с. 434]. При правлении Абаоцзи были северный и южный цзайсяны. С 907 г. северные цзайсяны назначались из клана Сяо, поставлявшего императриц и по традиции считавшегося уйгурским по происхождению. Южные цзайсяны назначались из клана императоров Елюй. Идея разделения управления на северное и южное, безусловно, киданьская, хотя и не получившая пока удовлетворительного объяснения. Мы уже выше упоминали о разделении бу Ила на северные и южные дворы. Возможно, это была, по выражению К. Виттфогеля, «базовая концепция севера и юга» [359, с. 435]. Клан Сяо был уйгурского происхождения и поэтому считался северным по отношению к киданьскому клану Елюй. Этим объясняется назначение цзайсянов севера из клана Сяо, а цзайсянов юга — из клана Елюй. Указывают не без оснований на разделение кочевого (север) и оседлого (юг) регионов, но такое разделение четко появилось лишь в 947 г., и, как правильно полагает К. Виттфогель, с данного момента оно утратило географический смысл [359, с. 435]. Очевидно, идея была более глубокой, чем просто географические представления. Северное правительство, в свою очередь, делилось на киданьскую северную канцелярию и киданьскую южную канцелярию. Может быть, мы имеем дело с давней центральноазиатской концепцией деления на левое и правое и более уважительным отношением к левой стороне. Император и его клан были ориентированы лицом на восток, к восходу солнца. Для них север был левой стороной, юг — правой, север был более почитаемым, чем юг. Но такое объяснение не находит подтверждения в текстах.

«Система управления Ляо подразделялась на северные и южные правительственные учреждения. Северные [правительственные учреждения] управляли дворцами (гун), юртами, племенами (буцзу) и признававшими свою зависимость от киданей государствами (шу го)» [206, цз. 45, с. 1а]. «Тай-цзу разделил иркинов Ила и назначил двух великих ванов, северного и южного, назвав [сферы их управления] Северными и Южными дворами. Начиная от цзайсянов, Тайного совета, сюаньвэй (чиновников придворных церемоний) и писцов линья и вплоть до ланцзюней (представителей придворной знати) и гвардии — все [чины и административные органы] были поделены на северные и южные» [206, цз. 45, с. 1а]. Это разделение касалось управления киданями и иными некитайскими племенами, подчиненными Ляо, ибо делами китайцев ведало специальное управление ханьэр сы.

Одновременно Абаоцзи заимствовал танскую систему шести министров. При разделении управления на северное и южное получалась любопытная картина. Тайный совет не только ведал военным министер-

ством, как это и было положено по китайской раскладке, но в руках военных Тайного совета было и управление кадрами — министерство чинов (ли бу). Министерство учета населения, обложения его налогами было в ведении и северного, и южного ванов, т. е. фактически, вероятно, разъединено. Министерством наказаний руководил илиби, и оно, очевидно, было единым для северной и южной систем управления. Министерством общественных работ ведал сюаньвэй, министерством обрядов — дилемаду, оба министерства тоже, по-видимому, были едиными. Цзайсяны же северного и южного управлений осуществляли «общее руководство делами» [206, цз. 45, с. 1б]. К этому следует добавить, что Тайный совет управлял еще и всем скотоводством и «все войска киданей и все табуны коней подчинялись ему» [206, цз. 45, с. 1б].

Итак, Тайный совет управлял армией, кадрами военных и их аттестацией и кадрами чиновников, скотоводческими хозяйствами и табунами коней. Управление, учет населения и обложение его налогами было двойным: и северным, и южным. Прочие ведомства все были едиными. Таким образом, при Абаоцзи стороной северной (левой, наиболее важной) управлял Тайный совет. Может быть, это позволяет объяснить идею первоначального деления север — юг: юрты чиновников (я чжан) Тайного совета размещались к северу от «юрт-дворцов Великого внутреннего» (да нэй дянь чжан), т. е. от юрт ставки императора. Поэтому, сказано в «Ляо ши», эти юрты чиновников Тайного совета, размещавшиеся к северу от места пребывания императора, «получили наименование Северного двора» [206, цз. 45, с. 1б]. И добавлено: «Северный я[мынь] не управлял народом» [206, цз. 45, с. 1б]. Это следует понимать как то, что Тайный совет не ведал чисто гражданскими делами. Тогда в противопоставлении северного и южного в управлении мы обнаруживаем противопоставление военного и гражданского. И эта наша догадка полностью подтверждается разделением и самого Тайного совета на две части — северную и южную. Южный Тайный совет потому являлся южным, что располагался к югу от ставки императора. Именно он ведал гражданскими чиновниками, их аттестацией, налогообложением и трудовыми повинностями всех киданей и подчиненных им народов, но не китайцев. Суть такого двойного разделения заключается в том, что «южный я[мынь] не командовал войсками», а «северный я[мынь] не управлял народом» [206, цз. 45, с. 2б]. Все канцелярии-юрты, связанные с командованием войсками, размещались к северу от ставки императора, все канцелярии-юрты, связанные с управлением народом, размещались к югу от нее. Если юрта императора была обращена дверью на восток, то управление войсками размещалось слева, а управление гражданскими делами — справа.

Таким образом, если что и очевидно в различении функций администрации северной и администрации южной, так это «командование войсками» и «управление народом». И лишь постепенно функции управлений этих администраций стали перекрещиваться после присоединения областей с китайским населением: север стал ведать киданями и «племенами», основной военной силой государства, а юг — покоренными китайцами.

Собственно, с разделением функций управления связано и наличие в Ляо пяти столиц. «Ляо имело 5 столиц. Верхняя столица была императорской. Все чины двора и чины столицы имелись там. Штат чинов в остальных четырех столицах устанавливался в зависимости от нужд и поэтому не был единым. Западная столица больше всего ведала обороной границ, Южная столица — финансами и сбором поземельного налога» [206, цз. 48, с. 1а], а также китайскими территориями, территориями завоеванными, отсюда наименование «династии завоевания», принятое в западноевропейской, японской и американской синологии, в отношении ряда некитайских государств на территории современного Китая. Истоки этого термина мы находим в «Ляо ши», где сказано, что кидани «создали государство, используя оружие» [206, цз. 61, с. 1а].

Верхняя столица Ляо размещалась между верхним течением р. Шара-Мурэн и горами Хингана, ее развалины находятся в г. Боро-Хотон (автономный район Внутренняя Монголия, КНР). Восточная столица была близ г. Ляоян. Средняя — у места впадения р. Шара-Мурэн в р. Ляохэ (древнее название этой реки — Тухэ). Западная столица — это современный г. Датун, пров. Шаньси; Южная — современный г. Пекин. В общих чертах территории столиц можно разделить так: Верхняя и Средняя — это столицы областей с собственно киданьским населением и заселенных родственными им и покоренными ими народами. Восточная столица управляла территориями бывшего государства Бохай и бохайцами, Южная — китайцами, Западная — китайцами, а также зависимыми от Ляо племенами Центральной Азии.

Область, управлявшаяся столицей, именовалась «дорогой» (дао). Кидани, а затем монголы и чжурчжэни следовали правилу, в соответствии с которым их северные столицы действительно находились к северу от Великой китайской стены, а южные — к югу от нее [324, с. 239]. Существование ряда столиц Г. Франке объясняет традицией кочевого образа жизни. Наличие одной столицы, как у китайцев, «отличалось от традиции кочевников — жителей степей, имевших сезонные резиденции», и поэтому множественность городов-резиденций или столиц являлась характеристикой Ляо и Цзинь, которые имели систему

Пяти столиц» [297, с. 36]. Наверное, в этом заключении есть свой резон, но пять столиц имелось уже в Бохае, население которого в массе своей не являлось кочевым.

По оценке К. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, в государстве Ляо в период его расцвета при общей численности населения 3 млн. 800 тыс. киданей было 750 тыс., бохайцев — 450 тыс., китайцев — 2 млн. 400 тыс. и представителей прочих этносов — 200 тыс. [359, с. 58].

«Кидани по старому обычаю селились, поделив землю» [206, цз. 32, с. 2б]. Юрты киданей были обращены входом на восток, во владениях киданей можно было встретить телеги с установленными на них юртами. Кидани вели кочевое и полукочевое хозяйство, как позже монголы, потребляли много молока и молочных продуктов и ели мало мяса. «По старинным обычаям киданей их богатство составляли лошади, а их сила была в солдатах. Лошадей пускали на волю, а солдат возвращали домой... лошади паслись там, где имелись вода и трава, а люди зависели от наличия кумыса» [206, цз. 59, с. 1а].

Особая роль в хозяйстве принадлежала овцам: овцами платили налог, государство платило овцами жалованье чиновникам. В каждой «дороге» имелся высокопоставленный чиновник, который контролировал состояние пастбищ и выпас скота. Он именовался «великий защитник» (тай бао). Скот был частный и государственный. Государственному скоту клеймо ставилось на левом боку. Государственные табуны лошадей насчитывали обычно тысячу голов, такой табун пасли три пастуха. Табунов было, по сведениям источников, несколько десятков тысяч. Жизнеспособное хозяйство состояло из ста лошадей, десяти коров, быков и верблюдов, не считая овец. Бедняком был тот, кто имел однудве лошади и несколько овец [359, с. 124]. При Абаоцзи богатые люди имели по 10 тыс. одних лошадей. Государственного скота имелось более миллиона голов, в 1086 г. в Ляо насчитывался миллион лошадей [206, цз. 60, с. 2б; цз. 24, с. 4б].

Население киданьского государства еще во времена, предшествовавшие годам правления Абаоцзи, делилось на людей лично свободных и лично несвободных, рабов (подробнее см.: [106]). Из рабов различных орд и рабов, принадлежавших клану «поперечных юрт», были образованы особые бу — шаова и хэчжу [206, цз. 33, с. 4б]. Люди этих бу считались потомками «старых киданьских рабов». Из рабов народности си, захваченных лично Абаоцзи, создали бу салиге. Пленники из народа си, родственного киданям, вначале являлись «приписанными к юртам» чжу чжан. К категории чжу чжан еще до создания государства Ляо относились люди, осужденные за какие-либо преступления, имущество которых было конфисковано, а сами они обращены в рабство [206, цз. 73, с. 4а].

С образованием Ляо в государстве киданей появились китайские средневековые формы зависимости — частные рабы нуби, буцюй и т. п. (подробнее см.: [90]). Много лично несвободных людей имелось при ордах. К. Виттфогель писал: «Можно уверенно сказать, что солдаты ордо не были лично свободными, даже кидани». Он сравнивает солдат киданьских ордо с турецкими янычарами [359, с. 512, 513].

Основную массу населения в киданьском государстве, как и в любом обществе, составляли «простолюдины» (шужэнь), «народ» (минь). Лишенные титула знатности (цзи) кидани становились простолюдинами [206, цз. 24, с. 2б]. Знать, чиновники, богатые скотовладельцы и землевладельцы составляли господствующий класс, часть которого, не имея знатного происхождения (из киданьской, бохайской, иной этнической родовой знати) или чина, была лишена политической власти. Как правильно подчеркивает К. Виттфогель, у киданей «быть богатым не обязательно означало быть могущественным» [359, с. 194]. Однако имелось одно исключение. Можно было купить титул «шэли». В прошлом у киданей титул «шэли» был достаточно высоким, его, например, имел сын правителя киданей [165, с. 172]. Титул связан с правом на ношение особого головного платка: «Знатные кидани, которые желали носить головной платок, вносили в казну десять быков и верблюдов и сто лошадей. За это им давали чин шэли. Позже [чин шэли] стал [титулом] чиновников при императорских юртах и давался ланцзюням» [206, цз. 116, с. 3б].

Говоря о раннем киданьском государстве, нельзя обойти вопрос и о китайском влиянии на его становление. Объективно это влияние являлось реальным, осмысление же его современниками — противоречивым. Китайские авторы, даже не рассматривавшие иноплеменников как грубых неотесанных варваров, пытались все успехи хозяйственной деятельности и культуры киданей связать с влиянием Китая.

Местная киданьская традиция в противовес этому выдвигала своих культурных героев. По преданию, первопредок императоров Ляо по имени Нили много сил потратил на обучение киданей земледелию и ремеслам. В VIII в. киданей учил обрабатывать землю иркин Юньдэши, который сам являлся искусным земледельцем и умелым скотоводом [206, цз. 46, с. 5б; цз. 59, с. 1а; цз. 2, с. 5а]. Отец Абаоцзи Салади в IX в. обучил киданей строить дома, города, огороженные стенами, сеять коноплю, разводить тутовники и изготовлять шелк. Салади организовал железоделательные мастерские и обучил современников делать орудия из железа. Он первый стал отливать киданьскую монету [206, цз. 2, с. 5а]. Один из предков киданей, Яли, создал систему управления и учредил чины, ввел регистрационные записи с помощью зарубок на

Река Оном. Граница МНР и России. Воможное место рождения Чингисхана

Монгольский пейзаж

Чжурчжэнь

Элементы одежды чжурчжэней: сапоги и шапка

Кидани

Сцены быта киданей

Киданьские металлические сосуды

1

2

3

4

Цветные игральные карты:
1 – Чингисхан; *2* – Угедэй; *3* – Хубилай; *4* – Нурхаци

Сцены охоты чжурчжэней

Пастбище чжурчжэней

деревянных палочках, повелел строить для содержания преступников земляные ямы-тюрьмы [206, цз. 2, с. 5а]. Абаоцзи, покорив шивэй, предков монголов, известных металлургов и кузнецов, поощрял добычу руд и плавку металлов.

Реформы Абаоцзи, качественное совершенствование государственности поставили вопрос о введении письма. По сведениям «Цидань го чжи», Абаоцзи лично создал письмо. Он взял в качестве образца письмо китайское, что неудивительно, и, приняв за исходную единицу часть китайского иероглифа стандартного написания, делал к нему добавления или усекал его [64, с. 311], вероятно ориентируясь на смысл этого иероглифа и записывая его модификацией соответствующее киданьское слово. Использовались и древние, первоначальные формы китайских иероглифов или их видоизмененные формы (см.: [231, с. 332]). «Ляо ши» не приписывает честь создания «большого киданьского письма» лично Абаоцзи. Просто под 920 г. есть запись: «Начали создавать большое киданьское письмо» [206, цз. 2, с. 1а]. Эти расхождения между «Цидань го чжи», где сообщается, что письмо создал сам Абаоцзи, и «Ляо ши» позволяют почти уверенно говорить о том, что «большие киданьские письменные знаки» создал не лично Абаоцзи, а кто-то из его приближенных, честь же создания письма была приписана императору. В 925 г. Дила, младший брат Абаоцзи, знавший уйгурский язык и уйгурскую грамоту, создал «малое киданьское письмо» [206, цз. 64, с. 2б–3а]. Письменных знаков в нем было мало, т. е., возможно, оно было даже слоговым. Фэн Цзяшэн полагал, что все известные нам образцы киданьского письма — варианты «большого письма» [293, с. 15]. Создание письменности позволило не только вести делопроизводство, но и создавать исторические хроники [64, с. 267]. Было составлено «Жизнеописание семи мудрецов», семи выдающихся деятелей киданьского государства. Киданьская знать, очевидно, в IX — начале X в. знала китайский язык и китайскую иероглифику, в страну ввозились книги из Китая и государства Бохай. Когда Туюй правил Бохаем, он за золото купил в Ючжоу (Пекине) китайские книги и поместил их в специально выстроенную библиотеку [206, цз. 77, с. 3а; 64, с. 242]. Знал китайский язык и Абаоцзи.

Кидани, очевидно, уже в IX в. были знакомы с буддизмом. Во всяком случае, в 902 г. у выстроенного ими на р. Шара-Мурэн г. Линхуа они заложили буддийский храм, названный «Храм начала введения учения» [206, цз. 1, с. 1б]. Обеспечивали храмы «дворы, уплачивающие налог двум» (эр шуй ху). Это люди, закрепленные за монастырями, которые половину полагающегося с них налога платили казне, а другую половину отдавали храму (монастырю). Уклоняться от уплаты налога храму

было строжайше запрещено. Одновременно существовали организации прихожан, именовавшиеся «объединения из тысячи человек» — цянь жэнь и. Эти объединения также оказывали материальную поддержку храму [182, с. 148–149].

Как и во всех государствах Дальнего Востока, следовавших так или иначе китайскому образцу, в Ляо наблюдалось «отсутствие теологической доминанты» [124, с. 79], т. е. ни собственные верования киданей (поклонение Солнцу, Луне, огню, горе Муе и т. п.), ни буддизм как мировая религия не завоевали исключительного положения. В добавление к киданьским верованиям шаманского толка и буддизму в 916 г. в стране ввели официальный культ Конфуция. По сведениям источника, Абаоцзи спросил придворных: «„Государь, получивший мандат Неба, должен служить Небу. Я хочу молиться тому, кто имеет наибольшие заслуги и обладает наибольшей добродетелью. Кто же наипервейший?“ Все ответили: „Будда!“. Тай-цзу сказал: „Учение Будды — не китайское учение“. [Тогда наследник престола] Пэй сказал: „Конфуций — великий мудрец. Он почитаем десятью тысячами поколений и должен быть первым“. Тай-цзу обрадовался и тут же приказал построить храм Конфуцию» [206, цз. 72, с. 1а]. А в 918 г. в дополнение к буддийским храмам и храму Конфуция был дан приказ сооружать и даосские храмы. Е Лунли склонен объяснять успех деятельности Абаоцзи тем, что тот «приобрел много китайцев» [64, с. 41]. Хань Яньхуэй объясняет этот успех организацией аппарата управления, постройкой городов, обнесенных стенами, устройством рынков, упорядочением штата чинов и введением законов [206, цз. 74, с. 1а–2б]. Китайцы выдвигают своих культурных героев для Ляо, например Лу Вэньцзиня, который обучил киданей ткацкому ремеслу и умению делать подкопы и подземные ходы при штурме городов [64, с. 264, 44]. Китайское особенно быстро стало прививаться при императорском дворе, хотя источники отмечают, что личное поведение Абаоцзи отличалось от поведения и манер китайского императора. Абаоцзи на аудиенциях пожимал руки посетителям, он охотился и рыбачил в свое удовольствие. Он не совершал обряда весенней пахоты земли (первой борозды), а многие свои киданьские обряды исполнял, сидя на коне.

Присоединение обширных районов с китайским населением, безусловно, способствовало восприятию китайского в государстве Ляо. Советник императора Тай-цзуна, сына и преемника Абаоцзи, Чжан Ли настаивал на том, чтобы в населенных китайцами районах чиновники и военачальники были только из китайцев [64, с. 253]. Постепенно китайцы стали использоваться на службе так же, как и кидани, заметно усиливался процесс китаизации киданьской бюрократии. С 941 г. ки-

даням, служившим в областях, населенных китайцами, позволили жить по китайским обычаям и жениться на китаянках [206, цз. 4, с. 3б–4а]. С 988 г. в государстве киданей была введена китайская система государственных экзаменов, которая давала право поступления на службу. До этого преобладало наследование должностей.

Кидани, естественно, сохраняли свой контроль в управлении страной. Они, по свидетельству Е Лунли, не допускали китайцев к «обсуждению важных военных и государственных дел» [64, с. 178]. Они принимали меры против угрожавшей им ассимиляции китайским большинством, особенно со второй половины X в. Этнические различия особенно строго признавались правом. Так, с 921 г. для киданей существовали одни законы, свои, киданьские, которые, кажется, так и не были записаны (во всяком случае, свидетельства тому нет, хотя в общем контексте истории киданьского государства это очень странно), а для китайцев — свои. Было приказано киданей и прочих «некитайцев» судить «по законам киданей и иноплеменников-некитайцев, а китайцев судить [по их] законам люй-лин» [206, цз. 61, с. 2а]. В ходу была норма права китайской династии Тан, в соответствии с которой, если преступник и жертва были одной этнической принадлежности, их судили по их собственным законам, а если разной — по принятому в государстве законодательству. В XI в. в Ляо в таких случаях стало применяться китайское право как общепринятое законодательство. С 994 г. кидани, виновные в совершении признаваемых наиболее тяжкими преступлений против государства и господствующей морали («10 зол» китайского права), осуждались по китайским законам.

В интересующий нас ранний период, как полагают исследователи, в государстве киданей не было равенства его подданных перед законом: киданей за преступления против китайцев карали менее сурово, чем китайцев за преступления против киданей. Кидань за убийство китайца отдавал быка или лошадь, а китаец, убивший киданя, подвергался уголовному наказанию, семья его обращалась в рабство. Японские исследователи Симада Масао и Такигава Масадзиро полагали, что киданей и китайцев по-разному судили за кражи: киданей — по киданьским законам, в зависимости от числа совершенных краж, а китайцев — по китайским, в зависимости от стоимости краденого.

Система наказаний, применяемых у киданей, отличалась от китайской. Это были такие виды смертной казни, как линчи (резание тела наказуемого по кускам), позже вошедшие в китайское право, сбрасывание осужденных (например, мятежников) со скалы, разрывание наказуемого (виновного в государственной измене, преступлении, совершенном против родителей, прелюбодеянии) пятью колесницами, закапывание

живым в землю, расстрел из луков, метание преступника с помощью катапульты. Клеветникам, оскорбившим начальника, втыкали в глотку раскаленное шило. В числе телесных наказаний имелись такие, как битье кожаным мешком, наполненным песком, битье деревянным мечом (от 15 до 30 ударов, наказание можно было повторять трижды), битье железной палицей (пять–семь ударов) [206, цз. 61, с. 1а–1б]. Еще раз укажем: трудно поверить в то, что законы для киданей столетие и более передавались изустно при наличии киданьского письма. Думается, что они всё-таки были записаны, но только не дошли до наших дней.

Возвышение киданей пришлось на период гибели династии Тан и полувековую раздробленность Китая до объединения его под властью династии Сун в 960 г. Это было время постоянного уподобления отношений между государствами (государями) общесемейным. «Отношения Ляо и Сун, — писал Е Лунли, — подобны отношениям в одной семье» [64, с. 299]. Взаимоподчиненность между императорами Ляо и императорами китайских государств в середине X в. фиксировалась в терминах родства. Например, с 936 г. император киданей был «отцом», а Гао-цзу, император династии Хоу Цзинь, — «сыном». В переписке 938 г. Гао-цзу именовал себя «слугой», а императора Ляо — «отцом-императором». Император Ляо просил его не именоваться «слугой», а «называть себя сыном-императором» [64, с. 69], как это положено между членами одной семьи. Абаоцзи, заключая в 905–907 гг. мирный договор с Ли Кэ-юном, условился о том, что оба государя станут именоваться «братьями» [64, с. 42]. Поскольку власть императоров династии Хоу Цзинь ослабела, сын Гао-цзу титуловался уже не «сыном», а «внуком», соответственно император Ляо стал зваться «дедом».

В ту эпоху часто в одном лице совмещались функции посла и торговца. У киданей чиновники, которые выполняли функции послов и купцов, именовались «хуйту» (посол). Вершиной внешнеполитического могущества киданей стал договор 1005 г., заключенный в Шанюане. Императоры Ляо и Сун назывались «братьями-императорами», император Сун был «старшим братом», император Ляо — «младшим». Это был клятвенный договор (ши шу), именовавшийся «договором о дружбе, доставляющим обоюдную радость». Договор любопытен и тем, что контрибуция, которую Сун обязывалась выплачивать Ляо, именовалась деликатно «помощью». Китайцы согласились, «учитывая благоприятные природные условия нашей страны», «оказывать помощь на покрытие военных расходов в размере двухсот тысяч кусков шелка и ста тысяч кусков серебра ежегодно» [64, с. 283]. «Сохранением лица», т. е. достоинства, Китая являлось и то, что шелк и серебро в Ляо везли не послы, а чиновники финансовых ведомств.

Гибель Ляо в первой трети XII в. не означала исчезновения киданьского народа. Кидани жили при династии Цзинь, позже — при Юань. Слово «кидань» (монгольское «хитат») в XIII–XIV вв. часто означало все население северного Китая (к северу от р. Хуайхэ и гор Циньлин). В это время это слово вошло в русский язык для обозначения китайцев. Постепенная ассимиляция привела к тому, что часть киданей слилась с родственными монголами, а часть — с китайцами. Как самостоятельная народность кидани исчезли после гибели династии Юань [194, с. 62–64].

Как мы видели, первоначальные формы киданьской государственности возникли задолго до создания государства Цидань, или Ляо. Они были частью самостоятельными, частью иноземными. Иноземное влияние в равной мере было центральноазиатским (тюркским) и китайским. Первую треть, если не половину, X в. собственно киданьские формы государственности продолжали доминировать, и лишь постепенно, с включением в состав киданьского государства больших территорий с китайским населением, их теснят традиционные формы государственности китайской, хотя киданьские традиции из их аппарата управления и командования войсками не исчезают полностью. Государство Ляо явилось результатом самостоятельного поступательного развития киданьского общества. Вряд ли правильно считать Ляо «местной откоповшейся политической властью», даже если стремиться ставить «каждую и большую и малую политическую власть в равное положение» [235, с. 106] или, считая Ляо «внешним государством» (вай го), полагать его одновременно частью Чжунго [227, с. 29]. Правы те китайские авторы, которые утверждают, что политическая власть киданей являлась политической властью независимого государства [196, с. 106].

ЧЖУРЧЖЭНИ

Китайский историк Цзи Ши полагает, что чжурчжэни — это не самоназвание народа, а киданьское слово, происходящее от киданьского «нюйгу» (золото). «„Нюйчжэнь“, „нюйгучжэнь“ — это народ, живущий на реке Золотой» [234, с. 104]. В конце IX — начале X в. чжурчжэни заселяли центральные и северовосточные районы Маньчжурии — по верхнему и среднему течению р. Сунгари — и области, находившиеся к востоку от этого региона. «Из поколения в поколение они жили к востоку от реки Хуньтуцзян и гор Чанбайшань, которые являются истоками реки Ялу. Кроме того, [эту местность] называют Амухо (Ачжухо) по имени реки, которая здесь протекает» [223, цз. 3, с. 1а; 295, с. 122]. Ачжухо — это современная р. Ашэ, правый приток Сунгари [44, с. 26].

Чжурчжэни являлись частью племен мохэ и в VIII–IX вв. входили в государство Бохай, а в X в. были покорены киданями. В первой половине XI в. наблюдаются смешение этнонимов «хэйшуй мохэ» и «чжурчжэни» и вытеснение первого этнонима вторым [44, с. 26]. При династии Тан предки чжурчжэней подразделялись на 72 було, каждым було управлял старейшина. Во время зависимости от киданей чжурчжэни делились на «цивилизованных», или «покорных» (шу), которые жили у г. Ляоян, и «нецивилизованных», «диких» (шэн), которые жили к северу от Сунгари и северо-востоку от р. Нонни. Между теми и другими в районе г. Кайюань жили чжурчжэни и не «цивилизованные», и не «дикие». В «Цзинь ши» эта киданьская классификация чжурчжэней объяснена так: «Те, которые жили на юге и были занесены киданями в списки населения, назывались цивилизованными, а те, которые жили на севере и не включались в киданьские списки населения, назывались дикими чжурчжэнями» [296, с. 415]. «Нецивилизованных» чжурчжэней было более 100 тыс., и расселялись они на территории площадью тысяча кв. ли [223, цз. 3, с. 1б–2а]. К началу X в. у чжурчжэней было 30 основных кланов (син), каждый клан возглавлял старейшина [223, цз. 3, с. 5б].

Таким образом, часть чжурчжэней непосредственно входила в состав государства Ляо, такие чжурчжэни вносились в списки населения и

именовались «хэсукуань». Часть чжурчжэней кидани именовали «хуэйба». Они признавали господство Ляо, но в списки населения не вносились. Хуэйба находились как бы между «цивилизованными» и «дикими» чжурчжэнями. «Нецивилизованные» чжурчжэни также полагались в Ляо зависимыми от киданей, хотя сами себя считали независимыми. Их бу не имели над собой государя, каждым бу управлял «великий правитель» (да цзюньчжан). В прошлом эти правители были выборными, ибо источник сообщает, что «чжурчжэни сами выбирали наиболее сильных и храбрых старейшинами» [223, цз. 3, с. 26]. Нам кажется, что хотя бы у части чжурчжэней выборность старейшин сохранялась лишь в глубокой древности, ее не могло быть, когда они жили в составе Бохая, а когда чжурчжэни попали под власть киданей, «великие правители» уже передавали власть по наследству. Об этом сообщается в «Цидань го чжи» [64, с. 334]. Наличие семей, наследственно управляющих бу, отмечает и китайский автор Ян Сюньцзи, живший во времена династии Мин [271, цз. 1, с. la]. Сильные бу, наследственно управлявшиеся своими правителями, состояли из нескольких тысяч семей, менее сильные насчитывали около тысячи семей.

Сложение ранней государственности у чжурчжэней непосредственно связано с усилением одного из 30 кланов — клана Ваньянь и с его борьбой за власть с главами остальных чжурчжэньских бу. Этот процесс происходил, по меньшей мере, после трехвекового приобщения чжурчжэней к государственности. Еще в первой половине VIII в. главы хэйшуй мохэ, вступив в контакт с двором Тан, получили титулы «дуду» и «цыши», а глава хэйшуй мохэ был назначен цзинлюеши (военным комиссаром) Хэйшуй [296, с. 415].

Очевидно, что, если социальные процессы, ведшие к появлению государственности, у хэйшу мохэ и были слабее выражены, чем у сунмо мохэ, из среды которых вышли правители Бохая, то ненамного. Подчинение Бохаю включило хэйшуй мохэ в состав бохайского государства. Часть их стала повторно «нецивилизованной», когда в X в. Бохай подчинили кидани, но не все чжурчжэни были непосредственно включены в состав Ляо. Нельзя не принимать во внимание и постоянные контакты хэйшуй мохэ с Кореей.

Составители «Цзинь ши» полагали, что будущий императорский род чжурчжэней уходил своими корнями в Корею. Основатель этого клана Ханьпу покинул Корею в возрасте 60 лет [296, с. 416]. По сведениям «Сань чао бэй мэн хуэйбянь», чжурчжэни считаются «потомками Чжу Мэн (Чумона) из Гаоли (Коре)» [107, с. 271]. М. В. Воробьев предполагает, что это сведения о переселениях «в район обитания племени ваньянь свежих родов из Коре, этнически, вероятно, принадлежащих к

корейской ветви мохэ». Родство же с Чумоном он полагает вымышленным, продиктованным политическими соображениями [44, с. 28]. Авторы «Коре са», однако, считали основателем клана Ваньянь, а значит и чжурчжэньской династии, корейского монаха Ким Чуна, который бежал с родины и жил в деревне на берегу р. Аньчуху. Имеется и иной вариант имени монаха — Ким Хэн [296, С. 438–439]. Т. Дж. Барфилд, не называя клан Ваньянь корейским, просто указывает на то, что он «происходил из корейских пограничных земель»[1].

Эти сведения не поддаются проверке. Предки династии, перечисленные в «Цзинь ши», скорее культурные герои, чем исторические лица. Ханьпу добился успеха в борьбе с кровной местью и ввел уплату композиции за убийство или причинение ранения. Его меры — введение в качестве платы за убийство одного человека или причинение ранения одному человеку 20 лошадей, 10 коров или быков, 6 лан золота — вполне могли иметь место. Позднее размер композиции за убийство у чжурчжэней был определен в 30 лошадей и быков. Уплата композиции за убийство или причинение ранения была древним правилом, старым уже в 1038 г., как полагает М. В. Воробьев на основании материалов «Корё са» [44, с. 71, 72]. Сам факт введения композиций, сообщаемый в «Цзинь ши», даже если он не связан с именем Ханьпу и кланом Ваньянь, свидетельствует: 1. О накоплении значительных богатств в одной семье. Размер композиции таков, что ее мог выплатить только человек богатый. Никаких сведений о том, что плату вносил весь бу или клан вместо семьи, в источниках нет; 2. О стремлении людей богатых оградить себя от кровной мести. Только состоятельный человек, как мы уже отметили, был способен при таких размерах композиции, с одной стороны, откупиться за совершенное преступление, с другой — большой суммой композиции, явно непосильной человеку несостоятельному, гарантировать свою безопасность.

Имущественное неравенство, даже резкое социальное расслоение по признакам «богатство — бедность», прочно укоренилось в чжурчжэньском обществе конца X — начала XI в. Письменные источники упоминают об этом многократно: «Богатые делают для себя украшения из жемчуга и яшмы и одеваются в шубы, тонкий холст, меха соболей, белок, лисиц и енотов. Бедные одеваются в кожи коров, лошадей, свиней, овец, кошек, собак, змей и рыб» [223, цз. 3, с. 3б–4а]. «Их брачные обычаи таковы: богатые дают в качестве подарков (при заключении брака) коров и лошадей. У бедных, когда девушка достигает брачного возраста, она выходит гулять, петь песни». В песнях она рассказывала

[1] Там же. С. 276.

о своих достоинствах будущей жены и хозяйки. Тому, кто захотел бы жениться на ней, достаточно было взять ее за руку и увести в свой дом [223, цз. 3, с. 4б].

Чжурчжэни конца X — начала XI в. знали рабство. Их общество практиковало рабство уголовное. Композиции за убийство, о которых рассказывается в «Цзинь ши», через некоторое время были отменены. В случае совершения убийства или ограбления преступник подлежал смертной казни (ему разбивали голову), а семью казненного обращали в рабство [223, цз. 3, с. 6а]. Когда хоронили знатного человека, то для услужения ему в загробной жизни заживо сжигали его рабов [223, цз. 3, с. 5а]. Начиная поход против Ляо, чжурчжэни приносили клятву, в которой, в частности, имелись такие обещания: «Те, кто будут иметь заслуги, если они рабы или буцюй, станут лично свободными людьми, если они простолюдины, мы наградим их чином, а тех, кто имеет чин, повысим по службе» [236, цз. 2, с. 4а].

Этот текст свидетельствует о том, что в начале XI в. у чжурчжэней были не только рабы, но и буцюй. Население делилось на лично свободных и лично несвободных, а лично свободные люди — на простонародье и чиновников. В рабство обращали пленных, например киданей [44, с. 60]. Рабство не только не утратило свое значение в чжурчжэньском государстве Цзинь, но и получило там огромное развитие. По данным переписи 1183 г. и подсчетам по ее материалам, произведенным Г. Франке, в хозяйствах мэньянь и моуке на 7,8 человека населения Цзинь приходилось по 2,18 раба, т. е. от двух до трех рабов имел каждый двор [299, с. 13]. Рабство, как правильно заметил М. В. Воробьев, служило «верным свидетельством существования классовых отношений в чжурчжэньском обществе на рубеже XII в.» [44, с. 61]. По заключению китайских историков Хуа Шаня и Ван Гэнтана, в XI в. чжурчжэни перешли от родового к классовому обществу [229, с. 26].

По преданию, при Суйкэ (X в.) клан Ваньянь расселился по р. Аньчуху, притоку Сунгари. Здесь Ваньянь осели постоянно, стали строить жилища, именовавшиеся по-чжурчжэньски «нагэли». Дома чжурчжэней возводились из бревен, кровля — из досок. Двери дома были обращены на восток, для отопления дома устраивался кан. Кан служил столом и постелью. Чжурчжэни по берегам Аньчуху сеяли хлеб, разводили сады и огороды. Это не значит, что чжурчжэни только с этого времени начали заниматься земледелием. И археологические данные, и письменные источники говорят о древней традиции земледелия в тех районах. «В этих отдаленных районах много лесов и полей, земля годится под коноплю и хлеба, а чжурчжэни занимаются земледелием. Они не знают шелководства. Выращивают отличных лошадей, добывают золото,

крупный жемчуг, женьшень, а также мед и воск» [107, с. 262–273]. Охота и скотоводство (чжурчжэни разводили лошадей, коров, овец, свиней) играли видную роль в хозяйстве.

Усиление клана Ваньянь было связано с именем Шилу, который жил на рубеже X–XI вв. Он «ввел законы и распоряжения» и распространил власть Ваньянь на горы Цинлин (пров. Гирин, к западу от р. Муданьцзян) и Чанбайшань, а также на Суйбинь (Приморье) и Елань (области к северо-востоку от г. Цицикара), Гулидянь (Нингута, Нинъань, пров. Хэйлунцзян), т. е. практически объединил всю центральную и северную Маньчжурию. О тактике, к которой прибегали правители Ваньянь, расширяя свои владения, рассказано в сочинении Е Лунли: «Они начали присоединять к себе близлежащие племена, для чего или клеветнически упрекали их в приеме беглых, или ложно обвиняли в краже рогатого скота и лошадей. При хороших отношениях они роднились с этими племенами путем брака, приобретая их мирным путем, а если сердились, то прибегали к оружию и захватывали их силой. Занимались земледелием, накапливая запасы зерна, обучали воинов и разводили лошадей. В большом количестве покупали золото, драгоценные камни и хороших коней» [64, с. 164].

Нововведения (реформы) Шилу явились важным этапом на пути развития ранней чжурчжэньской государственности. По сведениям «Цзинь ши», чжурчжэням недоставало только своей письменности и календаря, но надо помнить, что речь шла не о календаре вообще, а о календаре китайском, важном признаке цивилизованности по китайским понятиям. Свой примитивный календарь у чжурчжэней имелся. Они отмечали праздник Нового года, считая концом старого и наступлением нового года появление свежей травы.

Усиление клана Ваньянь происходило одновременно с упадком влияния 30 кланов, живших в районе современного Хамхына, КНДР. С середины X в. 30 кланов были в контакте с киданями, Коре, Сун. Походы против них киданей подорвали могущество 30 кланов [44, с. 38]. А усилившийся Шилу получил от киданьского двора чин тииня.

С приобретением кланом Ваньянь положения лидера, а его главой — власти правителя многих чжурчжэней члены клана заняли особое место в обществе. Эти аристократы именовались «ланцзюнь» («господа», «принцы» [44, с. 60]). «И все люди, будь то знатные или незнатные, относятся к ланцзюням как к своим начальникам. Даже сановники обязаны кланяться перед лошадью ланцзюня. Ланцзюнь же не приветствует их, а третирует их, как рабов» [223, цз. 3, с. 6а]. При династиях Цинь — Хань термином «лан» («придворные господа») называли сыновей знати и молодых людей из богатых семей, которые

обучались в школе при дворе и как наследники статуса своих отцов готовились занять высокие посты в гвардии и администрации.

Большое значение в укреплении власти дома Ваньянь имело получение титулов от императоров Ляо. Г. Франке акцентирует внимание на этом обстоятельстве: «Агуда и его предки в течение нескольких поколений были местными начальниками, назначаемыми Ляо. Агуда уже обладал легитимной властью, хотя только и местной, и его возвышение до положения императора означало старт „с середины лестницы", а не с ее начала. Иначе говоря, его возвышение происходило внутри системы, а не вне ее» [297, с. 8–9].

Угунай (1021–1074) получил от киданей титул «цзедуши», и с этого времени и за пределами чжурчжэньской территории главы клана Ваньянь стали восприниматься в качестве чжурчжэньских государей. Император Ляо предложил Угунаю печать как символ власти, но Угунай не захотел принять ее. Угунай — первый правитель из дома Ваньянь, о котором сообщается, что при нем имелись чиновники и что он утвердил принципы правления [296, с. 421], «определил штат чинов и постановил законы» [73, с. 8а].

Таким образом, именно с середины XI в. мы имеем свидетельства источников о существовании у чжурчжэней государственной власти. Начиная с Угуная все государи чжурчжэней имели титул «тайши»[1]. В 1102 г. Ингэ (1095–1103) получил от императора Ляо воинский чин шисян, равный в Ляо чину премьер-министра. Ингэ запретил подчиненным ему бу титуловаться «дабучжан» («великими правителями бу»), но какие новые чины он дал им, неизвестно. Ингэ также унифицировал форму отдаваемых им как верховным правителем и государем чжурчжэней распоряжений и объявил, что законными являются только те приказы, которые отдаются посредством особых верительных бирок (род пайцз). Чжурчжэньские государи, хотя и признавали сюзеренитет Ляо, правили, как сообщает источник, «в соответствии со своими собственными законами» [296, с. 435]. Именно в правление Ингэ большая часть чжурчжэней оказалась под властью клана Ваньянь. С теми формами правления, которые сложились у чжурчжэней в XI в., они вошли и в XII в., когда их войны с Ляо, завоевание ими северной части сунского Китая привели к образованию чжурчжэньского государства Цзинь, правившего в Маньчжурии и северном Китае до 1234 г. В XI в., несмотря на утверждение источника о том, что «чжурчжэни не имеют цере-

[1] Тайши (писец), возможно, как и лацзюнь, мелкий чиновник, сопровождавший императора и наследника престола, — придворные чины Ляо, полученные членами дома Ваньянь от киданей. См.: [314, с. 302, № 3571, с. 481, № 6212].

мониала и законов, у них нет государя (цзюнь) и сановников (чэнь)» [223, цз. 3, с. 3б], складывается и развивается в оригинальных формах чжурчжэньский государственный аппарат, кстати достаточно подробно описанный в этом же источнике. Как мы уже упомянули ранее, создание этого аппарата, видимо, началось при Угунае: «Цзинь с Цзин-цзу стало создавать штат чиновников (гуань шу). Они управляли всеми областями (цзюнь) и намеренно совершали военные походы. Уяснив суть дела, [чжурчжэни] сами объявили себя (букв. „считали“) единым государством (и го). Их чиновники и начальники все именовались «боцзиле» [236, цз. 55, с. 1а]. Как сказано в «Цзинь ши», правители разной значимости в раннем государстве чжурчжэней именовались «боцзиле» (богиле). Кроме формы «боцзиле» в «Цзинь ши» употребляется иная, более краткая форма записи этого чжурчжэньского слова — «боцзинь». По заключению М. В. Воробьева, «боцзиле» (богиле) — «это то же наименование племенных вождей, но по времени более позднее, чем „богин“» (боцзинь. — *Е. К.*). Оно «появилось при Ингэ и употреблялось лишь в среде вождей племени вань-янь» [42, с. 18]. По заключению японского ученого Иваи Дайкэй, чжурчжэньское слово «боцзиле» значило «глава ведомства», он сравнивает это слово с маньчжурским «бокэ» [44, с. 69]. Размещенные иерархически, боцзиле образовывали систему администрации и контроля, по словам Г. Франке, «принадлежавшую к ранним фазам чжурчжэньской политической структуры» [295, с. 141].

Боцзиле являлись представителями военно-административной системы, военной и гражданской власти одновременно. «Боцзиле выдвигают от пяти дворов и выше, вплоть до десяти тысяч дворов. Все боцзиле сами командуют своими войсками. В мирное время они упражняются в стрельбе из лука и охотятся, а в случае войны спешно выступают» [223, цз. 3, с. 5б–6а]. Боцзиле, управлявшие (командовавшие) группой населения, способной выставить сотню воинов, титуловались маокэ (моукэ — сотниками). Слово «моукэ» соотносится с маньчжурским «мукунь» (клан, большая семья). Боцзиле, управлявшие (командовавшие) группой населения, способной выставить тысячу воинов, именовались «мэнъань», словом, сравнимым с маньчжурским «мингань» (тысячник). Боцзиле, управлявшие (командовавшие) населением, способным выставить десять тысяч воинов, титуловались тэму (маньчжур, тумэн — десятитысячники, темники) [223, цз. 3, с. 5б–6а].

Часто моукэ называлось поселение, расположенное на берегу реки и обнесенное деревянным частоколом. От 7 до 10 моукэ образовывали мэнъань. Все здоровые и сильные мужчины одного двора из какого-либо моукэ обязаны были быть воинами, а их рабы выполняли роль служащих вспомогательных войск в отрядах, сформированных из таких воинов.

Поселение одновременно являлось и воинским подразделением [299, с. 20]. Боцзиле, управлявшие группами населения, выставлявшими меньше сотни воинов, именовались «пулиянь». Г. Франке сравнивает это слово с маньчжурским «фениянь» (толпа) [295, с. 142].

Боцзиле подразделялись на ряд групп. Выделялась группа высших чиновников, которые по-чжурчжэньски именовались «аньбань-боцзиле» (ср. с маньчжурским «амбань» — «большой», «великий»). Эту группу боцзиле китайцы приравнивали к своим старшим чиновникам и именовали да гуаньжэнь (старшими чиновниками). Следующую группу боцзиле составляли темники, тысячники, сотники и пулиянь. Китайцы рассматривали их как цзунгуань — местных командиров, управителей. Пулиянь также приравнивались и к пайцзытоу — чину, при юаньском правлении равному десятнику, командиру базовой низовой единицы в армии и при разделении населения. По киданьской тарификации, боцзиле приравнивались к цзюгуань — командирам отрядов из подчиненных племен, расквартированных на границе [223, цз. 3, с. 56]. Агуда в молодости имел киданьский военный чин «сянвэнь» (генерал) [236, цз. 2, с. 1б].

Можно согласиться с М. В. Воробьевым, что первоначально (в X — начале XI в.) «все родовые и племенные вожди чжурчжэней назывались боцзинь» [44, с. 65]; боцзинь — это независимый вождь, который в мирное время полновластно управлял своим родом или племенем [44, с. 65]. Действительно, в «Цзинь ши» говорится: «Глава (чжан) их бу назывался боцзинь. Тот, который управлял несколькими бу, именовался хулу» [236, цз. 55, с. 1а]. Есть сведения о том, что правители чжурчжэней носили титул тайши. Так, титул тайши получил из Кореи в 1036 г. один из чжурчжэньских правителей — Адаосянь — после того, как признал себя подданным короля Кореи. Мы уже упоминали о том, что титул тайши получили и правители из клана Ваньянь. По сведениям, собранным японским ученым Торияма Киити, 70 чжурчжэньских правителей имели этот титул. М. В. Воробьев полагает, что и титул тайши «не содержал прерогатив, выходящих за пределы круга обязанностей крупных племенных вождей» [44, с. 68], что вряд ли точно, по меньшей мере применительно к Угунаю и его преемникам.

Заметим, что боцзиле мог стать сотником, тысячником, десятитысячником, только находясь в системе чинов раннего чжурчжэньского государства, в зависимости от числа воинов, которое могло выставить его бу, являясь да гуаньжэнь боцзиле (боцзиле — «старший чиновник»), как об этом прямо говорится в «Сань чао бэй мэн хуэйбянь». Он не мог занимать должность мэнъань или моукэ, если не получал ее от центральной власти. В мирное время или во время военного похода — в

любом случае он получал от центральной власти свое место в формирующейся государственной иерархии чинов.

Высшим титулом в системе боцзиле, очевидно, являлся титул ду боцзиле, который имел Агуда. Он стал ду боцзиле после смерти своего старшего брата Уясу. По разъяснению «Цзинь го юй цзе», ду боцзиле — это наименование чина того должностного лица, которое управляло единовластно, «держа все в своих руках». Слово «ду» составители «Цзинь го юй цзе» сопоставляли с солонским «ду» (высший). За ду боцзиле следовали аньбань-боцзиле, боцзиле знатные и старшие, знатные и почитаемые [236, цз. 55, с. 1а]. В их числе были голунь-боцзиле (знатные боцзиле), хулу-боцзиле (боцзиле, главнокомандующие войсками) [236, цз. 55, с. 1а]. Чин голунь-боцзиле приравнивался к китайской должности го сян (премьер-министра, канцлера государства) [236, цз. 55, с. 1а]. Третьим по значимости являлся чин илай-боцзиле. Собственно, он и значил «третий» (маньчжурское «илань» значит «три»). В «Сань чао бэй мэн хуэйбянь» он назван алули-илай-боцзиле. Третий боцзиле также являлся командующим войсками, во всяком случае тогда, когда эту должность в первой трети XII в. занимал Няньхань [223, цз. 3, с. 6а]. В число аньбань-боцзиле входили еще иши-боцзиле, который отвечал за приемы и встречи при дворе, амай-боцзиле, правитель города или большого укрепленного поселения, и чжа-шиха-боцзиле, который ведал штатом чинов, кадрами.

Система боцзиле просуществовала до 1135 г., когда собственно чжурчжэньские формы государственности были заменены китайскими. Ряд старых чжурчжэньских чинов, в основном киданьского происхождения, остались в аппарате управления пограничными территориями.

В 1938 г. японские историки предложили свою реконструкцию системы боцзиле, состоящей, по их заключению, из десяти единиц: 1) добоцзиле — главный боцзиле; 2) аньбань-боцзиле — большой боцзиле; 3) голунь-хулу-боцзиле — благородный предводитель боцзиле; 4) голунь-цзо-боцзиле — левый благородный боцзиле; 5) голунь-иши-боцзиле — правый благородный боцзиле; 6) голунь-амай-боцзиле — первый благородный боцзиле; 7) голунь-цза-боцзиле — второй благородный боцзиле; 8) голунь-илай-боцзиле — третий благородный боцзиле; 9) голунь-де-боцзиле — четвертый благородный боцзиле [44, с. 169]; 10) анабоцзиле — младший боцзиле. Проверить правильность этой реконструкции затруднительно.

У чжурчжэней с древности, видимо, большую роль играл совет при правителе, со второй половины XII в. — совет боцзиле. «Если в государстве требуется решить какое-либо важное дело, то едут в пустынное место, садятся в круг, чертят на золе [от костра] планы и совещаются.

Первыми подают совет самые младшие. Кончится совет, и, если кто разболтает то, о чем на нем говорилось, убивают того человека. Так что никто ничего не знает, и тем сохраняют тайну» [223, цз. 3, с. 7а].

«В древности у чжурчжэней люди всех бу не имели иных повинностей, [кроме того, что] все совершеннолетние считались воинами» [236, цз. 44, с. 1б]. Боцзинь, как уже отмечалось ранее, являлся командиром, звание и должность которого зависели от числа подчиненных ему людей. «Правитель их бу именовался боцзинь. Когда войска выступали в поход, то он титуловался мэнъань или моукэ в зависимости от числа [своих подчиненных]. Мэнъань — командир-тысячник [цяньфучжан), моукэ — командир-сотник (байфучжан). Заместитель моукэ именовался алией. Число солдат в бу вначале не являлось твердоустановленным. Это было сделано только тогда, когда на престол вступил Тай-цзу» [236, цз. 44, с. 1б]. При Агуде было определено, что боцзинь над 300 дворов считается сотником (моукэ), а боцзинь над десятью моукэ — тысячником (мэнъань).

Глава любого изъявившего покорность бу получал титул (должность) «мэнъань» или «моукэ», исходя из вышеуказанного расчета [236, цз. 44, с. 1б]. Низшими воинскими подразделениями были пяток, десяток и сотня. «Отряды в сто человек формировались из пятков» [223, цз. 3, с. 6б]. Законы воинской взаимовыручки и охраны командира были суровы. «Если погибнет командир пятка, казнят оставшихся в живых из его отряда, если погибнет командир десятка, казнят командиров пятков, если погибнет командир сотни, то казнят командиров десятков» [223, цз. 3, с. 6б]. В порядке выдачи наград отличившимся в бою прослеживается древний обычай, когда каждый здоровый мужчина являлся воином и имел равный голос при дележе добычи. «Когда войска возвращаются из похода... устраивают совет, спрашивают о заслугах, в зависимости от того, велики они или малы, награждают их золотом. Берут какую-то часть золота и, подняв, показывают собравшимся [войскам]. Если кто-либо говорит, что этого мало, то добавляют еще» [228, цз. 3, с. 7а].

В чжурчжэньском государстве XI в. не было постоянно фиксированного налогообложения. По сообщению «Сань чао бэй мэн хуэйбянь», «налоги их непостоянны, сколько нужно, столько и берут» [223, цз. 3, с. 6а]. М. В. Воробьев пишет, что рядовые чжурчжэни не несли регулярных повинностей, а «отделывались эпизодическим взносом и периодической военной службой» [44, с. 61]. Следует всегда иметь в виду, что для китайского информатора отсутствие налога и повинностей — это прежде всего отсутствие списков налогоплательщиков с указанием причитающейся с каждого суммы налога, в первую очередь поземельного, и количества дней трудовой повинности.

Чжурчжэни не имели своего письма, куски дерева со сделанными на них зарубками служили документами. Счет причитающемуся налогу вели, делая зарубки на древке стрелы. «Чжурчжэни при Ханьпу раскалывали деревяшки и покрывали их нарезками, как бы письменами. Договоры и постановления были твердыми и строгими, окончательными и нерушимыми. Повсюду и все подчинялись этим законам, они же считались священными», — сообщается в «Маньчжоу юаньлю као» [43, с. 51].

Торговля у чжурчжэней была меновой, при расчетах использовали скот, золото, нередко, однако, и монету, завезенную из Ляо и сунского Китая [43, с. 51]. Широко была развита внешняя торговля. Чжурчжэни продавали киданям, корейцам, китайцам золото, жемчуг, женьшень, охотничьих соколов, меха, скот, шерсть. Покупали железо и медь, чай, шелк, керамическую и фарфоровую посуду, предметы буддийского культа, рабов-ремесленников [44, с. 101]. Торговля обогащала правящую верхушку чжурчжэньского общества, формировавшуюся в господствующий класс.

Уже в XI в. наряду с шаманизмом, поклонением Небу и Земле чжурчжэни были знакомы и с буддизмом. «Делают подношения Будде с особым почтением», — сообщается в источнике [223, цз. 3, с. 3б]. Буддизм являлся прежде всего религией правящего дома и правящего класса. «Царский дом и приближенные возносят моления Будде и посещают храмы», — уточняется в «Сунмо цзивэнь» [43, с. 50]. Чжурчжэни могли быть достаточно давно знакомы с буддизмом, во всяком случае со времен Бохая. Буддизм процветал в Ляо, буддийскими были государства Кореи. По исследованиям Тории Рюдзо, чжурчжэньское наименование буддийского храма — «тайела» происходило от корейского его наименования — «тёль» [43, с. 51]. Однако вряд ли даже в XII в. буддизм получил широкое распространение среди простого населения. Чжурчжэни сохраняли свои национальные верования. И среди чжурчжэньских культов первое место принадлежало культу Неба. По данным «Цзинь ши», чжурчжэни до Агуды «поклонялись Небу». Когда Агуда взошел на престол, об этом было доложено Небу и Земле и были принесены жертвы [236, цз. 28, с. 16]. Поклонения Небу совершались в 5-й, 9-й и 15-й дни 7-го месяца по лунному календарю. На широкой поляне готовили жертвенник и приносимое в жертву — животных, печенье, фрукты. После принесения жертв устраивали скачки и стреляли в иву. Праздник завершался пиром [295, с. 180]. В «Цзинь ши» (цз. 35) есть описание церемониала принесения жертв Небу императором Цзинь, оно переведено на английский язык Г. Франке (см.: [300]). Благоприятное отношение Неба к восходящей династии подчеркивалось

в первых девизах царствования ее государей: Тянь-Фу («Помощь Неба»), 1117–1122; Тянь-хуэй («Объединение с помощью Неба»), 1123–1132; Тянь-цзюань («Забота (любовь) Неба»), 1138–1140.

Чжурчжэни являлись шаманистами. Слово «шаман», давшее название близкому по своей сути кругу верований, как раз чжурчжэньское. «Шаман» на языке чжурчжэней значит «колдун», потому что шаман может «превращаться подобно духам» [223, цз. 3, с. 106]. У чжурчжэней были и шаманы, и шаманки. Подавляющее большинство сведений, известных о шаманстве у чжурчжэней, приведено в монографии М. В. Воробьева «Культура чжурчжэней и государства Цзинь» (см.: [43]).

Священными у мохэ, чжурчжэней, а позже — и у маньчжуров считались горы Чанбайшань. Однако официальный культ этих гор, введенный в Цзинь в 1172 г., оказался уже чисто китайским, отражавшим китайские представления о культе четырех священных гор империи. Так именно описан этот ритуал в сочинении «Да Цзинь цзи ли» (см.: [300]). Это пример китаизации старого культа, возведенного в ранг традиционных культов китайской империи.

Наиболее полные сведения о праве в раннем чжурчжэньском государстве мы находим в «Сань чао бэй мэн хуэйбянь». «Убийц и грабителей наказывают смертью, разбивая им головы (киданьский прием осуществления смертной казни. — *Е. К.*), а их семьи обращают в рабство. Если родственники желают выкупить преступника, то в качестве возмещения ущерба, нанесенного пострадавшему, дают коров, быков, лошадей и имущество. Выкуп делится следующим образом: $^{6}/_{10}$ поступает пострадавшему, $^{4}/_{10}$ конфискуется в казну. За легкие преступления секут розгами. Если преступление тяжелое, то преступнику отрезают уши и нос, чтобы заклеймить его» [223, цз. 3, с. 3б].

«Тюрьмы чжурчжэней — земляные ямы в несколько чжан глубиной. Преступника садят прямо в эту яму»; «Их законы строги. Так, тех, кто совершил убийство или ограбил кого-то на большую сумму, наказывают смертью. Что касается прочих преступлений, то они не различают, легкие они или тяжелые, и наказывают за них битьем палками. Бьют по спине, а не по заду, так как боятся, что битье по заду повредит наказываемому и он не сможет ездить на лошади. Если преступление очень тяжелое, то бьют мешками с песком. Окружных чиновников может наказывать только правитель округа, уездных — правитель уезда. Все начальники могут наказывать битьем палками всех подведомственных им чиновников» [223, цз. 3, с. 6а–6б].

Таким образом, в доцзиньский период, период раннегосударственный, самыми тяжкими у чжурчжэней считались преступления против личности (убийство) и имущества (ограбление). От смертной казни

можно было во многих случаях при наличии средств откупиться. До 1115 г. владения чжурчжэней не делились на округа и уезды, и последний отрывок из цитированного выше текста относится к несколько более позднему периоду. Компенсация за украденное выплачивалась в десятикратном размере, шесть частей ее шли пострадавшему, четыре — в казну. По данным «Сунмо цзи вэнь», сведения этого источника относятся к 1130 г., позже компенсация за кражу была семикратной [298, с. 222]. В годы стихийных бедствий и голода, когда число краж резко возрастало, компенсацию за украденное (например, так было в 1110 г.) могли снизить до трехкратной [44. С. 73].

В первые годы существования государства Цзинь поркой наказывали и провинившихся чиновников. Вэй Вэньцзянь, автор сочинения «Лутин ши ши», написанного после 1138 г., отмечал, что если чиновник, от министра и до самого мелкого служащего, совершит проступок, то он наказывается поркой. С наказуемого снимали одежду, клали его на землю и пороли. Экзекутором обычно был кто-либо из гвардейцев. При дворе такое наказание называлось «приговором императора». На местах, в округах и уездах, виновных в нарушении законов чиновников пороли по распоряжению посланцев императорского двора после проведения следствия по делу и выявления меры виновности. Это называлось «приговором высшего начальника». Китайский автор возмущался, что был нарушен один из основополагающих принципов китайского права — «телесные наказания не распространяются на знатных лиц», в том числе и чиновников. Против китайских традиций был и чжурчжэньский придворный обычай наказывать провинившихся в присутствии императора [295, с. 179–180].

По сообщению «Цзинь ши», в государстве Цзинь ляоские и сунские законы стали применяться с 1129 г.: воры и разбойники, если они только похитили имущество, но не причинили вреда его хозяину, наказывались тремя годами каторжных работ. Если стоимость похищенного составляла 10 связок монет и более — пятью годами каторги. Осужденных на пять лет каторги татуировали и отправляли работать на армию. «Если стоимость похищенного была 30 связок монет и более, [вор] наказывался пожизненными каторжными работами. Кроме того, сумму похищенного приказывали полностью вытатуировать на лице осужденного. Если стоимость [похищенного] превышала 50 связок монет, [вор] подлежал смертной казни. Компенсация и штрафы взимались по старым правилам» [236, цз. 45, с. 1б–2а].

Таким образом, в праве Цзинь появилось по китайскому образцу наказание каторжными работами, которое, хотя бы частично, исполнялось при армии на тяжелых работах. Как полагает Г. Франке, в первые

десятилетия существования Цзинь «чжурчжэньские правовые обычаи и рудименты китайских законов сосуществовали... без всякой ссылки на писаные законы» [298, с. 223].

Чжурчжэни в XI — начале XII в. не имели своей письменности. Как уже говорилось, учет, передача информации, закрепление обязательств осуществлялись с помощью зарубок на дереве. Однако можно, пожалуй, не сомневаться, что во внешних сношениях в отдельных случаях использовалось киданьское или китайское письмо. «Тай-цзу воевал с Ляо. В это время еще не было [чжурчжэньских письмен], и обо всех военных делах, о которых следовало сообщить из центра и которые необходимо был держать в тайне, все генералы оповещались устно. [Это] поручали Сычжуну. Сычжун лично получал императорский приказ и передавал его в армию. И хотя слов в приказе и тех, которые нужно было передать туда и обратно, было несколько тысяч, [он] не допускал ни малейшей ошибки» [236, цз. 84, с. 3а].

Завоевательные походы, ускоренное совершенствование аппарата управления, расширение делопроизводства и внешних связей потребовали введения письменности. Развитие своих форм государственности, вражда с Ляо, а затем и с Сун не могли привести, именно на первоначальном этапе, к широкому употреблению письма киданьского или китайского, даже учитывая то, что китайский язык и китайская письменность были признанными средствами общения на Дальнем Востоке. Государственным языком у чжурчжэней становится их родной язык. Создать чжурчжэньское письмо поручили Вэньянь Сиию. «Люди Цзинь первоначально не имели письма. Силы государства день ото дня крепли, и тогда в сношениях с соседними государствами стали употреблять киданьское письмо. Тай-цзу приказал Сиию создать собственное государственное письмо и разработать его структуру. Сиинь, подражая китайской письменности почерка „кай“ и следуя структуре письма киданьского, приспосабливая [эти письменности] к [родному] языку своего государства, создал чжурчжэньское письмо. В восьмом месяце третьего года девиза царствования Тянь-фу (1119 г.) книга (свод) письмен была завершена. Тай-цзу очень обрадовался, приказал обнародовать их и ввести в действие. Сиию дали в награду коня и комплект одежды. Позже император Си-цзун также создал чжурчжэньское письмо (1138 г.), которое было введено в употребление наряду с письмом, созданным Сиинем. Созданное Сиинем письмо стали называть большим чжурчжэньским письмом, а письмо, созданное Си-цзуном, — малым чжурчжэньским письмом» [236, цз. 73, с. 8а]. Чжурчжэньское письмо, как и письмо киданей, словесно-слоговое по своему характеру, было в употреблении, по крайней мере, до конца XIV в., им пользовались и после

гибели государства Цзинь (1234 г.). Введение для государственных нужд собственного письма явилось закономерным шагом в развитии чжурчжэньской государственности.

Сокрушение чжурчжэнями государства Ляо (1125 г.) и затем завоевание к середине XII в. большей части китайского государства Сун, создание многонациональной империи, такой, какой являлась Ляо, заставили чжурчжэней, как и киданей в X в., прежде всего для управления завоеванными районами использовать не только апробированную столетиями, но и имеющую высший авторитет в регионе систему китайской государственности. Вначале в завоеванных областях чжурчжэни вводили свою систему мэнъань-моукэ (тысячников и сотников). Но затем, поскольку это вызывало недовольство местного населения, они стали использовать старые административные органы Ляо, заменяя киданьских и китайских чиновников на бохайцев и чжурчжэней. В районах с китайским населением на своих постах зачастую были оставлены и киданьские чиновники.

Военно-административный характер собственно чжурчжэньской системы управления в целом, война с Ляо обусловили то, что первым органом государственной власти, который чжурчжэни позаимствовали от киданей и китайцев, был центральный орган управления военными делами — Шуми (Тайный совет). Произошло это в 1122 г. и, по оценке историков, явилось «продолжением старой системы управления Южного двора Ляо» [236, цз. 55, с. 1а–1б]. В 1126 г. был предпринят решительный шаг по введению китаизированной системы управления и учрежден Шаншушэн (Государственный совет, или Верховный секретариат), высший административный орган гражданской администрации. После завоевания северного Китая в 1140 г. чжурчжэни ввели в своем государстве шесть министерств (лю бу) [236, цз. 55, с. 3а]. Во время активных завоевательных войн с 1124 г. существовал специальный орган, называвшийся «ду юаньшуай фу» (в переводе М. В. Воробьева — «военный совет» [44, с. 153], точнее, вероятно, «ставка верховного главнокомандующего»). Это был временный орган, существовавший только во время войны, в мирное время он упразднялся [236, цз. 55, с. 9б]. Верховным главнокомандующим (юаньшуай) всегда являлся аньбань-боцзиле [236, цз. 44, с. 7а].

С введением китайской административной системы была к 1138 г. введена и китайская система рангов, а старая система рангов боцзиле упразднена еще в 1134 г. В новую систему были включены также и чжурчжэньские, и киданьские должности. Так, мэнъань-тысячник стал чиновником 4-го ранга, моукэ-сотник — чиновником 5-го вспомогательного ранга [236, цз. 57, с. 12б]. Сяньвэни войск цзю были прирав-

нены к чиновникам 5-го вспомогательного ранга. В управлении племенами сохранилась должность «цзедуши», «который управлял каждым бу», ранг его был высоким (3-й вспомогательный). На местах сохранилась и должность иркина. Иркин имел низкий, 8-й вспомогательный, ранг. Иркины «порознь управляли племенами, поселениями и крепостями» [236, цз. 57, с. 13а]. В Цзинь сохранилась и старая должность тули. Тули «разбирал тяжбы, производил расследования [разных] нарушений и проступков» [236, цз. 57, с. 13а].

В местной администрации старые киданьские и китайские округа и уезды сочетались с системой мэнъань-моукэ. С 1139 г. мэнъань и моукэ были выведены из подчинения округов и уездов и стали подчиняться только центральным органам власти. При Агуде 300 дворов возглавлял сотник-моукэ, а 10 моукэ — тысячник-мэнъань. Численность сотен не была стандартной. Так, в период завоеваний принявший сторону чжурчжэней кидань Элие из 130 семей северных бу создавал одну сотню, а китаец Ван Люэр — одну сотню из 615 китайских дворов [236, цз. 44, с. 1б]. Как уже было сказано, в 1124 г. из покоренных киданей и китайцев чжурчжэни перестали создавать сотни. В 1127 г. население большей части территории Цзинь расписали по тьмам, темничествам (ваньху) [236, цз. 44, с. 2а], в 1145 г. система темничеств была упразднена.

Мэнъань и моукэ постепенно стали превращаться в особые организации (общины, как трактует их М. В. Воробьев [44, с. 168]) военно-поселенческого характера. Они получили земельные наделы и быков и обязывались обрабатывать землю и нести караульную службу, прежде всего по отношению к иноплеменникам [236, цз. 44, с. 2а-2б].

В 1180 г. сотникам и тысячникам 55 лет и старше было позволено передавать свои должности по наследству сыновьям, младшим братьям и племянникам, живущим с ними вместе одной семьей [236, цз. 44, с. 3а]. Чжурчжэни-военнопоселенцы нередко сдавали землю в аренду и жили на доходы, получаемые с арендаторов. Часто землю военнопоселенцев обрабатывали рабы. На 1183 г. из 6 158 636 военнопоселенцев 4 812 669 являлись людьми лично свободными, а 1 345 967 — рабами [299, с. 21,24].

Мэнъань и моукэ представляли собой, таким образом, наследственную военную и социополитическую организацию, созданную оригинальной чжурчжэньской государственностью. Несмотря на принятие китайской политической системы после завоевания северного Китая, эта организация обеспечивала господство завоевателей на завоеванных территориях.

Моукэ делились на два подразделения — пунянь. Состоявшая примерно из 300 семей сотня и во времена Цзинь была обязана выставить

100 солдат для регулярной армии и вспомогательных войск-алиси. После 1145 г. на 25 членов сотни давали 404 му земли, эти люди (примерно четыре-пять семей) выставляли одного солдата регулярной армии и одного служащего вспомогательных войск. За это военнопоселенцы платили лишь $^{1}/_{20}$ обычной суммы поземельного налога [313, с. 8, 9]. Тысячи и сотни создавались не только из чжурчжэней, но и из бохайцев, си и представителей некоторых других этносов. Поселенные в китайские округа и уезды, они являлись опорой чжурчжэньского господства в империи Цзинь. Тысячник был приравнен по своему положению к правителю округа — цыши.

Личную гвардию цзиньского императора составляли сотни-хэчжа (возможно, сравнимо с маньчжурским «хашань» — охрана). В источнике поясняется, что хэчжа по-чжурчжэньски значило «личная охрана государя, гвардия» [236, цз. 44, с. 3а]. Командующий гвардией имел звание тысячника.

Все высшие посты в армии и государственном аппарате Цзинь занимали чжурчжэни, и, хотя огромный аппарат управления империей в середине XII в. состоял не только из чжурчжэней, но и киданей, бохайцев, си, китайцев, все жизненно важные центры управления страной всегда находились в руках господствующей чжурчжэньской народности.

«Наследуя систему Ляо» [236, цз. 24, с. 1а], чжурчжэни создали систему пяти столиц. Верхняя столица размещалась «на древней территории Цзинь». «На языке государства золото называлось „аньчуху“. Поскольку в этом месте были истоки реки Анчуху, при создании государства оно получило наименование „Золотое“» [236, цз. 24, с. 1б]. Это были «внутренние территории государства (нэй ди)». В 1138 г. город, выстроенный в этой местности, получил название Верхней столицы (находился в районе г. Бачэн, к юго-востоку от Харбина). Область столицы называлась Хуэйнин. Восточная столица была в г. Ляоян, Западной столицей был объявлен г. Датун, Средней — г. Дадин, Южной — г. Яньцзин (Пекин). Деление на округа и уезды в империи Цзинь полностью соответствовало китайскому образцу.

Говоря о чжурчжэньской ранней государственности, оригинальной по своим формам, прораставшей из родоплеменного быта, об изменениях ее в ходе завоеваний и переходе к синкретическому по своей сути аппарату управления империей Цзинь, нельзя не согласиться с мнением М. В. Воробьева, который писал: «Несмотря на то, что на первый взгляд вся система выглядела смонтированной из иноземных элементов — китайских (сунских и танских) и киданьских, внимательное изучение обнаружило оригинальность государственного мышления в построении всего аппарата в целом и даже в самой монтировке чужеродных эле-

ментов» [44, с. 177]. Отмечая полный контроль чжурчжэней в таких органах, как цензорат, армия, прокуратура, М. В. Воробьев справедливо считает, что главным звеном в системе господства были старые чжурчжэньские институты управления — мэнъань и моукэ. «Расселенные в гуще китайского населения, подчиненные непосредственно высшим местным властям, они служили той живой 10-процентной прослойкой, которая на месте — в деревнях и уездах — блокировала малейшее проявление недовольства» [44, с. 178]. Развивая схожее мнение, Г. Франке пишет, что обычное для китайского средневекового общества различие между народом и чиновниками «усилилось в обществе Цзинь наличием в бюрократии занимающего в ней особое положение иноэтнического элемента» [299, с. 22]. По этническому принципу население Цзинь было поделено на пять разрядов: 1) чжурчжэни; 2) бохайцы; 3) кидани и си; 4) китайцы-яньжэнь (китайцы — бывшие подданные государства Ляо, они еще именовались «ханьэр»); 5) наньжэнь (южане) — китайцы завоеванных северных областей Сун [254, с. 101].

О внешних связях чжурчжэней в период их ранней государственности следует сказать следующее. Они признавали сюзеренитет Ляо, получали от киданей титул «цзедуши», имели тесные контакты с Кореей, во второй половине X в. активно торговали лошадьми с Сун, перевозя лошадей из Маньчжурии в Шаньдун морем. После 1119 г. кидани прервали эту торговлю, укрепив свою власть в Ляодуне. Агуда, придя в 1101 г. к власти, активно готовился к разрыву с киданями и войне с ними, строил в стратегически важных местах крепости. Отряды по 50 человек делились на две подгруппы; 20 солдат в каждой полусотне были облачены в тяжелые доспехи и вооружены пиками и дубинами, а 30 были в более легких доспехах и вооружены луками со стрелами. Бохаец Ян Бо, служивший у Агуды, предложил ему принять императорский титул, возвести свои алтари в честь почвы и злаков и создать государство с территорией протяженностью в тысячу ли, которое на востоке доходило бы до океана, на западе — до тангутского государства Си Ся, а на юге — до Сун. На севере это государство умиротворило бы население Ляо.

Как известно, в 1115 г. Агуда провозгласил себя императором (хуанди), принял девиз царствования Шоу-го («Приобретение государства»). Армия Ляо, выступившая во главе с императором киданей на его умиротворение, потерпела поражение. В 1118 г. Агуда послал к императору Ляо посла и выдвинул десять условий заключения мира: 1) предоставить ему титул «да шэн да мин» — «Великий совершенномудрый, великий священномудрый; 2) признать за его государством наименование Великое Цзинь; 3) прислать ему императорскую колесницу;

4) прислать императорские одежды и головной убор; 5) вручить вырезанную из яшмы императорскую печать; 6) называть императора Ляо «младшим братом», а его, Агуду, — «старшим братом»; 7) посылать послов с поздравлениями ко дню рождения Агуды; 8) ежегодно присылать 250 тыс. лян серебра и кусков шелка, т. е. отдавать ровно половину того, что сам император Ляо ежегодно получал от Сун; 9) уступить Цзинь Ляодун; 10) выдать чжурчжэньских князей Агучань и Чжаосань, враждовавших с Агудой [64, с. 194].

Кидани, зная силу Агуды, не пошли на открытый разрыв, они согласились дать ему титул, видоизменив его на «Достигший священной мудрости, достигший просвящения», а государство чжурчжэней предложили именовать Дунхуай («Восточное умиротворение»). Естественно, они не признали Агуду «старшим братом», но прислали ему красный покрытый лаком лук и украшенную слоновой костью колесницу. Однако украшения на колеснице были не императорские, а соответствующие лицу с положением удельного князя. Агуда хотел казнить послов, но его уговорили ограничиться лишь наказанием их палками. Послов вернули обратно в Ляо с ответом, суть которого сводилась к тому, что если император Ляо не признает Агуду императором Великой Цзинь и «старшим братом», то он, Агуда, за это сотрет с лица земли его Верхнюю столицу. Так началась война против Ляо.

В 1117 г. к Агуде прибыли первые послы Сун, они сообщили, что в Китае наслышаны о победах Агуды над киданями и хотели бы заключить с ним союз против киданей с условием, что после разгрома Ляо китайцы получат те земли, которые кидани ранее захватили у них. Агуда согласился на такой союз, выгода его была очевидна — атака на Ляо с двух сторон, но на вопрос о территориях ответил так: кто сколько завоюет, у того столько и будет. В 1123 г. чжурчжэни отдали Сун шесть округов Ляо и г. Пекин. Однако уже в 1125 г. они начали войну с Сун, а в 1126 г. пленили сунских императоров. В этом же году признала себя зависимой от Цзинь Корея. В 1141 г. между Цзинь и Сун был заключен договор, на основании которого император Цзинь был признан старшим, границей между двумя империями была объявлена р. Хуай, и Сун обязались платить Цзинь 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка ежегодно.

Итак, основой социальной организации чжурчжэней в XI в., своеобразной военно-административной формой их ранней государственности явилась система мэнъань-моукэ. Она базировалась на более древней системе було в качестве основной единицы под управлением главы було. Все совершеннолетние здоровые мужчины считались воинами. В мирное время они занимались производственной деятельностью — па-

хали землю, пасли скот, больше всего лошадей, охотились и ловили рыбу, а в случае войны те, кто должен был идти на войну, становились воинами, образуя отряды в сто и тысячу человек.

Оценки системы мэнъань-моукэ не все однозначны. Вслед за М. Годелье (см.: [46]) автор этих строк полагал и писал более двух десятилетий назад, что чжурчжэньское общество XI в. «было последним бесклассовым и первым классовым обществом одновременно, так как, сохраняя довольно значительные демократические традиции родового строя, оно уже несло в себе и постепенно формировало элементы нового классового общества и государства. Племенная аристократия чжурчжэней и прежде всего ланцзюни рода Ваньянь обладали уже государственной властью и эксплуатировали отдельных членов чжурчжэньского общества, присваивая часть их труда, — рабство, поборы, воинская повинность, приобретшая уже форму именно повинности. Государственная власть приняла специфические для чжурчжэньского общества формы, являясь по сути своей военно-административной» [101, с. 185]. Формы эти в целом были в русле общего развития государственности у народов Центральной Азии.

М. В. Воробьев пишет, что «появление мэнъань и моукэ... служит проявлением ранней государственности. Усиление их военной функции и создание „сотни" знаменует уже наступление стадии военной демократии. Эти ячейки в XI в. были новой ступенью развития общества. Они сложились как общественные ячейки с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной» [44, с. 57].

Сяо Хунцзян и Би Шулинь также полагают, что систему мэнъань-моукэ нельзя, как и маньчжурские нюру, считать организацией первобытнообщинной. Это была своеобразная социальная организация, являвшаяся административной, военной и производственной ячейкой, «основой социальной организации цзиньцев», в которую с 1124 г. стали включать иноплеменников, а в 1145 г. поделили на три категории — высшую, среднюю и низшую, включив в высшую аристократию правящего клана [224, с. 99]. В принципе все эти оценки совпадают.

МОНГОЛЫ

Большинство историков сходится на том, что монголы пришли в верховья Онона и Керулена из северо-западных районов Маньчжурии. Монголы под именем «мэнъу», «мэнва» упоминаются в старой и новой историях династии Тан среди шивэй: «Севернее больших гор есть племя больших шивэй. Это племя живет около реки Ванцзянхэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах тюрков, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы владений западных шивэй, далее она течет снова на восток и протекает через границы больших шивэй, еще далее на востоке она протекает к северу от мэнъу шивэй (шивэй-монголов)» [239, цз. 1996, с. 1673]. «На севере есть большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам реки Шицзянхэ. Река вытекает из озера Цзюйлунь и течет на восток. К югу от этой реки есть племена мэнва (монголы)» [219, цз. 219, с. 1671].

Китайские авторы полагали шивэй «особым родом киданей». «Шивэй — одного рода с киданями. Тех, кто образует южную часть этих племен, называют киданями, а тех, кто северную, — шивэй» [219, цз. 84, с. 602]. Кидани были одного рода с кумоси (или си), а кумоси восходили к восточным сяньби, к роду юйвэнь [195, с. 324]. Родство предков монголов с гуннами [164, с. 123–133] можно рассматривать скорее как возможное, чем как имеющее строго научные обоснования. Озеро Цзюйлунь отождествляется с оз. Хулуньчи (Хулунь-нор, Далай-нор), в которое впадает р. Керулен. Река Ванцзянхэ — это р. Аргунь, вытекающая из оз. Далай-нор и р. Амур в среднем течении. Река Шицзянхэ тоже должна быть Аргунью, так как сказано, что она вытекает из оз. Цзюйлунь. В то же время Шицзянь — это явное название р. Шилки, из слияния Шилки и Аргуни образуется Амур. Поэтому в «Синь Тан шу» мы имеем дело с явным смешением Аргуни и Шилки.

Возникает вопрос, какие горы понимать под «большими горами» — Большой Хинган или Малый Хинган? Если Большой Хинган, то монголы в VII–VIII вв. жили восточнее Аргуни и по южному берегу верхнего течения Амура. Так полагает Тамура Дзицудзо: «Монголы... жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь» [349, с. 3–4].

Монгольский воин. Реконструкция М. Горелика, 2001

Французский востоковед Л. Амбис считал, что наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения р. Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Келен, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки [310, с. 130]. Л. Р. Кызласов разделяет эту точку зрения: «Расселялись они (монголы. — *Е. К.*) в горно-таежной полосе между северной оконечностью Яблоневого хребта, по обоим склонам Хингана и вплоть до северной оконечности Хэйлуцзяна, в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргуни и бассейну Амура в его верхнем течении» [99, с. 171]. Цю Шусэн утверждает, что древние монголы жили по Аргуни [250, с. 103]. Илинчжэнь, современный историк из КНР, монгол, так определяет расселение древних монголов: в степях у оз. Хулунь-нор, к востоку и западу от Большого Хингана, по берегам Аргуни и Амура [194, с. 65].

Таким образом, среди авторов, полагающих, что «большие горы» — это Большой Хинган, есть две группы: одни считают, что Большой Хинган являлся восточной границей расселения монголов (Тамура Дзицудзо, Цю Шусэн), другие — что монголы жили по обеим сторонам Большого Хингана, к западу и востоку от него (Л. Амбис, Л. Р. Кызласов, Илинчжэнь). Иной точки зрения придерживался японский историк Комаи Ёсиаки, который полагал, что та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу р. Амур, западнее впадения в Амур р. Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган [195, с. 329, 330].

Вопрос о том, где жили древние монголы — восточнее или западнее Большого Хингана, — связан с тем, что, по сведениям Рашид ад-Дина, предки монголов преодолели высокие горы. Поэтому часть исследователей полагает, что монголы жили по обоим склонам Большого Хингана, а иные (кроме Комаи Ёсиаки) считают, что они до переселения вообще жили восточнее Большого Хингана. По преданию, зафиксированному у Рашид ад-Дина, древние монголы жили в местности Эргунэ-Кун, где пасли скот и плавили железо. Однажды они расплавили горный склон и обнаружили проход, ведущий через горы. Среди вышедших из Эргунэ-Кун был и предок Чингиса Борте-Чино [151, с. 154; 152, с. 9]. Таким образом, на основании китайских сведений и древнемонгольских легенд, записанных Рашид ад-Дином, можно полагать, что если не все, то хотя бы часть древних монголов, та, в которую входили и предки Чингисхана, жила к востоку от Большого Хингана.

Непросто ответить на вопрос, когда предки монголов преодолели Большой Хинган и двинулись на запад, в верховья Керулена и Онона. Факт переселения монголов зафиксирован в «Тайной истории» («Юань чао би ши»), известной у нас как «Сокровенное сказание». «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (Внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-Халдуне» [89, с. 79]. У Борте-Чино («Пегий волк») и Гоа-Марал («Прекрасная лань») родился сын Батачи. Согласно «Алтан Тобчи» XVIII в. (не Лубсан Данзана), Батачи родился в 786 г. [7, с. 137]. Эта дата соотносится с сообщением Рашид ад-Дина, что к моменту рождения Чингисхана его роду было примерно 400 лет [151, с. 8], т. е. он начался в середине VIII в. Нет единства мнений и о времени прихода монголов на Онон. Л. Р. Кызласов полагает, что в X–XI вв. господство над центральноазиатскими просторами переходит от тюркоязычных племен к монгольским [99, с. 170]. Л. Амбис говорил «о столетиях, которые последовали за эпохой

Тан» [310, с. 131], т. е. X–XI вв. или даже XII в. Тамура Дзицудзо указывает на вторую половину X — начало XI в., ибо еще в середине X в. во время походов на Орхон, в район древней столицы уйгуров г. Карабалгасун, кидани не застали монголов в этой области [349, с. 6, 13]. Илинчжэнь полагает, что собственно монголы стали переселяться с Аргуни на Орхон и Онон после 840 г., т. е. после падения Уйгурского каганата [194, с. 68]. Намуюнь в принципе разделяет эту точку зрения: монголы (включая найманов), по его мнению, заняли Монгольское нагорье в конце правления династии Тан, т. е. в начале X в., после ухода уйгуров на Запад, и расселились у трех рек — Онона, Керулена и Толы в горах Хэнтэй (Кэньтэшань) [212, с. 33].

Хотя давно подмечено, что некоторые древномонгольские легенды похожи на зафиксированные ранее в китайских источниках сяньбийские (см.: [164, с. 126; 112, с. 280–310]), это вряд ли может поставить под вопрос факт переселения монголов из района Большого Хингана и с южных берегов Аргуни и верховий Амура на рр. Онон, Керулен и Толу. В середине VIII в. появился род Чингиса, его легендарные предки, как мы уже говорили, — Борте-Чино и Гоа-Марал. Они вместе с другими монголами преодолели кручи и двинулись на запад. Разгром в середине IX в. Уйгурского каганата киргизами открыл для монголов возможность постепенно заселить современную территорию Халхи. Можно полагать, что к XII в. заселение Халхи монголами было завершено. Предки Чингиса и их сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы, урянхаты — в северо-восточной части Монголии и в Забайкалье, кунгираты — в восточной Монголии, на границах с киданями, баяуты — по Селенге и ее притоку Джиде, тайчиуты — по р. Онону. По берегам Керулена жили джалаиры. На границах Ляо и Цзинь в районе оз. Буинор жили татары. По р. Онгин-гол и в районе современного Арбай-Хэра (МНР) имели свои зимние и летние ставки кереиты. В верховьях Енисея и Селенги и в районе современного Хубсугульского аймака (МНР) жили ойраты и туматы, западные области Монголии заселяли найманы [103, с. 141–143].

К концу X — началу XI в. относится эпоха прародительницы Чингиса Алан-Гоа. Рашид ад-Дин, писавший свой труд в 1300–1311 гг., полагал, что Алан-Гоа жила за 300 лет до этого [150, с. 103], т. е. в конце X — начале XI в. По сведениям «Алтан Тобчи» XVIII в., сын Алан-Гоа, прямой предок Чингиса, Бодончар родился в 970 г. [7, с. 138].

С. Г. Кляшторный указывает на два возможных места расселения татар — их улуса в районе оз. Буир-Нор, и их государства на территории Ганьсу и Восточного Тупкестана. «Итак, в IX–XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар,

известное и китайским дипломатам и мусульманским купцам[1]. Т. Д. Скрынникова также считает «общепризнанным фактом», что «средневековыке монголы проживали на двух территориях: из первой вышли группы, создавшие первые кочевые объединения, которые составили ядро Монгольской империи, на второй начала формироваться Монгольская империя благодаря деятельности Чингисхана и его предшественников. Об актуальности обеих территорий свидетельствует значимость в более поздний период двух сакральных центров, где проходила интронизация побратимов-соперников Темучжина и Чжамухи. Это Трехречье (Онон, Керулен, Тола) и Эргунэ Кун (Аргунь)»[2]. Последнее утверждение любопытно, но, судя по сведениям источников об Эргунэ Кун, это место как сакральное не упоминается. Просто эта область в первые годы XII в. была недоступна Темучжину, там собирались его противники, монголы, которые не шли за ним, и другие насельники Монголии, которые в противовес ему и избрали Чжамуху гур-ханом[3].

Переселение имело два важных следствия: монголы вступили в тесный контакт с тюркскими племенами и перешли полностью к кочевому скотоводческому хозяйству в условиях степной и лесостепной зоны. Продвижение монголов на запад «сопровождалось вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок» [99, с. 171]. Л. Р. Кызласов указывает, что у монголов имеются свои термины только для наименования собаки, лошади и свиньи, т. е. как раз для тех животных, которые были известны у шивэй [103, с. 136–137]. Весь скотоводческий лексикон и термины для овец, быков, верблюдов, мулов монголы полностью заимствовали от тюрков [99, с. 171]. Монголы принесли с собой из Маньчжурии и тип оседлого жилища — квадратные, без фундамента дома с каркасными стенами и П-образным каном [99, с. 174]. Неясно, кого из населения Монголии X–XI вв. можно считать тюрками, а кого — монголами. Л. Р. Кызласов полагает тюрками татар [99, с. 171]. Хорошо известно, что до сих пор идет спор: кем были найманы и кереиты — тюрками или монголами? Илинчжэнь считает киданей монголами, шивэй — татарами (китайские источники упоминают чернотележных шивэй и чернотележных татар). Шивэй-татары — это древние, первоначальные монголы. Цзубу (чжубу-гу) — это общее наименование монголов при династии Ляо [194, с. 63–72].

---

[1] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи… С. 142, 147.

[2] *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 133.

[3] То, что автор этих строк писал о разных монголах, см.: *Кычанов Е. И.* Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Илинчжэнь полагает, что кереиты и найманы были монголами, но управлялись христианизированной тюркоязычной знатью. Онгуты (вангу), «белые татары», являлись смесью тюрок, монголов и данясновтангутов [194, с. 63–72]. Комаи Ёсиаки отказывался признавать цзубу эпохи Ляо татарами и высказывался за то, что это были тюрки-шато [195, с. 342–354].

В эпоху Тан в конце VII — первой половине VIII в. монголы как одна из групп шивэй зависели от тюрок и находились под управлением начальника с титулом «мохэфу» (мохэло), уже встречавшимся нам ранее. Должность мохэфу была наследственной. В «Цзю Тан шу» сказано: «В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрков» [239, цз. 199б, с. 1673]. Под властью каждого мохэфу было около тысячи или несколько тысяч семей. Шивэй занимались охотой, скотоводством и земледелием, при этом китайские информаторы отмечают, что они не платили поземельного налога. Скотоводство, скорее, домашнее животноводство шивэй основывалось на разведении свиней. Свиноводство вообще издревле было характерно для Маньчжурии. Шивэй не разводили овец, и у них было мало лошадей. Очевидно, что переселение монголов на запад было связано с коренной сменой типа хозяйства, с переходом от оседлого и полуоседлого образа жизни к кочевому. Л. Р. Кызласов, Намуюнь, Илинчжэнь пишут о тюркизации монголов, о восприятии ими достижений тюркской цивилизации. Илинчжэнь полагает, что нельзя думать, будто монголы пришли в пустые, совершенно незаселенные районы, «без единого человека». По его мнению, монголы ассимилировали часть оседлых тюрок-теле [194, с. 70]. Тамура Дзицудзо считает, что закрепление монголов в Монголии не обошлось без конфликтов с тюрками и «в течение этого периода монгольские племена и тюркские племена были в некоторых племенных группах (улусах) в конфликте друг с другом» [349, с. 8].

В эпоху Ляо монголы — уже скотоводы-кочевники: «Государство монголов. У государства нет правителя, которым [оно] управляется, как нет вспашки земли и посевов. Занимаются охотой, кочуют в каждое из четырех времен года, единственно гоняясь за водой и травой. Питаются только мясом и кумысом. И всё. Не воюют с киданями, а только лишь обменивают с ними быков, баранов, верблюдов, коней, кожаные и шерстяные вещи» [192, цз. 22, с. 6б; 64, с. 304]. Эпоха Ляо для монголов — это время их прародительницы Алан-Гоа и ее потомков. Монголы в это время делились на две части — нирунов и дарлекинов. Алан-Гоа была из нирунов, и ее потомки были нирунами. Те, кто не были

прямыми потомками Алан-Гоа (т. е. не относились к роду Чингиса), являлись дарлекинами [194, с. 69]. Это — хунгираты, урянхайцы.

Т. Д. Скрынникова предлагает свое видение «идентификационной практики» в среде древних моноглов: «подчеркивание этнических границ — монголы вообще, они же дарлекины; выделение иной властвующей элиты (не потомки Бортэ-Чино по мужской линии) через матрилинейную систему родства (нирун), в которой, в свою очередь, ретранслируется (опять через старших сыновей) маркер правящего рода — кият, который закрепился за Чингисханом и его потомками»[1].

При Ляо предки Чингиса имели тюркский титул «тутук». Те монголы, которые служили у киданей, имели должности «линвэнь», или «сянвэнь» — военачальников пограничных войск. Опорным пунктом киданей в Монголии был г. Катун (Чжэньчжоу). Правитель татар получил от киданей титул «дуду» (тутук). Некоторые монгольские племена — джираты, меркиты — вели изнурительные войны с Ляо и были обескровлены этими войнами. Особенно жестокими были войны в 1094 г. и позже. После гибели Ляо монголы поддержали Елюй Даши и дали ему более тьмы войска [186, с. 91]. Гибель этнически достаточно близкого государства киданей, поддержка населением Монголии Елюй Даши явились, очевидно, причиной враждебных отношений монголов с чжурчжэнями. С 1135 по 1147 г. монголы вели длительную войну с Цзинь. По словам Рашид ад-Дина, «поводом к войне послужила попытка чжурчжэней убить монгольского Хабул-хана» [150, с. 104; 151, с. 35–36]. В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключен мир. Цзиньские войска уступили монголам 17 укреплений к северу от р. Синихэ, которая стала пограничной. По сообщению китайского источника, монгольский хан Аоло (Олунь-бэйле) был признан чжурчжэнями государем государства Мэнфу (Мэнфу го чжу). Однако Аоло, как это бывало нередко, в пределах своего государства не довольствовался титулом государя (чжу) и принял титул императора (хуанди), основателя династии. Он объявил девиз царствования Тянь-син («Подъем (расцвет), дарованный Небом»). Девиз царствования Тянь-син был в свое время принят основателем сяньбийской династии Вэй, что может служить свидетельством осведомленности монголов в истории [297, с. 9]. На требование цзиньского двора довольствоваться титулом го ван («князь государства») Аоло ответил отказом. Государство Аоло-боцзиле (титул которого примерно означал «предводитель ставки», «правитель лагеря, куреня») именовалось Да мэнгу го («Государство великих монголов»,

[1] *Кradин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. С. 164. На с. 164–214 приводится подробное исследование древнемонгольской мифологии.

«Великое монгольское государство») [195, с. 331, 336, 338]. По-монгольски Да мэнгу го именовалось Хамаг монгол улус («Государство всех монголов», «Общемонгольское государство»).

По мнению Илинчжэня, «всеми монголами» (хамаг монгол) именовали себя монголы нируны и дарлекины. «Всеми монголами» правил Хабул-хан [104, с. 70; 89, с. 84, 208]. Комаи Ёсиаки и Тамура Дзицудзо единодушны в отождествлении Аоло-боцзиле с Хабул-ханом. В «Сокровенном сказании» о Хабул-хане сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведать Амбагай-хаган». Обратим внимание на то, что первые общемонгольские ханы в XII в. имели титул кагана (хагана), традиционный титул властителей Центральной Азии. Амбагай-хаган имел более пространный титул «всенародного кагана и государя улуса» (камукун какан, улусун эджэн) [89, с. 84, 208]. Монгольское словосочетание «улус-ун эджэн» если не соответствовало китайскому хуанди, то уж наверняка могло иметь своим абсолютным эквивалентом титул го чжу («государь государства»). Рашид ад-Дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных» [150, с. 103; 151, с. 35].

Г. Франке допускает возможность отождествления Аоло-боцзиле с Есугаем, отцом Чингисхана. «Можно предположить, — пишет он, — что этот первый монгольский император по имени Аоло (боцзиле, богиле — чжурчжэньский титул, приблизительно эквивалентный титулу „лорд“) может быть отождествлен с отцом Чингисхана Есугеем, который в 1266 г. канонизирован как Ле-цзу. Но, даже если мы уверены в том, что действительно уже в 1147 г. монголы были формально организованы в своего рода государство (го) со своим собственным девизом царствования, фактом остается, что они позднее не делали попытки рассматривать это как легитимный фактор. Ни монгольские, ни официальные юаньские источники никогда даже не упоминали об этом событии 1147 г., и определенно ни сам Чингисхан, ни его советники никогда не использовали пожалования 1147 г. как основание для утверждения власти над племенами степи. Легитимное правление и для самих монголов, и для юаньских историков началось с Чингисхана» [297, с. 92–93]. Мы привели эту большую цитату потому, что Г. Франке не столько ставит под сомнение сам факт событий 1147 г., сколько пытается убедительно показать, что ни Чингисхан, ни его преемники не пытались приобрести от государства китайского типа ритуальные свидетельства императорского статуса, «монголы стали... объединенной силой... вне границ государства китайского типа» [297, с. 10].

Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова полагают, что «не только Хамаг Монгол улус, но и другие улусы монголов XI–XIII вв. вполне отвечают

признакам вождества... Наша точка зрения отличается от позиции Е. И. Кычанова только тем, что мы не считаем данную политическую систему государством»[1]. Т. Д. Скрынникова пишет о «политии», употребляя этот маловразумительный термин[2]. Ниже я привожу данные источников о татаро-монгольском улусе XII в., и своей точки зрения я не меняю.

Со времени правления Амбагай-кагана, погибшего лютой смертью в чжурчжэньском плену, монголы вступили в длительный период вражды с татарами, подогреваемой Цзинь. Для татар эти войны закончились в 1202 г. почти полным их истреблением. Для монголов на начальном этапе вражды — временным распадом их первого единого государства — Хамаг монгол улуса, через четыре десятилетия воссозданного вновь Чингисханом, объединившим затем всю Монголию.

Всякий, кто начнет знакомиться с исследованиями, относящимися к татаро-монголам XII в., в конечном счете столкнется с двумя точками зрения на уровень социально-экономического развития этих народов. Сторонники первой из них склоняются к тому, что улусы татар, монголов, найманов, кереитов были «государственными объединениями первоначального типа», «организациями с зачатками некоторых функций государства», обществами, в которых «далеко зашел процесс классовой дифференциации» и образовались два класса: господствующий — нойонство и угнетенный — аратство [74, с. 109; 158, с. 24–25; 78, с. 17]. Сторонники второй точки зрения предлагают рассматривать крупные улусы татаро-монголов XII в. как «союзы племен», объединения, носившие временный характер. По их мнению, в Монголии XII в. налицо лишь «имущественная дифференциация», отсутствие государства, а «монголы в рассматриваемую эпоху находились, по-видимому, на стадии развития, характеризуемой как военная демократия» [136, с. 353–358]. Илинчжэнь признает у монголов XII в. наличие классового расслоения, но полагает, что до воцарения Чингисхана монголы представляли собой «племенной союз». В это время язык «хамаг монгол» лег в основу монгольского языка, в XII в. появилось общее самосознание себя монголами как «сисегайтухур катан улус» («народа, живущего за войлочными стенами») [194, с. 72]. Намуюнь считает монгольское общество времени Хабул-хана классовым. Исследуя термин «обок», он приходит к выводу, что в ту эпоху «обок» — это не «род» (шицзу), а «фамилия» (синши). Это «объединение под господством конкретной семьи ряда родственных семей», объединение многих простых людей под господством сильной семьи — нойона или хана.

[1] Там же. С. 109

[2] Там же. С. 133.

В зависимости от политической обстановки такое объединение именовалось аймаком (бу) или государством (го), улусом. В XI–XII вв. некоторые бу монголов формируются в государства [212, с. 95–97, 99]. Сяо Цицин пишет, что обок XII в. — уже не простая группа родственников по линии отца, а «иерархическое образование, состоящее из нескольких социальных групп» [313, с. 9].

Улус являлся высшей формой социальной организации татаро-монгольских племен XII в. «Сокровенное сказание» уже ничего не сообщает нам о времени господства первобытно-общинного строя у татаро-монголов. Эпоха Алан-Гоа (конец X в.) — это возможный период его распада, время «взаимных пререканий и ссор» из-за пользования звероловными угодьями, формирования новых обок. Родители Алан-Гоа перекочевали к Бурхан-Хаддуну из Хори-Туматской земли из-за борьбы за территории, ее отец Хрилартай-Мерген решил выделиться в отдельный обок, который был назван Хорилар [89, с. 79–81].

Татаро-монгольское общество той эпохи знает социальное неравенство, продажу людей в кабалу, услужение (джаруку) [89, с. 80]. Соседи с недоверием относились друг к другу. Когда пятеро сыновей Алан-Гоа поделили между собой имущество матери и разошлись, соседи с подозрением отнеслись к откочевавшему в одиночку младшему сыну Алан-Гоа — Бодончару, не получившему при разделе своей доли имущества (хуби) [89, с. 82]. Впрочем, как младший, Бодончар мог и не получить хуби, так как наследовал всё, что имела семья, за вычетом доли братьев.

Нам кажется, что к настоящему времени собрано достаточно доказательств классовой природы монгольского общества XI–XII вв. В XI–XII вв. оно делилось на богатых (баян) и бедных (ядагу хувун). Класс лично несвободных людей (рабов) противопоставлялся лично свободным людям. Рабы терминологически различались по полу — богол (рабы-мужчины) и инджe (рабыни). Рабы упоминаются в полулегендарную эпоху: «Значение (наименование) утэгу-богол, — сообщает Рашид ад-Дин, — то, что они (дарлекины) являются рабами и потомками рабов Чингисхана» [151, с. 15]. Уже в X в. отношения социального равенства вызывали удивление и презирались. Бодончар говорит своему старшему брату Бугу-хадаги: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны, нет у них ни мужиков, ни господ, ни головы, ни копыта, ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим» [89, с. 82]. Порабощенные становились туткара — «слугами», «холопами» в переводе С. А. Козина [89, с. 82] («тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами при табуне и кухне»).

Гао Вэньдэ приводит сведения о том, что рабы были практически у всех предков Чингисхана начиная с предка в 12-м поколении [186, с. 82].

Рабство являлось наследственным, так как наряду с терминами «богол» и «индже» употреблялся термин «джалау» — потомственные рабы [186, с. 83]. Источниками рабства служили война и плен, купля-продажа людей. Войне, захвату принадлежало ведущее место. Нукер Борохул погиб при усмирении туматов. После их окончательного покорения «отдали сотню туматов семейству Борохула в возмещение смерти его» [89, с. 175]. Сведения о покупке рабов монголами имеются в китайских источниках. В 1130 г., наводя порядок в северных провинциях Цзинь, чжурчжэни ловили «беглых людей» и обращали их в казенное рабство. Часть таких казенных рабов они пригнали к границе и меняли на лошадей. В числе покупателей этих рабов из Цзинь были и монголы [195, с. 344]. Для воспроизводства рабов, монголы заставляли их вступать в брак. В китайском сочинении «Нань цзин чо гэн лу» сообщается: «Монголы объединяли в пары захваченных мужчин и женщин и заставляли их стать мужем и женой. Родившиеся дети навечно становились рабами» [213, с. 208]. Наследственными, потомственными рабами являлись и «рабы, доставшиеся от предков», упоминаемые в «Сокровенном сказании», «рабы семьи». Рабы семьи выполняли самую различную работу. В «Сокровенном сказании» они названы «рабы у порога». Они открывали хозяину двери юрты-гэра, готовили для него седло и упряжь, делали для него и его семьи разную домашнюю работу [212, с. 97]. Подарив 100 семей чжиргинцев Хуилдару, Чингис повелел, чтобы эти рабы-мужчины отдавали семье Хуилдара свою физическую силу, т. е. работали на него, а женщины-рабыни стали служанками, «прислуживающими слева и справа» [212, с. 98]. Рабы-ремесленники в знатных семьях и семье хана именовались «герин кебепод» («сыновние юрты») [313, с. 199].

Рабы не только прислуживали семье хозяина и занимались ремеслом, они делали и основную работу в монгольском хозяйстве — ухаживали за скотом. Так, уже упоминавшийся Бодончар заставил плененных им людей пасти коней. Ван-хан кереитский отправил пленных «пасти верблюдов и овец». Рабы стригли овец, сбивали кумыс. Как и во многих обществах Средневековья, рабы у монголов приравнивались к скоту [213, с. 208]. При династии Юань рабов из военнопленных (цюйкоу) и рабов, наследственно пребывавших в состоянии рабства (цайдин), брали в армию при нехватке людей — это явление известно также, например, у киданей и тангутов. По заключению Гао Вэньдэ, в богатых семьях монголов рабы были не вспомогательной, а основной рабочей силой. Они являлись частной собственностью. От раба требовались послушание и преданность хозяину. Закон гласил: «Если раб не предан хозяину, убить его» [269, цз. 121, с. 1б]. По мнению Гао Вэньдэ, «еще до объе-

динения Чингисханом всех монгольских племен, монгольское общество уже стало обществом рабовладельческим» [186, с. 87].

Тезис о наличии у монголов рабов, в том числе и полностью разделяемый мною, подвергнут развернутой критике со стороны Т. Д. Скрынниковой[1]. Особенно много места в данном разделе труда Т. Д. Скрынниковой отведено объяснению термина «богол». Т. Д. Скрынникова справедливо аттестует меня как «кочевниковеда, не владеющего монгольским языком». Что верно, то верно. Но сама Скрынникова приводит список знатоков монгольского языка — Б. Я. Владимирцов, С. А. Козиу, П. Пельо, Э. Хэниш, Ф. Кливз, которые переводили социальный термин «богол» как «раб». В последнем переводе на английский язык «Тайной истории монголов» («Сокровенного казания») И. де Рахевильц слово «богол» тоже переводит как «раб». Так что, плохо это или хорошо, но я иду вслед за дипломированными монголоведами. У меня есть убеждение, что монгольское «богол» имело источником своего происхождения китайское танское «буцюй», обозначавшее лично не свободных людей, принадлежавших частным лицам, правовой статус которых был несколько выше правового статуса рабов (нубэй). Этот термин попал к корейцам — «пугок», тангутам — «пхинга». В его употреблении имелись свои национальные оттенки, но в принципе он означал людей, лишенных личной свободы.

Т. Д. Скрынникова, естественно, не может отрицать наличие рабов в кочевых обществах. Она, следуя той концепции характеристики кочевых обществ, которую разделяют и она, и Н. Н. Крадин, полагает, что, «несмотря на существование рабства в кочевых обществах, данные отношения не получили значительного распространения ни в одном скотоводческом обществе»[2]. «Значительность распространения» и его социальные последствия оставляем на усмотрение Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой и их учителей.

Т. Дж. Барфилд признает наличие рабства у монголов: «домашние слуги («рабы у порога»), которых отдавали на службу в определенную семью. Хотя такие люди были несвободны, они часто становились неотъемлемой частью семьи и достигали в ней высокого положения»[3].

Лично свободные люди, не рабы, делились на людей благородных, хороших (сайн хувун) и простых людей (карачу). В конце XI в., а возможно и раньше, формируются ханские роды и «природные ханы» (тус канн) противопоставляются народу (карачу). После смерти Амбагай-

[1] Там жс. С. 216–251.

[2] Там жс. С. 223.

[3] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 295.

кагана при выборах нового кагана некто Матукун-Сэчэн говорил: «Я низкий... карачу, какое право я имею говорить? Вы, государи, изрекайте добрые речи [вашей] мудрости, чтобы мы, карачу, подобно жеребенку, который сосет двух маток и бывает сыт и упитан, вели привольную жизнь. Если вы договоритесь друг с другом и объединитесь, все дела ваши и люди будут по вашему желанию. Если же вы не объединитесь, то [внутренние] разлады и непорядки всякого рода [в делах] найдут путь к вашему улусу» [151, с. 45].

Для того, чтобы успешно править, монгольский хан должен был обладать «силой» (кючу) и особой субстанцией «су», «обеспечивавшей жизнеспособность и благополучие социального организма», «основная функция су» — охранительная [160, с. 131]. Ханские (каганские) правящие роды складываются у всех основных татаро-монгольских племен — собственно монголов, татар, кереитов, меркитов, найманов. Хан найманов Инаньча получил от Цзинь титул «да ван», хан «белых татар» Байбосы — Итун-вана. Чингис во время войны с татарами имел от Цзинь титул «чаутхури». Китайские историки Цзя Цзиньянь и Хун Цзюнь, анализируя суть этого титула, пришли к выводу, что его вторая часть «хури» — это тюркское слово «хулу» (куру), которое означает «правитель (чжан) нескольких бу». Они находят это слово в «Цзянь ши» в форме «хулу». В тексте говорится: «Тот, кто командует несколькими бу, называется хулу». «Чаут» (джаут), по их мнению, это киданьское слово «цзю», обозначавшее особые пограничные отряды (об этом мы писали ранее). Таким образом, титул (должность) чаутхури может означать «генерал войск цзю» [242, с. 83]. Из своих филологических изысканий авторы делают политический вывод — Чингисхан не был «степным героем» и человеком, являвшимся «иностранцем» для Китая, он был «подданным» чэньминь, читай — «китайским», получившим титул от династии Цзинь [242, с. 83] (напомним читателю вывод Г. Франке о том, что государственность монголов развивалась за пределами китайского влияния).

Ханские роды строго следили за своей родословной. «У всех этих племен четкое и ясное родословное дерево... ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют [в знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка» [151, с. 13]. Сам хан полагал, что его власть дарована ему Небом, благодаря этому дару он обладает признаками власти — силой «кючю» и особой субстанцией харизматического свойства — «су».

Что представлял собой монгольский улус в XII в.? Хорошо известна формула Б. Я. Владимирцова, что улус — это прежде всего люди. Не случайно С. А. Козин неоднократно переводит в «Сокровенном

сказании» слово «улус» как «народ». Улус в силу условий кочевого быта был подвижен, но всегда в каждый данный момент имел свой нунтук (территорию). Кочевья-нунтуки основных татаро-монгольских племен, территории их улусов в целом в XII в. были относительно стабильны и хорошо известны. Но люди в улусе со скотом и имуществом были значимее территории. Смена нунтука не вела к гибели улуса, но уход, потеря людей означали его развал. «Согласно уговору — откочевать, бросив в нунтуке этих [Есугаевых] матерей с детьми, и уйти, никого из них не взяв с собой — Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они покинули таким образом Оэлун-учжин (мать Чингисхана. — *Е. К.*), матерей с детьми и откочевали, хонхотаский Чарха-Ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоен отвечал ему: „Тут ключевые воды пропали, бел камень треснул. А ты-то как смеешь отговаривать людей?“ — сказал ему Тодоен-Гиртай и при этом кольнул его сзади в спину копьем» [89, с. 88]. Поэтому улусы рассеивали или же улусы собирали, объединяя, людей. Чарха говорил юному Темучжину: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевывали, захватив с собой весь наш улус, улус, собранный твоим благородным родителем» [89, с. 88]. Оэлун осталась, «покинутая народом», она пыталась вернуть ушедших, но «тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за тайчиудцами» [89, с. 88]. Этот не объединенный в улус народ именуется в памятнике уже не улусом, а иркен, просто людьми. Ван-хан, получив от Темучжина в подарок соболью доху, обещает ему: «В благодарность за черную соболью доху объединю твой разрозненный улус» [89, с. 96]. Намуюнь также особо выделяет значение понятия «собирать народ» для сформирования улуса, он подчеркивает, что термин «улус» имеет значение и «государство» [212, с. 100].

Люди одного улуса необязательно жили неподалеку друг от друга, важна была их подчиненность, принадлежность к какому-либо улусу. Чжамуха перед походом на меркитов говорил: «Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя по южным склонам Бурхан-Халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-Боорчжи в истоках реки Онона. На пути отсюда вверх по Онону есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составится одна тысяча» [89, с. 101].

Улус — не племенная организация и не союз племен. Племя и улус различались терминологически. Это видно из слов плененного и выданного татарами чжурчжэням Амбагай-кагана, обращенных к императору Цзинь. Амбагай предупреждает Алтан-хана, что если последний

убьет его, то тем самым сделает врагом своим Есугай-багатура, главу «старших и младших родичей, племен и улуса монгольских». После получения известия о гибели Амбагай-кагана Гадан, Тудай и Есугай «совместно с племенами и многочисленным улусом монгольским устроили совещание, чтобы выступить в поход для отплаты и мщения за кровь» Амбагай-кагана. Сошлемся также на разноплеменность основного состава первого улуса Темучжина, только что отделившегося от Чжамухи. В улус были объединены представители племен, а не племена, нойоны разных племен со своими людьми — чжалаир, барулас, манхуд, арулад, урянхан, олхонут и др. [151, с. 42, 43; 89, с. 107, 108]. Такие объединения, указывает Намуюнь, являлись не племенными союзами, а союзами, объединенными политическими целями [212, с. 100]. Эти представители разных монгольских племен, нойоны с титулами сэчэн, мэргэн, багатур, тайчжи, черби, беки, лингум и др., т. е. монгольская знать со своими семьями и подчиненными им людьми, образовали улус Темучжина и «нарекли Темучжина царем царства», сделали его «государем улуса» (улус-ун эджен болтукай). Хана «поднимали» (эргюбэй) на престол [89, 107; 151, с. 44, 45, 50]. Гао Вэньдэ полагает, что титулы мэргэн, багатур, бука, сэчэн и т. п. являлись не просто почетными, носившие их лица были «гражданскими чиновниками и генералами улуса» [186, с. 90]. Отсутствие связи улуса Чингиса с родоплеменной организацией, наконец, отражено в «Сокровенном сказании» (§ 129), где поясняется, что Чжамуха для войны с Чингисом «объединил вокруг себя тринадцать племен», это составило три тьмы войска. И у Чингисхана было «тринадцать куреней», что тоже составило три тьмы [89, с. 112].

Как свидетельствует Рашид ад-Дин, курень в XII в. представлял собой уже определенную управленческую военно-административную единицу, равную будущей тысяче в государстве Чингисхана. «Значение [термина] „курень“ следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. В ту эпоху тысячу кибиток, располагающихся таким образом, считали за один курень» [151, с. 18].

Но сами по себе люди, их скот и имущество не являлись еще улусом. Это были просто «люди и их жилище» (ирке-орка). Так, при улусе кереитов были подчиненные этому улусу сыновья меркитского Тохтоа-беки со своим народом. Но они не образовывали отдельный улус, и их люди в «Сокровенном сказании» улусом не именуются. Свой народ имел сын Ван-хана Сангум. Это был его народ, но не улус [89, с. 135, 136]. Значит, улус — это не просто люди, а особым образом организованный народ.

Улус состоял из нойонов, представителей господствующего класса, и простых людей, аратов. Рашид ад-Дин хорошо показывает это различие. Когда сын Хабул-хана Гадан прибыл к племени куралас, то обнаружил, что у кураласов сражаются с врагом не только представители ханского рода, знать (эмиры, по терминологии Рашид ад-Дина), но и пастухи, и даже женщины [151, с. 37]. Инанча Билге-хан, сомневаясь в способностях сына своего, Таян-хана, к управлению улусом, говорил ему: «Сможешь ли ты пещися и править благородными, а также и холопами, чернью моего улуса?» [89, с. 142]. Люди в улусе распределялись по аймакам. Чтобы обнаружить мужа татарской ханши Есуй, Чингис приказал Боорчу и Мухали: «Расставьте-ка, расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов» [89, с. 124]. Аймаки составляли объединения, способные выставить сто, тысячу, тьму воинов [89, с. 144].

Улусом правил природный хан, получивший власть, дарованную Небом, «воздвигнутый», «поднятый» на престол. Правитель улуса мог иметь титулы кагана (хагана), хана, гурхана, эджэна, ван-хана, чингисхана и т. п. При хане имелся совет из его сородичей и знати — йеке-эйе [89, с. 123, 124]. В сочинении Су Тяньцзюе «Го чао вэнь лэй» есть сведения о тех, кто участвовал в совете. «У нашей династии на всех великих собраниях двора присутствовали императрица и наложницы императора, сородичи императора, родственники императора, великие министры, генералы, различные чиновники, а также те, кто прибыл издалека для того, чтобы получить аудиенцию и проявить свою преданность» (цит. по: [313, с. 212]). Родственники на совете иногда спорили так, что, по образному выражению «Сокровенного сказания», «дым шел из ноздрей» [89, с. 176].

При хане была его дружина — нукеры, дети и братья нойонов, сами нойоны. Семья хана, его окружение, место его пребывания составляли его ставку — аурук, или орду. Хана охраняла гвардейская стража. Монгольское слово для обозначения гвардии — «кесиг» («кешик») производят от тюркского термина «казик» (очередь, смена), оно означает «служба в очередь», «служба посменно» [280, с. 106]. Кешиктены Чингисхана впервые упоминаются при расстановке войска для битвы с Чжамухой. Нукеры и гвардия были в XII в. при всех крупных ханах монгольских степей. У тайчиудского Таргутай-Кирилтуха — «дневная стража» (турхауты), при Ван-хане в 1203 г. — «тысяча турхаутов». «Турхах» — термин тюркский, от слова «тур» (стоять), «туркак» — «ночная стража».

При Чингисхане кесиг являлась не только гвардией, но и органом управления делами дома императора, лагерем заложников, академией

для юных аристократов и первой императорской администрацией. Как справедливо пишет Сяо Цицин, было бы большим упрощением рассматривать кесиг как чисто военный институт [313, с. 34]. «Во время Тай-цзу, — сообщается в „Юань ши", — Мухуали, Чилаовэнь, Борху и Борчжу составили четыре цесе (кесиг) для того, чтобы командовать цеседай (кешиктенами) и поочередно служить в качестве гвардии императора» [269, цз. 99, с. 1а]. Эти четверо звались «дербэн кюлюд» (четырьмя героями). «Тай-цзу приказал им, передавая власть по наследству, командовать четырьмя цесе в качестве их командующих». Термин «цесе» значит «гвардия, которая несет службу поочередно». Обычно гвардейцы менялись раз в три дня [269, цз. 99, с. 1б]. Первая смена — смена Борху (Борогула) именовалась еще Еке кешик. Борогул рано умер, и считалось, что первой сменой командует лично Чингис. Было определено, что гвардейцы-кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же «хранят дворцовые юрты-телеги... распорядители кочевьями из числа кебтеулов отводят место для стоянки Двора государева» [89, с. 196]. «Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми» [89, с. 96]. За неявку на дежурство гвардейцу в первый раз полагались три палочных удара, во второй раз — семь и в третий раз — 37 ударов палкой и исключение из числа кебтеулов [89, с. 196]. Своих гвардейцев наказывал только хан. «О привлечении виновных к ответственности они (командиры) обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертной казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил» [89, с. 197]. Хан Угедэй постановил: «Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а коточин-оруженосец — выше армейских нойонов — сотников и десятников» [89, с. 197].

Именно из гвардии кешиктенов прежде всего и формировалась администрация улуса, ведавшая ханской ставкой и армией хана. Это были управители, некоторые с титулом черби, отвечавшие за имущество хана, его скот, конюшни, ханский стол, перекочевки, выполнявшие полицейские функции [89, с. 109–110, 144]. С людей улуса практиковалось налогообложение — кубчир кубчиджу окчу [89, с. 122]. Улус, а не племя посылало послов, и послы действовали и говорили от имени улуса и его хана. Когда к Гадану прибыли послы от меркитов, он сказал ближним: «Прибыли послы от улуса, скажите [им] какой-нибудь определенный ответ» [151, с. 38]. Мы уже упоминали, что собственно монголы «впервые избрали» всемонгольским великим хаганом (хамуг монгол-и хаган, хамуг-ун хаган улус-ун эджэн) Хабул-хана, сына Тумбинай-сэцэна.

Улусом правил хан, не просто представитель нойонства, а человек, как уже говорилось, знатного происхождения, представитель рода, появление которого на свет, как сказано в «Сокровенном сказании», «отмечено печатью небесного происхождения» [89, с. 81], предки которого из поколения в поколение являлись ханами по предназначению, лицо, действовавшее по воле Вечного Неба и от его имени.

Как известно, монгольские ханы происходили от прародительницы Алан-Гоа и духа, являвшегося к ней через дымник юрты. Отличительными признаками рода Чингиса были синие глаза и рыжий цвет волос: «[Племя] кият-борджигин происходит из его [Есугай-багатура] потомства. Значение „борджигин“ — „синеокий“, и, как ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугай-бахадура, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи. Это объясняется тем, что Алан-Гоа в то время, когда забеременела, сказала: „[По ночам] перед моими очами [вдруг] появляется сияние в образе человека рыжего и синеокого и уходит“. Так как еще в восьмом колене, которым является Есугай-бахадур, обнаруживают этот отличительный признак, а согласно их (монголов) словам он является знаком царской власти детей Алан-Гоа, о котором она говорила, то подобная внешность была доказательством правдивости ее слов и достоверности и очевидности этого обстоятельства» [151, с. 48]. Предок найманских ханов «повелевал джиннами и людьми, имея такое могущество, что доил молоко у джиннов» [150, с. 137]. Чингис верил, что правил велением вечного Неба, что Небо даровало монголам безоговорочное право управлять народами мира. Уже у ранних монголов, по заключению Г. Франке, налицо бесспорное требование легитимности их как универсальных правителей [297, с. 17].

Как уже говорилось, улус располагал своей территорией, а большие, сильные улусы — кереитский, найманский, татарский — имели и свои границы, которые охранялись, хотя бы эпизодически. Хорошо известно, что разгромленный Чингисханом Ван-хан погиб в стычке с найманским караулом, охранявшим владения найманов. У татар, по сведениям Рашид ад-Дина, «места их кочевий, стоянок и юрт были точно определены». Есугай-багатур «каждые несколько месяцев выступал в поход на отражение племен тюрков... находящихся в окрестностях его улуса» [150, с. 101; 151, с. 75].

Хана улуса выбирало нойонство. Но избрание на ханский престол Темучжина и ранее его сородичей показывает, что это был выбор лишь из среды правящего ханского рода. Алтан и Хучар, родичи Темучжина, борджигины по происхождению, заявили ему: «Мы решили поставить тебя ханом» [89, с. 108], и именно они, борджигины, столь же, если не

более знатные по происхождению, а не простые араты, «Темучжина нарекли Чингисханом и поставили ханом над собою» [89, с. 109].

Хан — правитель улуса создавал аппарат управления ханской ставкой, ордой, ее охраной и командования войсками, дружиной. В первой трети XIII в., очевидно, постепенно ставка хана была переименована из аурука (аруха) в орду. Детали этого переименования пока столь же неясны, как переход титула «каган» в титул «хан». Еще в 1219 г., отправляясь в поход на запад, Чингисхан «управление Великим Аурухом возложил на младшего брата Отчигин-нойона» [89, с. 187]. В 1230 г. перед походом на Цзинь Угедэй-хан «оставил Олдахора правителем Великой орды — Еке-Ордо» [89, с. 192]. То, что термин «аурух» был равнозначен термину «орда», видно из того, что в то же время Угедэй спрашивал совета Чагатая о походе на Цзинь и тот ответил: «„Поставьте хорошего человека в Аурухе и выступайте“... Тогда Огодой-хан оставил Олдахора правителем Великой орды — Еке-Ордо» [89, с. 192]. Со второй половины XIV в. «термин переносят на все... кочевое государство в целом» [171, с. 118, 63]. К. Виттфогель и Фэн Цзяшан допускали, что ставка Чингисхана уже при нем называлась «орда» или «великая орда» и являлась местом размещения высших органов власти [359, с. 42].

Ханская ставка — аурух, орда — была своеобразным мозговым центром, правительством улуса. Она ведала двумя важнейшими для любого средневекового центральноазиатского государства отраслями — ханским имуществом и армией хана. Важно отметить, что различие между ханским, государевым, и государственным имуществом в Центральной Азии часто не существовало.

Хорошо известно, что мы не знаем точной даты рождения Чингисхана. Это мог быть 1155, 1162 или 1167 г., скончался он в августе 1227 г. [315, с. 475–478]. От того, какую дату рождения считают исследователи приемлемой для себя, они, с учетом превходящих обстоятельств, определяют и дату того, когда Темучжин впервые стал Чингисханом. Например, Цзя Цзинь-янь и Хун Цзюнь полагают, что это произошло в 1183 или 1184 г. [242, с. 821], Гао Вэньдэ считает, что в 1189 г. [186, с. 92]. Автор данной работы, исходя из того, что Чингисхан родился в 1155 г., полагает, что Темучжин в первый раз стал ханом улуса с титулом «чингис-хан» в 1180 г.

Улус Чингиса объединил лишь часть монгольских племен. Как случилось, что через полтора года совместной жизни с андой-побратимом Чжамухой, таким же претендентом на ханский престол, Темучжин стал ханом улуса, — возможно, самая интригующая загадка его биографии. Но факт остается фактом. Темучжин стал Чингисханом и начал создавать свой первый улус.

Посмотрим на конкретном материале процедуру устройства этого улуса. Для управления ханским имуществом Чингисхан назначил определенных людей: Дегай заведовал стадами овец, Хуту, Моричи и Мухалху — табунами коней, Бельгутай и Харалдай-Тохураун — конюшнями. Актачины-конюшие имелись, по сведениям Рашид ад-Дина, и в улусе Ван-хана [150, с. 134]. Ханским столом ведали кравчие-бавурчины Сюйкету-черби и Хаадан-Далдурхан. Управляющим перекочевками стал Гучугур [89, с. 109]. Сведения о нем есть и у Рашид ад-Дина: «Кучукур-нойон из племени йисут начальствовал над ордами» [150, с. 108]. Хан, в данном случае Чингисхан, должен был иметь личные летовки и зимние стойбища. Точно известно, что они были у Ванхана, который в своем улусе «имел личные летовки и зимние стойбища» [150, с. 126–127], т. е. пастбища, полагавшиеся ханскими или государственными.

Охрана орды, командование вооруженными силами, нукерами-дружинниками было поручено Чингисом шести лицам: трем, именовавшимся «обязанные носить колчаны», позднее «лучники, стрелки-хорчи», и трем, именовавшимся «мечниками», точнее «носителями сабель», во главе с братом Чингисхана Хасаром. Мечники исполняли и полицейские функции, ибо именно их обязанностью было «облегчать шею тем, кто будет насильничать, рубить ключицы тем, кто будет зазнаваться» [89, с. 109–110].

В первом улусе Чингиса его личная гвардия состояла из 80 кебтеулов и 70 турхах-кешиктенов [89, с. 168]. Четыре нукера исполняли обязанности личных порученцев хана в качестве послов и имели вестовые стрелы [89, с. 110]. Любопытно, что пайцзы еще не упоминаются. Гао Вэньдэ называет в штате чинов первого улуса Чингисхана элачи — чиновника для поручений, посла, гонца [186, с. 92].

Армии больших улусов уже в XII в. делились на отряды, сформированные по десяткам, сотням, тысячам и тьмам. По центральноазиатской традиции это были, скорее, военно-административные единицы. Войска Тоорил-хана и Чжамухи перед походом на меркитов исчислялись «двумя тьмами» [89, с. 100]. Своему знатному сородичу Хорчи, который увидел вещий сон о том, что Темучжин станет ханом, Темучжин обещал должность темника: «Если мне и в самом деле будет вверен этот народ... то я поставлю тебя нойоном-темником» [89, с. 107]. В 1203 г. перед походом на найманов Чингисхан привел в порядок армию: «Он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками» [89, с. 144].

Тысячники именовались минган-у ноян. Сотней (джа'ун) командовал сотник джа'ун-у ноян, а десятком (харбан) — десятник харбан-у

ноян. Решили, что в гвардию будут «зачисляться самые способные и видные наружностью сыновья и братья нойонов, тысячников и сотников», а также сыновья людей «свободного состояния» (уту-дурайн). Был создан особый гвардейский отряд — «тысяча богатырей». Шесть человек получили титул черби, один из них, Оголе-черби, стал командиром дневной гвардейской стражи [89, с. 144].

Можно не только на примере улуса Чингиса, но и иных судить о том, что в татаро-монгольских улусах XII в. имелось делопроизводство, а монголы были знакомы с такой мировой религией, как христианство. В улусе найманов делопроизводство было в ходу, бумаги писали уйгурским письмом, скрепляли их ханской печатью. В «Алтан Тобчи», правда источнике позднем, рассказывается, что когда монголы поймали секретаря найманского хана уйгура Тадтунгу и обнаружили у него печать, то на вопрос брата Чингиса Хасара о ее назначении Тадтунг ответил: «Мой владелец, вручив мне эту печать, вменил мне [в обязанность] ведение расходов и прихода товаров и продуктов. [Хасар] еще спросил: „Для чего еще используют эту печать?“ Тадтунга ответил: „Ее используют при отборе хороших людей [для должности] и во всех таких случаях, как отправление указов и писем“» [7, с. 150–151].

Кереиты, во всяком случае их правящая верхушка, были христианами [150, с. 127], приобщились к одной из мировых религий, что, как известно, является свидетельством достижения народом определенного уровня социально-экономического развития. В «Сокровенном сказании» встречаются такие, возможно христианские, имена, как Хори-Шилемун (Соломон), Таргутай-Кирилтух (Кирилл), Ширгету-Евген (Евгений). Деда Ван-хана звали Маркузом (Марком).

Наконец, в улусах действовали нормы обычного права, устоявшиеся, близкие по характеру к закону. После того как Темучжин убил своего брата по отцу Бельгутая и попал в руки тайчиутов, «Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию» [89, с. 92]. Не произвольному, а законному. На Темучжина надели кангу — шейную колодку, т. е. подвергли способу наказания, явно заимствованному у южных соседей. Возможно, в XII в. имелись и какие-то своды законов. В 1206 г. Чингис говорил старцу У суну: «По Монгольской правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан беки» [89, с. 166], т. е., вероятно, до 1206 г. уже имелся свод монгольских законов, иначе на что бы ссылаться Чингису. Упоминается также и «Еке Торе» («Закон», «Великая Правда») [89, с. 168]. Мы уже писали о том, что часть служилых людей улуса имела титул «черби». Позднее Чингис говорил одному из своих сподвижников, Тулуну: «За собирание царства ты и получил сан черби» [89, с. 164], т. е. титул,

вероятно, давали за самые различные заслуги перед ханом и государством.

Таким представляется на основании первоисточников монгольский улус XII в. до объединения всей Монголии Чингисханом. Это была власть, стоявшая над народом, отражавшая интересы господствующего класса, власть публичная, воплощенная в государственном механизме определенного устройства.

Примерно через 25 лет, весной 1206 г., у истоков Онона состоялся курултай, на котором за Темучжином вторично был закреплен его титул чингис-хана и он был провозглашен ханом уже единого монгольского государства, составленного из уничтоженных им улусов татар, меркитов, кереитов, найманов. Завершилось, по оценке Гао Вэньдэ, «создание единой монгольской политической власти рабовладельческого строя» [186, с. 92]. Во второй раз Чингисхан занялся устройством своего улуса, теперь уже единого монгольского государства; в государственном характере этого улуса уже никто из исследователей не сомневался. И что же мы видим: действия Чингисхана отличаются лишь масштабом, широтой, а не являются принципиально, качественно новыми. Если мы признаем государством единый монгольский улус после 1206 г., то мы просто обязаны признать таковыми и улусы монгольских степей XII в.

Еще раз проследим действия хана по тем же двум главным направлениям, которые были характерны и для устройства первого улуса Темучжина. Кадры гражданских и военных администраторов Чингисхан снова набирает из своей гвардии, точнее, из числа тех лиц, которые по особому выбору поочередно несли при нем службу. Мы уже говорили об указании брать в гвардию умных и физически крепких молодых людей — сыновей и младших братьев тысячников и сотников. Каждого направляемого на службу в гвардию обязаны были сопровождать младший брат и «дружина», товарищи. При сыне тысячника товарищей было десять человек, при сыне сотника — пять, при сыне десятника и сыновьях прочих людей — по три человека. Тьма кешиктенов состояла из 8 тыс. гвардейцев-турхаутов и 2 тыс. кебтеулов. Половина кебтеулов была лучниками [89, с. 168, 169].

С образованием единого монгольского государства служба в гвардии-кесиг стала в известной мере и системой заложничества. Позже в монгольском языке слово «турхах» приобрело значение «заложник». Однако служба в гвардии прежде всего являлась высокой привилегией. Кешиктены были «блаженством» (кутух) Чингиса, его «личной гвардией» (эмчу кешик). И после смерти Чингиса, когда аппарат управления монгольского государства стал перестраиваться постепенно по китайскому образцу и армия была подчинена Тайному совету (Шумиюань),

кешиктены продолжали оставаться воинским формированием, наиболее близким хану и заслуживающим наибольшего доверия.

Служба кешиктенов выросла из нукерства. И здесь приоткрывается как бы ее третье свойство — кешиктен, привилегированный гражданский и военный администратор государства, по справедливому замечанию Сяо Цицина, «один из видных представителей господствующего класса монгольского общества» [313, с. 37], в известной мере заложник при ханском дворе, брат или сын местного военно-административного правителя, воспринимался и как человек, лично зависимый от хана, как лично несвободный человек или младший член его семьи. Чингис рассматривал своих нукеров — Шигу-Хутухту, Кучу, Кокочу, Бороци как своих младших братьев. Шигу-Хутухту был шестым по счету приемным сыном матери Чингиса Оэлун, которого она «взяла к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету к пятерым детям своим» [89, с. 114]. «Найденышами были и Кучу, Кокочу, Бороул». Оэлун-экэ воспитывала в своем доме четверых чужих ребят: Кучу, подобранного в кочевьях у меркитов; Кокочу, взятого в кочевьях бесудцов, находившихся у тай-чиутов; взятого из татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутухту, и найденыша из чжуркинских кочевий Бороула «воспитывала как мать» [89, с. 115]. Мухали и Буха были отданы Чингису как рабы. Их отец Суун-ува, отдавая своих детей Чингису, говорил: «Да будут они рабами у порога твоего!» [89, с. 114]. Они именуются то «богол», то «карачу».

Таким образом, отношения нукера к хану трактовались как отношения персональной зависимости [313, с. 34, 35]. В обмен на предоставление нукеру средств для жизни и покровительства нукеры служили хану как личная охрана и исполняли службу при нем. Отсюда особая зависимость гвардейцев от хана и особое отношение к ним. Гвардией в гвардии была ночная стража — кебтеулы. Только они охраняли ночью хана и никого не допускали в его ставку и были обязаны «рубить голову по самые плечи и плечи на отвал» всякому, кто попытается ночью проникнуть к хану. Запрещено было расспрашивать о числе кебтеулов, ходить подле них, когда они стояли на посту. Гонцов с экстренными донесениями вводил к хану кебтеул [89, с. 171].

Ранняя монгольская государственность не знала четкого разделения функций охраны ставки хана, управления его двором и управления государством. При Чингисхане и незначительное время после его смерти кешиктены были центральным органом управления монгольским государством. Из кешиктенов был Сира Ягул, писец (бичечи), получивший должность около 1206 г., по своим функциям — государственный секретарь.

Бичечи позднее служил знаменитый Елюй Чуцай. Бичечи составлял указы хана, руководил различными ведомствами государства. При Угедэе из кешиктенов был Эльчидай, один из четырех ака — четырех первых министров государства, визирей. Термин «ака» передавался по-китайски как «сян». Ханские указы писали и оформляли ярлыкчи. В улусе Чингиса были заведены «синие книги» (коко дефтер бичик), в которые заносились списки подданных и вписывались судебные решения [89, с. 160].

И после 1206 г. ведавшие ханским столом кешиктены Онгур и Бороул выполняли прежние свои функции. Их обязанности были только расширены: «Теперь вы будете распределять всем пищу в походное время». Они и их помощники были борчи — лицами, ответственными за стол хана. Им помогали дарачи — служащие, ответственные за поставку вина к ханскому двору. Из обслуги хана также известны сугурчи, отвечавшие за одежду хана. Придворные музыканты именовались «хурчи».

Кебтеулам была доверена ханская казна. Улачи, или моринчи, ведали телегами и лошадьми, юртами ханской ставки. Скотом ставки, орды и скотом государственным управляли темчи (стадами верблюдов), хоничи (стадами овец), хукерчи (стадами коров). За перекочевку ставки отвечал нунтуугчи. Возможно, он вообще ведал распределением пастбищ и кочевий в государстве. Ханская охота находилась в руках лучников и сокольничих. Полицейские функции исполняли «те, кто ловил воров».

Вместе с Шиги-Хутухту, руководителем верховного суда (гурдерейн дзаргу), кебтеулы ведали судом. Именно им вменялось в обязанность «искоренять воровство и обман»; в первом улусе Чингиса эти функции выполняли «носители сабель». О Шиги-Хутухту Чингис говорил: «Ты держишь в мыслях твоих Еке Йосу — Великую Ясу. Не ты ли, Шиги-Хутухту, — око смотрения моего и ухо слышания моего?» [89, с. 182]. Была ли яса к этому времени записана, неясно. Но вряд ли она в последние годы правления Чингисхана и после него оставалась лишь санкционированными ханом нормами обычного права. Думается, что она была записана, только не дошла до нас.

В орде Чингисхана имелся придворный астролог, который был обязан вести календарь. «Пусть назначает нам годы и месяцы», — приказал ему Чингисхан [89, 166]. Лекари хана также числились кебтеулами. Когда хан и члены его семьи совершали жертвоприношения, кебтеулы участвовали в этом обряде. Они оплакивали покойных и ведали тризнами на могилах. Дворцовыми делами, т. е. делами ханского двора, управлял Додай-черби. Он заведовал всеми окружавшими двор кешиктенами-турхаутами, дворцовой прислугой, конюхами, пастухами [89, с. 174].

Таким образом, гвардейцы-кебтеулы выполняли функции непосредственного управления ордой, ставкой хана (бичечи, ярлыкчи), ведали «синими книгами» (списками населения). Эти функции близко смыкались с полицейско-судебными (ловля воров, суд на местах, верховный суд). Они управляли хозяйством ставки и государства (скот, перекочевки, распределение кочевий, налогообложение, ханская казна). Кебтеулы обслуживали хана (его стол, одежда), семью, род хана. Они же охраняли ставки. Чингисхан делил государственные дела на «полевые» и «домашние». «Полевые» дела решались в поле, в степи, а «домашние» — дома [89, с. 195]. «Домашние» дела — это дела аурука, орды. «Полевые», возможно, дела походных ставок, военные кампании и т. п. Высказав еще в 1973 г. схожие суждения (см.: [100]), я полностью разделяю вывод Сяо Ци-цина о том, что кешиктены — гвардия хана — были «ядром оригинального государственного аппарата» монголов [313, с. 44].

Кебтеулы, как мы уже говорили, стерегли ставку хана, охраняли символы его власти — знамена и барабаны, ведали раздачей оружия. Из текста «Сокровенного сказания» становится ясной схема расположения юрт орды (ставки). Юрта Чингисхана и юрты его домочадцев ставили в центре. Спереди и сзади, очевидно с юга и с севера, справа (с запада) и слева (с востока) их окружали юрты кешиктенов: спереди — Архая, сзади — Додай-черби, слева — турхаутов Буха, Долоху-черби, Чаная, справа — турхаутов Есунтэя, Букидая и «их стрельцов». Разумеется, здесь названы только имена командиров отрядов [89, с. 174].

Система турхах Чингисхана, изложенная в указе Хубилая от 1263 г., выглядела так: «Каждый темник посылал одного тулухуа (турхах), десять лошадей, две парные упряжки быков и четырех землепашцев. Каждый тысячник, если в его подчинении было пятьсот солдат и более, посылал турхаха, шесть лошадей, одну парную упряжку быков и двух землепашцев. [Каждый тысячник], который имел в подчинении менее пятисот солдат, но процветающие дворы и сильных юношей, также присылал турхаха и то же количество лошадей, быков и землепашцев» [269, цз. 98, с. 5б]. «Сыновьям и младшим братьям темников и тысячников, которых посылали в турхахи, можно было брать с собой жен и детей. Число лично несвободных людей, которых они могли взять с собой, не устанавливалось. Можно было также брать больше положенного лошадей и быков» [269, цз. 98, с. 5б–6а]. Допускалось пользование помощью состоятельных семей данного темничества в снабжении турхахов-гвардейцев, но запрещалось возлагать снаряжение турхаха на солдат. Если темники и тысячники не имели сыновей или их сыновья были еще слишком молоды, не могли служить в гвардии, они должны

были посылать вместо сыновей младших братьев, а когда сыновья достигали возраста 15 лет, братьев заменяли сыновья.

Служба в гвардии на всем протяжении существования династии Юань являлась надежным путем к вершинам бюрократии. Про кешиктенов говорили, что они «днем вели правительственные дела, а ночью несли службу как гвардейцы императора». Кешиктены составляли десятую часть всей бюрократии Юань [313, с. 42]. До 1281 г. кешиктены жили за счет тех военно-административных единиц, которые они представляли. Так было установлено со времен Чингиса, так продолжалось с 1263 г. при Хубилае, когда он специальным указом предписал турхаутам прибывать на службу со своими лошадьми, скотом и людьми. С 1281 г. кешиктены стали получать часть содержания от казны, а с 1291 г. были полностью переведены на казенное довольствие [313, с. 43]. При Хубилае в дополнение к гвардии-кесиг (кешиг) были созданы корпуса императорской гвардии из монголов, китайцев, тангутов, карлуков, кыпчаков, канглы, русских. Эти гвардейцы являлись, скорее, военнопоселенцами. Они разделялись на караулы (вэй), обрабатывали землю и несли военную службу. Караулы-вэй объединялись в тысячи, и вся система именовалась «военные поселения-тысячи» (тунь тянь цянь ху) [313, с. 47].

После введения административных органов управления по китайскому образцу — Центрального секретариата (Чжуншу-шэн), Тайного совета (Шумиюань) и Цензората (Юйшитай) — гвардейцы-кешиктены потеряли свое значение как главные администраторы империи. Они продолжали еще частично вести дела ханской семьи, хотя при Хубилае большая часть этих дел уже была передана традиционным китайским управлениям — сюаньвэйюань (наблюдало за исполнением придворного этикета), шанъинь-цзюй (ведало погребами императорских вин), шаншицзюй (управляло императорской кухней). Два последних управления заменили старых дарачи и бавурчи из кешиктенов. Управление шичжэнфу ведало прислугой императора, заменив прежнего сугурчи. Управления тайпусы (императорских конюшен) и шанчэнсы (императорских экипажей) заменили монгольских улачи и моринчи. Мэнгу ханьлиньюань (Монгольская академия) пришла на смену бичечи и ярлыкчи.

Однако, несмотря на замену монгольских наименований этих органов управления китайскими, как полагает Сяо Цицин, «во многих случаях чиновники-кешиктены выполняли свои обязанности и в управлениях китайского образца» [313, с. 40]. В управлении императорской прислугой было 400 сугурчи из кешиктенов, 24 из них являлись фаньюй («прислужниками императора»). Сяо Цицин полагает, что по-прež-

нему из кешиктенов были «бичечи, писавшие императорские указы», монгольские бичечи. По его мнению и мнению ряда других ученых, то, что кешиктены вели дела царствующей семьи, стало причиной отсутствия при дворе Юань евнухов. Кешиктены никогда не имели китайских рангов, кроме тех из них, кто служил во внутренних, чисто семейных покоях двора [313, с. 40].

Первоначально армия Чингисхана была поделена на два крыла, две тьмы (вспомним тьмы Чжамухи и Ван-хана), и центр. Правую, западную тьму (бара-ун гар), прилегавшую к Алтаю, возглавлял Боорчу, левую, восточную (джун гар), «примыкавшую к Хараун Чингду, Большому Хингану» — Мухали с китайским титулом го ван. Центром командовал Наяа.

Всё население государства-улуса было поделено Чингисом после объединения Монголии и создания единого монгольского государства на 95 военно-административных единиц — тысяч, во главе которых были поставлены те нойоны, которые помогали Чингису и его ханскому роду создавать улус. «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства» [89, с. 158].

Реально число тысяч было больше 95, так как в «Сокровенном сказании» не перечислены тысячники из «лесных народов» — предков ойратов, бурят, других монгольских и тюркских народов, проживавших в южной части таежной зоны, вошедшей в состав улуса Чингиса. Сотники, тысячники и темники получали от хана хуби (долю) — вознаграждение за службу. По подсчетам Сяо Цицина, из 88 упоминаемых в текстах тысячников Чингисхана 28 являлись его старыми нукерами или кешиктенами, другая часть — братьями этих лиц [313, с. 36]. Тысячники, осуществлявшие военно-административную власть на местах, управляли вверенными им людьми и территориями, набирали по требованию хана воинов на постоянную службу в армии и на время военных походов (каждый воин являлся на службу со своим конем и амуницией), собирали с местного населения и сдавали в казну улуса налоги, контролировали исполнение местным населением улы (почтовой повинности), обслуживали нужды гонцов с пайцзами и т. п. [188, с. 16, 17].

В ходе монгольских завоеваний система тысяч была перенесена и на покоренные страны. Так, в ходе войн с сунским Китаем управления темников (вань ху) учреждались в каждой провинции («дороге», лу), а управления тысячников (цянь ху) — в каждом уезде.

Военно-административными правителями Чингиса на местах, как уже упоминалось, являлись темник, тысячник, сотник и десятник. В основу же деления на темничества, тысячи, сотни была положена способность

населения данной военно-административной территориальной единицы выделить соответствующее число воинов, часто в приблизительном подсчете. Использование традиционной для Центральной Азии десятичной системы в разверстке населения улуса служило для Чингиса средством расколоть, хотя бы на достаточно высоком уровне, сохранившиеся к тому времени в разной мере родоплеменные связи, заменить родоплеменное деление там, где оно ощущалось, административным. Некоторые племена, враждебные Чингису, были попросту расформированы на тысячи. Такие крупные племена, как онгираты, онгуты, уруты, были поделены на несколько тысяч. Нойонам, которым не хватало людей, разрешалось пополнять их число до нужной нормы военнопленными.

Вторым важным следствием реформы местной системы управления явилось закрепление всего населения улуса за сотнями и тысячами. Среди людей, живущих в улусе, не могло быть не охваченных такой разверсткой. «Не было человека, — сообщал Ата Малик Джувейни, — который был бы вне сотни, тысячи иль тьмы, к которой он был приписан, или искал бы где-либо убежища» [318, с. 31]. Каждая тысяча имела свои пастбища (нунтуг) и источники воды (усун). «Сущность феодальной собственности на землю — это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингис-хане была основана на подчинении массы кочевников поставленному над ними нойону-военачальнику. Военно-административное членение степи, введенное монголами, оформило этот процесс перераспределения земли» [171, с. 15].

Таким образом, тысячники исполняли функции административные (управление вверенным населением), хозяйственные (управление пастбищами и перекочевками), фискальные (сбор налогов) и военные (набор в гвардию, армию и командование воинским отрядом). Очевидно, они же являлись судьями на местах. Сяо Цицин также подчеркивает, что по монгольской системе десятки, сотни, тысячи и тьмы «являлись не только воинскими единицами, но и гражданскими административными подразделениями, т. е. десятник не только командовал десятью солдатами, но и одновременно был администратором, ведавшим их семьями» [313, с. 178].

Родственникам Чингиса были розданы в управление уделы. Чингис, выделяя уделы, «дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином (дядей по отцу. — *Е. К.*). Сыновьям: Чжочи — 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Тулую — 5000, брату Хасару — 4000, Ачидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт» [89, с. 176]. Ко всем сородичам были приставлены нойоны, функции которых мало известны. Нойон Коко-Цос,

приставленный к Чаадаю, человеку «крутому и скрытному характером», должен был «вместе с ним обсуждать задуманное» [89, с. 176]. Родственники явно находились под наблюдением, а может быть, и под контролем.

Многие нойоны и нукеры, помогавшие Чингису в создании улуса, получили право не подвергаться наказанию «за девять преступлений».

Сколько-нибудь точных сведений о налогах и повинностях в монгольском обществе XII — начала XIII в. нет. Но то, что налоги, повинности существовали, ясно из наличия института дархатства — освобождения от налогов в пользу хана. Так, за свои заслуги по освобождению Чингиса из тайчиутского плена получил права дархатства в своих кочевьях по р. Селенге Сорхан-Шира [89, с. 167]. Если бы к 1206 г. не существовал хорошо всем известный институт дархатства, то почему же об этом говорили Чингис с Сорхан-Шира? А раз говорилось об освобождении от повинностей, значит, были и повинности, т. е. то, от чего освобождали. Очевидной повинностью тысяч являлось снаряжение на службу хану кешиктенов: «В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах по развертке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто наследственную долю получал от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственным трудом. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им имущества, подлежат снабжению по развертке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющиеся на службу в сопровождении трех товарищей» [89, с. 168–169].

Возможно, такие налоговые поставки хану, как шулен (овец) или ундан (кумыса), о которых мы скажем подробнее ниже, были не только в едином для всей Монголии улусе Чингисхана, но и в других улусах татаро-монголов XII в.

Итак, если мы попытаемся сопоставить действия одного лица — Темучжина (Чингисхана), дважды «устраивавшего» свой улус, то убедимся, что в процедуре устройства улуса, в формах организации его управления нет никакой принципиальной разницы качественного характера. Действия хана, следовавшего определенно какой-то модели, существовавшей, очевидно, в его сознании и сознании окружающих, а значит, и в повседневной жизни татаро-монголов XII — начала XIII в., по существу, однотипны. Не совпадают лишь масштабы, количественные моменты — территория, численность подвластных, размеры аурука (орды). Но формы управления, организации государственной власти остаются и после объединения всей Монголии Чингисом практически однотипными. Хан организует аурук (орду), управление своим двором, семьей,

хозяйство орды, при этом ханское, идущее лично на потребление хану и его семье, и имущество государственное, затрачиваемое на нужды управления государством и содержание армии, не отделяются друг от друга. Хан организует управление подданными и командование армией и здесь, не отделяя одно от другого, создавая военно-административный аппарат, назначая администраторов и командиров одновременно — десятников, сотников, тысячников, темников, объединявших в одном лице функции гражданской и военной власти. Это единение военного и гражданско-административного начал видно из многообразия функций гвардейцев Чингиса, кебтеулов, ведавших и придворными делами, и раздачей продовольствия, и скотом, и кочевьями, и коллекцией ханских вин.

Татаро-монгольские улусы XII в., очевидно, мало чем отличались от улуса Чингисхана. Они, как и улус Чингиса, были государствами с единой публичной военно-административной властью. Это, как мы стремимся показать на протяжении всей нашей работы, была система, в сущности своей традиционная для Центральной Азии, органичная и удобная для кочевого способа существования.

С 1220 г. ставка Чингиса расположилась у речки Каракорум на восточном берегу р. Орхон. Еще при жизни Чингис выделил двух главноуправляющих делами империи: за армию отвечал его сын Толуй, за администрацию — другой сын — Угедэй (Огодой). В 1227 г. Чингисхан скончался. Его преемником стал Угедэй, который правил в 1229–1241 гг. с титулом Далай-ин хан («Хан над всеми в пределах морей»). В 1235 г. Угедэй начал строить в ставке Чингиса Каракоруме город и дворец. Каракорум был столицей монголов до 1260 г., до того момента, когда Хубилай перенес столицу империи в Пекин.

Угедэй провел «по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий», для чего от каждой тысячи были выделены особые нунтугчины — землеустроители по отводу кочевий [89, с. 197]. В местах, где недостаточно воды, рыли колодцы. Это было грандиозное и важное мероприятие, приходится только сожалеть, что мы ничего не знаем о нем. Новый хан ввел более строгую почтовую службу: «Повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины, в определенных местах устанавливаются станции — ямы» [89, с. 197–198]. При каждой почтовой станции предписывалось иметь 20 улаачинов и точно установленное число лошадей, скота и повозок [89, с. 198]. Одновременно была учреждена служба складов — для тканей, золота, серебра, поступавшего в уплату поземельного налога. Чиновники — смотрители складов — именовались «балагчины» и «ямучины» [89, с. 197; 340, с. 31]. Угедэй упорядочил налогообложение.

Налог шулен (букв. «суп»), устанавливался в пользу хана (государства), «для нашего супа», в размере одной двухгодовалой овцы (без указания величины стада, с которого этот налог взимали) и одной овцы из каждой сотни овец «на бедных» [340, с. 39; 89, с. 197]. Полагают, что и в первом случае двухгодовалая овца взималась с сотни овец [347, с. 68; 89, с. 198] и что реформа ставила своей целью облегчить тяготы скотоводов, ибо, по заключению Игоря де Рахевильца, новый налог «был более легким бременем по сравнению с предшествующими чрезмерными требованиями, о которых мы не имеем никаких записей» [339, с. 81]. Возможно, этот налог — по овце с сотни — был подоходным.

Второй, по-видимому также упорядоченный налог, назывался ундан. Это был тоже натуральный налог — кумысом. Фактические размеры его неизвестны [339, с. 39]. Все реформы Угедэя не выходили за рамки монгольской кочевой традиции. Она еще была сильна, после обширных завоеваний монголы еще не представляли себе иных форм эксплуатации и управления. Свидетельством этого является и предложение, сделанное в 1230 г. частью монгольской знати Угедэю: уничтожить все население завоеванных земель, прежде всего северного Китая, и превратить эти территории в пастбища для скота [137, с. 18]. Кидань Елюй Чуцай доказал хану, что это менее выгодно, чем эксплуатация населения через налоговые управления (кэшуйсо).

Это событие явилось переломным моментом в истории монгольской государственности. В том же 1230 г. чиновники, управлявшие населением северных районов Китая, были уравнены в правах с монгольскими темниками, а в 1231 г. создана своеобразная система трех параллельных учреждений — монгольских темников с их штатом, китайских гражданских чиновников (чжанли) и налоговых управлений (кэшуйсо). Эти три ведомства не подчинялись друг другу, а были подведомственны только хану. Елюй Чуцай говорил Угедэю: «„Хотя [Вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне“. Его величество считал это глубоко правильным. Ведь привлечение к службе гражданских чиновников царствующей династией началось по инициативе его превосходительства. До этого старшие чиновники всех бу по совместительству ведали денежными и натуральными налогами с военного и гражданского населения и часто, опираясь на [свое] богатство и силу, безнаказанно творили беззакония. Его превосходительство представил доклад императору о том, чтобы старшие чиновники ведали делами только гражданского населения, темники возглавляли военную власть, а налоговые управления распоряжались денежными и натуральными налогами и чтобы все [они] не управляли друг другом, и тогда же [это] было возведено в твердый закон» [137, с. 73–74].

В 1230 г. в северном Китае было создано 10 чольге («дорог») — провинций, во главе которых стояли правители-чжанли. В 1231 г. по китайскому образцу для ведения гражданских дел учредили Центральный секретариат (Чжуншушэн), и первым его главой — чжуншулином стал Елюй Чуцай. Вместе с ним для управления завоеванными территориями были назначены еще два лица — монгол Чинкай в должности ючэнсян (правого министра, министерства управления западом) для управления завоеванными территориями на западе и чжурчжэнь Няньхэ в должности цзочэнсян (левого, восточного министра) для управления землями, завоеванными на востоке. У монголов более почетным считался не левый, а правый чэнсян, монголы более почитали не левую, а правую сторону.

При преемнике Угедэя, хане Гуюке (правил в 1242–1260 гг.), вплоть до воцарения Хубилая (правил в 1260–1294 гг.) монгольские и китайские органы управления сосуществовали. Как сказано в источнике, «принципы управления Юга и Севера были всюду перепутаны» [137, с. 88].

В 1237 г. в стране была проведена аттестация буддийских и даосских монахов и конфуцианцев: «В [году] дин-ю (28 января 1237 г. — 17 января 1238 г.) был произведен отсев среди [служителей] трех религий. Если буддийские и даосские монахи, экзаменуясь по канонам, понимали [их], то [им] выдавались грамоты, [они] принимали монашеский обет и [им] разрешалось проживать в буддийских и даосских монастырях; если конфуцианцы выдерживали отборочные [экзамены], то они освобождались от налогов» [137, с. 81].

В 1260 г. был предпринят новый важный шаг по китаизации управления — введена система «шести министерств» (лю бу). Работой шести министерств руководили левый и правый чэн-сяны. В органах местного управления, провинциях были созданы «передвижные императорские секретариаты» (син чжуншушэн), первоначально их было 10, по числу «дорог»-провинций. На провинциальном уровне син чжуншушэны являлись органами как гражданской, так и военной власти. Толчком к разъединению органов гражданской власти и органов командования войсками послужила междоусобная война в Монголии. Единство монгольской империи было нарушено, когда Мункэ, сын Толуя, провозгласил себя каганом в 1251 г. Потомки Угедэя и Чагатая отказались признать верховенство семьи Толуя. В 1268 г. Хайду, внук Угедэя, создал отдельное монгольское государство в Туркестане и начал борьбу с Хубилаем. В 1287 г. на территории современной Маньчжурии отложились потомки младших братьев Чингиса — Наян и Гадан. Междоусобные войны чингисидов длились до 1303 г. Именно во время этих войн в Монголии впервые командование войсками было выделено и отдано

в ведение «передвижного тайного совета» (син шумиюань) [313, с. 68]. Ранее предполагалось, что «если военная и гражданская власти разъединены, то они не могут оказывать помощь друг другу и местные жители восстают» [313, с. 61]. Теперь же стало ясно, что вверение гражданской власти и командования войсками разным лицам лучше предохраняет от мятежей.

В 1262 г. Хубилаем, окончательно переориентировавшимся на господство всей империей из Китая, был учрежден Тайный совет (Шумиюань) для командования армиями всей империи. В 5-м месяце (8 июня — 6 июля) «был учрежден Шумиюань, все монгольские армии и северо-китайские (ханьские) армии поставлены под контроль Шуми» [269, цз. 98, с. 6а–6б]. С 1263 г. на уровне провинций («дорог») темники перестали вмешиваться в дела гражданских губернаторов — цзун гуаней, а на уровне округов-чжоу и уездов-сянь тысячники и сотники еще продолжали вести и гражданские дела. «В начале династии командирам, которые командовали армией, были даны ранг и содержание в зависимости от числа отрядов, [находящихся под их командованием]. Те, кто командовал десятью тысячами человек, были назначены ваньху (темниками), те, кто командовал тысячей человек, — цяньху (тысячниками), а те, кто командовали сотней человек, — боху (сотниками). Во времена императора Ши-цзу (Хубилая) официальная система была значительно изменена. Внутри [при дворе] были созданы пять караулов, которые командовали императорской гвардией, во главе каждого караула были поставлены циньцзюнь дучжихуэйши (верховные командующие императорской гвардией). [На местах] при каждом темнике были введены должности цзунгуаней, при каждом тысячнике — цзунба, при каждом сотнике — танья. Руководство над всеми поручили Шумиюань. В случае появившейся где-либо нужды создавали Подвижной шумиюань. Когда нужда отпадала, [Подвижной шумиюань] ликвидировался, а его власть передавалась Дучжэньфусы (главному управлению умиротворения), которое находилось в ведении Подвижного секретариата (син чжуншушэна). Каждый темник, тысячник и сотник были подразделены на три категории — высшую, среднюю и низшую. Темник имел золотую пайцзу в форме тигра, она имела форму выгнувшего спину тигра с жемчужинами у головной части. Жемчужин могло быть одна, две, три. Тысячник имел золотую пайцзу, а сотники — серебряную пайцзу» [269, цз. 98, с. 1б–2а].

«Если темник или тысячник погибал на поле боя, его наследник получал его титул. Если он умирал от болезни, наследник получал титул более низкий на один ранг. Если цзунба или сотник умирал собственной смертью или темник при жизни переводился на другую службу, долж-

ность не наследовалась. Позже эта система была отменена, и стали наследовать все должности» [269, цз. 98, с. 2а].

В Центральной Азии господствовал принцип передачи имущества по наследству, близкий к ультимогенитуре: младший сын получал оставшееся от отца имущество, его юрту и домашний очаг после получения долéй имущества старшими братьями и выделения их из семьи. Старший сын наследовал титул и социальный статус отца. Так монголы поступали при династии Юань. Однако в доюаньскую эпоху монголы, как кидани, всегда придерживались принципа примогенитуры и при выборе наследника социального статуса и титула отца способности претендентов часто брали верх над старшинством.

Административный орган Шаншушэн появился у монголов в 1270 г. При Юань Шаншушэн первоначально был органом финансовым. В Шаншушэн был преобразован существовавший до этого старый орган управления финансами — чжигоюншисы («управление доходами и расходами государства»). В столь его специальной функции Шаншушэн возглавлялся мусульманином Ахмедом (Ахэмой). По своему положению Шаншушэн был приравнен к Государственному секретариату — Чжуншушэну. В 1272 г. Шаншушэн включили в Чжуншушэн, а в 1287 г. восстановили как важное независимое учреждение, поставив во главе его уйгура Сэнге. Шесть министерств, которые до этого подчинялись Чжуншушэну, отныне были поставлены под управление Шаншу. Шаншушэн стал важнейшим органом управления империей и оставался таковым до 1291 г., до казни проворовавшегося Сэнге [238, с. 19–24].

Надо сказать, что управление завоеванными территориями на западе скоро стало отличаться от такового в Китае. На западе важной фигурой становится баскак-танмачи (наместник, воевода) [89, с. 193, 194]. Чиновником, назначавшимся как в западных странах, так и в Китае, был даругачи («тот, кто ставит печать»). Даругачи назначались монгольским двором правителями завоеванных городов и областей для сбора налогов и поддержания порядка. Позднее даругачи ставились над местными органами управления и управлениями центрального правительства, осуществляя прежде всего функции надзора и контроля. Даругачи мог быть только монгол или сэму (тюрок, кидань, чжурчжэнь, тангут).

Монгольская армия первоначально состояла из монголов (шире — татаро-монголов), представителей населения объединенных улусов Монголии. Как только монгольские завоевания вышли за пределы Монголии, Чингисхан стал привлекать на службу в армию немонголов. В 1211 г. в армию монголов влились бывшие киданьские отряды цзю, состоявшие на службе в империи Цзинь. С 1215 г. в армии Чингисхана появляются

«войска северных китайцев» (хань цзюнь). И кидани, и китайцы оказались в рядах монгольской армии из-за ненависти к чжурчжэням и их государству Цзинь. Регулярная монгольская армия, состоявшая позже из многих народов, отличалась от армии танмачи — военных формирований принцев правящего дома, которые всегда состояли только из монголов. При Юань все мужчины в возрасте от 15 до 70 лет считались военнообязанными. На службу шли в регулярную армию и вспомогательные войска при ней (те цзюнь). Соответственно семьи, в которых имелись военнообязанные, именовались по-китайски «чжэнцзюнь ху» и «тецзюнь ху». Создавались группы из двух-трех семей, из которых один военнообязанный шел в регулярную армию, а один-два — во вспомогательные войска. В регулярную армию чаще всего шли монголы. В принципе это была та же система набора в армию, которая до монголов существовала в тангутском государстве Си Ся и чжурчжэньском государстве Цзинь.

В 12-й месяц 12-го года царствования Чжи-юань (19 декабря 1275 г.) Хубилаю Ши-цзу был пожалован почетный титул императора (хуанди). Он принял свидетельство на титул (цэ), принес жертвы Небу и Земле, жертвы в Храме предков и объявил о провозглашении себя хуанди. С этого времени, как мы уже не раз пытались это показать на конкретных примерах, управление империей постепенно стало строиться по китайскому образцу. Восточная и западная части огромной империи все больше обособлялись и начинали жить самостоятельной жизнью. Центр династии переместился в Пекин, монгольские ханы превращались в китайских императоров. Примерно за сто лет, а если считать с 1206 г. — то за семьдесят, был пройден путь от монгольского хана с титулом чингис-хан до весьма сильно китаизированного хана с титулом «хуанди».

Мы уже писали выше о том, что до сих пор остается неясным смысл титула чингис-хана, который Темучжин принимал дважды. По свидетельству одних, за три дня до воцарения Темучжина пятицветная птица кричала «чингис, чингис», и это слово-прорицание было взято в качестве титула. Другие, и их большинство, полагают, что «чингис» значит «небо», «получивший пожалование от Неба», т. е. «титул чингис-хан» означает «небесный хан», «хан, поставленный Небом», наконец, «сын Неба». Это близко формуле сакрализации власти Темучжина-Чингисхана, которая встречается в китайском тексте «Юань чао би ши»: «тяньчжи цзяо цзы» («гордый сын Неба»), «шоу Тянь мин сянь шэ» («явившийся, получив мандат Неба»), «тянь-ды эрцзы» («сын Неба»), «ю диван-ды цисян» («обладающий сущностью императора», человек, который несравним с простыми людьми), «тянь мин… вэй чжунжэнь чжи чжан» («по приказу Неба ставший правителем людей») (цит. по:

[186, с. 92]). Третьи полагали, что титул «чингис» дал Темучжину его главный шаман Тэб — Тенгрий Кокчу. Рашид ад-Дин приравнивал титул «чингис-хан» к титулу «гур-хан», имевшему значение «государь сильный и великий». Поль Пельо высказывался за то, что слово «чингис» — это вариант тюркского слова «тэнгис» (океан) и титул чингис-хан значит «океан-хан», в смысле «хан — владыка вселенной» (ср. с приводимым ранее титулом Угедэя).

Тувинский историк и писатель Лубсан Кенин в личной беседе говорил мне, что в тувинском языке существует слово «чингис», которое значит «хан ханов», «хан над всеми ханами», «великий хан».

По заключению Г. Франке, законная легитимная власть Чингису была «пожалована Небом» и основывалась на подчинении других народов. Подданные подлежали «умиротворению» (тюбшидкэ), а управлять другими являлось высшей радостью. Трон именовался «седалище радости» (джиргаланг). Универсализм власти монгольского хана, по мнению Г. Франке, состоял в том, что не было разницы между подлинной принадлежностью к его государству и потенциальной. Тем государствам, которые еще не подчинились, рассылались приказы о подчинении с тем, чтобы они, сообразуясь с повелением Неба, подчинились его представителю на земле. Отказ признать власть монгольского хана расценивался как мятеж. В надгробной стеле Елюй Чуцая сказано: «Как только враг, отклонив приказ [о сдаче], выпускал хотя бы одну стрелу или камень [по осаждающим войскам], в соответствии с существующей государственной системой [все] убивались без пощады во всех случаях» [137, с. 76].

Г. Франке правильно отмечает, что это не оригинальная концепция, она — приблизительная калька с того, как понималась власть китайского хуанди, «правителя всего под Небом» (тянь ся), с концепции, которая «отчетливо не признавала границ» [297, с. 16–18]. Некоторое отличие было в том, что китайский император воздействовал на окружающий, прежде всего неханьский, мир своей благодатью дэ, дарованной ему Небом, избравшим его, а не только приказом подчиниться и силой оружия, хотя он и обладал силой (вэй) и дарованным Небом правом карать непокорных. Монгольская концепция была наглее и грубее. Концепция власти хана была тайной, столь же тайной, как и концепция власти китайского хуанди, ибо нет монгольского и нет китайского текста, где бы она была изложена в систематизированном виде.

В принципе на данном этапе вряд ли разрешим вопрос о том, сколько в идеях власти хана от Неба, по повелению Неба, по приказу Неба и т. п. своего, монгольского (центральноазиатского), а эти корни очевидны, и сколько китайского, тем более очень многое говорит за то, что

эта концепция — общая для китайцев и их соседей, идущая в полном смысле слова из глубины веков. Но именно при монголах не только в теории, но и на практике был поставлен вопрос об универсализме, исключительности власти монгольского хана, недопущении наличия других ханов.

В отличие от автора этих строк[1] Т. Дж. Барфилд полагает монгольскую государственность исключением, ибо она возникла без взаимодействия с Китаем, и как не продолжавшую традиции кочевой государственности: «политическая организация монголов не была высшей стадией развития древней степной традиции, а являлась скорее отклонением от нее»[2].

[1] См.: *Кычанов Е. И.* Государство Чингисхана как воплощение идей и традиций кочевой государственности // Mongolica: An International Annual of Mongol Studies. 2006. Vol. 18 (39). P. 49–56.

[2] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 302.

МАНЬЧЖУРЫ

После разгрома чжурчжэньского государства Цзинь монголами (1234 г.) чжурчжэни вошли в состав монгольского государства. В 1235 г. были учреждены темничества Кайюань и Наньцзин. После провозглашения династии Юань центром управления северо-востоком империи стал г. Кайюань (старый Кайюань), который находился севернее современного, в районе г. Саньсин. С 1288 г. центром администрации империи Юань на северо-востоке стал г. Лунцзинь, переименованный в Ляоян. После падения Юань и утверждения над Китаем власти династии Мин (1368 г.) в Ляодуне в 1371 г. было учреждено минское военное управление. Чжурчжэньское население Маньчжурии в это время составляло несколько миллионов человек [63, с. 150]. В эпоху Мин китайцы в своих описаниях чжурчжэней подразделяли их на три большие группы: цзяньчжоу, хайси и ежень. Ежень («дикие») жили в районе р. Сунгари и ее впадения в Амур, цзяньчжоу — в северной части гор Чанбайшань, к югу от «диких», у слияния рр. Муданьцзян и Сунгари вплоть до р. Суйфэнь. Хайси располагались у северной части уезда Фуюй современной пров. Ги-рин, к востоку от г. Харбина, в районе р. Ашихэ. Для той эпохи было характерно постепенное продвижение чжурчжэней на юг, в частности чжурчжэней-хайси — в южную часть Гирина, цзяньчжоуских чжурчжэней — в северные области современной Кореи и в район р. Хуньхэ в Ляодуне, ежень — на старые земли чжурчжэней-хайси и чжурчжэней цзяньчжоуских [261, с. 14].

Границы империи Мин в Маньчжурии проходили по линии городов Бэйчжэнь, Шэньян, Телин, Кайюань, Фуминь [159, с. 183]. Здесь был создан ляодунский укрепленный район, который занимал южную часть современной пров. Ляодун. Крайней северной точкой ляодунского укрепленного района был г. Кайюань. В XV–XVI вв. китайские императоры династии Мин раздавали должности и титулы местным чжурчжэньским правителям. Дав титул или должность тому или иному заинтересованному в торговле с Китаем, в политических контактах с Мин чжурчжэньскому правителю, минские власти нередко объявляли его город или селение и подвластную ему территорию своими, своим пограничным караулом (вэй). Цао Тинцзе писал: «Большинство караулов

были пустыми названиями. Их пределы точно не установлены» [233, с. 5а–6б]. Тайваньский историк Гуань Дунгуй свидетельствует, что чжурчжэни лишь «номинально управлялись установленными Китаем караулами» [191, с. 258], фактически же ими правили их собственные правители. Все они не зависели от минских властей, а «являлись маленькими феодальными государствами», как назвал их американский исследователь Франц Михаэль. Дело кончилось тем, что Минская династия потеряла контроль над этими районами [329, с. 39, 40]. Минский караул на северо-восточной границе насчитывал с командным составом 5600 человек. Он был организован по территориально-гарнизонному принципу. Предполагалось в каждой области (цзюнь) разместить тысячу солдат. А сам караул (вэй) охватывал ряд таких областей.

Чжурчжэньские правители часто враждовали. «В то время повсюду царила смута... Злодеи и разбойники размножились, как пчелы, они называли себя ханами, бэйле (князьями), амбанями (наместниками, министрами) и гашанями (правителями поселений). Все они [стремились] стать верховными правителями, а мукуни (главы кровнородственных объединений) назначали себя вождями и нападали друг на друга. Родные братья и прежние единомышленники убивали друг друга. Могущественные роды силой подчиняли слабых, и беспорядок всюду был великий» [131, с. 28–29].

Будущая маньчжурская народность образовалась из чжурчжэньских племен маньчжу, суксухэ, хуньхэ, ваньянь, дуньо, чжэчэнь, хада, ехе, хойфа, ваньцзя, неинь, чжушэли и др. Маньчжуры возвысились из аймака хада, группировавшегося вокруг цзяньчжоуского караула, основанного в начале XV в. Командовал караулом Ахачу, а после его разделения на правый и левый (около 1408 г.) — Мэнгу-Тэмур и Нурхаци (1559–1626), основатель маньчжурского государства, прямой шестой по поколению потомок Мэнгу-Тэмура.

В XVI в. чжурчжэни занимались земледелием, скотоводством и охотой, рыбной ловлей и собирательством. Нурхаци не раз говорил, что маньчжуры отличаются от монголов, которые «едят мясо и одеваются в кожи», тем, что они «засевают поля и питаются зерном». В их экономике сельское хозяйство заняло основное место. Земли были плодородны, урожаи, особенно проса, высоки. Большинство селений маньчжуров располагалось по берегам рек, реже — в горных долинах. В каждой семье имелся скот (свиньи, овцы, коровы, лошади), разводили птицу (кур, гусей, уток) [263, с. 275]. Нурхаци предписывал во время походов беречь посевы, то же требовалось и в мирное время: пастух, недосмотревший за скотом и допустивший потраву, наказывался 20 ударами плетью, за загнанную на посевах скотину, причинившую посевам вред,

брали в качестве штрафа лян серебра. Запрещалось привязывать коней и скот к фруктовым деревьям, сдирать с них кору [272, с. 232]. Хорошие скотоводы, маньчжуры в особенности развивали коневодство. По свидетельству очевидцев, у них «особенно процветает коневодство. В семьях иноземцев-командиров — табуны в десятки тысяч коней, в семьях иноземцев-солдат также не менее десяти коней» [272, с. 23].

Маньчжуры плавили железо и отлично обрабатывали его. По данным хроники, в 1599 г. они «начали плавить железо, открыли рудники по добыче золота и серебра» [272, с. 234]. Ремесленники-маньчжуры изготовляли доспехи, стрелы. По корейским сведениям, в Фэйале, главном городе Нурхаци, имелись «16 мастеров по изготовлению доспехов, 50 с лишним мастеров по изготовлению стрел, 30 с лишним мастеров по изготовлению луков, 15 мастеров по плавке металлов — все они маньчжуры» [272, с. 235]. Один минский чиновник докладывал: «В Хоу Цзинь доспех, который надевают воины, его лицевая сторона, защита плеч и рук — все из первосортного железа, доспехи для коней точно такие же» [272, с. 235]. В другом источнике говорится: «По серебру, железу, коже, дереву — по всему имеются свои мастера, а мастера по железу особенно искусны» [191, с. 262]. Сохранился отзыв Нурхаци о ремесленниках: «Есть люди, которые почитают за драгоценности восточный жемчуг, золото и серебро. Но какие же это сокровища? В холод нужно одеваться. Во время голода нужно есть. Мудрецы, которых содержит государство, способны решать дела, которые не могут решать [другие] люди государства. Ремесленники способны сделать вещи, которые не способны сделать [другие] люди государства, — только они истинное сокровище» [272, с. 237].

Охота, в особенности добыча пушного зверя, сбор женьшеня, пчеловодство были важными подсобными промыслами маньчжуров. Лошади, меха, женьшень, мед вывозились из Маньчжурии в Китай и Корею. В первые два десятилетия XVII в. маньчжуры освоили шелкоткачество и производство хлопчатобумажных тканей. «В этом (1616 г. — *Е. К.*) году объявлено по государству: начать кормить шелковичных червей, разматывать шелковые нитки, ткать шелка, сеять хлопок, ткать хлопчатобумажные ткани» [191, с. 262].

Жили маньчжуры в городах-крепостях, окруженных укрепленными деревнями. Правитель, имевший под своим управлением территорию с несколькими городами, именовался князем (ваном), например имелся Хойфа го ван («князь государства Хойфа»). Города играли важнейшую роль в политической жизни страны. Чжао Дэгуй даже считает Нурхаци не объединителем маньчжурских племен, а объединителем городов-государств Маньчжурии начала XVII в. [253, с. 102].

Хозяйство маньчжуров и жизнь их городов и поселений во многом основывались на труде рабов. Маньчжурское общество начала XVII в. подразделялось на людей лично свободных (джусэн) и рабов (аха). В числе аха-рабов источники выделяют боой-аха (домашних рабов). По информации Ли Миньхуаня, автора «Цзяньчжоу вэнь цзянь лу», «от правителя Ну[рхаци] и его сыновей вплоть до простого солдата все имеют рабов и поместья. Рабы обрабатывают землю и доставляют урожай своим хозяевам. Солдаты только точат мечи и не занимаются сельскохозяйственными работами» [191, с. 273]. Поместья, в которых рабы обрабатывали землю, по-маньчжурски именовались токсо. Основным источником получения рабов служили войны и захват пленных. В 1477 г. корейский посол, ездивший к чжурчжэням, сообщал, что цзяньчжоуские чжурчжэни грабят границы, захватывают пограничных жителей и обращают их в рабство.

С расширением завоеваний роль рабского труда в маньчжурском обществе не только не уменьшилась, а заметно возросла. В 1618 г. после взятия г. Фушунь Нурхаци раздал своим приближенным и солдатам в качестве наград 300 тыс. пленных. Маньчжурский хан говорил: «Если не иметь аха (раба), то как жить эчжэнь (хозяевам)?» [188, с. 14]. Маньчжурские тексты свидетельствуют, что в представлении маньчжурской знати той эпохи «раб должен был усердно пахать землю, чтобы кормить своего хозяина, и не сметь думать о своих личных интересах» [183, с. 14]. Браки аха устраивали их хозяева. Дети аха тоже являлись аха-рабами. Хозяин мог ругать, бить, убить, продать аха. Аха рассматривались как частная собственность своего хозяина. Рабов сопогребали с хозяевами. В 1603 г. умерла жена Нурхаци из рода Нара, вместе с ней убили и захоронили четырех рабов [253, с. 99].

Тенденция обращать пленных в рабов не изжила себя и при преемнике Нурхаци Хуантайцзи (кит. Тай-цзун, в русских и европейских источниках, в литературе чаще всего известен как Абахай). В 1628 г. после похода на чахаров Хуантайцзи взял в плен 11 200 человек. Из них 1400 монголов и китайцев он занес в списки населения своего государства как простолюдинов (миньху), а всех остальных обратил в рабство, т. е. более 90% пленных стали рабами. После похода 1637 г. на Корею пленных долго распродавали на рынках у стен маньчжурской столицы. Невольничьи рынки располагались в городах и пригородах. По подсчетам современных китайских авторов, при Нурхаци у маньчжуров было 400–500 тыс. рабов, при Хуантайцзи — около 2 млн рабов [183, с. 15]. Это при том, что, по китайским подсчетам, собственно маньчжуров перед занятием ими в 1644 г. Пекина было 700 тыс. — 1 млн [190, с. 104]. Исследователи рабства у маньчжуров подчеркивают, что только часть

рабов использовалась для услуг, большинство их работало в сфере производства [183, с. 14].

Эксплуатируемому классу рабов противостояли лично свободные люди, которые подразделялись на простых людей (джусэн) и знать (специальный маньчжурский термин нам не известен). Джусэн — это простые маньчжурские воины, земледельцы, пастухи и охотники, ремесленники и их семьи. Это не родовая знать, не бэйлэ, не представители ханского рода Айсинь Гиоро, не чиновники. Среди джусэн не было имущественного равенства, а в маньчжурском обществе богатство было даже выше знатности. Сородич Нурхаци Ахана просил в жены дочь богатого человека Басыханя. Басыхань отказал ему, ссылаясь на то, что хотя Ахана и является потомком нингута бэйлэ (шести князей), но его семья обеднела, и поэтому дочь свою в жены ему он не отдаст [253, с. 98]. Бедные слои джусэн принадлежали к эксплуатируемому классу, богатые — к эксплуататорскому. Джусэн были опорой Нурхаци, маньчжурского государства. Народ подлежал занесению в списки, а значит, и обложению налогами. Знать, маньчжурские и иноплеменные рабовладельцы образовывали господствующий класс общества. В первую очередь это был правящий клан Айсинь Гиоро. Гиоро по-маньчжурски значит «семья», «род»; Айсинь Гиоро — «Золотой род», «Золотая орда», как иногда переводил этот термин русский маньчжуровед А. В. Гребенщиков [50, с. 59].

Древние члены этого клана считались «краснопоясными», в отличие от «желтопоясных», своих потомков, правивших уже в Китае. Происхождение правящего клана маньчжуров Айсинь Гиоро неясно. Из корейских и китайских источников очевидно, что фамилия предков Нурхаци была Тун. Фамилия Тун была широко распространена среди чжурчжэней [252, с. 365]. Гиоро — также одна из древних маньчжурских фамилий, слово «гиоро» ранее не имело собирательного значения «род», «клан». Айсинь Гиоро — это сравнительно позднее нововведение, акт, которым правящий род Нурхаци хотел подчеркнуть свою преемственность от чжурчжэньской династии Цзинь («Золотая»). Чжу Сицзу, детально исследовавший этот вопрос, пришел к такому выводу: «Цзяньчжоуский левый караул со времен своих предков постоянно использовал в сношениях с Китаем фамилию Тун, это совершенно очевидно. Фамилия же Айсинь [Гиоро] фактически была создана заново цинским Тай-цзуном» [256, с. 57].

Попутно заметим, что столь же туманно и появление этнонима «маньчжуры». В 1634 г. Хуантайцзи запретил своим подданным именоваться чжурчжэнями и предписал впредь именоваться только маньчжурами: «В моем государстве раньше имелись наименования маньчжу, хада,

ула, ехе, хойфу и другие. Не знающие этого люди часто зовутся чжушэнь (чжурчжэнями). Чжушэнь не имеют ко мне никакого отношения. Впредь всем людям разрешается называть мое государство только маньчжу» [256, с. 21]. Соответственно есть мнение, что «маньчжу» — это древний местный этноним [40, с. 71], который происходит от наименования буддийского божества бодхисаттвы Маньчжушри, что это в прошлом один из почетных титулов чжурчжэньских правителей Цзяньчжоу, хотя, кроме одного из них, Ли Маньчжу, другие науке не известны. В одной из последних статей на эту тему китайские авторы Чжэн Тянь и Тин Ицзо высказали предположение, что этноним «маньчжоу» — это старое название местности и государства, «созданного Нурхаци после победы над Никан-вайланом». Вначале термином «маньчжоу» обозначались лишь три цзяньчжоуских караула [257, с. 172].

Опору хана Нурхаци составляли четыре хошо-бэйлэ (Дай-шань, Амин, Мангуртай, Хуантайцзи), «четыре угла», бэйлэ каждого из четырех направлений света — юго-востока, северо-востока, юго-запада и северо-запада. Затем число хошо-бэйлэ было увеличено до восьми. Все командование восьмизнаменных войск принадлежало к элите, к маньчжурской знати и знати маньчжурского государства. К числу этой знати следует относить и ту монгольскую знать, монгольских бэйлэ и тайши, которая перешла на службу к Нурхаци, а также китайцев, служивших Нурхаци и занимавших высокое положение в его государстве. Можно назвать торговца Дун Янчжэня, уроженца Ляодуна, перешедшего на службу к маньчжурам. Его дочь стала супругой третьего маньчжурского императора Шуньчжи и родной матерью Канси, полуманьчжура, полукитайца, четвертого императора династии. Один из сыновей Дун Янчжэня участвовал в заключении с Россией Нерчинского договора.

Возвышение маньчжуров и создание маньчжурского государства связано с именем Нурхаци. Новому, второму сплочению чжурчжэньских племен, несомненно, способствовала память о наличии своей государственности в прошлом. В. С. Кузнецов справедливо отмечал, что «наличие государственности создавало особый внутренний мир, оно же заставляло держаться достойно в отношении соседей» [96, с. 49].

Нурхаци родился в 1559 г. в городке Фэйала («Старая гора») на берегу р. Суксухухэ (современное название Суцзыхэ). Долина реки славилась плодородными землями. Его отцом был «владетель чжурчжэньского удела маньчжоу» [96, с. 49] Такэши (Такши), матерью — Хитара (Ситала) Эмуцзи. Когда Нурхаци было десять лет, он лишился матери. В 1583 г. в междоусобной борьбе чжурчжэньских владетелей погибли отец и дед Нурхаци. На следующий год Нурхаци напал на

Никан-вайлана, которого считал виновником гибели отца и деда, и захватил в добавление к унаследованному Фэйала городок Турунь-хотон («Город-знамя»), положив начало объединению где силой, где миром под своим началом чжурчжэньских племен. Становление маньчжурского государства происходило одновременно с расширением его территории.

К 1584 г. относится первое упоминание о будущей основной военно-административной единице маньчжурского государства — ниру (кит. нюлу), традиционно и условно переводимой на русский язык как «рота». В 9-м месяце этого года Нурхаци пленил чжурчжэньских вождей Эргони и Локэ и после их перехода к нему на службу назначил их ниру эчжэн — «командирами-управителями ниру». Став ниру эчжэн, Эргони и Локэ управляли тремя сотнями людей [272, с. 117].

В 1586 г. был убит Никан-вайлан, личный враг Нурхаци, пользовавшийся покровительством минских пограничных властей. Смерть Никан-вайлана позволила Нурхаци установить мирные отношения с минскими пограничными властями. Нурхаци унаследовал от отца китайский титул «чжихуэйши» — командующий воинским подразделением. С 1586 г. минские пограничные власти стали выплачивать Нурхаци за его лояльность 800 лян серебра и 15 кусков атла́са на платье. Объединяя под своей властью цзяньчжоуских чжурчжэней, Нурхаци начал отстраивать стольный град Фэйала. Город был разделен на внешний и внутренний, каждый обнесли стенами из камня, земли и дерева. Во внутреннем городе выстроили острог, место, обнесенное деревянным частоколом из крепких бревен, в котором размещалась резиденция Нурхаци.

Нурхаци формирует свой первый аппарат управления: «Государь (шан) начал создавать аппарат управления государством, установил законы для того, чтобы пресечь мятежи, запретить воровство и разбой» [272, с. 39]. По данным «Ли чжо силлок», корейской хроники династии Ли, «внутри своих [владений Нурхаци] стал титуловаться ваном» [272, с. 39]. Был введен придворный церемониал. В 1587 г. выстроен комплекс административных зданий — ямынь лоутай.

В 1589 г., завершив объединение цзяньчжоуских чжурчжэней, Нурхаци распределил свои войска по четырем армиям: опоясанных мечами; вооруженных железными палицами; защищенных тяжелыми многослойными доспехами; способных стрелков из лука. В этом же году он получил от минских властей титул дуду цзяньши — помощника дуду.

В 1594 г. Нурхаци покорил чанбайшаньских чжурчжэней. К этому времени в его армии было 30–40 тыс. конницы и 40–50 тыс. пехоты. Судя по «Маньчжоу шилу», уже в 1593 г. войска каким-то образом распределялись по знаменам: «Повелели всем ванам и великим санов-

никам (да чэнь) каждому возглавить знаменные войска — гушань бин» [272, с. 119]. Об этом же событии в «Цин Тай-цзу гао хуанди шилу», источнике на китайском языке, сказано: «Приказал каждому из знаменных бэйлэ (ци бэйлэ) и великих сановников привести в порядок войска и ждать» [272, с. 119]. Корейский посол Ха Се Кук, побывавший в Фэйала в 1596 г., докладывал: «Знамена используют зеленые, голубые, желтые, красные, белые, черные» [272, с. 119]. Армия формировалась по знаменам и десятеричной системе, каждая сотня имела два знамени, знамена делились на десятки [261, с. 18]. Таким образом, и ниру, и гусань-знамена (гушань бин) имелись в практике маньчжурской военно-административной системы управления еще до реформ 1601 г.

В 1595 г. Нурхаци получил от минских властей генеральское звание «лун ху цзянцзюнь» («генерал дракон-тигр»).

Важным событием в деле становления и укрепления маньчжурской государственности явилось создание в 1599 г. маньчжурского письма. Как мы уже упоминали, чжурчжэни в XII в. создали свою письменность. После гибели Цзинь и подчинения чжурчжэней монгольской династией Юань среди чжурчжэней использовалось и чжурчжэньское, и монгольское письмо. Однако постепенно чжурчжэньское письмо стало выходить из употребления. При династии Мин китайцы приняли меры к тому, чтобы возродить чжурчжэньское письмо, однако потерпели неудачу. Слоговое монгольское письмо было во много раз проще словесно-слоговой письменности чжурчжэней. При минском императоре Ин-цзуне (1457–1465) чжурчжэньские начальники караулов обратились к китайскому двору с письмом, в котором сообщали: «Для тех, что не знает чжурчжэньской письменности, просим с этого времени писать указы татарским (т. е. монгольским. — *Е. К.*) письмом» [272, с. 134].

В течение XV в. чжурчжэньское письмо вышло из употребления и было заменено монгольским. Вся переписка между правителями Цзяньчжоу, Китаем и Кореей велась на монгольском языке, родственном чжурчжэньскому (маньчжурскому). Нурхаци знал монгольский язык и письмо и в достаточной мере письмо китайское. Указы государя в формировавшемся маньчжурском государстве писались по-монгольски. Создалась несколько затруднительная ситуация — чжурчжэни (маньчжуры) говорили по-чжурчжэньски, а писали монгольским письмом на монгольском языке. В 1599 г. Нурхаци поручил двум ученым писцам (бакши), Эрдэну и Гэгаю, приспособить монгольское письмо к маньчжурскому языку. Усилиями этих двух ученых было создано старое маньчжурское письмо, которое при Хуантайцзи усовершенствовал Дахай.

Принимая послов, Нурхаци официально начинает именовать свое владение государством. Корейскому послу он говорил: «Два государства, ваше государство Корея и мое государство чжурчжэньское» [272, с. 154].

В 1601 г. началось введение военно-административной системы управления ниру-гуса. Система ниру (ниру по-маньчжурски «большая стрела») была заимствована из практики облавной охоты у чжурчжэней, введена Нурхаци в 1601 г. официально, хотя первые упоминания о ниру относятся к 1584 г. «В 1601 г. Тай-цзу из каждых 300 человек собранного им народа и войска создал ниру и передал в подчинение эчжэну. До этого, когда маньчжуры выступали на охоту и назначали начальников, людей, независимо от их числа, распределяли по родам или месту жительства в укрепленных поселениях гашань. Каждому охотнику давали одну стрелу. Из каждых десяти человек одного ставили старшим, он руководил девятью подчиненными ему людьми. Таких старших называли ниру эчжэн (начальники больших стрел). Отсюда и пошло наименование чина ниру эчжэн».

Позже в маньчжурском государстве стрела стала символом управления отдельным районом. Среди «новых маньчжуров» (см. о них ниже) и дауров патент на такую должность именовался «бошоро ниру темгету битхе» (кит. ши гуань цзолин чжичжао) [335, с. 36–102]. Таким образом, командир роты, ниру эчжэн, первоначально был десятником, руководителем десятка людей во время большой облавной охоты. Му Чуань полагает, что стрела, которая давалась каждому при начале облавной охоты, являлась свидетельством участия в ней и удостоверением на получение доли из добытого на охоте [211, с. 98, 99]. По данным Чэнь Вэньши, на стреле, которую имел каждый участник облавной охоты, было вырезано имя ее владельца. Стрела служила не только для дележа добычи и выдачи наград, но и для определения наказаний провинившимся [261, с. 18]. У чжурчжэней стрела ранее выполняла функции удостоверяющего документа, служила знаком-сигналом сбора войск. И в первые годы правления Нурхаци существовала практика, «посылая стрелу, просить войска». Просьба постепенно переросла в приказ, известны упоминания «стрел-приказов» (лин-цянь); это выражение встречается в старой маньчжурской хронике «Мань вэнь лао дан». Стрела употреблялась также как извещение о прибытии на рынок для торговли лошадьми [211, с. 98, 99].

Ниру стала основной воинской единицей в армии маньчжуров. Одновременно она была и основной административной единицей распределения населения маньчжурского государства, а также объединения для хозяйственно-производственной деятельности включенных в ниру

людей. Как воинская единица ниру должна была иметь 300 здоровых совершеннолетних мужчин, военнообязанных — хаха. Одновременно хаха являлись земледельцами и пастухами. Хуантайцзи, сравнивая китайские войска Мин и маньчжурские, говорил: «Простые люди в государстве Мин сами заботятся о средствах к существованию. Войска, будучи за границей, совершенно лишены семьи, хозяйства и существуют лишь на деньги и продовольствие, получаемое от казны. В моем же государстве люди, когда они выступают в поход, становятся солдатами, а когда возвращаются, становятся обычными людьми, они пашут землю и воюют, делают два дела и никогда не пренебрегают хоть одним из них» [179, цз. 13, с. 21б–22а].

До завоевания Китая военнообязанными у маньчжуров считались мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Часто возраст, а точнее рост, определялся палкой в 5 чи (160 см), и доросших до ее размеров считали годными для службы [262, с. 242, 243]. Позже военнообязанным и тягловым (дин) считался мужчина с 18 лет.

Первоначально численность ниру была непостоянной. В 1610 г. Нурхаци подчинились 19 поселений-воцзи Восточного моря (побережья Японского моря). В их числе совершеннолетних было более тысячи. Из этих воцзи образовали шесть ниру, в этих ниру имелся очевидный некомплект военнообязанных. Шесть из 19 глав поселений стали ниру эчжэн. В «Цин ши гао» рассказывается об образовании ниру. Предки некоего Бадули «из поколения в поколение жили в Тунцзя и наименование этой местности взяли своей фамилией. В начале лет правления Тянь-мин Бадули вместе со своим младшим братом Мэнату пришел и покорился. Тай-цзу приказал занести их подданных в списки и образовать две ниру и повелел старшему и младшему брату раздельно управлять их народом. Их приписали к маньчжурскому белому знамени» [244, цз. 232, с. 13б]. «Предки Калголи из поколения в поколение жили в Намудулу и наименование этой местности сделали своей фамилией. В год гэн-моу Тай-цзу приказал Эйду во главе тысячи человек идти походом на воцзи Восточного моря. Эйду покорил Намудулу, Суйфэнь, Нингута и Нимача — четыре „дороги“. Кангули в то время был главой поселения (туньчжан) „дороги“ Суйфэнь. Со своим младшим братом Какудули и другими туньчжанами — Минаньту Баянь, Саайхулча, Илачжень… и другими 19 людьми во главе своих совершеннолетних подданных числом более тысячи покорились. Тай-цзу устроил для них пир, пожаловал им золото, поделил их людей и образовал шесть ниру и приказал быть ниру эчжэн» (далее идет перечень имен) [244, цз. 233, с. 4б].

Списки населения в ниру уточнялись по китайскому образцу раз в три года — учитывались вновь родившиеся, умершие, беглые, произо-

шедший раздел семей, смена места жительства, привлечение на службу, наличие или отсутствие воинского снаряжения. В каждой ниру воины составляли примерно треть ее численности.

Ниру создавались из кланов (мукунь) и поселений (гашань). Бывшие глава клана (мукуньда) и правитель поселения (гашаньда) становились ниру эчжэн — чиновниками, администраторами и офицерами формировавшегося маньчжурского государства. Процесс образования ниру лапидарно описан в «Цин ши гао»: «В первые годы правления Тайцзу, когда поднимали войска, то обязанных службой и тех, кто подчинились, заносили в списки и составляли из них ниру. Назначали ниру эчжэн командовать таким отрядом» [244, цз. 232, с. 13б–14а]. Были ниру, составленные из людей разной этнической принадлежности. Хотя ниру формировались по числу военнообязанных, учет в них велся по дворам. Люди из одного ниру обязательно жили вместе. Воины в мирное время не имели права покидать свои ниру. По подсчетам Чэнь Вэньши, из 265 первых ниру 97 были созданы из сородичей, людей, проживавших на одной территории и принадлежавших к одному клану, их эчжэни также были их сородичами. 31 ниру была сформирована из людей, проживавших на одной территории, но не принадлежавших к одному и тому же клану. Их эчжэни являлись для них их земляками. 37 ниру были из жителей одной территории, но их эчжэни происходили из другой местности и не были связаны с ними ни родством, ни территориально. Члены 11 ниру не были связаны ни родством, ни территориально. Чэнь Вэньши делает вывод, что на первом этапе преобладали ниру, созданные на основе племенных, кровнородственных связей [261, с. 28].

Известно, что еще с 1589 г. Нурхаци «среди своих стал титуловаться ваном» [272, с. 154]. В 1596 г. он принял титул «Государь государства чжурчжэней караула Цзяньчжоу, покоритель иноземцев». Он считал свое государство равным корейскому и объявил корейским послам об этом. В 1603 г. Нурхаци перенес столицу из Фэйала в Хэтуала (кит. Синцзин, современный Синьбинлаочэн, пров. Ляодун, КНР). В это время в переписке он именует свое государство «государством Цзяньчжоу», а себя титулует «ваном государства Цзяньчжоу и других местностей».

Росту маньчжурской государственности способствовали союз с восточными монголами и признание последними власти Нурхаци. В 1606 г. монголы поднесли Нурхаци титул кундэлэн хана («почитаемого императора»), равный в китайской интерпретации шэнь у хуанди («император мудрый и воинственный»). По-маньчжурски в эти годы Нурхаци титуловался сура бэйлэ или сурэ хан («мудрый хан»). Идеологи молодого и ощущающего свою силу маньчжурского государства, утверждая

права своего правителя на государство и ханский престол и намекая на упадок Мин, широко пропагандировали идею о правителях, один из которых «из малого стал великим», а другой «из великого стал ничтожным». Сподвижниками Нурхаци на первых порах его деятельности были его младший брат Шурхаци и старший сын Чуин. Чуин-бэйлэ, имевший титулы «хунбатур» (богатырь) и «архату тумэн» («человек широких замыслов»), до 1610 г. являлся вторым лицом в государстве маньчжуров после Нурхаци. Престиж члена правящего клана в то время определялся правом отдавать приказы. Во владениях маньчжуров приказы рассылались трем мукуням, 37 татаням (округам) и 371 «дороге» (провинции). Каждый татань ведал 10 «дорогами». Нурхаци отдавал приказы одному мукуню, четырем татаням и 40 «дорогам». И Чуин отдавал приказы одному мукуню, четырем татаням и 40 «дорогам». Шурхаци отдавал приказы одному мукуню, трем татаням и 26 «дорогам». Прочие «дороги» и татани были отданы остальным сыновьям Нурхаци и его племянникам [264, с. 296]. После 1610 г. сведения о Чуине исчезают из хроник, а в 1615 г. он внезапно умер в возрасте 36 лет в тюрьме.

Важным этапом в становлении маньчжурского государства стал 1615 г. В этом году была окончательно сформирована система знамен, завершившая социально-структурное и административное формирование маньчжурского государства. Каждые 300 человек возглавлял ниру эчжэн, каждые пять ниру — чжала эчжэн, над каждыми пятью чжала эчжэн стоял гуса эчжэн. При каждом гуса эчжэн было два заместителя — мэйлэ эчжэн. В дополнение к первоначальным четырем знаменам — желтому, красному, голубому, белому — создали еще четыре знамени, предложив в дополнение к цвету знамени сделать к ним кайму. Так получилось восемь знамен. Кайма у желтого, белого и голубого знамени была красной, у красного знамени — белой.

В конце 1615 г. были созданы судебные органы государства. «Стало правилом, что восемь великих сановников (да чэнь) и сорок чиновников, решавших дела, не употребляя вина, мяса и рыбы, не требуя золота и денег, каждые пять дней собирали всех бэйлэ, всех великих сановников и в ямыне (присутственном месте) обсуждали истинное и ложное в делах, справедливо выносили приговоры». Суды были введены одновременно с системой восьми знамен. В каждом знамени имелся орган суда, состоявший из бэйлэ знамени и пяти чиновников, решавших дела. Этот суд, как и суд верховный, о котором шла речь выше, собирался раз в пять дней [203, с. 29].

В 1616 г. Нурхаци официально принял титул хана. Весной этого года четверо великих бэйлэ — Дайшань, Амин, Мангуртай и Хуантайцзи и бэйлэ — великие сановники восьми знамен, возглавив своих подчинен-

ных, собрались перед дворцом и выстроились раздельно по знаменам. Нурхаци поднялся к императорскому трону. Все бэйлэ и подданные встали на колени. Восемь великих сановников вышли из рядов и, опустившись на колени, подали Нурхаци свидетельство на титул. Приближенный [государя] охранник-гвардеец Адуню и бакши Эрдэни приняли свидетельство на титул. Эрдэни встал на колени перед государем и зачитал текст свидетельства на титул, в котором государь почтительно титуловался «Основавший державу мудрый император». Затем государь воссел на трон, были возжены курения и сделан доклад Небу. Весь штат чинов во главе с бэйлэ совершил три коленопреклонения с девятью поклонами. Император поднялся с императорского трона, и все бэйлэ — великие сановники, каждый с подчиненным ему знаменем, — поздравили его. Был введен первый год девиза царствования — Тянь-мин («Получивший мандат Неба»), и текущий год был объявлен «как первый год девиза царствования Тянь-мин». Государство получило наименование Хоу Цзинь — Позднее Цзинь, точнее, Второе Цзинь после первого государства чжурчжэней.

По корейским свидетельствам, на печати Нурхаци-императора имелся такой текст: «Печать императора [государства] Позднее Цзинь, [правящего под девизом царствования] Тянь-мин». По-маньчжурски титул Нурхаци звучал как амба генг-гиен хан и значил «Великий и мудрый хан». Маньчжурские слова «генг-гиен» сопоставимы с монгольским «гэгэн» (светлый, яркий). Монгольское «гэгэн» являлось «именем, которое давалось при посвящении в веру». Таким образом, как полагает американский историк Самуэль Группер, в ханском титуле Нурхаци слова «генг-гиен» могли означать посвящение его в буддийскую веру [308, с. 64–65].

Китайские пограничные чиновники докладывали минскому двору: «Правитель Ну узурпировал титул, назвался ханом государства Хоу Цзинь, объявил девиз царствования Тянь-мин. Китай называет Южной династией. Надел желтые одежды. О себе говорит: „Мы, государь“» [272, с. 158]. В хронике династии Мин записано: «Самоуправно осмелился основать государство, сменил девиз царствования, зовется государем» [272, с. 158]. Современный китайский историк Ян Чуннянь полагает, что поскольку в «Мань вэнь лао дан» нет записи о введении девиза царствования Тянь-мин с 1616 г. и наименовании государства Хоу Цзинь, то в 1616 г. ни девиз царствования, ни новое наименование государства еще активно не употреблялись. В широкий обиход они вошли с 1619 г., после победы маньчжуров над китайцами в битве при Сарху [272, с. 158]. Это соответствует и записи в минской хронике, где слова «сменил девиз правления» помещены под 1619 г. [272, с. 158].

Есть мнение, что наименование государства маньчжуров «Да Цзинь го» появляется в источниках только в 1621 г., а не в 1616 г. В этом году Нурхаци стал титуловаться ханом, но государство свое не именовал Хоу Цзинь и девиза царствования не объявлял. В 1618 г. Нурхаци еще титулуется «ханом государства Цзяньчжоу». В 1619 г. впервые в источниках появляются его девиз царствования Тянь-мин и наименование государства Хоу Цзинь, в 1621 г. — Да Цзинь [243, с. 105, 106]. Вероятно, этот вопрос требует дополнительного исследования, особенно с учетом различного употребления наименования государства в переписке с Китаем и внутри страны.

К 1616 г. сложилась следующая структура государственных органов управления в государстве маньчжуров. Император правил как представитель правящего рода Айсинь Гиоро, его братья, сыновья и племянники, бэйлэ (князья) составляли совет при нем и его опору, занимая высшие должности в государстве. К этому году уже сложился институт «четырех великих бэйлэ» (хошой бэйлэ; хошо — «четыре угла», как уже говорилось: юго-восток, северо-восток, юго-запад и северо-запад). Это были командующие четырех первоначальных знамен. Когда знамен стало восемь, восемь бэйлэ стали именоваться хошой бэйлэ или гуса бэйлэ, но четыре великих бэйлэ (первоначально это сам Нурхаци, Шурхаци, Чуин и Дайшань, затем — Дайшань, Амин, Мангуртай и Хуантайцзи) сохранили свое особое и более высокое при государе положение, составляя «четыре великих опоры» ранних лет маньчжурского государства.

Желтое знамя и желтое знамя с каймой возглавлял лично Нурхаци. Дайшань, имевший титул «гуинбатур», был главой обоих красных знамен. Чуин, имевший титул «хунбатур», командовал белым знаменем. После реформ 1616 г. оба белых знамени возглавил Хуантайцзи (Абахай). Голубыми знаменами первоначально командовал Шурхаци. В 1611 г. Шурхаци умер. Его преемником стал Амин, возглавивший оба голубых знамени.

Центральным исполнительным органом власти в годы правления Нурхаци были пять джаргучи, или пять великих сановников, — Эйду, Фэйиндун, Дархансн, Хэхэли, Аньфэйянгу. С 1621 г. четыре великих бэйлэ помесячно исполняли обязанности главы правительства [329, с. 86]. После овладения Мукденом (современный г. Шэньян) в 1621 г. Нурхаци приказал бэйлэ и пяти джаргучи раз в пять дней собираться в судебном ямыне и проводить разбирательство тяжб. Система суда именовалась «система трех этапов» или «троекратная система». Было установлено, что восемь бэйлэ и восемь стоящих ниже их великих сановников, а также стоящие еще ниже «все сановники» собираются раз в пять дней в ханской ставке, в судебном ямыне. Возжигались курения Небу,

и совершались ему поклонения (коу тоу). После чего, разделившись на «три ступени», высшие чины государства вершили суд. Лю Шичжэ полагает, что «три ступени» суда — это прохождение дел от «всех сановников» к восьми высшим сановникам и от восьми высших сановников к восьми бэйлэ. В 1622 г. порядок прохождения дел был уточнен. Дело вначале решалось начальником крепости, городка, представителем местной власти, затем оно поступало при необходимости к чиновникам, именовавшимся по-китайски цань-цзян, или юйцзи, и уже только после этого в случае нужды пересылалось в верховный столичный суд. Окончательный приговор чаще всего выносили восемь бэйлэ и только об особо тяжких преступлениях докладывали хану. С 1622 г. наряду с восемью высшими сановниками-маньчжурами появились восемь высших сановников-монголов и восемь высших сановников-китайцев.

Сохранились некоторые ранние маньчжурские законы. Так, с момента выступления в поход воины не имели права без причины покидать свои ниру и знамена, виновных казнили, а командир ниру вносил штраф лошадьми. Захваченные в походе добыча и пленные должны были свозиться в столицу и подлежали там разделу. Нарушивших закон и присвоивших пленных или трофейное имущество подвергали штрафу либо казнили [203, с. 31]. Не могли люди беспричинно покидать и свои поселения. Беглых обычно казнили, по закону от 1626 г. «каждый пойманный беглый, если он уже покинул семью, подлежит смерти» [203, с. 32].

Любопытны законы о торговле. Лавки должны были быть зарегистрированы властями, имя хозяина лавки вырезалось на камне или доске, которые выставлялись или подвешивались при входе в лавку. Власти выдавали удостоверение на право торговать, с торгового оборота взимался налог в размере одной монеты с ляна. Власти же устанавливали цены на некоторые товары, например на пригоняемый монголами на продажу скот. Ремесленникам, изготовлявшим оружие, в том числе и китайцам, разрешалось продавать его только маньчжурам и запрещалось продавать китайцам. Бэйлэ, нарушивший время явки на аудиенцию к хану, вносил штраф бараном, прочие служилые люди за это наказывались денежными штрафами, а нечиновники и невоенные — пятью ударами плетью. За кражи отрезали уши, нос или предавали смерти. Поднявший руку на родственника хана подлежал смерти. За драки карали смертной казнью, битьем плетьми, штрафами и выплатой компенсаций. Все это — в зависимости от их исхода и социального статуса подравшихся, состояния родства между ними или использования и неиспользования в драке оружия. За чрезмерное пьянство штрафовали. Со знатного человека брали лошадь, с людей «среднего состояния» — быка, с людей «низкого состояния» — овцу [203, с. 31–35]. Лю Шичжэ

полагает, что вопреки сообщению «Цин чао вэньсянь тун као» о том, что «в начальный период существования государства не составляли книг законов» [249, с. 66, 67], такие книги с текстами законов существовали [203, с. 36].

В 1636 г., уже следуя нормам китайского права, Хуантайцзи, преемник Нурхаци, запретил близким родственникам доносить друг на друга. Отныне сын на отца, жена на мужа, брат на брата могли доносить только в том случае, если дело касалось мятежа или измены, побега или проявления непочтения к хану и бэйлэ. Еще ранее, в 1630 г., также под влиянием китайского права был запрещен обычай левирата и вступления в брак между людьми, принадлежавшими к одному роду [266, с. 119].

В армии Нурхаци ввел систему наград и наказаний. «Государство, — поучал Нурхаци, — должно наградами поощрять преданность и наказанием устрашать... Если кто имеет заслуги, пусть он презираем до отвращения, возвысь его наградой, незамедлительно сделай богатым и знатным. Если кто-то совершил преступление, пусть он знатен до того, что твой родственник, непременно казни его» [260, с. 64].

Все маньчжуры носили зимой шубы, на голове — меховые шапки, сапоги (ула) желтого или черного цвета. Дорогой считалась одежда из хлопчатобумажных тканей, холста и шелка. В 1623 г. Нурхаци ввел различие в одежде для служилых и неслужилых людей, т. е. форменное платье для своих сановников и чиновников. Великие сановники обязаны были носить жалуемые ханом пояса, летние шапки с «золотой» макушкой и «хорошую» одежду. Различие в ранге определялось по макушке шапки. Теплая верхняя одежда знати должна была быть синего и голубого цвета, неслужилой знати запрещалось носить одежды из шелка [197, с. 71].

Весной пять великих сановников разъезжались на места наблюдать за сельскохозяйственными работами. П. Коррадини была высказана мысль, что гражданская администрация — пять великих сановников и десять джаргучи непосредственно хану не подчинялись, а подчинялись совету бэйлэ. Они находились вне знаменной организации. Дела готовились и решались поэтапно — от джаргучи к великим сановникам, от великих сановников к бэйлэ. Бэйлэ же командовали войсками, имели военную власть, они одни могли обращаться прямо к хану [283, с. 134, 135]. По первоначальному замыслу Нурхаци, отраженному в документе, именуемом по-китайски «хан-юй» (указ хана), появившемся после 1622 г., организация высших органов власти должна быть такова: восемь бэйлэ совместно решают дела. Они назначают восемь великих сановников-маньчжуров, восемь великих сановников-монголов и восемь

великих сановников-китайцев. Каждому из этих великих сановников подчинены по восемь чиновников-исполнителей, также соответственно маньчжуров, монголов и китайцев. Дела от чиновников-исполнителей должны были поступать к великим сановникам, а от великих сановников — к восьми бэйлэ для окончательного решения. Хан решает дела с восемью бэйлэ. Восемь бэйлэ выбирают нового хана, если преемник не будет назван прежним ханом. Эта модель подтверждает точку зрения П. Коррадини, но полагают, что последовательно она не проводилась в жизнь [272, с. 290].

Главой знамени являлся гуса эчжэн (поздний китайский эквивалент этого чина — датун). В идеале знамя состояло из 25 ниру, хотя имеются мнения, что в знамени было 30 ниру. Пять ниру объединялись в джала, пять джала — в знамя. У главы знамени были два помощника — левый мэлэ эчжэн и правый мэлэ эчжэн. Как мы уже говорили, главой пяти ниру являлся джала эчжэн. Если термин «ниру» условно переводят как «рота», то термин «джала», объединение пяти ниру, — как «полк». При каждом знамени имелась канцелярия, ведущая делопроизводство знамени. Ниру делились на четыре татань [258, с. 201]. К сожалению, о татань, военно-административной единице, меньшей, чем ниру, ничего не известно. В государстве имелись еще киру — «маленькие знамена» во главе с киру эчжэн. Полагают, что «маленькое знамя» киру было даже меньше роты-ниру [258, с. 201]. Главы селений и кланов, подчиненных ниру, именовались бошику.

В 1620 г. маньчжурские воинские чины были дополнены китайскими. Это были чины цзунбингуань (управитель всех военных дел), фуцзян (заместитель генерала), бэйюй («всегда готовый к обороне»). Чин бэйюй стали получать ниру эчжэны. Эти чины были в 1634 г. отменены [135, с. 116].

Возможно, в первые десять лет существования системы ниру большинство мужчин ниру, если не всех, призывали на военную службу. Но при Хуантайцзи твердо установили, что из трех взрослых здоровых мужчин на военную службу забирают только одного. «В каждой ниру из трех маньчжуров одному разрешается надевать доспехи. Нормой является 60 человек. Независимо от того, сколько людей в этих [ниру], на службу в армию забирают одного человека из трех» [179, цз. 29, с. 13]. Позже каждая ниру выставляла отряд примерно в 130 человек, в котором кроме ниру эчжэна было пять его помощников, 17 солдат охранения, 20 конных латников, 80 пехотинцев, кузнец, мастер-лучник и снабженцы [262, с. 250].

Предметом спора, в принципе не решенного, является вопрос о том, трудились ли воины на земле. Большинство исследователей, исходя из

того соображения, что ниру были военно-административными и хозяйственными ячейками государства, отвечают на этот вопрос положительно. Однако Ма Фэньчэнь полагает, что воины, возвратясь домой в свои ниру, землю не пахали, а прежде всего были заняты приведением в порядок воинского снаряжения и коней [207, с. 33, 38, 46]. Работали те, кого не призывали в армию («оставшиеся обязанные» — юй дин), и рабы.

Ниру делились на внешние и внутренние. Внешние ниру состояли из казенных семей и несли повинности в пользу государства. Внутренние (боой) ниру несли повинности в пользу частных лиц (бэйлэ, великих сановников и т. д.). Положение людей в боой ниру было более тяжелым, эти ниру как раз формировались прежде всего из военнопленных, хозяин ниру распоряжался распределением повинностей между людьми из принадлежащей ему ниру, их трудом, расселением, вступлением в браки [261, ч. 1, с. 14].

Знаменные делились также на линху, или чжэнху («особые», «подлинные», «чистые» семьи), и на кайху («вновь созданные» семьи). Кайху — это семьи, создававшиеся из отпущенных на волю рабов, которые принадлежали ранее «чистым» семьям. Кайху получали волю за военные заслуги перед хозяином (например, раб, сопровождавший хозяина в походе, пал в бою, защищая хозяина, который за заслуги этого раба отпускал на волю его сыновей или братьев) или перед государством (например, если раб первым поднялся на стену вражеского города, государство давало такому рабу свободу, выкупив его у хозяина). Кайху могли стать рабы, оставшиеся по тем или иным причинам без хозяина, наконец, в кайху записывали людей, оказавшихся 'почему-либо вне всякого учета, людей «бесхозных». Хотя кайху не являлись рабами, их социальный статус был ниже статуса людей из «чистых» дворов «по той причине, что они ранее были занесены в списки презираемых» [262, с. 246–247, 251].

В 1626 г. Нурхаци умер. Он не успел или не захотел назначить преемника. Соперничество за престол развернулось между Дайшанем и Хуантайцзи, который при Нурхаци последнее время вел корейские дела. Ханом, как мы уже говорили, стал Хуантайцзи (Абахай). Еще при жизни Нурхаци отдал большую часть своих ниру сыновьям Ацзиге, Доргоню и Додо, каждому по 15 ниру желтого знамени. Хуантайцзи добавил Додо еще 15 ниру, у которого их стало 30, и назначил Додо главой белого знамени. Ацзиге стал главой белого знамени с каймой. Доргонь знамени не получил и остался бэйлэ без знамени, участвующим в обсуждении дел правления. Эти мероприятия подняли значение в стране белых знамен. Через несколько лет, отстранив от власти Амина, Хуан-

тайцзи отдал оба голубых знамени Цзиргалану. Себе же он взял оба желтых знамени. Затем он отобрал одно голубое знамя у Цзиргалана и из двух желтых знамен и одного голубого создал три особых, или главных, знамени, именовавшихся иногда верхними [198, с. 160].

В русской и европейской литературе Хуантайцзи известен более под именем Абахай. Не столь давно итальянский маньчжуровед Джованни Стари предположил, что такого имени у Хуантайцзи не было, появление его — ошибка, допущенная русским маньчжуроведом и китаеведом Г. В. Горским. Однако американский исследователь С. Группер доказывает, что Хуантайцзи имел имя Абахай. Оно действительно не встречается в маньчжурских и китайских источниках, но это имя производно от монгольского Абагай, почетного имени, которое давалось монархами младшим сыновьям. Этому имени соответствовал монгольский титул «хунтайчжи», от которого и происходит имя Хуантайцзи [308, с. 69].

Мужские потомки Такэши, отца Нурхаци, имели один из девяти рангов: хошо циньван; доро цзюньван; доро бэйлэ; гуса бэйлэ; чжэньго гун; фуго гун; чжэньго цзянцзюнь; фэньго гун; фэньго цзянцзюнь. Перед вступлением на престол Хуантайцзи пожаловал шести своим сородичам титулы хошо циньванов [187, с. 63–65]. Хуантайцзи стал ханом не по завещанию отца, а был избран своими сородичами. К идее избрания хана, возможно, склонялся еще Нурхаци незадолго до своей кончины [264, с. 299]. Новый хан и его сородичи дали обоюдную клятву: Хуантайцзи обязался не допускать непочтительного отношения к старшим братьям, любить сыновей и младших братьев. Бэйлэ-сородичи обещали преданно служить хану и государству. На общем Совете великих бэйлэ три великих бэйлэ, Дайшань, Амин и Мангуртай, получили право сидеть с ханом как равные. На восьмой день после восшествия на ханский престол Хуантайцзи назначил в каждое знамя командиров и их помощников. Он повелел пяти великим сановникам и десяти джаргучи раз в пять дней являться ко двору. Особую власть в первые годы его правления приобрели пять великих сановников. Они, по словам источника, «смели делать и смели говорить невзирая на лица. Знали только хана и не признавали прочих людей, знали только государство и не признавали семьи» [264, с. 306].

В 1631 г. великий бэйлэ Амин за плохое руководство войсками был лишен своего титула. Это привело к тому, что совместное «сидение четырех великих бэйлэ» (хана и трех бэйлэ, сидящих с ним как равные) было ликвидировано. Если раньше хан принимал чиновников и послов, сидя на троне лицом к югу, и вместе с ним вровень лицом к югу сидели три бэйлэ, то с 1632 г. аудиенции стал давать один хан, и только он сидел лицом к югу.

К числу административных нововведений Хуантайцзи первых лет правления относится учреждение Битхэбао (кит. Вэньгуань) — секретариата. В секретариате велось все делопроизводство государства и осуществлялись переводы документов и нужных книг и бумаг. С 1629 по 1635 г. была составлена хроника правления Нурхаци [130, с. 72]. При Нурхаци запись событий вели его секретари Эрдэни-бакши и Кургань. До 1632 г. все хроники писали только по-маньчжурски. Затем последовал доклад Ян Фансина, в котором говорилось: «Составляя историю государства, все время пользуются только письмом Цзинь и не пользуются китайским. Поскольку хан является государем цзиньцев и ханьцев, то разве о происшедших событиях должны знать только цзиньцы и не должны знать китайцы? Три истории — Ляо, Цзинь и Юань, хранящиеся в архиве-книгохранилище, все написаны по-китайски китайским письмом. Прошу с цзиньского письма переводить на китайский и составлять книги как на цзиньском, так и на китайском языках, чтобы их понимали и цзиньцы, и китайцы» [264, с. 320]. Хроника правления Нурхаци от 1636 г. уже была написана на маньчжурском и китайском языках.

В конце лета 1631 г. Хуантайцзи собрал бэйлэ и сановников и, посоветовавшись с ними, утвердил штат чиновников и создал систему шести министерств. Бэйлэ Доргонь был назначен управляющим делами министерства кадров (чиновников, ли бу), Турчэ стал его заместителем (чэньчжэн) по делам маньчжуров, Маньчжушри — заместителем по делам монголов, Ли Яньгэн — заместителем по делам китайцев, Сони стал тайным советником (цисиньлан). Бэйлэ Дэгэлэй был назначен управляющим делами министерства финансов (ху бу), Ингэрдай, Гиоро Сабихань стали его заместителями, Басыхань — заместителем по делам монголов, У Шоуцзинь — заместителем по делам китайцев, Будань — тайным советником. Бэйлэ Сахалянь был назначен управляющим министерства церемониала (ли бу), Бадули и Цзисунь — его заместителями, Буяньдай — заместителем по делам монголов, Цзинь Юйхэ — заместителем по делам китайцев, Цичунгэ — тайным советником. Бэйлэ Иото получил должность управляющего делами военного министерства (бин бу), Намутай и Екшэ — его заместителей, Суна — заместителя по делам монголов, Цзинь Ли — заместителя по делам китайцев, Мунчэнэ — тайного советника. Бэйлэ Цзиргалан стал управляющим делами министерства наказаний (юстиции, син бу), Чаргэ и Сохай — его заместителями, Дорчжи — заместителем по делам монголов, Гао Хуэйчжун и Мэн Цяофан — заместителями по делам китайцев, Эркэту — тайным советником. Бэйлэ Аба-тай был назначен управляющим делами министерства общественных работ (гун бу), Манъату

и Кангэлэй — его заместителями, Паннукэ — заместителем по делам монголов, Чжу Шуинь — заместителем по делам китайцев, Мяошихунь — тайным советником по делам маньчжуров, Ло Суцзинь и Ма Минпэй — тайными советниками по делам китайцев. В подчинении каждого заместителя имелось восемь делопроизводителей (цань-чжэнов), и только в министерстве общественных работ у заместителей по делам монголов и китайцев — по два. Для всех шести министерств число секретарей (битеши) для ведения дел определялось по потребности. Всем образованным чиновникам был дан титул бакши [179, цз. 14, с. 18а–19б].

Каждое министерство имело свою серебряную печать. Есть сведения, что в качестве нормативных актов, регулировавших деятельность этих министерств, использовалось «Уложение династии Мин» [264, с. 316]. По заключению П. Коррадини, бэйлэ, поставленные во главе министерств, пользовались скорее властью номинальной, а «подлинная административная власть была в руках низших чиновников, назначаемых императором». Он обосновывает свое мнение тем, что в течение уже первого месяца после создания министерств министров-бэйлэ не было в столице и штат чинов формировался без их участия. Включение в штат министерств чиновников — монголов и китайцев еще до создания монгольских и китайских знамен являлось свидетельством признания маньчжурами многонационального характера своего государства [283, с. 137–138]. Несколько позже штат министерства состоял из министра, шиланов (заместителей министра) [314, с. 426, № 5278], тайных советников, или вице-директоров (цисиньлан) [314, с. 136, № 627], секретарей (битеши). Это был типовой штат. Помимо этого, в министерстве кадров имелись еще чэнчжэны (исполнители, администраторы, см.: [314, с. 125, № 460]). В данном министерстве чэнчжэн по своему положению был выше шилана. В министерстве финансов имелось 10 начальников складов (цанчжанов) и 12 управляющих налогообложением (шуйкэчжан).

Становление маньчжурского государства как полиэтнического прошло ряд этапов. Напомним, что в 1621 г. была создана первая монгольская ниру, а в 1622 г. — монгольское знамя. В 1635 г. было организовано восемь знамен из монголов, цвет знамён был тот же, что и у маньчжуров. В 1631 г. создали китайское знамя. Китайская армия называлась учжэн кооха («тяжелые войска»), так как в ней имелось больше всего пушек. Цвет китайского знамени был черный. В 1637 г. Хуантайцзи учредил два китайских знамени, а в 1639 г. — еще два. К 1639 г. имелось четыре китайских знамени: черное, желтое с каймой, белое с каймой и красное с каймой. Наконец, в 1642 г. было объявлено о соз-

дании восьми китайских знамен, и цвет знамен стал тот же, что и восьми знамен маньчжуров. Черное знамя было упразднено. В маньчжурском государстве существовала официальная шкала ценности человека в зависимости от его национальной принадлежности. 10 корейцев ценились меньше одного монгола, а 10 монголов — меньше одного маньчжура [264, с. 315].

В 1633 г. Хуантайцзи сформулировал следующие требования к ниру эчжэн. Глава ниру был обязан: лично осматривать вверенные ему территории; следить за состоянием полей и жилищ своих подчиненных; следить за тем, чтобы поля засевались с учетом особенностей данной местности и плодородия ее почв; следить за состоянием стада быков, которые пахали землю; следить за своевременной вывозкой на поля удобрений; вовремя заменять пахарей одиноких и разорившихся; организовывать сбор налогов и привлечение людей из своей ниру к трудовой повинности; обучать мужчин ниру стрельбе из лука [258, с. 201]. Как мы видим, организация хозяйственной деятельности была поставлена на первый план. До 1636 г. глава ниру лично наказывал и награждал подвластных ему людей. С 1636 г. за ним были оставлены лишь «малые награды» и наказания, а «большие» перешли в ведение министерств.

В 1632 г. в городах ввели должности градоправителей — «чиновников — защитников городов» (чэншоу гуаньюань). Градоправитель служил три года. После трех лет службы его вызывали в Мукден для оценки его деятельности. Градоправитель являлся одновременно и гражданским начальником, и командиром гарнизона [258, с. 202]. По некоторым данным, в 1635 г. официально вместо термина «чжурчжэни» было введено наименование господствующей народности государства маньчжурами [265, с. 104].

Земля в маньчжурском государстве подразделялась на четыре категории: албан (ханские земли); земли бэйлэ и высших чиновников; земли ниру; земли, жалованные маньчжурам и иным лицам, нечиновникам. Таким образом, земли ханские и ниру являлись землями казенными, а земли бэйлэ и чиновников, прочие, жалованные за службу и не за службу, — частными или имели тенденцию стать частными. По указу Нурхаци от 1621 г. один жи (примерно 0,36 га) казенной земли были обязаны обрабатывать трое тяглых. Вероятно, весь доход с этого жи отходил в казну. Кроме этого, каждому тяглому давали 5 жи земли под разные продовольственные культуры и один жи земли под хлопок [272, с. 246]. В 1625 г. установили, что 30 тяглых мужчин и семь быков образуют одно хозяйство (чжуантоу). Хозяйству выделялось 100 жи земли. Урожай с 20 жи изымался на казенные нужды, прочий шел на личное потребление тяглых и членов их семей [263, с. 321]. 20 тяглых

кормили одного казенного быка и одну казенную лошадь. Было также положено с каждой ниру, с 300 тяглых, брать 200 ху зерна, из которых 100 отправлялось в столицу, в г. Мукден, а 100 ху — на склады зерна в г. Хайчжоу [263, с. 321].

Бэйлэ имели поместья. Те из них, кто возглавляли министерства, первое время не посещали ямыня и часто вели дела, сидя дома. Известен императорский указ, в котором говорилось: «Сановникам-конфуцианцам Секретариата, маньчжурам и китайцам шести министерств, а также тайным советникам — цисинь ланам ходить в присутствие, где приказано сидеть в соответствии с чином... Известно, что ныне большинство бэйлэ ведут дела у себя дома. Зачем тогда устраивали ямынь?»

До 1631 г. знаменные войска выступали в поход во главе с ханом. Естественно, что хан являлся главнокомандующим, а если он в походе лично не участвовал, то главнокомандующего не назначали. Все дела совместно решали участвующие в походе бэйлэ. С 1631 г. в каждом походе, в котором он не участвовал сам, Хуантайцзи стал назначать главнокомандующего, лично ответственного за успех или неудачу похода. В 1634 г. Хуантайцзи ввел в армии деление по родам войск: конница, пехота, войска боевого охранения (авангарда), артиллерия, охранные войска, пограничные, вспомогательные. Кроме этого, существовали отряды, именуемые баяра, — личные войска хана и бэйлэ. Первый артиллерийский дивизион маньчжурской армии был сформирован из китайцев и корейцев. Использование артиллерии привело к изменению тактики боя. С 1631 г. маньчжурские войска штурмовали города Мин только после артиллерийской подготовки. Монгольские войска были поделены на армии правого и левого крыла.

Совершив успешный поход на чахаров и заполучив печать императоров юаньской династии (так называемую печать Чингисхана), заключив клятвенный союз с восточными монголами, Хуантайцзи решил принять титул императора (хуанди). 78 знатных маньчжуров, подчинившиеся монголы, китайцы, пав на колени, троекратно просили Хуантайцзи стать не ханом, а императором. Были поданы три просьбы: на маньчжурском языке — Догонем, на монгольском — тушэту-джинонгом Бадиром, на китайском — командующим китайской армией Кун Юдэ. 14 мая 1636 г. состоялась торжественная церемония принятия императорского титула. Хуантайцзи принял титул «Щедрого и ласкового, человеколюбивого и священномудрого императора». Свою династию он назвал Дай Цин («Великая чистота», «Непорочность»)[1] и сменил девиз

[1] С. Группер полагает, что наименование династии можно толковать и как тибетское «дайчин», тибетскую транскрипцию «да чэнь» (махаяна) [308, с. 69].

царствования Тянь-цун («Чуткий, внимательный к повелениям Неба») на Чун-дэ («Накопленная благая сила дэ») [179, цз. 21, с. 13а–20б].

По восшествии на императорский престол в том же 1636 г. Хуантайцзи учредил орган контрольной власти — Дучаюань. Это управление следило за работой чиновников шести министерств и властей на местах, в ниру, боролось с фактами их безнравственного поведения (пьянство, разврат), взяточничеством, несправедливостью. Чиновники Дучаюань выявляли также случаи выражения непочтения к правящей династии, нарушения в ношении предписанной формы одежды и головных уборов. Как и Юйшитай в Китае, по образцу которого Дучаюань был создан, он имел право контроля за судебной деятельностью местных властей. В том же 1636 г. секретариат Вэньгуань преобразовали в три канцелярских ведомства, три канцелярии по ведению внутридворцовых дел (нэйсаньюань). В их число вошли: 1) Нэйгоюань — внутридворцовая канцелярия государственных дел, ведавшая повседневной записью деяний императора, военными делами, составлением текстов молений и докладов в храме Неба, официальных поздравлений и памятных надписей. Эта же канцелярия вела всю секретную документацию, оформляла документы аттестации и перемещения чиновников по службе, ведала выдачей печатей; 2) Нэймимишуюань — внутридворцовая канцелярия, секретариат в собственном смысле слова. Эта канцелярия вела дипломатическую переписку, рассматривала доклады местных управлений, ямыней, ведала составлением указов императора, его распоряжений, отдаваемых гражданским и военным чиновником; 3) Нэйхунвэньюань — канцелярия составления пространных (обширных) записей. Она занималась комментированием и оценкой текущих событий и событий прошлого и представляла свои заключения императору. Эта же канцелярия руководила образованием великих князей.

В 1638 г. был изменен штат министерств. В каждом министерстве отныне имелись следующие должности: бэйлэ (министр); чэнчжэн — заместитель министра, один; левый и правый цаньчжэн, «тот, кто принимает участие в управлении» [314, с. 517, № 6888], число их колебалось от четырех до шести в каждом министерстве; лишигуань — администратор [314, с. 307, № 3640], управляющий делами, их численность в разных министерствах была от четырех до девяти; фулишигуань — заместитель администратора, управляющего делами, их было от шести до шестнадцати в разных министерствах; цисиньлан — тайные советники, их число было сокращено до трех в каждом министерстве, один из цисиньланов был обязательно маньчжур, двое — китайцы; чжуши — секретари [314, с. 183, № 1420], по два человека в каждом министерстве. Число чиновников после реформы 1638 г. возросло со 132 до 179 [264, с. 319].

Министрами-бэйлэ и заместителями министров — чэнчжэнами могли быть только маньчжуры, на эти должности не назначались ни монголы, ни китайцы. В делопроизводстве использовались два языка, маньчжурский и китайский, монгольский язык не употреблялся. Должность цисиньлана занимали также или маньчжуры, или китайцы, монголов на эту должность не назначали. Это отражало общую тенденцию упадка роли монголов в маньчжурском государстве после завоевания Чахарского ханства маньчжурами и увеличения роли китайцев. По подсчетам Чэнь Вэньши, среди высших чиновников маньчжурского государства после 1638 г. было 59% маньчжуров, 27% китайцев и 13% монголов [264, с. 319]. Еще до 1638 г. в администрации маньчжурского государства существовало особое управление монголами (Мэнгу ямынь). В 1638 г. оно было преобразовано в Лифаньюань — управление чужеземцами.

Нурхаци незадолго до смерти ввел в администрации знамени должность учителя (бакши). Бакши учил знаменных грамоте. Хуантайцзи приказал учить грамоте мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет — детей руководителей ниру и старших начальников. Это были будущие кадры чиновников и военачальников. В 1629 г. ввели экзаменационную систему, позаимствованную из Китая. Экзамены стали сдавать маньчжуры, монголы, а также китайцы, в том числе конфуцианцы. На экзаменах 1634 г. помимо лиц, экзаменовавшихся на родном языке, были и маньчжуры, которые экзаменовались по китайской словесности, и китайцы, которые экзаменовались по словесности маньчжурской. К 1629 г. относится первый указ Хуантайцзи о переводе китайских книг на маньчжурский язык. Дахаю, Суркэю Гушиахуану, Тобчи поручили перевод минского свода законов «Да Мин хуэйдянь».

После создания шести министерств, когда в ходе их деятельности выяснилось, что минские законы не всегда подходят для придания правовой основы высшим исполнительным органам государственной власти, была, что и естественно, выдвинута идея о создании собственного корпуса цинских законов. Для этой цели были заказаны переводы из китайских классических книг и исторических сочинений. В 1635 г. появился приказ о переводе на маньчжурский язык истории династий Ляо, Цзинь, Сун и Юань. Книги для перевода были получены из Кореи. Одновременно делались переводы из истории династии Тан, предшественницы киданьской династии Ляо, и танского свода правил, регулировавшего деятельность шести министерств — «Тан лю дянь».

Буддизм проник к маньчжурскому двору еще при Нурхаци. Регион был знаком с ним уже более тысячелетия. После 1615 г. маньчжурами было построено семь больших буддийских храмов [197, с. 70]. Судя по

стеле с надписями на маньчжурском и китайском языках, установленной в 1630 г. в г. Ляоян, до 1621 г. Нурхаци назначил ламу Олуг Дархан Нангсо наставником буддийского учения в маньчжурском государстве: «Как только лама прибыл к нашему народу, он встретился с императором Тай-цзу, который почитал его ритуалы и уважал его». Возможно, уже тогда между вероучителем секты гелугпа и маньчжурским ханом установились традиционные отношения «лама и его покровитель» [308, с. 51, 61, 63]. В маньчжурском тексте надписи лама Олуг Дархан Нангсо титулуется как «лама народа Айсинь». В окрестностях Ляояна был выстроен монастырь Ляньхуасы, которому хан пожаловал земли и людей. Известна тибетская идея о том, что существа в мире людей, в том числе и императоры, могут являться живыми воплощениями бодхисаттв (спрул-ску). Так, Бутон в «Истории буддизма» в Тибете объявил бодхисаттвами трех первых королей Тибета. При правлении Хубилая эта идея проникла в Китай. В надписи на воротах Цзюйюнгуань Хубилай именуется императором-бодхисаттвой.

По мнению Д. Фарквара, «нет никаких свидетельств того, что буддизм любого толка был самой значимой религией среди ранних маньчжуров» [292, с. 20] при Нурхаци и Хуантайцзи, несмотря на их покровительство буддизму. В 1636 г. Хуантайцзи даже назвал буддизм «учением глупым и фальшивым», к которому так страстно привержены монголы, что и привело их к упадку [292, с. 20]. Чтобы не терять воинов-монголов, маньчжуры издали закон, запрещающий монголу без разрешения властей становиться ламой и тем самым уклоняться от воинской повинности. Это не мешало властям строить монастыри и оказывать покровительство монахам. Хуантайцзи любил повторять: «Мои маньчжуры и монголы — изначально одно государство», «из тех, кто придет и покорится, ни один не будет оставлен без милостей» [230, цз. 9, с. 24]. Хорошо известно, что Хуантайцзи запрещал во время походов разрушать и грабить храмы. И Нурхаци и Хуантайцзи были объявлены перевоплощением бодхисаттвы Маньчжушри и широко пользовались этим в своей политике в отношении монголов и Тибета [292, с. 34].

В 1630 г. в соответствии с китайской традицией специальным указом Хуантайцзи запретил частное, без позволения государства строительство храмов. Мотивировка этого акта была тоже чисто китайская: «Недостойные люди, желая избежать уплаты налогов и выполнения работ по трудовой повинности, в большом числе, одни, возглавив других, становятся монахами»! Было предложено тщательно проверить число лам, пандитов и хэшанов, которые жили в столичном монастыре Цинчжэнсы. Тех, кто ложно присвоил себе монашеское звание и нарушил

монашеский устав, предписывалось возвращать в миряне. Монахам не разрешалось нищенствовать. Даосским монахам и различным гадателям из числа маньчжуров, монголов, китайцев запрещалось вводить в заблуждение народ под страхом наказания вплоть до смертной казни [172, цз. 15, с. 25а–26а]. Простой народ во время жертвоприношений не должен был приносить в жертву коней, быков, коров, ослов и мулов [197, с. 71].

В 1635 г. Хуантайцзи основал храм Махакала под Мукденом. Золотая статуя Махакала являлась трофеем, привезенным после разгрома Чахарского ханства. В свое время она была преподнесена чахарскому Лигдан-хану сакьяскими ламами как наследнику ханов династии Юань. Приобретя ее (наряду с печатью Чингисхана) и водворив в свой храм, Хуантайцзи как бы делал заявку на создание такой же гигантской империи, каковой была юаньская. Одновременно он принимал модель монархии чакравартинов, средневековую монгольско-сакьяскую модель, в соответствии с которой вдохновляемый на подвижничество в целях веры монарх возглавляет государство, покоящееся на религиозных доктринах [308, с. 52–53]. Как полагает С. Группер, «маньчжурский правящий дом... избрал патронаж над тибетским буддизмом не просто потому, что желал подчинить монголов маньчжурскому правлению. Скорее благодаря его собственному смешанному культурному наследию и различному этническому составу государства, включавшего маньчжуров, монголов и китайцев, он ожидал, что его династическим амбициям как государства наследника юаньской династии лучше бы послужило принятие монгольского порядка, который существовал при средневековом правлении монголов» [308, с. 55].

Переводческая деятельность, в том числе и перевод буддийских текстов на маньчжурский язык, вызвала реформу маньчжурского письма. В 1632 г. Хуантайцзи приказал Дахаю усовершенствовать маньчжурское письмо путем введения при буквах точек и кружков и дополнительных букв для транскрипции иностранных слов [39, с. 203]. Есть упоминания о том, что первые буддийские сочинения на маньчжурский язык переводил как раз Дахай [39, с. 204].

Войны и связанный с ними количественный рост знаменной организации привели к качественным изменениям внутризнаменной структуры. Маньчжурские знамена росли за счет пленения и включения в их состав населения, угоняемого с территорий, подвергшихся нашествию. Для примера можно указать на то, что многочисленные маньчжурские походы в Приморье и Приамурье, на территорию современных китайских провинций Хэйлунцзян и Гирин, имевшие основной целью угон населения и включение его в восьмизнаменные войска, попросту опус-

тошили эти районы. Велик был приток людей из Китая и Кореи. Непрерывные поступления рабов обогатили знамена. Вскоре главным стало не общее количество рабов в знамени, а их распределение. Сам Хуантайцзи незадолго до своей смерти признал, что во время походов в каждом знамени члены семей вана, его командиров, бэйлэ, бэйцзы, гунов захватывают добычи очень много, а у простых воинов ее мало. Один из сановников докладывал императору: «Я полагаю, что предприятия, связанные с походами с целью грабежа, выгодны генералам и невыгодны солдатам, выгодны богатым семьям и невыгодны семьям бедным. Генералов сопровождают в походах множество работающих на них по повинности людей, богатые семьи собирают табуны самых сильных коней, поэтому захваченного ими бывает всегда много. А бедный воин лишь сам на своем коне, сколько же он увезет с собой?» [264, с. 336].

Постоянные войны в годы правления Хуантайцзи уже привели к обеднению части солдат ниру. Бедный воин ниру, чья очередь была идти в поход, иногда продавал одежду, чтобы купить коня и снаряжение. Если он не имел рабов, его семья оставалась без работника, способного обрабатывать поле. Такова, например, была судьба Дахая, преданного воина Хуантайцзи. Один из чиновников доложил императору: «Вчера умер Дахай. Я очень скорблю о нем. Этот человек ради своего государства столько пережил трудностей, столько потратил сил. А когда его тело привезли домой, в семье не нашлось пары приличных сапог, в которых его можно было бы похоронить» [264, с. 331].

В XVIII в. потомки Хуантайцзи, цинские императоры, так характеризовали своего предка: «Дайцинский Тай-цзун в соответствии с волей Неба возвысил государство. Законом установил звание амбань. Прославил отвагу. Великодушный, почтительный сын, мудрый, великий основатель государства Цин расширил владения, прославился храбростью, поощрял возделывание полей, занимался созданием и обучением войска» [38, с. 209–210].

Маньчжурское, точнее чжурчжэньское, общество XVI в., в эпоху, предшествовавшую Нурхаци, вряд ли стоит оценивать как общество примитивное, первобытно-общинное, основанное прежде всего на кровнородственных отношениях, даже как военную демократию. Гибель государства Цзинь, безусловно, задержала поступательное развитие чжурчжэней, но вряд ли в районах Центральной и Южной Маньчжурии, на родине этих племен, отбросила чжурчжэньское общество далеко назад. Очевидно, что и при Цзинь в XII–XIII вв. социальные структуры этих районов цзиньского государства не были идентичны тем, которые даже у самих чжурчжэней были на территории собственно Китая.

Думается, что принципиальных изменений не произошло и в годы правления монгольской династии Юань. Слабый контроль над этой местностью в годы правления Мин, постепенно утраченный Минами окончательно, закрепил те местные социальные структуры, которые внешне иногда могли оформляться в структуры минские (например, караулы-вэй), но фактически представляли собой специфическую социальную организацию, где при наличии клановой и субэтнической (на уровне союза родственных племен) дифференциации существовало общество с имущественными и классовыми различиями, своеобразной административной и раннегосударственной культурой городов-крепостей как центров зависимых от них периферий. Пробуждение подавленных в XIII в. монголами традиций государственности и сил, направленных к самостоятельному объединению в рамках собственной государственности, не только социально наследуемое осознание возможности такого объединения, но и память о своем былом могуществе при наличии благоприятной ситуации (отсутствие реального внешнего подавления) привели к появлению и созданию в самом конце XVI — начале XVII в. маньчжурского (второго чжурчжэньского после Цзинь) государства. Расширение его территорий диктовало необходимость появления новых форм военной и административной власти и поисков таких форм в своем прошлом и настоящем и, поначалу, активное неприятие форм государственности китайской как той силы, которая противодействовала самому факту существования государства маньчжуров.

Хуантайцзи, достаточно верно рассчитавший, что под ударами крестьянского восстания, бушевавшего в те годы в Китае, и под давлением цинских армий Китай вот-вот сам падет к его ногам, не дожил до этого момента. В 9-й день 8-го месяца (10 сентября) 1643 г. в возрасте 52 лет он скончался. Смерть его была скоропостижной, поэтому причина ее не объясняется в источниках. Возможно, он умер от гипертонического криза, на что есть некоторые косвенные указания [225, с. 2а]. Однако внезапная смерть порождает домыслы и через 350 лет. Как известно, Хуантайцзи не хотел брать Пекин. Есть мнения китайских историков, что он «не имел намерения свергнуть династию Мин, а самому стать императором [Китая]» [193, с. 193]. Очевидно, что это не так, но его нерешительность и правильная, по сути, тактика выжидания могли быть кое-кому не по вкусу. Были и обиженные, например Доргонь. В 1640 г. во время осады Цзинь-чжоу Хуантайцзи признал его действия недостаточно решительными, понизил титул Доргоня с циньвана до цзюньвана и оштрафовал его на 10 тыс. лян серебра. Смерть Хуантайцзи, которому наследовал малолетний девятый сын, сделала Доргоня все-

могущим регентом при нем и фактически правителем страны. В то же время, если верить «Кай го фан люе», Доргонь выполнял волю Хуантайцзи, который, когда занемог, созвал совет бэйлэ и взял с них клятву, что они передадут престол его девятому сыну, а помогать ему управлять страной станут Цзиргалан и Доргонь [179, цз. 32, с. 1а–1б].

Доргонь являлся 14-м сыном Нурхаци. При Хуантайцзи он имел титул «мэргэн» и считался опытным администратором и военачальником. Он не мог стать императором, так как принадлежал к тому же поколению, что и Хуантайцзи, а не к нисходящему. В мае 1644 г. один из китайских военачальников, У Саньгуй, обратился к маньчжурам за помощью против восставших крестьян, которые к этому времени овладели Пекином. Осторожный Доргонь не сразу откликнулся на этот призыв. Однако затем цинские войска перешли за Великую стену и совместно с армией У Саньгуя, уже не как враги, а как союзники, вступили в Пекин (6 июня 1644 г.). Для Китая началась эпоха правления очередной чужеземной династии, а маньчжурские ханы, сев на китайский престол, постепенно стали превращаться в китайских императоров. Прошло 100–150 лет, и маньчжурские сановники, маньчжурские солдаты и чиновники, рассредоточенные по всему Китаю, как и предполагал Хуантайцзи, изучавший историю династии Цзинь, стали утрачивать свой язык и свою культуру. Наступил тот момент, когда в цинском издании «Важнейшие указания для маньчжурской речи» появились горькие строки: «Мы, люди трудной судьбы, но процветающего поколения, не можем говорить по-маньчжурски» [325, с. 17].

Американский ученый Франц Михаэл полагал, что знаменная организация маньчжуров имела своей моделью систему военных караулов династии Мин [329, с. 62–66]. И знамена, и караулы являлись одновременно и военной, и гражданской организацией населения, имели «аграрную базу». Минские единицы караулов-вэй также именовались знаменами, каждый вэй состоял из двух больших знамен (цзун ци) и десяти малых (сяо ци). Маньчжуры и использовали термин «знамя» для наименования крупных военно-административных единиц своего государства.

Вероятно, трудно отрицать возможное влияние организации минских караулов на маньчжурскую знаменную систему, хотя очевидно, что она имела глубинные местные традиции, и, может быть, они, в свою очередь, были учтены китайскими властями при организации системы караулов. Государственная военно-административная организация восьми знамен выросла не на пустом месте. Она очевидно уходит своими корнями в систему цзюцзюнь Ляо, мэнъань-моукэ при Цзинь и организацию войск танмачи при Юань. Сходные в существе, такие объединения граждан-

ского и военного начал в одной организации имеют и известное формальное сходство с системой мэнъань-моукэ (в ниру — 300 воинов, в моукэ — 300 семей). И в знамени, и в моукэ нуклеарными единицами были пятки и десятки. Киданьские войска цзюцзюнь, как и маньчжурские, различались цветом своих знамен, были синими и черными [260, с. 63]. Как монголы поклонялись духу знамени (сульдэ), так и маньчжуры совершали жертвоприношения знамени [329, с. 66]. Чжэн Тянь-ти, подчеркивая государственный характер знаменной организации маньчжуров, пишет, что ниру в маньчжурском государстве соответствовали уезду (сянь), чжала — району особого назначения (чжуаньцюй), а знамена — провинциям (шэн). Выше этого были центральные органы власти, при Нурхаци это пять великих сановников и джагурчи, а при Хуантайцзи — шесть министерств [258, с. 202]. Это условная схема, но она наглядно показывает, по аналогии с администрацией китайской, государственный характер знаменной организации. Эта организация базировалась на хорошо развитом хозяйстве, прежде всего земледелии. Можно согласиться с мнением К. Виттфогеля и Фэн Цзяшена, что к 1644 г. маньчжуры «развили... аграрную цивилизацию, сконцентрированную вокруг обнесенных стенами городов, укреплений и деревень. Скотоводство, хотя и занимало важное место, было вторичным по отношению к обработке земли» [359, с. 10]. В какой-то мере в этом была и причина относительно быстрого и прочного установления господства маньчжуров в Китае.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО

Страна ойратов Джунгария к началу XVII в. занимала северную половину нынешней китайской пров. Синьцзян. К 1635 г. здесь оформилось самостоятельное государство — Джунгарское ханство, просуществовавшее более двухсот лет. Основным богатством ойратов являлся скот. «Земли их обширны, по тучным пастбищам и хорошей воде удобны для скотоводства» [22, с. 152]. «Чжунгарцы не сеют хлеба, занимаются скотоводством, питаются мясом, вино делают из коровьего и кобыльего молока» [22, с. 157]. Европейский путешественник XVIII в. писал: «У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец. Этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай с табуном в восемь–десять тысяч лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами они являются в Тобольск и Томск и меняют все это на товары, как, например, на юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам» [5, с. 172]. Вместе с тем хорошо известно, что ойраты ограниченно занимались земледелием, у них были высоко развиты ремесла, во второй половине XVII в., при Галдане Бошокту-хане, они стали отливать свою монету.

Ойраты, позже объединенные в Джунгарское ханство, состояли из четырех племен: чоросов, дэрбэтов, хошоутов и торгоутов. После ухода в 30-х годах XVII в. торгоутов на Волгу этими четырьмя племенами стали чоросы, дэрбэты, хошоуты и хойты. В сочинении «Цинь дин хуанюй си юй тучжи», составленном сразу после уничтожения цинскими войсками Джунгарии, говорится: «Старых четыре ойрата: чорос, дэрбэт, хошоут и торгоут. Последующих четыре ойрата: чорос, дэрбэт, хошоут, хойт. Во времена Цэван Рабдана возникла распря с торгоутами. Торгоуты поэтому, возглавив подчиненные им племена, ушли на запад. Тогда одним из четырех ойратов называли хойтов. Будучи в доле, четыре ойрата господствовали над всеми племенами Джунгарии. Каждый из [четырех ойратов] имел [своего] тайчжи, но чоросский тайчжи считался самым главным из них» [248, цз. 29, с. 10б]. Реально, очевидно, такая четверка объединяла четыре основные группы народности, состоящие из одной господствующей и трех подчиненных групп. Вокруг

них объединялись прочие группы, так или иначе связанные с четырьмя главными. Это отражало какую-то неясную традицию социального построения, уходящую корнями в глубь веков (вспомним четыре «рога» тибетцев).

Население ханства делилось на родовую знать, «природную», «родовитую» (наследственную), — тайчжи, знать жалованную — зайсаны, простолюдинов — харачу и рабов — ясырей. «Владетель их называется ханом, по нем следуют тайцзи и зайсаны» [22, с. 157]. Рабы-ясыри работали на своих хозяев, людей лично свободных, независимо от их знатности или незнатности, простые люди несли алба — повинности в пользу знати. «Элюты в продолжение ойратства составляли, как и ныне, кочевой народ, который не имел ни городов, ни селений и вместе с тем не знал земледелия. Политическое образование государственного состава заключалось в соединении четырех владетельных домов в одно политическое тело под названием четырех ойратов (дурбэн ойрат). Два находились состояния: военное и духовное. Первое из них разделялось на дворян и податных. Правление было единодержавное, ограниченное, верховная власть сосредоточивалась в одном лице чоросского хана, но сей повелитель элютов в делах, относящихся до всего народа, не мог ничего важного предпринять без совета с прочими владетельными князьями и высшим духовенством. На сем же точно основании каждый удельный князь управлял своим уделом. Господствующая религия была буддизм» [21, с. 127–128].

Как неясна традиция «четырех ойратов», так неясно и более дробное деление населения Джунгарии в предгосударственный период и даже в период первых лет государственности. «О разделении элютского народа, — писал Н. Я. Бичурин, изучавший сведения из разных, в том числе и китайских, источников, — в комплексе, существовавшем в продолжение двух первых периодов ойратства, не осталось никаких положительных сведений. Они погибли в бурное время переворотов. В последнем периоде народ был разделен на отоки, анги и цзисаи (учреждение анги приписывается Галдан Церыну, который посему владетелей трех прочих ойратских поколений сравнил с обыкновенными тайцзиями). Отоками назывались небольшие поколения, в совокупности составляющие личный удел чоросского хана. Словом „анги“ обозначались уделы ближайших родственников его и владетелей трех поколений, составляющих ойратство. Словом „цзисай“ назывались небольшие уделы, данные духовенству для содержания себя. Помянутые отоки, анги и цзисаи по внутреннему управлению разделены были на роды, из коих каждым управлял один цзайсан, а кои цзайсаны были дальние родственники четырех ойратских владетелей и должность их наследственно

переходила от отца к сыну. Отоков считалось двадцать четыре, из них некоторые состояли из двух и даже трех поколений» [21, с. 130–132].

Пытаясь ответить на вопрос, что представляли собой отоки и анги, обратимся к первоисточнику, сведения из которого были взяты и Н. Я. Бичуриным. Во вводном цзюане к «Цинь дин хуанюй си юй тучжи» говорится: «Что касается перечня джунгарских отоков и анги, то каждый отдельный оток принадлежал его хану, а анги были семьями, [принадлежавшими] каждому тай-чжи» [248, цз. шоу и, с. 9б]. «62 джунгарских зайсана и 24 отока все сообща платили налоги и несли повинности в доход своему хану. Кроме этого, налоги собирали с Урянхи, а также с четырех мусульманских городов: Яркенда, Кашгара, Аксу и Хотана. Их 24 анги были владениями каждого тайчжи, подведомственными джунгарскому хану. Анги на языке джунгар означает „ответвление“ (фэнчжи)» [248, цз. шоу и, с. 10а]. «Хотя каждый тайчжи отдельно управлял своей анги, не было таких, которые ослушались бы своего хана… всякий раз, когда дело касалось выступления войск или набора на работы по трудовой повинности» [248, цз. шоу и, с. 10а]. «Цзисаи ведали делами ламства, лам было более 6 тыс.» [248, цз. шоу и, с. 10а]. Всего в отоках, анги и цзисаях имелось более 200 тыс. семей, свыше 600 тыс. человек [248, цз. шоу и, с. 10а].

«Старые 12 отоков: Улуга — 4 зайсана и 5 тыс. семей составляли оток. Кацинь — один зайсан и 5 тыс. семей составляли оток. Эркэтэн — один зайсан и 5 тыс. семей составляли оток. Кэлитэ (Кэрэит) — два зайсана и 6 тыс. семей составляли один оток. Чжотолукэ — один зайсан и 3 тыс. семей составляли оток. Букусы — один зайсан и 3 тыс. семей составляли оток. Абагэсы-Хадань — один зайсан и 4 тыс. семей составляли оток. Эбитэ — один зайсан и 3 тыс. семей составляли оток. Элодай — 2 зайсана и 3 тыс. семей составляли оток. Догемутэ — один зайсан и 4 тыс. семей составляли оток. Хорбосы — один зайсан и 3 тыс. семей составляли оток. Чжохэр — один зайсан и 3 тыс. семей составляли оток». «Последующие 12 отоков: Бардамутэ — 3 зайсана и 4 тыс. семей составляли оток. Кутуцинар — 5 зайсанов и 4 тыс. семей составляли оток. Гэрцзатэ — 3 зайсана и 3 тыс. семей составляли оток. Махусы — один зайсан и 5 тыс. семей составляли оток. Букуну — один зайсан и 2 тыс. семей, Тукэтэ — один зайсан и 500 семей составляли один оток. Джахацинь — 3 зайсана и 2 тыс. семей, Баоцинь — 3 зайсана и одна тысяча семей составляли оток. Цирцзисы (киргизы) — 4 зайсана и 4 тыс. семей составляли оток. Тэлэнгутэ (теленгуты) — 4 зайсана и 4 тыс. семей, Эрчукэ — один зайсан и 500 семей, Урханьцилань — один зайсан и 800 семей составляли один оток. Минатэ — два зайсана и 3 тыс. семей составляли один оток» [248, цз. 29, с. 11а–11б].

Монгольское слово «оток» переводится на русский язык как «поколение народа». Оток, по определению Б. Я. Владимирцова, являлся «основной социальной и хозяйственной единицей», оток «основывался на территориальном единстве» [37, с. 132, 133]. Что же представлял собой джунгарский оток? Отоком управлял зайсан. «Зайсан. Управлял делами какого-либо отока. Или один зайсан управлял одним отоком, или 3–4 зайсана управляли делами отока. Не было старших или младших [зайсанов], они помогали друг другу в работе, действуя в соответствии с указаниями начальника». «Дэмуци (дэмчи). Относились к числу лиц, управлявших отоком внутри отока, вели дела ста семей и более, до двухсот семей». «Шоулэнэ (шуленга). Помогали дэмчи управлять делами отока». «Арбанни-аха (десятники). Помогали дэмчи управлять делами отока». «В целом в каждом отоке имелись управители четырех ступеней: главным являлся зайсан, за ним следовали дэмчи (дэмчи — букв. „надзиратели, хранители"), за дэмчи — шуленга. Самыми низшими управителями были арбани-аха (десятники)» [248, цз. 29, с. 10а].

Б. Я. Владимирцов указывал, что отоки — это бывшие «тысячи» мировой империи монголов [37, с. 134]. Действительно, джунгарский оток — это «тысяча» Чингисхана, та основная ячейка, которая должна была в среднем выставить тысячу воинов. Управлялся оток по десятеричной системе (сотники-дэмчи и десятники — арбанни-аха). По китайским данным, составленным сразу после гибели Джунгарского ханства, в старых отоках имелось от 3 до 6 тыс. семей. В среднем в отоке было около 4 тыс. семей, и управлял отоком один зайсан. 3–6 тыс. семей могли выставить тысячу воинов.

Отоки составлялись и по принципу отраслевого хозяйства. Четыре зайсана управляли отоком Улутэ. «Улутэ являлись теми ремесленниками, которые производили оружие, осуществляли железоплавильные, железоделательные и кузнечные работы». Два зайсана управляли отоком кэрэит, явно сформированным из одной родоплеменной группы. Один оток состоял из двух родоплеменных групп — абагэсы и хадань, но имел общего зайсана. Самый маленький оток состоял из 2500 семей, тоже из двух групп — букуну и тукэтэ. Мы видим явно два иноплеменных отока — киргизский, управлявшийся четырьмя зайсанами и состоявший из 4 тыс. семей, и теленгутский, который управлялся также четырьмя зайсанами и состоял из 4 тыс. семей теленгутов, в этот оток входили также группа эрчукэ (500 семей) и урханьцилань (800 семей). Каждой группой управлял отдельный зайсан.

Среди новых, «последующих» отоков три были явно хозяйственными. Это отоки кутуцинар (кутучи — слуги, свита), оток обслуги, оток улатэ (кузнецов), оток джахацинь (джахачин — пограничная стража).

О кутуцинар в источнике сказано: «Кутуцинар (слуги) — были связаны с исполнением работ по установке юрт и монгольских юрт». «Чжахацинь являлись охранниками границ, выполняли все службы на заставах (калунь), несли патрульную службу, проводили расследования» [248, цз. 29, с. 10а]. К отоку пограничной стражи (джахачинов) были приписаны 3 тыс. ружейников и артиллеристов (баоцинь, от «буучин» — «ружье»). «Баоцинь ведали делами по управлению военным лагерем, ружьями, пушками и т. п.». «Баоцинь — специально те, кто ведали пушками» [248, цз. 29, с. 10а].

Обратимся к пояснениям цинских чиновников: «Разъяснение: отоки принадлежали хану. Анги принадлежали семьям каждого тайчжи. Земли кочевий отоков окружали Или, земли кочевий анги далее извне окружали отоки. Джунгарские племена все платили налоги и выполняли повинности; эти обязанности, [передавая их] по наследству, выполняли отоки. Если требовались мелкие выплаты и поставки, то их совместно выполняли 24 отока и 21 анги. Отоки похожи, (смотрятся) как командование восьми знамен (баци датун), анги похожи на генерал-губернаторов внешних провинций (вайшэн-дуфу)» [248, цз. 29, с. 12б].

Дать характеристику джунгарских отоков пытался А. И. Чернышев [174, с. 173]. Он сделал вывод, что «отоки — это территориальное деление земель, занятых кочевниками», «отоки не являлись ойратскими племенами» [174, с. 166], «отоки являются территориальными единицами, на которые делились кочевья анги, подразделения четырех ойратских племен» [174, с. 169]. К сожалению, согласиться с этим выводом трудно. А. И. Чернышев отступил от двух важнейших выводов предшественников: 1) от четкой характеристики Н. Я. Бичуриным отоков как удела джунгарского хана, что подтверждается источником, где не один раз указывается, что «отоки принадлежали хану»; 2) от менее четкого указания Б. Я. Владимирцова на то, что отоки являлись не просто территориальной, а социальной и хозяйственной единицей.

Джунгарский оток был административно-хозяйственной единицей удельных, т. е. личных, владений джунгарского хана. Часть отоков были хозяйствами и территориально-административными единицами, группировавшимися вокруг ставки хана на р. Или. Однако это не могло относиться ко всем отокам. Отоки киргизов и теленгутов не могли размещаться только в бассейне р. Или. Наличие этих отоков в уделе хана не означает, что все отоки были неджунгарскими. Часть отоков не имела территориального единства. Таковы были оток пограничной стражи — единая пограничная служба, подразделения этого отока размещались на границах ханства. Не могло быть строгого территориаль-

ного единства у отока артиллеристов и стрелков, ружейников и даже у обслуги, ведавшей перекочевками хана.

Оток являлся социально-хозяйственной единицей, обеспечивающей жизнь хана, его семьи и, поскольку ханское, видимо, не отличалось от государственного, государства. Можно предполагать, что в случае войны оток был обязан выставить примерно тысячу воинов. Внутри отоки были устроены по традиционной десятеричной системе: десятком семей управлял десятник, несколькими десятками, возможно полусотней, семей — шуленга, сотней семей — сотник. Это был штат главы отока — зайсана.

Если отоками управляли несколько зайсанов, они не подчинялись друг другу, вели дела сообща, хотя не исключено, что каждый вел какое-то свое хозяйство или управлял какой-то отдельной этнической единицей. В отоки была включена значительная часть населения Джунгарии.

Если отоки являлись уделами — землями, скотоводческими и другими хозяйствами, караулами и военными формированиями хана, то анги — уделами тайчжи. «Анга на языке джунгар значит „часть", „доля"» [248, цз. 29, с. 12б]. «Анги принадлежали семье каждого тайчжи» [248, цз. 29, с. 12б]. «Каждый оток принадлежал его (джунгарского государства. — *Е. К.*) хану, а анги являлись семьями, [принадлежащими] каждому тайчжи» [248, цз. шоу и, с. 9б]. «Их анги были владениями каждого тайчжи, подведомственными джунгарскому хану. Анги на языке джунгар означает „ответвление"» [248, цз. шоу и, с. 10а]. «Хотя каждый тайчжи отдельно управлял своей анги, всякий раз, когда дело касалось выступления войск или набора на работы по трудовой повинности, не было таких, которые ослушались бы хана» [248, цз. шоу и, с. 10а]. Наконец приведем цитату из «Си чуй цзи тун ши ляо»: «Те дворы (ху), которые подчиняются их хану, называются отоками. То, что подчинено тайчжи, называется анги» [174, с. 168], «называется также „долей"». Думается, что перевод А. И. Чернышевым слова «буфэнь» как «часть племени» [174, с. 168] неверен.

Имеющийся перечень анги показывает, что они принадлежали конкретным лицам — «анги Даваци», «анги Амурсаны», «анги Дондука», «анги Ногай цэцэка», «анги хатун Эшогэн», «анги Тарба хацинь сайн бека» и т. п. [248, цз. 29, с. 12а], т. е. это были уделы джунгарской знати, джунгарских тайчжи. Уделы (люди, семьи из уделов анги) содержали тайчжи, хозяев этих уделов. Поэтому анги в основном не платили налогов и не несли повинностей в пользу хана. Лишь тогда, когда «требовались мелкие выплаты и поставки, то их совместно выполняли 24 отока и 21 анги» [248, цз. 29, с. 12б], т. е. анги платили хану эпизо-

дически, хотя население анги привлекалось на службу для государственных нужд в двух случаях — при выступлениях в поход и при крупных работах по трудовой повинности.

Тайчжи — родовитая знать, члены семей правителей «четырех ойратов». «Старая джунгарская система управления чинов: тайчжи-джунгары в пределах всех границ [Джунгарского ханства] делились на четырех ойратов. Каждая [из четырех групп ойратов] имела своего главу (шоулин) с тем, чтобы крепко держать их в руках. Их [глав] чтили, называя „великие тайчжи" — титулом, схожим с титулами знатных правителей (ланчжун) у иноземцев предшествующих династий. Все четыре ойрата имели великих тайчжи, а чоросский [великий тайчжи] занимал особое положение и являлся у них главным. Эти великие тайчжи также титулуются ханами (князьями-ханами, хань-ван). Прочих же малых тайчжи назначают из лиц, принадлежащих к родне по мужской линии ханов. Великим тайчжи подчинены чиновники от тушэмора (тюшимел — „сановник", „чиновник") и ниже, малым тайчжи подчинены чиновники от зайсана и ниже» [248, цз. 29, с. 9а].

Таким образом, великие тайчжи являлись ханами «четырех ойратов», малые — их родней по мужской линии, членами патронимического клана, термин «цзун» сравним с маньчжурскими «бэйлэ». А. И. Чернышев определил анги как «часть племени, социальную группу» [174, с. 166], «во главе их стояли тайчжи из родственников ханского дома» [174, с. 167], и, наконец, он утверждает, что анги делились на отоки, «отоки являлись территориальными единицами, на которые делились кочевья анки — подразделения четырех ойратских племен» [174, с. 169]. С этими выводами трудно согласиться, они основаны на узкоспециальном понимании термина «буфэнь» как «часть племени», а не просто «часть», «доля». Отоки не могли быть частью анги, это ясно из того, что «земли кочевий отоков окружали Или, земли кочевий анги далее извне окружали отоки» [248, цз. 29, с. 12б]. Н. Я. Бичурин настоятельно подчеркивал, что анги являлись уделами, пожалованными тайчжи. «Анги ни собственных имен, ни определенных границ не имели, ибо сии уделы не были постоянно наследственными в одном и том же доме» [21, с. 132]. У чоросов, например, анги имел Даваци, Даши Дава, у дэрбэтов — Цэрэн Даши, у хойтов — Дондук, Баяр, у хошоутов — Шакдор Маньцзи и т. п. [21, с. 133]. Большая часть анги размещалась в районе Чугучака [21, с. 136].

В. А. Моисеев, специалист по Джунгарскому ханству, считал, что предложенное мною истолкование отока и анги «более правильное»[1].

[1] *Моисеев В. М.* Джунгарскос ханство и казахи. Алма-Ата, 1991. С. 33.

Помимо уделов хана, отоков, и уделов тайчжи, анги, имелись земли и люди, выделенные на содержание духовенства — цзисаи. По мнению Н. Я. Бичурина, большая часть цзисаев размещалась на юго-востоке от Чугучака, близ песчаной степи Нам [21, с. 136]. «Девять цзисай ведали делами ламства, лам имелось более 6 тыс.» [248, цз. шоу и, с. 10а]. Цзисаями управляли зайсаны. Число семей в цзисае могло быть от 300 до 4 тыс. Из девяти цзисаев шесть состояли из тысячи семей, цзисай Акэба управлялся двумя зайсанами и включал в свой состав 4 тыс. семей, два цзисая состояли из 300 семей каждый [248, цз. шоу и, с. 116].

«Господствующий класс ойратского общества, — писал В. М. Моисеев, — составляли ханы и тайджи (в русских документах — тайши). Другой влиятельной группой светских феодалов были представители жалованной знати — зайсанги, подразделявшиеся на знатных, или старейших, управлявших отоками, анги, аймаками, и на меньших, ведавших небольшими подразделениями — десятками, двадцатками и т. п. «В административном отношении, — указывал Ф. И. Леонтович, — зайсанги играли ту же роль, как у нас в старое время мужи и бояре в значении княжеских советников или думцев, также наместников волостей и пр.»[1].

Таким образом, крупными административно-хозяйственными единицами Джунгарского ханства были отоки, анги и цзисаи. «Исследуя их (джунгаров. — *Е. К.*) старый принцип управления, обнаруживаешь четыре ойрата, 24 отока, 9 цзисай и 21 анги» [248, цз. 29, с. 10а].

Хану (ханам — великим тайчжи «четырех ойратов») помогали в управлении ханством сановники-тушимелы, которых было четыре, явно в соответствии с делением джунгаров на «четырех ойратов». Это «чиновники, которые у джунгаров участвовали в решении дел управления. Их главной обязанностью являлись тайные и важные дела. Все большие и малые дела управления 6 кочевьями и 21 анги после того, как ими занимались зайсаны, докладывались тушимелам, которые, подробно ознакомившись с ними, выносили по ним решения и докладывали их далее тайчжи. После этого [решения по делам] исполнялись. Этих чиновников было только четыре» [248, цз. 29, с. 9а]. После уничтожения Джунгарского ханства и введения Цянь-луном новой системы управления оставшимися в живых ойратами тушимелы были приравнены к нэйдачэнь, «великим сановникам, ведавшим делами императорского двора» [248, цз. 29, с. 12б]. Тушимелам помогали джаргучи (судьи). «Они помогают тушимелам вести дела, вместе с ними решали все дела о наказаниях за разбой и кражи». Их было шестеро [248, цз. 29, с. 9а].

[1] Там же. С. 34.

Широкие общегосударственные полномочия были у двух сановников-дэмчи («надзиратель», «хранитель»). Во внутренних землях ханства дэмчи надзирали за тайчжи, «помогали тайчжи вести семейные дела». На зависимых территориях они взимали налоги со скотоводческих хозяйств (конных заводов, мачан), с мусульман, проживавших к югу от гор, отправляли войска в походы, принимали послов от бурутов (киргизов) [248, цз. 29, с. 9б].

Наследственными были должности четырех чиновников — арбацизайсан. Они управляли уделом хана и уделами тайчжи, 24 отоками и 21 анги. Им поручались дела, связанные с уплатой дани (гун). Арбацизайсаны имели в своем распоряжении огромный аппарат — около сотни чиновников, именовавшихся просто арбаци (албачи). Албаци «на местах выколачивали налоги» [248, цз. 29, с. 10а]. Делопроизводство вели писцы — битечи.

Неясно, что имелось в виду под шестью кочевьями. Они были в ведении тушимела и шести джаргучи. Число тушимелов, очевидно, соответствовало числу «четырех ойратов», а число джаргучи — числу кочевий (шесть). Возможно, шесть кочевий являлись частью 24 отоков, исторически — отоками ханов, четырех великих тайчжи. Цзисаи, выделенные ламству, налогов не платили и, возможно, имели свой суд. Буддийские общины, ламство содержали шабинары, люди, прикрепленные к общинам и отдававшие им часть плодов своего труда. Часть доходов цзисаев отправлялась в Тибет — далай-ламе и почитаемым монастырям.

На низовом уровне ойраты жили и кочевали хотонами, группами семей, связанных действительным или мнимым (вторичным) родством. Хотоны возглавляли аха («старшие»). Несколько хотонов объединялись в аймак, а аймаки — в еще более крупные объединения — улусы.

Высшей единицей в армии ойратов являлся сан (тьма, корпус) в 10 тыс. воинов. По подсчетам Г. В. Вернадского, ойраты в XVII в. совокупно могли выставить не менее 100 тыс. всадников [33, с. 22, 38]. Это примерно соответствует общей численности населения Джунгарского ханства, сообщаемой в китайских источниках, — 600 тыс.

Право Джунгарского ханства было писаным, ойраты руководствовались законами 1640 г., разработанными совместным съездом ойратов и монголов (см.: [47]). У ойратов было свое письмо — тодо бичиг, созданное знаменитым вероучителем и переводчиком сочинений буддийского канона на ойратский язык Зая-Пандитой, ревностным борцом со старой верой ойратов — шаманством [78, с. 8].

Джунгарское ханство было уничтожено в 1757 г. войсками Цин. Наступление маньчжуро-китайских войск совпало с эпидемией оспы,

унесшей жизни многих джунгар. Армия Цин под предводительством генерала Чжао Хуэя «проводила политику поголовного истребления джунгаров. Чжао Хуэй преследовал и убивал практически всех джунгаров, которых смог обнаружить. Лишь несколько их групп были депортированы в Маньчжурию. Те джунгары, которые все-таки уцелели, получили в пользование пастбищные земли в долине р. Или и находились под жестким контролем со стороны маньчжуров. В довершение своей победы Цянь-лун запретил даже упоминание имени джунгаров»[1].

[1] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 442.

ХАЛХА-МОНГОЛЫ (XVII в.)

К началу XVII в., после гибели династии Юань и междоусобных войн, монгольский мир был разделен на три основные части: южных, точнее юго-западных, монголов — чахаров, которыми последним правил Лигдан-хан, претендовавший на общемонгольский престол и хранивший «печать Чингисхана» как символ легитимности своих притязаний, Джунгарское ханство и Халха Монголию. Халха именовалась «улусом халхаских ханов», с 1549 г. она делилась на «семь хошунов», владения семи сыновей хана Гэрэсэндзе. Четыре хошуна на западе Халхи составляли ее правое крыло, три хошуна на востоке — левое. Возможно, среди владетельных ханов Халхи, потомков Гэрэсэндзе, старшим был глава ее западной части — дзасакту-хан, который иногда упоминается с титулом аха-хан (старший хан). Однако в начале XVII в. на главенство реально все больше претендовали ханы центральных районов Халхи, правившие с титулом «тушету-ханы». К концу XVII в. в результате борьбы Тушету-хана и его брата, претендента на духовное лидерство Халхе — Джебдзун-дамба-хутухты, с Дзасакту-ханами и в итоге джунгарско-халхаской войны Халха отойдет под власть маньчжуров. В 1691 г. принявшие добровольно подданство Цинн монголы были включены Кан-си в систему монгольских знаменных войск. Чахарское ханство было уничтожено маньчжурами ранее в 1634 г.

Монгольское общество рубежа XVI–XVII вв. делилось на нойонов, ядро господствующего класса, и простых людей (иселе комюн), «черных» людей (карача комюн), а также рабов. Нойонство возглавляли ханы, «золотой род» чингисидов, представители ханских родов имели титулы «хунтайчжи» или «тайчжи». Достаточных данных, позволяющих провести четкую границу между нойонством и простыми людьми, нет, прежде всего потому, что отсутствуют сведения о сословной принадлежности большого служилого сословия (чиновников). Возможно, часть их была из нойонов, часть — из простых людей. В начале XVII в. в Халхе начинает складываться сословие ламства.

Кочевья Халхи были разделены и закреплены за их пользователями. «18 степных законов», памятник, обнаруженный сравнительно недавно, в 1970 г., относящийся к первой половине XVII в., содержит статью,

запрещавшую самовольно менять место кочевья. Предусматривалось, что, если нойоны, имевшие отоки в левом и правом крыльях Халхи, переменят место кочевья, они наказываются штрафом в 50 лошадей и 5 верблюдов. С откочевавших табунангов (титулы лиц, бравших жен из ханских родов — зятьев ханов) взимали три девятка скота (девяток — четыре головы крупного и пять голов мелкого рогатого скота). Закон предписывал тем, кто перебирался кочевать на новые места, быть осмотрительными и не занимать чужую территорию (см.: [138]). За преднамеренное вторжение в чужое кочевье полагался штраф в три девятка, за непреднамеренное — в одну лошадь.

При отсутствии реального и сильного верховного хана важнейшим органом управления Халхой являлся съезд князей (ханов, хунтайчжи, тайчжи, табунангов и т. п.), обладавших законодательной властью и решавших дела Халхи. Раздробленность Халхи на практике весьма ограничивалась действием общих законов, общей уртонной (почтово-курьерской) повинностью, общей ответственностью за оборону страны. Существовала уголовная ответственность за неоповещение о вторжении противника. Лицо ханского происхождения, покинувшее поле боя, платило штраф в 1000 лошадей, 100 верблюдов и 100 панцирей. Ханы и нойоны имели общие обязанности по поимке беглых аратов. Члены ханского рода обязывались хранить единство. Если один хан обнажал оружие против другого, он платил штраф в 1000 лошадей и 100 верблюдов.

Халха имела и единое устройство, подразделяясь на хошуны, отоки и аймаки. Халхаские отоки XIV–XVII вв. были бывшими «тысячами» эпохи Чингисхана, «являясь не чем иным, как бывшими „тысячами“ эпохи мировой империи монголов» [37, с. 134]. В номенклатуре администраторов Халхи мы встречаем гражданских чиновников, воинских начальников и духовенство (ламство). Среди гражданских чиновников важными являлись посты даруга, тушимелов, знакомых нам по Джунгарскому ханству, «обязанных поддерживать законы нойонов», и элчи («юнцов»), которые реально выполняли функции полицейских. Войсками командовали орлюги. Из числа ламства известны верховные учителя (конши).

Халха имела хорошо разработанное право. Основными видами наказаний являлись смертная казнь с конфискацией или без конфискации имущества осужденного, конфискация имущества, лишение должности, сопровождаемое штрафом, штрафы. В целом (это, очевидно, касалось и ойратского права) меры наказания сводились к смертной казни и различным видам изъятия имущества, прежде всего скота и панцирей, и для служилого сословия — к лишению должности. Изъятия имуще-

ства, штрафы скотом были самыми распространенными видами наказания и, очевидно, одними из самых тяжких, если не самыми тяжкими, не считая смерти, для скотовода-кочевника. Штрафы за уголовные преступления в определенных случаях именовались андза, их размер, видимо, был фиксирован законом. Штраф за должностные преступления именовался алданги (см.: [138]). При алданги всегда оговаривался его размер, видимо, этот штраф не был фиксированным. В праве была хорошо разработана зависимость меры наказания при причинении телесных повреждений от того, чем причинен вред: острием (очевидно, оружием и тем, что приравнивалось к нему), камнем, палкой, кнутом или кулаком. В разделенном на три части монгольском мире Халха XVII в. предстает как единое государство, управляемое своеобразным демократическим путем — съездами ханов, имеющих происхождение от одного предка.

САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Возникновение государств народов Центральной Азии, как правило, сопровождалось появлением легенд, которые были призваны обосновать право того или иного правящего рода на власть над своими народами и другими, чаще всего покоренными, народами. Таким идеологическим обоснованием являлись необычное происхождение правящего рода, знамения, сопровождавшие рождение и воцарение основателя династии, его приход с небес, его небесное происхождение. Главным в верованиях народов Центральной Азии являлся культ Неба. Это, кстати, в полной мере относится и к Китаю, и к китайцам и указывает на культурно-историческую близость древних китайцев и предков народов Центральной Азии. Иногда это был культ Неба и Земли, культ Неба, Солнца и Луны, иных небесных светил. Как и древние китайцы, полагавшие выбор Неба при наделении небесной харизмой, небесной благодатью, благой силой дэ, сходной с силой дэ Неба, правом на престол, народы Центральной Азии имели представление о небесной благодати, которая даровалась правящей династии.

Сама по себе идея избранничества какого-либо лица, клана высшими силами и вручения им власти над прочими соплеменниками и несоплеменниками, хотя и уходила своими корнями в первобытно-общинную эпоху, стала идеей, оформлявшей право на власть лишь в условиях классового общества и образования государства. Во многих странах «истоки верховной власти... характеризуются опосредованно, через происхождение фамилии государя» [41, с. 22]. Саргон Аккадский (конец IV — начало III тыс. до н. э.), первый объединитель древней Месопотамии, хотя и был человеком незнатного происхождения, изображался со знаками своего божественного происхождения — Солнцем и Луной [71, с. 84]. Древнеегипетские цари Раннего царства (3010–2800 гг. до н. э.) являлись воплощениями солнечного бога Хора (Гора), изображаемого в виде сокола [71, с. 98]. Царь Египта периода Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) «почитался как бог и был, по египетским представлениям, во всем подобен богам» [71, с. 107].

Идея «чудесного спасения», встречающаяся и у народов Центральной Азии, сохранилась в легенде о древнеперсидском царе Кире II. В ней

рассказывается о том, что мидийскому царю Астиагу приснился сон, истолкованный жрецами-магами как знак того, что его внук, сын его дочери Манданы, жены персидского царя Камбиза, станет царем вместо него. Астиаг вызвал к себе беременную Мандану, а когда у нее родился сын, то повелел бросить мальчика в горах, где было много диких зверей. Раб Митридит, которому поручили погубить мальчика, только что сам лишился сына. Он одел труп своего сына в роскошные одежды, выдав его за умершего Кира, а Кира воспитал в своей семье [57, с. 12, 13]. Легенда о чудесном спасении лежит и у основания Древнего Рима. У весталки Сильвии, жрицы богини Весты, которая, как все весталки, не могла вступать в брак, от бога Марса родились два сына-близнеца, Ромул и Рем. Царь Апулей приказал бросить мальчиков в р. Тибр. Но река не приняла младенцев, выбросила их на берег, где их вначале вскормила молоком волчица, а затем воспитал пастух [72, с. 431, 432].

Мировые религии выдвинули идею происхождения власти от бога. «И сказал им их пророк: „Вот Аллах послал Вам Талута царем". Они сказали: „Как может быть у него власть над нами, когда мы более достойны власти, чем он, и у него нет достатка в имуществе". Он сказал: „Аллах его избрал над вами и увеличил ему широту в знании и теле. Поистине Аллах дарует Свою власть, кому пожелает. Аллах объемлющ, знаю"» [93, с. 55].

Если мы обратимся к истории народов Центральной Азии, формирования их государств и воцарения правящих в них династий, то обнаружим, что во многих случаях воцарению династии предшествует легенда о чудесном происхождении этой династии, о чуде рождения ее основателя, о чудесных явлениях и знамениях, сопровождавших воцарение (маньчжуры, монголы, тангуты, сяньби).

Казалось бы, однако, странно, что ничего похожего мы не находим в сведениях, сообщаемых о гуннах, традиции которых многие века прослеживаются у центральноазиатских народов. Может быть, именно поэтому Сыма Цянь как бы вписывает предка гуннов в историю китайскую и объявляет его потомком «рода правителей Ся» [126, с. 34]. Между тем в «Повествовании о сюнну» Сыма Цяня имеется следующий сюжет о воцарении второго шаньюя гуннов Маодуня. «У шаньюя [Тоуманя] был старший сын по имени Маодунь. Позднее у него появился младший сын, родившийся от любимой яньчжи (государыни). Шаньюй, желая устранить Маодуня и возвести на престол младшего сына, отправил Маодуня заложником к юечжи. Как только Маодунь прибыл к юечжи заложником, Тоумань внезапно напал на юечжи. Юечжи хотели убить Маодуня, но он украл у них прекрасного коня и ускакал на нем обратно» [126, с. 38].

Став в государстве отца командиром десяти тысяч всадников, Маодунь задумал погубить отца. Он изготовил свистящие стрелы и объявил приказ своим подчиненным: «Все, кто не станет стрелять туда, куда полетит свистящая стрела, будут обезглавлены» [126, с. 38]. В первый раз Маодунь испытал послушание своих воинов на охоте. Кто не стрелял в тех птиц и зверей, в которых стрелял он, были обезглавлены. Во второй раз он выстрелил в своего коня. Те, кто не пустил стрелы в коня вслед за ним, были обезглавлены. В третий раз Маодунь выстрелил в любимую жену и тем, кто не решился стрелять в нее, отрубил головы. После этого во время охоты Маодунь выстрелил в коня своего отца-шаньюя. Все его подчиненные уже безропотно тоже выстрелили в него. Тогда наступила очередь отца. Во время охоты Маодунь выстрелил в него, и вся свита Маодуня, не задумываясь, также пустила стрелы в шаньюя. Тоумань был убит, Маодунь стал шаньюем [126, с. 38].

Со времен Н. Я. Бичурина Маодунь-шаньюя сопоставляют с легендарным предком тюрков Огуз-каганом [23 т. 1, с. 56, 57]. Речь идет, по словам В. С. Таскина, «о поразительном сходстве биографии Огуз-кагана в тюрко-персидских рукописях... с биографией Маодуня в китайских источниках» [126, с. 129]. Когда будущий Огуз-каган, сын Карахана, родился, он трое суток не брал материнской груди. Мать, опасаясь за жизнь ребенка, плакала, и каждую ночь ей снился один и тот же сон — ребенок говорил матери: «Мать моя, если ты станешь поклоняться истинному богу и возлюбишь его, я стану пить твое молоко». Мать приняла ислам, и младенец взял материнскую грудь. Своих двух первых жен Огуз тоже хотел склонить к принятию ислама, но безуспешно. Лишь третья его жена «приняла истинную веру». Кара-хан поинтересовался у жен, почему двух первых жен, которые красивее третьей, Огуз-каган не любит, а к третьей «все время ходит... и с ней общается». Жены ответили, что Огуз-каган принял другую веру, навязывал ее и им, но они отвергли его предложение, а третья жена «так же, как и он, уверовала в бога, стала с ним согласной и единомышленной». Кара-хан решил убить сына.

В это время Огуз с нукерами (дружинниками) и с некоторыми из своих друзей был на охоте. Кара-хан, собрав братьев, племянников, родственников и эмиров, сказал им: «Мой сын Огуз в раннем детстве казался баловнем судьбы и очень способным, и я был сердечно привязан к нему, [но] в настоящее время он предпринял злое дело: отвратился от нашей веры, [поэтому] его нельзя оставить в живых». Все собравшиеся от этих слов пришли в ярость и «единодушно порешили умертвить Огуза». Единоверная жена предупредила Огуза о заговоре. Тут же во время охоты «обе стороны построили войска в боевой поря-

док и вступили в сражение. В этой битве шашка [врага] настигла Карахана, и он умер от этой раны» [150, с. 81–83]. Огуз стал ханом.

Что мы можем отметить? Во-первых, что мотивы покушения на жизнь сына разные: Тоумань хочет убить сына, чтобы сделать шаньюем другого сына, более любимого, Кара-хан хочет убить сына за то, что тот принял чужую веру, ислам. Разные сюжеты, в рамках которых должен был быть реализован один умысел — убийство сына. Сходство обнаруживается лишь в том, что 1) отец хочет убить сына; 2) всё происходит во время охоты; 3) в итоге не отец убивает сына, а сын убивает отца и становится правителем.

В принципе вряд ли такое сходство можно назвать «поразительным», хотя и отрицать наличие какого-либо сходства было бы неверным. Нам кажется, что рассказы о Маодунь-шаньюе и Огуз-кагане не дают достаточных оснований отождествлять их. Думается, что мы имеем в двух разных источниках свидетельства чисто фольклорного мотива отцеубийства. Мы уже писали ранее, что этот мотив был исследован В. Я. Проппом [148, с. 258–299].

Подлинна ли история Маодуня? Легенда об Огуз-кагане, лице неисторическом, если мы не принимаем того, что Маодунь и Огуз одно и то же лицо, ставит под сомнение ее подлинность. Это, вероятно, гуннский фольклорный, сказочный сюжет, который знали китайцы.

Таким образом, можно предположить, что повествования о Маодунь-шаньюе и Огуз-кагане отражают очень древний сказочный (мифологический) сюжет. Гуннская традиция, в том объеме, в каком мы знаем о ней, не сохранила мотива чудесного рождения в той его стадии, когда, по словам В. Я. Проппа, «с возникновением монархии и богов такое рождение становится прерогативой царей и богов, а обыкновенные смертные рождаются обыкновенным образом» [148, с. 208].

Столь же древен, как отцеубийство, в сакрализации власти сюжет «об истреблении младенцев» и «чудесном спасении» основоположника династии (предка народа). Основоположник династии усуньских куньми после нападения на усуней юечжи был брошен в степи, но не погиб, так как волчица кормила его своим молоком, ворон приносил ему мясо, а птицы склевывали с него насекомых. Ребенка воспитал и полюбил шаньюй гуннов и, когда мальчик вырос, отдал ему в управление усуней [108, с. 72; 23, т. 1, с. 155].

Дальнейшее развитие эта легенда получила у тюрков. «Вероятно, тюрки являются особым поколением сюнну. [Некто] из рода Ашина отделился и образовал було. Позже було Ашина было разбито соседним государством, которое полностью уничтожило этот род. Остался только один мальчик, примерно десяти лет. Воины, видя, что он мал, не

разрешили убивать его. Тогда отрубили ему ноги (вариант — отрубили ноги и руки. — *Е. К.*) и бросили его в болотистую низину, заросшую травой. Какая-то волчица вскормила его мясом. Когда он вырос, то спарился с волчицей, вследствие чего она забеременела. Тот [соседнего государства] князь, услышав, что этот мальчик еще жив, снова послал убить его. Посланные обнаружили, что подле [мальчика] находится волчица, и хотели вместе с мальчиком убить и волчицу, но волчица убежала в горы к северу от государства Гаочан» (Турфанский оазис) [219, цз. 84, с. 1а]. Волчица, как бы защищаемая божеством, нашла пристанище на горе. «Эта гора находится к северо-западу от Гаочан, к востоку от моря. У подножия горы была пещера. Волчица вошла в нее и обнаружила там ровную землю, поросшую густой травой. Волчица спряталась там и родила десять сыновей. Десять сыновей выросли, вне [пещеры] выпросили [себе] жен, [жены] забеременели. Потомки каждого из этих [десяти] сыновей имели особое наименование своего рода (син). [Род] Ашина как раз и был один из них. Сыновья и внуки [рода Ашина] множились, и постепенно число их достигло ста семей» [219, цз. 84, с. 1а]. В «Чжоу шу» сказано: «После этого волчица родила десять сыновей. Среди них один, рода Ашина, был самым мудрым, благодаря чему он стал государем, и для того, чтобы показать и не забывать свое происхождение, он подле своего ямыня (управления) выставил знамя с головой волка. Некий Асяньшэ, возглавив було, вывел его из пещеры. Через несколько поколений [тюрки] подчинились жужу... поселились на южных склонах гор Цзиньшань (Алтай), работая у жужу плавильщиками железа и кузнецами. Очертания гор Цзиньшань похожи на шлем. По их обычаю шлем называли туцюе, и по этой причине [потомков Ашина] назвали туцюе (тюрками)» [255, цз. 50, с. 1а].

Если мы проследим основную канву усуньской и древнетюркской легенд, то увидим много общего: 1) нападение врагов; 2) остается в живых мальчик; 3) его кормит волчица молоком (усуньская легенда), мясом (древнетюркская легенда). Далее имеются расхождения: 1) мальчика приютил шаньюй гуннов, он становится правителем усуней (усуньская легенда); 2) мальчик спаривается с волчицей. Концовки в той и другой легенде разные: у усуней — он становится правителем, у тюрков — мальчика убивают возвратившиеся враги; волчица чудесным образом спасается и рожает десять сыновей; один из них — предок царского рода тюрков Ашина. Если в усуньской легенде правителем и основоположником династии становится сам вскормленный волчицей мальчик, то древнетюркский вариант легенды усложняется: мальчик гибнет, но основоположником династии становится один из его потомков, рожденных волчицей. Волчица уже не просто вскармливает, она

порождает первопредка. С нашей точки зрения, сходство легенд о происхождении правящей династии может служить важным аргументом в пользу тюркской этнической принадлежности усуней.

Имеется и другой (мы бы его назвали енисейским, северным, в отличие от усуньско-древнетюркского, южного, алтайского) вариант легенды. «Говорят, предки тюрок происходят из государства Со, которое находилось к северу от сюнну. Дажэнь их було звался Абанше (шад Абан). Имелось 17 братьев, и один из них звался Ичжинишиду, „рожденный волчицей". Баншэ и другие его братья при этом от рождения были глупы, из-за чего и были погублены. Нишиду, поскольку отличался [от них] чувствами и силою духа, обладал способностью вызывать ветер и дождь. Он взял в жены двух девушек, говорили, что [они] были дочерьми духа Лета и духа Зимы. Одна из них забеременела и родила четырех сыновей, один из которых превратился в белого лебедя. Один из них создал свое государство между реками Афу (Абакан) и Цзянь (Кэм, Енисей), называвшееся Цигу (кыргыз), один из них создал государство на реке Чучжэ, один, а именно Даэр (Нодули-шад, см.: [83, с. 105], имя буквально значит „старший сын". — *Е. К.*), поселился в горах Цзяньсычучжэши. На [этих] горах по-прежнему жили потомки Абаншэ, при этом в горах выпадало много холодных рос. Даэр добыл огонь, обогрел и накормил их, все получили помощь и были спасены, после чего сообща пожаловали Даэр государем (чжу) и назвали его Туцюе (тюрком). Это был как раз Нодулу-шад. Нодулу имел 10 жен, сыновья, которых они родили, все сделали своей фамилией наименование рода матери. Ашина был сыном самой младшей жены. Когда Нодулу умер, сыновья десяти матерей пожелали выбрать и поставить [государем] одного из них. Тогда один за другим они собрались под большим деревом и сообща порешили: вспрыгивать на дерево. И тот, кто сможет вспрыгнуть выше всех, того и поставить [государем]. Сын по имени Ашина хоть и был всех младше, но прыгнул выше всех. Все сыновья вследствие этого пожаловали его государем и титуловали его Асянь-шэ (Асянь-шад)» [255, цз. 50, с. 1б].

В этом северном варианте нет сюжета «чудесного спасения». Просто сказано, что первопредок Нишиду, один из 17 братьев, сыновей дажэнь Абан-шэ (шада Абана), «был рожден волчицей». Однако в этой легенде первопредок наделяется сверхъестественной силой (умеет вызывать ветер и дождь), вступает в брачный контакт с космическими силами (берет в жены дочерей духа Лета и духа Зимы). Потомки его — три сына — основатели государства. Старший сын Даэр при этом обретает черты культурного героя и добывает для людей огонь. Он тюрок (туцюе) и государь. В числе его 10 сыновей сын самой младшей жены — предок

клана Ашина. Младший сын (младший всегда умнее, Чингис — тоже потомок младшего из братьев), а не старший выдерживает испытание, вспрыгивает выше всех на дерево и становится государем.

И в первой, и во второй версиях легенды действуют 10 сыновей и Асянь-шэ (шад Асянь), который, по первой легенде, вывел свой народ из пещеры, а по второй — это титул младшего сына по имени Ашина.

Любопытно наличие дерева как орудия испытания (мировое дерево?) и сюжета о младшем сыне как самом способном и преемнике царской власти.

Легенда в ее южном варианте отражена в навершии к Бугутской согдоязычной стеле, где изображено спасение волчицей мальчика с культями вместо рук и ног (вариант «Суй шу» [81, с. 158]).

В Центральной Азии и у других народов были легенды об «избиении младенцев» и «чудесном спасении». По одной из таких легенд, сохранившейся в тибетской записи, предок правящего тангутского (Си Ся) рода был спасен от гибели после приказа правителя уничтожить всех мальчиков-новорожденных; спасшегося мальчика выкармливала корова (см. [348]).

Ю. А. Зуев предложил считать ворона из усуньской легенды тотемным предком усуней и олицетворением Неба — главного божества народов Центральной Азии и Дальнего Востока [68, с. 5]. Отметим связь в мифах образа ворона с солнцем.

У гаоцзюй, предков уйгуров, легенда бытовала в ином варианте. В ней животное, волк, являлось не матерью, а отцом предка, основоположника династии. «Родоначальником гаоцзюйцев является внук по дочери сюннуского [шаньюя]... У сюннуского шаньюя родились две дочери необыкновенной красоты, поэтому население владения считало их богинями. Шаньюй заявил: „Поскольку у меня такие дочери, разве я могу выдать их замуж за [обыкновенных] людей? Я отдам их Небу“. После этого он насыпал на севере владения в безлюдной местности высокую террасу и поселил на ней двух дочерей, сказав: „Прошу Небо встретить их“. Через три года мать хотела встретить дочерей, но шаньюй сказал: „Нельзя [этого делать], их ожидает переселение“. Прошел еще год, и появился старый волк, который днем и ночью, охраняя террасу, выл. Он вырыл под террасой нору и не выходил из нее. Тогда младшая дочь сказала: „Наш отец поместил меня здесь, желая отдать Небу. Ныне появился волк, который, возможно, является чудесным существом, посланным Небом“. Она хотела спуститься с террасы, чтобы пойти к волку, но старшая сестра в испуге воскликнула: „Это животное, ты только осрамишь отца и мать!“ Однако младшая сестра не послушалась ее, спустилась с террасы, стала женой волка и родила сына.

Впоследствии его потомки размножились и создали государство. [Вот почему] люди этого государства любят протяжные длинные песни, исполняя которые, воют, подобно волкам» [185, цз. 103, с. 734].

В этой легенде отметим три линии — прямую связь первопредка с историческим народом, гуннами. Вероятность такого родства, кстати, предусматривает и южная, алтайская, версия легенды. Шаньюй гуннов отдает своих красавиц дочерей Небу, верховному божеству, посадив их на высокой террасе, насыпанной, очевидно, из земли и камней (приносит их в жертву на сооруженном для этого алтаре). Появляется волк. Младшая дочь, в отличие от старшей, понимает, что он и есть представитель Неба, и вступает с ним (с Небом) в брак, рожает сына, первопредка и основателя государства. Эта легенда, безусловно, стоит особняком. С другими тюркскими легендами ее связывает только то, что здесь волк — тотемный первопредок тюрков — выступает в мужском начале.

Южная легенда с мотивом спасения беременной волчицы в пещере послужила обоснованием своеобразного обряда «чудесного нового рождения тюрка-правителя», или, как пишет С. Г. Кляшторный, «мотива пещеры-матери, порождающей предка-зверя (небесного зверя)» [81, с. 159–160]. По данным Ал-Бируни, такой обряд повторного рождения (вспомним, что таковой был и у киданей) в пещере совершал тюркский правитель в Кабуле. «Первым из них пришел Бирха Такин. Он вошел в пещеру в Кабуле, в которую нельзя было войти иначе, как боком и ползком, там была вода, и он положил туда еду на несколько дней... после того как Бирха Такин вошел в пещеру, вдруг выходит кто-то из нее... как бы рождается из чрева матери. Народ воздал ему почести как чудесному существу, предназначенному на царство» [81, с. 159–160]. В сочинении «Тай-пин гуан цзи» сохранилась версия легенды об ином первопредке тюрков, антиподе волка — белом олене с золотыми рогами. Во время охоты этот олень был убит одним из предводителей племени аши. Правитель Имо-шэли приказал казнить виновного. Позже, во время жертвоприношений знамени с изображением волка, в церемонии участвовали и представители племени аши, предок которых убил оленя [68, с. 8].

Основные идеи тюркских легенд о происхождении их правящего дома причудливо объединяются в монгольском предании о происхождении рода Чингисхана. Здесь мы находим волка, оленя и занятие кузнечным ремеслом. Отдаленным предком Чингиса был Бортэ Чино (Пегий волк), прародительницей и супругой волка — Гоа-Марал (Прекрасная Лань). Их потомок Дува Сохор был циклопом («у Дува Сохора был один-единственный глаз посреди лба»; Сохор — «одноглазый»).

Ш. Гаадамба считает слово «дува» родственным киргизскому «дяо» (великий) и полагает, что образ Дува Сохора («Одноглазого великана») «восходит к персонажу типа греческого Полифема» (см.: [113, с. 77]). Ш. Гаадамба приводит монгольскую сказку о «Пузатом старике», в основу которой положен сюжет о циклопе Полифеме. Дува Сохор сосватал своему младшему брату Добун-Мэргэну Алан-Гоа, прародительницу рода Чингиса. Алан-Гоа чудесным образом зачала трех сыновей. Вот как она сама рассказывала об этом: «Каждую ночь, бывало, через дымник юрты в час, когда светило внутри [погасло], входит, бывало, ко мне светло-русый человек: он поглаживает мне чрево, и свет его проникает ко мне в чрево... если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения».

Среди «отмеченных печатью небесного происхождения» был и младший сын Алан-Гоа — Бодончар. Далее мы снова сталкиваемся с сюжетом о мудром младшем брате.

Оставшись после раздела имущества ни с чем (в сущности, чисто по-европейски, как в сказке братьев Гримм, где младшему брату при разделе имущества достался только кот, а не по-монгольски, у монголов как раз имущество наследовал младший сын), младший брат пускается в странствие. Волки (снова волки!) помогают ему пережить зиму, он, «глупый», надоумливает старших, «мудрых», братьев захватить «бесхозных» людей (кстати, ситуация достаточно реальная в переходный период развала тюркской власти и перехода таковой к монголам, ибо, как мы видели, в организованном кочевом обществе и государстве «бесхозных» людей не было). Так стали, согласно легенде, дети Алан-Гоа родоначальниками различных монгольских племен. Сам Бодончар явился родоначальником группы Борджигин, из которой происходил Чингис [89, с. 79–82]. Легенда примечательна тем, что прямо говорит о «небесном происхождении» рода Чингиса и чингисидов. Светло-русый человек в китайской передаче назван человеком «желто-белого цвета» или «духом золотого цвета» (юань ши). Есть варианты легенды, где виновником беременности Алан-Гоа стал «свет», «белый свет», который превратился в мужчину («белый свет проник в юрту, превратился в мужчину, поэтому [Алан-Гоа] забеременела и родила трех сыновей») [274, с. 201].

О том, что монголы знали кузнечное дело и, «расплавив гору», вышли на простор будущих монгольских степей, мы писали ранее.

Если монгольская легенда как бы завершает тюркский цикл, вводя связь правящей династии с Небом через образ некоего человека-духа, являвшегося к прародительнице в виде сгустка света, похожего по очертаниям на человека (мужчину), то легенда о происхождении киданей кладет начало циклу о небесных девах-прародительницах, который

позже появляется минимум дважды — в легенде о происхождении правящего маньчжурского клана Айсинь Гиоро и в легенде о происхождении ханского рода джунгаров Чорос.

К легенде об Алан-Гоа близко примыкает легенда о рождении основоположника киданьской династии Абаоцзи. Мать его забеременела от того, что «увидела во сне, будто ей на грудь упало солнце. Когда она рожала, то появился чудесный свет и необыкновенный аромат. Родившийся мальчик был столь же велик, как и трехлетний ребенок, он сразу умел ползать, а через три месяца [после рождения] стал ходить. Когда ему исполнился год, он стал разговаривать» [206, цз. 1, с. 1а].

По сведениям «Цидань го чжи», «с самого рождения император отличался великодушием, обладал большим умом и не был похож на остальных. Достигнув зрелого возраста, отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь. Однажды ночью над местом, где спал император, появился свет, что испугало и удивило всех окружающих. Все кочевья боялись его смелости, и не было ни одного, которое не повиновалось бы ему» [64, с. 41]. Схожа по сути с легендой об Алан-Гоа и легенда киданей о рождении второго императора династии Ляо Тай-цзуна. Его матери, императрице Интянь, приснилось божество, которое явилось в сопровождении животных, составляющих совокупно 12-летний животный цикл. Среди них имелся черный заяц, который вспрыгнул на лоно императрицы. Она забеременела и родила Тай-цзуна. Во время его рождения черные тучи закрыли юрту, внезапно вспыхнул яркий свет (сверкнула молния) и загремел гром [206, цз. 37, с. 11а]. При рождении Агуды, первого императора чжурчжэньской династии Цзинь, над тем местом, где он родился, появились пятицветные облака.

Киданьская легенда о небесной деве повествует: «Есть гора Му-е. На горе построен храм предков киданей. Кагану Цишоу [поклоняются] в Южном храме, а [его] катун — в Северном. [В храмах] — изображения этих двух божественных предков и [их] восьми сыновей. По преданию, некий святой человек (человек-дух, божество, шэньжэнь) ехал на белой лошади на восток по течению реки Тухэ, стекающей с горы Маюйшань. Небесная дева (тянь нюй), управляя повозкой, запряженной серым быком, ехала вниз по течению реки Хуанхэ (Шара-Мурэн) из Соснового леса на равнине. У горы Му-е, где сливаются эти две реки, они встретились и стали супругами. У них родилось восемь сыновей. Позже потомки этих восьми сыновей размножились и, разделившись, образовали восемь племен (бу). Поэтому, поднимая войска в поход и во время жертвоприношений весной и осенью, [кидани] обязательно

используют [для принесения в жертву] белую лошадь и серого быка, для того чтобы показать, что они не забыли о своем происхождении» [206, цз. 37, с. 5б]. Как уже сказано, традицию легенды о небесной деве продолжают легенды маньчжуров и джунгаров.

В маньчжурской легенде говорится: «К востоку от гор Чан-байшань имеется гора Букули (Букури). У ее подножия приютилось небольшое озерцо, называемое Булахули (Булхури). Говорят, что как-то три небесные девы — старшую звали Энь-гулунь, среднюю — Чжэньгулунь, младшую — Фокулунь — купались в этом озерце. Священная сорока, которая держала во рту красный плод, положила его на одежду младшей девушки. Девушка взяла этот плод в рот и нечаянно проглотила. Вскоре она забеременела и сообщила об этом Эньгулунь и Чжэньгулунь: „Тело мое стало тяжелым, и я не могу взлететь, как мне быть?“ [Сестры] ответили: „Мы занесены в списки бессмертных. Ни о чем не беспокойся. Беременность дарована тебе Небом. Жди. Разрешение от бремени придет без опоздания“. Сказали и оставили ее. Вскоре младшая сестра родила мальчика. Только что родившись, он уже умел говорить, наружности он был необыкновенной и быстро вырос. Мать сообщила ему, что причиной ее беременности явилось то, что она проглотила красный плод. А затем она дала ему наставление, сказав: „Твоя фамилия Айсинь Гиоро, имя твое Букури Ионшунь («Букури-миротворец», «Букури, стремящийся к установлению согласия»). Небо породило тебя, чтобы прекратить беспорядки в государстве. Прибыв к ним, управляй ими. Следуй по течению реки, и ты прибудешь как раз в их земли!“ Дала ему небольшую лодку и посадила в нее. Затем мать поднялась в воздух и исчезла. Лодка поплыла по течению и доплыла до Хэбу (переправы). Тогда [мальчик] поднялся на берег, наломал ивы, нарвал полыни, сделал себе сиденье и сел на него. В это время в тех землях три рода (сань син) боролись за старшинство, ежедневно они затевали сражения и истребляли друг друга, и смуты никак не прекращались. Раз кто-то брал воду у Хэбу, увидел [мальчика] и удивился ему. Он вернулся и сказал прочим людям: „Не сражайтесь! Я брал воду у переправы и обнаружил мальчика. Подробно рассмотрел его наружность. Это необычный человек! Небо не напрасно рождает таких людей!“ Люди пошли посмотреть на него, и все согласились, что он необыкновенный. Потом спросили: „Откуда ты пришел?“ Он ответил: „Я Небесный мальчик, рожденный Небесной девой. Небо породило меня, чтобы прекратить среди вас беспорядки!“ И при этом сообщил им свои фамилию и имя — Айсинь Гиоро Букури Ионшунь. Все сказали: „Это мудрец, рожденный Небом. Нельзя принуждать его идти пешком!“ Затем скрестили руки и образовали носилки и с возгласами приветствия доставили домой. Три раза

собирали совет и объявляли: „Почему бы нам не прекратить вражду? Сделаем-ка этого человека государем!“ Тогда женили его на дочерях и поднесли ему титул бэйлэ. И тотчас беспорядки у них прекратились. Затем он жил в городе Одоли к северу от гор Чанбайшань. Государство было названо Маньчжу» [179, шоу цзюань, с. 1б–2а].

Горы Шанъян-алинь, или, по-китайски, Чанбайшань, их юго-западные склоны и долины стали родиной маньчжурского народа. Легенды часто опираются на реалии. И сейчас на вершине самой высокой из гор Чанбайшань — горе Белоголовой (Байтоу шань, высота 2741 м) — в горном кратере сверкает озеро Тянь чи («Небесный водоем»), достигающее 40 км в окружности, в котором, по преданию, купались небесные девы. Еще в начале нашего столетия эта гора почиталась священною у окрестного населения Южной Маньчжурии. «Вся окружающая местность, — отмечал полковник Хвостов, — посвящена предкам ныне царствующей в Китае Маньчжурской династии» [141, с. 24].

До недавнего времени бытовала среди маньчжуров устная легенда, начало которой обыденнее официального. Девушка пошла в лес на горы Чанбайшань. В лесу она ела землянику и от этого забеременела. Когда родился ребенок, она положила его в колыбель и пустила по Сунгари. Ребенок доплыл до Саньсина, где люди трех родов (сань син) боролись за власть. Увидев ребенка, они перестали сражаться, достали его из колыбельки и сказали: «Он станет нашим ханом!» В некоторых вариантах устное маньчжурское предание именует ребенка Танханье. Когда Танханье вырос, Никан-вайлан узнал, что он имеет знаки рождения, свидетельствующие о том, что он предназначен судьбой основать империю. Было приказано казнить Танханье (мотив «истребления младенцев»), но он бежал и после долгих скитаний основал государство, которое позднее стало Маньчжурской империей.

В данной устной версии вместо небесных дев — просто девушка, которая беременеет от плода (очень распространенный сюжет), и имеется сюжет о том, что будущий основатель династии избегает гибели и скитается. По преданию, реальный основоположник цинской династии Нурхаци находился в чреве матери 13 месяцев. Во время рождения мудрец предсказал ему великое будущее. Внешность Нурхаци была необыкновенной: он был ликом, как чистый нефрит, имел уши Будды и глаза феникса, обладал таким чистым голосом, который, услышав раз, уже нельзя было забыть. Отличался большой силой, в частности при стрельбе из лука. В младенчестве и юности Нурхаци, по крайней мере дважды, помогало Небо, оно молнией во мраке ночи указывало ему на его врагов, которые покушались на его жизнь, и он убивал их или брал в плен [286, с. 11–13].

В легенде о происхождении ойратского рода Чорос, правившего Джунгарским ханством, говорится: «В землях ойратов была одна высокая гора, над которой от времени до времени сгущались облака и закрывали ее от взоров людей. На вершине этой горы имелось небольшое озерко с прозрачной чистой водой, берега его были покрыты кругом густым кустарником. В то давнишнее время один молодой охотник случайно зашел на вершину этой горы. Проходя мимо озерка, он услыхал плескание воды... Движимый любопытством, он тихонько пробрался сквозь чащу кустарника и увидел в озерке купающихся тенгрин-окод, небесных дев». Страсть овладела юношей. Он «изловчился, бросил ремень и накинул петлю на одну из дев... Пойманную деву он привлек к себе... после чего он ее отпустил, и она опять исчезла в облаках». Дева забеременела, а когда пришло время родить, «она опять спустилась на берег того же озерка и там, родив сына, сделала люльку, положила в нее своего сына и затем повесила ее на деревцо». «В то давнее время у обитавших в тех окрестностях жителей не было нойонов-князей. Время же требовало, чтобы они из своей среды выбрали старшего, который управлял бы всеми, но они не знали, кого и как выбрать в нойоны. Тогда было решено пойти за советом к мудрецу, жившему недалеко, и тот посоветовал пойти и поискать нойона около озерка на горе. Действительно, когда пришли на берег озерка, то в чаще услыхали плач сына небесной девы... Этого-то ребенка местные жители воспитали и сделали своим нойоном, который и стал родоначальником джунгарского княжеского дома Чорос» [27, с. 56–58].

Ойратская легенда отличается от маньчжурской отцовством. Если в маньчжурской легенде отец — красный плод (или земляника) и чудесное зачатие происходит по принципу «плод порождает плод», то здесь отец — человек, охотник, даже не «святой» или не «человек-дух», как в легенде киданьской. Главное же сходство сакрализации власти в легендах киданьской, маньчжурской, ойратской и тибетской, о которой мы упомянем, — небесные девы, дочери Неба, верховного божества — тэнгри.

Известный путешественник М. Пессель записал в Заскаре (район Ладака, Индия) легенду о происхождении тибетцев княжества Заскар. «Молодой заскарец путешествовал по Амдо (северо-восточный Тибет). Нашел большое озеро. Из вод его вышла прекрасная принцесса. Они полюбили друг друга и родили множество детей. Поэтому жители Амдо и заскарцы — люди „одной кости“» [143, с. 37]. Здесь не упоминается, что вышедшая из озера принцесса — небесная дева, но ее чудесное появление свидетельствует о том, что она дочь божества.

Беременность от тела или плода, упавшего с Неба, — иная струя, может быть более ранняя, в легендах региона, пограничного с современной Маньчжурией. Красный плод небесной деве, прародительнице маньчжурской династии, принесла сорока. Собственное его происхождение, происхождение мужского начала, остается неизвестным. А есть легенды, в которых мужским началом выступает Небо. Волк в легенде у гаоцзюй — посланец Неба, мужское начало исходит от Неба.

Мы уже рассказывали о том, что основоположник династии сяньбийских правителей Таншихуай тоже имел необыкновенное рождение. «Его отец Тоулухоу вначале три года сопровождал войска сюнну, его жена оставалась дома и родила сына. Когда Тоулухоу возвратился, то он счел [сына] за оборотня и хотел убить его. Жена сказала, что как-то днем она шла и услышала громовые раскаты, подняла голову, чтобы посмотреть на Небо, а градина упала с неба ей в рот, и она проглотила ее. После этого забеременела и через десять месяцев родила. Этого ребенка обязательно ожидает нечто необыкновенное, следует вырастить его. Тоулухоу не послушался и выбросил его. Жена сама приказала домашним подобрать и вырастить его» [228, цз. 120, с. 8а–8б]. О чудесном происхождении Дунмина, основоположника династии, правившей в государстве Фуюй, мы уже говорили (см. раздел «Фуюй»). Мать Дунмина увидела на небе скопление воздуха величиной с куриное яйцо, которое опустилось на нее, и от этого она понесла. Ван приказал заточить ее в темницу, где она и родила сына. Ван приказал отнести мальчика в свиной загон. Свиньи обогревали его своим дыханием, а когда его перенесли в конюшню, то своим дыханием его обогревали лошади. Благодаря этому мальчик не погиб, ван счел его духом, позволил матери вскормить его и дал ему имя Дунмин. Дунмин вырос отличным стрелком из лука. Доли-ван вновь задумал убить его. Но Дунмин бежал и добрался до Фуюй, где и стал ваном [228, цз. 115, с. 3а–3б].

По корейской версии, мать Дунмина (Тонмёна) родила вначале яйцо: «она зачала и родила большое яйцо величиной в пять сын. Государь бросил его собакам и свиньям. Те не ели. Тогда выбросил его на дорогу… Быки и лошади избегали его. После бросили его в поле. Птицы прикрывали его пухом. Государь хотел разбить его и не мог». Эта легенда вошла в корейскую литературу. Использовались три мотива: рождение из яйца, выбрасывание, а затем покровительство животных [170, с. 117]. Два последних мотива, как мы видели, широко распространены в сюжетах о чудесных рождениях и использовались для сакрализации власти.

По представлениям древних тибетцев, основоположник их правящей династии Ньятри-цанпо прямо спустился с неба на землю. Он был сы-

ном небесного божества Лха, спустился он на землю по священной горе-лестнице, соединявшей небо и землю. Его титул «цанпо» свидетельствовал о его связи с божеством цан, которое обитало в промежуточной сфере бар (т. е. в одной из трех сфер — небесной, промежуточной земной и подземной) и жило среди людей. Люди просили цанпо: «Поскольку ты — цанпо, сошедший с Неба, мы просим тебя быть нашим правителем». Они возвели его на трон и стали чествовать как государя (джалпо). Ньятри-цанпо обладал необычной внешностью: имел глаза птицы, брови из бирюзы, зубы, как белая раковина, усы тигра, между пальцами рук и ног у него были перепонки, как у гуся.

Из Гундана, страны божества Лха,
Семи сфер голубого Неба,
Пришел сын Лха, защитник людей,
Справедливыми законами и его всликим разумом
Были объединены все мелкие правители [309, с. 232].

Отметим стоящие особняком предания жуаньжуаней и цянов о происхождении их правителей от рабов. По цянской легенде, раб по имени Угэ Юаньцзянь был в плену в княжестве Цинь и бежал. Его преследовали, он укрылся в пещере. Чтобы заставить его выйти оттуда, преследователи зажгли огонь. Но появившийся некто, похожий на тигра, укрыл Угэ Юаньцзяня от огня и спас его. Угэ Юаньцзянь позже встретился с безносой женщиной, женился на ней. Его чудесное спасение, а также свойства культурного героя (он научил цянов земледелию и скотоводству) сделали его и его потомков правителями цянов. Китайские историки полагают, что Угэ Юаньцзянь жил на территории пров. Ганьсу в 475–443 гг. до н. э., и подчеркивают, что передовым типам хозяйства, земледелию и скотоводству, он научился у китайцев [189, с. 54, 131, 199].

Предок жуаньжуаней Мугулюй был в плену у сяньби. Он зарос волосами от самих бровей (не имел лба) и не помнил своего имени и фамилии. Как бы в насмешку над его волосатостью пленивший его воин династии Северная Вэй дал ему имя Мугулюй, что по-сяньбийски значило «плешивый» [165, с. 267]. Мотив происхождения от раба не очень понятен, может быть, он имел оттенок «из грязи в князи», или, скорее, отражал необходимость прохождения испытаний в годы молодости, перед воцарением.

Для нашей темы нет нужды анализировать вышеописанные легенды как памятники народной литературы (хотя многие мотивы широко распространены в мировом фольклоре, см.: [350, т. 54, T 523, I III.22.I

III 23, Д 1156 и др.], см. также: [341, с. 109–228]). Культ Неба (то, что теперь нередко именуют как тэнгриизм) был главным в верованиях народов Центральной Азии и Дальнего Востока. Появление основоположника династии, основателя государства так или иначе было связано с Небом как верховным божеством. Небо выступало в качестве и мужского, и женского начала (в более древнюю эпоху, возможно, чаще мужского). Оно разными способами участвовало в появлении на свет и утверждении основателя династии. Иногда это участие было почти прямым. Шаньюй гуннов, судя по его титулу, был «рожден», или «порожден», Небом, цанпо Тибета «спустился с Неба». Это верх сакрализации, максимальное, непосредственное участие Неба. Иногда Небо давало лишь знак, например в месте рождения Агуды появились пятицветные облака. Это минимум участия, хотя, к сожалению, сведения о сакрализации власти у чжурчжэней незначительны.

Итак, Небо могло выступать как женское и как мужское начало. Как женское начало Небо выступает при рождении основоположника династии у усуней (волчица), тюрков (волчица), тангутов (корова), маньчжуров (небесная дева), ойратов (небесная дева). Здесь мы можем выделить два возможных временны́х слоя — более древний слой, когда Небо как женское начало выступает через животное (волчица, корова), и более поздний (небесная дева, дочь Неба), когда женское начало принимает человеческий облик. Пол может меняться (у гаоцзюй волчица становится волком) или совмещаться (у маньчжуров — небесная дева и плод, тоже дар Неба).

Небо — всегда мужское начало у народов — выходцев из западных и центральных районов Маньчжурии: сяньби (градина плюс раскат грома), фуюй (скопление воздуха в форме яйца), киданей (солнце-заяц), чжурчжэней (облако), монголов (свет, свет в некоем антропоморфном облике). Здесь тоже можно выделить две временны́е группы: более древнюю — яйцо (скопление воздуха в форме яйца, градина тоже в форме яйца) и более позднюю — свет (у киданей — солнце, у чжурчжэней — облака, у монголов — свет, луч света в антропоморфной форме). На основании только этого материала, разумеется в некоторой мере условно, можно отметить определенное родство легенд у усуней и тюрков, сяньби и фуюй, киданей, чжурчжэней и монголов, маньчжуров и ойратов.

Участие животных в известной мере отражает представления о тотеме, идущие еще от первобытно-общинного строя. Это волки (тюрки), корова (тангуты), бык и лошадь (кидани), дух в облике коня, ревущий, как бык (у сяньби, когда Тоба Ливэй вел свой народ на юг, преодолеть ему труднопроходимые горы помог этот дух). Отделению

туюйхуней предшествовали ссоры коней. Предки с обликом коня и собаки зафиксированы в тангутских текстах. Участие животных в рождении, спасении, воспитании предка имело в конечном счете одну цель — доказать его чудесное происхождение, подтвердить, что правящий клан стоит у власти «волею Неба», «милостью божьей» (ср. представления о благой силе дэ и мандате Неба у китайцев). Все это — прямое свидетельство необходимости идеологического обоснования права на власть, избранничества династии, а это всегда признак власти государственной.

Несколько слов о пространственной ориентации государей и государств Центральной Азии. Гунны (если отрицать то, что шаньюй гуннов сидел, оборотясь лицом на север) лицевой стороной считали юг, тыльной — север, восток — левой, запад — правой. Левая (восточная) сторона стала более почитаемой. Тибетский цанпо в период разделения страны на три «рога» (центральный, левый и правый) находился в центре, оборотясь лицом на юг. Лицом к югу сидел монгольский хан, но монголы считали правую сторону более почетной, чем левую.

Однако не менее прочной была традиция предпочтения восточной стороны. У ухуаней вход в юрту был обращен в сторону восхода солнца — на восток. Тюрки лицевой стороной считали восточную, тыльной — западную, юг у них был правой стороной, север — левой. Однако, по-видимому, при делении государства на центр, левое и правое крыло в силе была та модель, при которой у государя, сидевшего в центре лицом к югу, слева находился восток, справа — запад. Сидел на троне лицом на восток император Наньчжао. В обычаях Ляо было оборачиваться лицом на восток и ценить левую сторону. Это были, пожалуй, самые естественные формы ориентации, связанные с суточным движением солнца, в одном случае предпочиталось место восхода солнца, в другом — точка его наивысшего подъема в полуденную пору на южной стороне.

Сяньбийцы, во всяком случае сяньбийцы Тоба, отдавали предпочтение западной стороне. Император Тоба-Вэй поклонялся Небу, оборотясь лицом на запад. Это обстоятельство, возможно, требует более внимательного отношения к версии тангутского государя Юань-хао о происхождении тангутских (минягских) государей Си Ся от императора Тоба-Вэй. По тангутским представлениям, тыл был востоком, лицевая сторона — западом, соответственно левой стороной — север, а правой — юг.

Большинство правителей государств кочевников, существовавших к северу от Китая, полагали себя династиями северными, а Китай — ди-

настией южной, видя в этнокультурном различии кочевого и оседлого населения различия между севером и югом. Эта граница была подвижной в каждом конкретном случае, части юга (Китая) нередко входили в состав кочевых государств, и лишь однажды хану Угедэю был представлен проект расширения зоны севера со всеми ее особенностями — уничтожением всего населения северного Китая и превращением его территории в пастбища для скота. Однако надо сказать, что в древности и Средневековье этнокультурные границы Китая никогда не выходили за пределы Великой китайской стены.

КОЧЕВОЕ ГОСУДАРСТВО (некоторые предварительные обобщения)

«Прежде всего надлежит знать, — писал Рашид ад-Дин, — что в каждом поясе земли существует отдельное [друг от друга] население, [одно] оседлое, [другое] кочевое» [150, с. 73]. Осознание того, что в различных природных зонах, в разных, по выражению Рашид ад-Дина, «поясах земли», существуют два основных вида хозяйственной деятельности — оседлое земледелие и кочевое скотоводство, прочно укрепилось по отношению к описанному нами региону уже к рубежу новой эры. Н. И. Веселовский писал: «Кочевая культура не представляет переходной ступени от звероловства в оседлую, а составляет самостоятельное явление, как культура оседлых» [34, с. 3].

Различные типы хозяйства определяли различие в социальных отношениях и разные типы государственности. Так, в китайской историографии появился термин «кочевое государство», или, буквально, «подвижное государство» (син го). Цзя Цзиньянь указывает, что впервые этот термин встречается в «Ши цзи» Сыма Цяня, в «Описании Давань». «Син го» (кочевое государство) — это государство у народов-кочевников, «передвигающихся вместе со скотом», государство народа-«неземледельца» (бу ту-чжэ). Кочевое государство мобильно, оно кочует, движется вслед за скотом. При описании жуаньжуаней встречается термин «го ло» (государство-кочевья). В. С. Таскин переводит этот термин как «юрточное государство» [165, с. 403]. В сочинении Ван Моу «Дао шань цин хуа» поясняется: «Имеются государства [с] городами, обнесенными стенами, имеются кочевые государства (ю чан го, ю син го)». Подытоживая характеристику «кочевых государств», данную китайскими авторами II в. до н. э. — XIII в. н. э., Цзя Цзиньянь указывает, что китайские историки силу кочевых государств определяли числом выставляемых ими воинов, а главным их богатством полагали не столько скот вообще, сколько количество имеющихся в этом государстве лошадей. Политическим, экономическим и культурным центром

кочевого государства являлась ставка хана, которая могла перемещаться. Свойством населения кочевых государств была воинственность [240, с. 142–145]. Термином «кочевое государство» пользовался и В. В. Бартольд [8, с. 22]. По определению К. И. Петрова, «собственно кочевое хозяйство как комплекс трех элементов (община + пастбища + скот) подразумевает перемещение-переселение двух элементов (общины со скотом) по территориально непостоянным пастбищам» [144, с. 75]. Кочевничество в течение двух тысячелетий было распространено на территориях, которые «не могли быть освоены и не осваивались другими видами производственной деятельности» [125, с. 27].

Китайские авторы постоянно подчеркивали особую роль кровнородственных отношений и кровнородственных групп, место их руководителей в кочевых государствах. Сановник Ли Боло говорил: «Тюрки хотя и зовутся „единым государством“, однако это племя (чжунлэй) разобщено, каждый имеет своего правителя (цюшуай)» [270, цз. 28а, 19, 6, с. 30]. Многообразие способов деления на традиционные единицы (условно «племя», «род»), известную нечеткость, условность этого деления у кочевников в исследуемую эпоху хорошо подчеркнули составители истории киданьского государства «Ляо ши». «Племя (було) называется бу, род (шицзу) называется цзу. Соединяются в рода (цзу) и селятся. Есть рода (цзу), входящие в племя (бу), есть рода, не [входящие] в племя, есть племена, [состоящие] из родов, есть племена, не [состоящие] из родов» [206, цз. 32, с. 2б].

В принципе вопрос о применении китайских терминов для характеристики кровнородственных отношений, реальных и мнимых, на обширном материале описания всех сопредельных с Китаем народов еще ждет своего исследования. Не исключено, что строгой системы так и не будет выявлено. В свое время В. В. Бартольд справедливо писал о качестве переводов с китайского сведений о сопредельных народах: «Даже авторитетными синологами одни и те же тексты толкуются различно. Ничего удивительного в этом, конечно, нет. Напротив, если бы это было не так, синология представляла бы резкое исключение среди научных дисциплин, связанных с востоковедением. Библия и Коран изучаются и переводятся на европейские языки уже много столетий, между тем едва ли какой-нибудь ученый решился бы предложить читателю такой перевод одного из двух памятников, которым бы навсегда исключалась необходимость нового перевода» [12, с. 412].

Венгерская исследовательница Илдико Эчеди пыталась проделать работу по идентификации китайской терминологии, применяемой к тюркам. По ее заключению, термин «чжун» («масса», «толпа», «народ», «народ и войско») в текстах о тюрках означает безымянную массу в

отличие от «було», которое имеет наименование [291, с. 255]: «„Було“ — термин, используемый для чужеземцев, которые главным образом характеризуются как патриархальные группы, руководимые вождем, и в общем переводимый как „племя“» [291, с. 249]. «Чжун» («род», «клан», «семья») содержит указание на определенный этнос, это «этническая раса» [291, с. 254], «син» (совр. «фамилия») — это «„клан“, в смысле экзогамной патрилинейной кровнородственной группы максимального размера» [291, с. 252], и, наконец, термин «чжан» («палатка», «юрта») «означает, возможно, экономическую единицу общества и, вероятно, большую семью» [291, с. 262].

Однако трактовать китайские термины только как термины, обозначающие различный уровень объединений, связанных исключительно кровнородственными связями, очень трудно. Приведем пример. В западнотюркском каганате Шаболо-каган в годы Чжэнь-гуань (627–640) разделил свой каганат на 10 бу. Каждым бу правил шад, имея символом власти стрелу, поэтому 10 бу стали именовать «десять стрел». В китайских источниках 10 бу (стрел) были известны и как 10 було (племен) или как шу син було (племена 10 кланов). В 657 г. племена 10 кланов выставили 100-тысячную армию, т. е. каждое було или бу выставило примерно по 10 тыс. войска. Таким образом, бу (часть), було (племя), ши син було (племена 10 кланов) западнотюркского каганата на деле являлись тьмами, военно-административными, а не кровнородственными единицами.

В XIX в. алтайцы подразделялись на дючины и сеоки. Во главе каждой из семи дючин стоял определенный род, из которого избирался зайсан (в джунгарское время он утверждался джунгарским ханом, а позже — русскими властями). Дючины состояли из сеоков. Принадлежность к сеоку наследовалась по отцовской линии. Налицо был процесс «стягивания» сеоков, образования новых дючин, формирования «территориальных связей», которые «чаще всего выступали в форме родовых» [177, с. 7–8]. И действительно, вопрос о том, описаны ли в китайских источниках родоплеменные отношения или какие-либо иные в форме родоплеменных, остается чрезвычайно важным и, к сожалению, пока наукой не решенным.

При чтении китайских описаний сопредельных с Китаем народов как раз надо иметь в виду, что территориальные связи описываемого населения зачастую бытовали именно в форме родоплеменных. К. Витфогель, исследуя достаточно обширный материал по киданям и государству Ляо, трактует термин «цзу» как «род», «бу» как «племя» и уже с «було» испытывает затруднения, определяя «було» и как «племя», и как «локальную группу», и как «административную единицу». При

этом он делает весьма существенную оговорку и для термина «цзу», и для «бу». «„Цзу“ и „бу“ — китайские термины, которые являются не более чем приблизительным эквивалентом для обозначения специфических и иногда непривычных (для китайцев. — *Е. К.*) аспектов киданьского общества» [359, с. 47]. «„Цзу“, — пишет он, — зачастую не являлись подлинными родами, они лишь фиксировали „линидж“, „происхождение“, „родословную“. Некоторые „цзу“ были созданы лишь после утверждения династии, такие, например, как Елюй и Сяо» [359, с. 47]. «Племена являлись экономической, политической и военной организациями. Префекты, командовавшие большими или малыми племенами империи, проводили политику центрального правительства, возможно, во всех сферах племенной жизни» [359, с. 518]. Племена создавались искусственно. Таковыми были племена Пинь и Чудэ в числе «восьми племен Тай-цзу». Они образовались из лагерей, стойбищ (ин), три стойбища си были преобразованы в три племени, племена создавались из людей лично несвободных, объединение определенных групп людей, которое получало знамя и барабан, могло «обрести статус племени» [359, с. 48].

Таким образом, за «родоплеменным делением», фиксируемым в источнике, реального родоплеменного деления практически (или очень часто) не было. Была форма, традиционная и удобная для фиксирования административного, военного и т. п. подразделения населения в государстве.

Ю. В. Бромлей характеризует такого рода родоплеменную организацию как организацию вторичного порядка в отличие от кровнородственной [26, с. 142, 143]. К. И. Петров пишет, что родоплеменную организацию кочевников «можно именовать таковой лишь условно». Она не является «пережитком» патриархально-родового строя, а обусловлена сутью способа производства, ее «следует считать органическим институтом и самого данного общества, опосредованно связанного с характером природного пастбища как средства труда и общинно-родоплеменной собственностью на него» [144, с. 53]. Г. Е. Марков справедливо отмечает, что у кочевников «генеалогическое родство» и вымышленное представление о «единстве происхождения» выступали как «идеологические формы осознания реально существовавших военно-политических, хозяйственных, этнических и других связей» [119, с. 89]. «Кочевая община, — отмечает Л. П. Лащук, — в оболочке простейшего социального организма с внешней стороны рисуется неизменной величиной, пронизанной „неформальными“ (как сказали бы социологи) узами родства, свойства́ и взаимного соседства» [110, с. 90]. Н. Э. Масанов на материале истории казахов XVIII–XIX вв. вводит понятие

«территориальная общность». «Данную общность, — пишет он, — в дореволюционной, отчасти и в советской литературе именовали „родом", а в современной историографии по отношению к ней нередко употребляли понятия „патронимия" или „клан". Думается, что для данной структуры более приемлемым было бы понятие „территориальная социогруппа" или „ассоциативная общность" в противоположность общинам как производственным организмам общества, нежели „патронимия", „клан", которые не в полной мере отражают процессы социальной интеграции и несут на себе печать биосоциальной структуры. И уж совсем неприемлемым представляется понятие „род", которое относится к совершенно иной в формационном плане социальной структуре общества, тогда как ассоциативная общность, хотя и могла совпадать с собственно патронимической или клановой организацией, в целом характеризуется не общностью происхождения и кровнородственными связями, а прежде всего общностью экономических интересов в сфере скотоводческого хозяйства, организацией отношений, связанных с системой землепользования» [125, с. 108–109]. Эти важные выводы науки, сделанные за последние несколько десятилетий, должны всегда приниматься во внимание при изучении кочевых обществ и кочевых государств.

Мы пишем «кочевых государств», но собственно существование кочевого государства в прошлом до сих пор еще приходится доказывать. «Кочевники, — пишет С. А. Плетнева, — не успели осесть, создать культуру, государство» [163, с. 60]. По заключению С. А. Плетневой, создать государство могли лишь оседлые народы. Г. Е. Марков полагает, что кочевники не образовали классовых обществ, для которых были бы характерны непреодолимые классовые противоречия, а потому не создали и государств, а лишь «кочевые империи». Крайним выражением «военно-кочевого» состояния были кочевые империи. Однако экономический базис общества оставался при всех состояниях общественной организации в принципе неизменным, и переход общества из одного состояния в другое был явлением обратимым. Этим «военные империи» отличались от государственных образований, возникавших при достижении обществом определенного уровня социально-экономических отношений, вследствие появления непреодолимых классовых противоречий, явлений необратимых [117, с. 28].

Допуская имущественное расслоение у кочевников, Г. Е. Марков указывает на появление у них классов только с переходом к оседлости, а это стало возможно лишь тогда, «когда на кочевников оказывали воздействие общества с развитыми капиталистическими отношениями» [119, с. 87]. Г. Е. Марков предлагает считать, что господствующий слой

(слой, а не класс) у кочевников «состоял в принципе из четырех социальных групп: военных предводителей разного рода, старейшин, духовенства, богатейших владельцев стад» [119, с. 88]. Рецензируя книгу Г. Е. Маркова «Кочевники Азии» [117], С. И. Вайнштейн и Ю. И. Семенов поддерживают вывод Г. Е. Маркова, что кочевое общество не могло быть ни первобытно-общинным, ни рабовладельческим, ни феодальным, разделяют его «глубоко аргументированный вывод о несостоятельности концепции „кочевого феодализма“» и, со своей стороны, предлагают характеризовать кочевые общества как предклассовые. Предклассовые общества, с одной стороны, доклассовые, с другой — классовые. Некоторые из них были «становящимися государствами» [30, с. 165]. «Становящиеся государства» — это кочевые империи. «Кочевые империи действительно были эфемерными образованиями, однако по своей социально-экономической структуре они мало чем отличаются от многих формирующихся государств земледельческих народов» [30, с. 165]. И вот с последними словами С. И. Вайнштейна и Ю. И. Семенова хотелось бы полностью солидаризироваться. Г. Е. Марков и С. А. Плетнева далеко не одиноки в своих выводах. Правда, как нам кажется, на той части, где они пишут о государствах кочевников, лежит печать узкого профессионализма, увлеченности только своим материалом в ущерб использованию его во всем комплексе.

Мнения, близкие вышеизложенным, разделяются далеко не всеми. Есть крайности и другого рода. Так, существует мнение, что кочевое общество с самого раннего периода своего возникновения представляло собой государственную форму политической организации (см.: [79]). Однако связать появление кочевничества как формы хозяйственного освоения определенной территории с одновременным появлением государств у кочевников — также трудновыполнимая задача, да и вряд ли между этими сторонами развития общества скотоводов-кочевников была прямая временна́я связь. Наконец, есть исследователи, которые не сомневаются, что у кочевников была государственность. «Не дикими варварами-кочевниками были воины Чингис-хана... Организованное государство, жесткое своей дисциплиной и поставленными перед ним целями, — пишет Г. А. Федоров-Давыдов, — вот в чем была сила монгольского движения, перед которым все отступало» (см.: [163, с. 202]).

Сообщество даже в мире насекомых и животных отличается организацией и иерархией. Ранней формой организации человеческого общества был родовой строй. Он был разрушен развитием производительной деятельности людей и разделением труда. В числе последнего «великим» являлось выделение скотоводства и появление скотоводства кочевого. Государство, различные формы государственности —

особая организация общества. Государство как форма организации общества является органом выполнения общих для общества дел, фактором его интеграции и упорядочения. Наука исходит из того, что государство как форма организации общества, как управляющая система иная, чем родовой строй, начинается с такой публичной власти, интересы которой непосредственно с интересами населения уже не совпадают. А это стало возможным лишь тогда, когда общество в силу его имущественного расслоения, иных видов разъединения на группы по признакам религиозным, этническим, политическим, юридическим и т. п. раскололось на классы и публичная власть, воплощенная в государственном механизме, оказалась в руках одной группы или нескольких групп, в руках господствующего класса, который стал использовать ее в своих интересах. Различные социальные группы добиваются политической власти, суть которой в господстве, в возможности использования публичной власти, власти государственной. Государственная власть сосредоточивается в аппарате управления, политической власти она не тождественна. Государство — продукт социального, классового расслоения общества. Таковым оно было и в кочевых обществах мира, у народов Центральной Азии, в регионе нашего исследования.

Наличие глубокого имущественного расслоения у кочевников, деление их на богатых и бедных не оспаривает никто. Основное богатство у кочевников — скот.

> Если выхаживать скот — умножится он,
> И ханом станет человек, имеющий много скота,

говорится в киргизском эпосе «Манас» [114, с. 229]. Напомним, что использованные в данном исследовании источники также постоянно указывают на бедность и богатство. У усуней были «богатые люди», которые имели по 4–5 тыс. голов лошадей. Тюрки различали в своем обществе богатых — «бай» и бедных — «чугай». Ибн Фадлан писал, что богатые тюрки-огузы имели по 10 тыс. коней, 100 тыс. овец, а бедные ходили и просили милостыню [88, с. 128, 130]. У чжурчжэней богатые носили украшения из жемчуга и яшмы, шубы из дорогих мехов, покрытых тонким холстом, а бедные одевались в шкуры коров, лошадей, свиней, овец. Монголы также делили людей на богатых (баян) и бедных (ядагу хувун). А вот что писал о жизни казахов в 1886 г. в «Сибирской газете» (№ 51) русский наблюдатель: «Богатый киргиз имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джим кыши), овец (хойши), коров (ширши), верблюдов (тюеши) и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди работают неустанно

целый день и в сильный мороз, и в солнечный зной... Труд же этих работников бесправный, трудятся они весь день, а ночью дети их караулят мелкий скот и овец возле аула» [125, с. 131–132].

Богатые отдавали свой скот для ухода за ним бедным (у казахов это называлось «саун»). И. Г. Грегори связывал институт сауна у казахов с нехваткой у богатых владельцев скота рабов: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей» [51, с. 131]. Еще раз обратим внимание на то, что обычай сауна И. Г. Грегори увязывает с нехваткой рабов.

Рабство известно у кочевников, по крайней мере, с последних веков до новой эры. И рабы были не только в услужении, они трудились на своих хозяев в основном виде производства кочевого общества — ухаживали за скотом и обрабатывали продукты скотоводства. И в кочевых обществах рабство стало первым и наиболее неприкрытым, откровенным разделением общества на классы: класс рабов и класс рабовладельцев. Рабы имелись у скифов, и дети рабов тоже были рабами. Рабство являлось наследственным. У гуннов рабы пасли скот, обрабатывали землю, занимались ремеслом. Мы упоминали, что, по подсчетам китайских авторов, на 1,5–2 млн гуннов приходилось 180–190 тыс. рабов. В государстве Фуюй рабы были не только из военнопленных, но существовало и рабство уголовное: за особо тяжкие преступления семьи осужденных преступников обращались в рабство.

Предки тюрков были рабами-кузнецами у жуаньжуаней. Тюрки различали рабов по полу (раб — куль, рабыня — кюн). Ибн Фадлан писал о рабах у тюрков: «Если заболеет из их числа человек, у которого есть рабы и рабыни, то они служат ему... ежели же он был рабом и бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него» [88, с. 128]. В древнем Тибете люди делились на лично свободных и лично несвободных. Мы не будем повторять многочисленные сведения о рабстве у киданей и в государстве Ляо. У монголов различались рабы мужчины (богол) и рабыни (инджу), а также потомственные рабы (джалау). При династии Юань китайские источники выделяю цюйкоу — рабов из военнопленных и цюйдин — потомственных рабов.

У чжурчжэней было уголовное рабство. В чжурчжэньском государстве Цзинь, по подсчетам Г. Франке, имелось не менее 1,5–2 млн рабов, при этом в числе военнопоселенцев мэнъань и моукэ (6,2 млн) на 1189 г. лично свободных было 4,85 млн, а рабов — 1,4 млн. Эти цифры говорят сами за себя. Рабство было широко распространено в государстве кочевых узбеков XV–XVI вв. Рабы выполняли там самые разные работы: пасли скот, пахали землю, ходили со своими хозяевами на войну [6,

с. 87]. Рабы являлись одним из классов джунгарского общества. Наконец, маньчжурское общество делилось на людей лично свободных (джусэн) и рабов (аха). Нурхаци говорил: «Если не иметь рабов, то как жить хозяевам?» По китайским подсчетам, при нем у маньчжуров имелось 400–500 тыс. рабов, при преемнике Нурхаци Хуантайзци — около 2 млн рабов на 750 тыс. маньчжуров.

Мы не станем касаться сложной проблемы, было ли у кочевников «рабство в классическом смысле слова», «рабство как формация» [79, с. 101, 104], было ли это «патриархальное рабство, превратившееся в своеобразную форму рабовладельческого уклада» [20, с. 120], а лишь еще раз укажем на то, что у кочевников рабство являлось повсеместным и, как и у всех народов мира, было первой, наиболее откровенной формой порабощения человека человеком, и кочевые общества в ту эпоху, когда существовали рабовладельческая Греция и рабовладельческий Рим, делились на людей лично свободных и рабов, и именно рабы были эксплуатируемым классом этих обществ.

В обществах кочевников накануне создания ими своих государств и в их государствах существовало сословное деление людей лично свободных. В. Г. Каленский обращает внимание на то, что различение социальных групп не определялось лишь их местом в исторически определенной системе общественного производства. Критерий различения групп можно видеть и в явлениях религиозных, этнографических, политических и юридических [77, с. 208]. Из того, что излагалось ранее, напомним, что скифское общество подразделялось на представителей царского рода, полифоров (жреческое сословие?), «восьминогих», «конных стрелков»-простолюдинов и «неуважаемых», к которым, как полагают, относили низшую часть людей лично свободных и рабов. У древних тюрков были аристократы (люди из рода Ашина, Ашидэ), беки, люди богатые и знатные, и простой народ (будун, кара будун). Население государства Наньчжао разделялось на «знатных» и «подлых», в число последних могли входить и рабы. У монголов в эпоху Чингисхана мы знаем «природных ханов», аристократов, людей благородных (сайн хувун) и людей простых (карачу). У чжурчжэней еще до создания Цзинь источники отмечают наличие служилого сословия (гуань), простолюдинов (шужэнь) и людей лично несвободных, в чйсло которых входили буцюй и рабы. Чжурчжэни положили начало созданию этнических сословий. В их государстве таковых имелось пять: чжурчжэни; бохайцы; кидани и си; китайцы Яньжэнь («пекинцы»), т. е. китайцы — бывшие подданные государства Ляо; китайцы наньжэнь (южане) — китайцы из областей, завоеванных чжурчжэнями. Опыт создания этнических сословий был продолжен монголами. Население империи Юань дели-

лось на четыре сословия: монголы; сэму («цветноглазые»), к числу которых были отнесены тюрки, мусульмане, кереиты, найманы; северные китайцы, корейцы, кидани, чжурчжэни; южные китайцы. Этнически разделенными служилыми группами у маньчжуров являлись маньчжурские, монгольские и китайские знамена.

Меньше сведений мы имеем о прикреплении к частному лицу или государству людей-нерабов. Кидани прикрепляли людей к ордам, к буддийским храмам (общинам), последние звались по-китайски «эр шуй ху» («семьи, уплачивающие налог двум»). У тангутов в Си Ся все население было разделено по гвонам — хозяйственным, военным и административным единицам. За самовольную смену гвона полагалась смертная казнь. У монголов население было разверстано и прикреплено к месту приписки по тысячам. В маньчжурском государстве люди были прикреплены к ниру, по указу 1622 г. за побег из ниру карали смертной казнью. В боой ниру, где люди работали не на государство, а на хозяина, хозяин распоряжался расселением членов ниру, их трудом и вступлением в браки.

Эти и приведенные ранее факты, с нашей точки зрения, не позволяют характеризовать состояние кочевых обществ как обществ «еще не классовых, но уже и не первобытно-общинных» [117, с. 308], как обществ, в которых «при сильном имущественном и социальном расслоении... отсутствуют классы, сословия, монопольно владевшие средствами производства» [118, с. 12].

Изучая прошлое казахского общества с позиций теории цивилизаций, А. И. Оразбаева пишет, что теория классового общества является «достаточно важной в идеологическом плане, но не имеющей значения при анализе хозяйственных укладов, социальных отношений и политической борьбы». Кочевым обществам, по ее мнению, присуща «горизонтальная мобильность», «горизонтальная мобильность исключает классообразование, жестко обусловленное экономическими интересами. Отсутствие четкой классовой стратификации приводит, в свою очередь, к тому, что способ социального взаимодействия людей детерминируется не столько экономическими и политическими отношениями (хотя роль последних, конечно, иногда может быть определяющей), сколько социальными и культурными потребностями»[1]. «Цивилизационный подход главное внимание ... обращает не на способ производства, а на духовные элементы: традиции, обычаи, ментальность людей, положение человека в обществе и т. д., представляющие для нас вероятность обоснования

[1] *Оразбаева А. И.* Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. С. 22, 131–132.

особенностей механизма развития кочевого общества»[1]. В государстве Казахстан трудно отрицать отсутствие у казахов государственности в прошлом. Поэтому А. И. Оразбаева утверждает, что «возникновение государственности казахов базировалось не на сословно-классовой вертикальной системе координат, а на родоплеменной структуре». Государственность основана на «идентичности военно-политической организации... этнической общности, где формой власти выступал уже институт ханства, а идеологией — генеалогическое восхождение трех казахских жузов... к общему первопредку — Алашу»[2].

Таковы новейшие изыскания в характеристике кочевых обществ в дополнение к вождествам, супервождествам, политиям и кочевым империям, являвшимся «империями», но не «государствами».

Отрицая наличие в кочевых обществах классов, Г. Е. Марков логично отрицает и государственность у кочевников. Он не одинок в своих взглядах. Сошлемся на зарубежных авторов Х. Грунорта и В. Кёнига. Они пишут: «Кочевники-скотоводы в своем развитии достигли и представляли стадию прогрессирующего распада первобытно-общинных отношений» [307, с. 466]. В известной мере те взгляды, которые отстаивают Г. Е. Марков, С. А. Плетнева и их сторонники, — несогласие с более ранними достижениями отечественной науки. В. В. Бартольд писал: «В эпоху кочевого быта принимает значительные размеры имущественное неравенство и появляется классовая борьба в ее первоначальном виде — в виде борьбы между имущими и неимущими: под влиянием, вероятно, классовой борьбы создается правительственная власть, военное и политическое могущество. По крайней мере, в тех двух случаях, где до нас дошли известия об образовании кочевого государства из уст самих кочевников... именно в рассказе орхонских надписей... и в рассказе монгольского сказания... вполне определенно говорится о борьбе между степной аристократией и народными массами» [12, с. 471]. В другой работе В. В. Бартольд писал: «Одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно» [8, с. 23].

Нам кажется, что тот обширный материал, который предложен вниманию читателя, свидетельствует о том, что государство у кочевников было результатом сословно-классового расслоения кочевых обществ,

[1] Там же. С. 129.
[2] Там же. С. 211, 223.

не только орудием обороны или ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать своих неимущих и малоимущих соплеменников и рабов.

В процессе возникновения кочевого государства и его бытования определенное значение имело и то, что «чистых» кочевых обществ [52], по-видимому, почти не было. Все кочевники, пусть в незначительной степени, занимались земледелием или сами, или принуждали к этому чужеземцев. Земледелие было у гуннов (С. А. Плетнева подчеркивает «полуземледельческий характер экономики» у гуннов [145, с. 86]), ухуани сеяли просо. Каган жуаньжуаней Анагуй просил у властей северокитайской династии Вэй просо для засева своих полей. Тюркский каган Мочжо получил из Китая 40 тыс. ши семян зерновых и 3 тыс. сельскохозяйственных орудий. А. Н. Бернштам указывал на то, что земледелием занимались прежде всего разорившиеся кочевники — обедневшая часть кочевников «ложится» на землю (джатачество, «джатак» — букв. «лежащий») [20, с. 66]. В обществах лесостепной и таежной зон земледелие становится отличительным признаком. Маньчжурский хан Нурхаци говорил: монголы «едят мясо и одеваются в кожи», маньчжуры «засевают поля и питаются зерном». Кочевую степь завоевывало просо, оно росло на песчаных почвах и требовало мало влаги, быстро созревало, было не столь трудоемким [172, с. 200].

Все кочевники и полукочевники строили города. Города имелись у гуннов, усуней, сяньбийцев, жуаньжуаней, уйгуров, монголов. У населения Маньчжурии — мохэ, чжурчжэней — «городки», «остроги» — оседлые поселения, обнесенные частоколом из бревен, были основным типом поселений. Уйгурские города-крепости «представляли собой четырехугольники размером от 0,6 до 18,2 га, окруженные мощными глинобитными или сложенными из сырцового кирпича стенами. Некоторые имели округлые оборонительные башни, расположенные по углам и около ворот. Ворот было часто двое. Вокруг крепостей шли глубокие рвы... Некоторые из крепостей были в то же время и административными центрами» [163, с. 53].

В раннемонгольских городах, часто построенных при значительном участии пленных китайцев, немало черт, привнесенных из Китая, хотя, по мнению исследователей, «основа культуры и домостроительства местная» [163, с. 229]. Развиваются техника и архитектура дворцового строительства. Дворец Угедэя в Каракоруме был выстроен на высокой земляной платформе и облицован кирпичом. Крытую красной, желтой и зеленой черепицей крышу поддерживали ряды мощных колонн, пол

во многих местах был выложен зелеными обливными плитками. Ворота окованы золоченой медью. Отапливался дворец с помощью огромных чугунных жаровен [163, с. 230].

Города в государствах кочевников являлись прежде всего административными центрами. Чигучэн был центром государства усуней. Тоба Илу построил город Новый Пинчэн, это был центр управления южной частью его государства. Город служил ставкой уйгурскому кагану, китайцы звали эту ставку Хуэйхучэн — Город уйгуров. Города на границе между кочевыми и оседлыми районами становились центрами торговли. Однако города были прежде всего политическими и административными центрами, хотя в них и развивалось ремесло, они лишь дополняли орду. Во всяком случае, связь подъема и упадка степных городов с политической властью подтверждается многочисленными фактами. Л. Л. Викторова пишет, что города Монголии возникали под действием политического насилия (см.: [36]). Эту же мысль высказывали Л. Н. Гумилев и И. Эрдейн (см.: [55]). «Пока сильна политическая власть, — пишет Г. А. Федоров-Давыдов, — города процветали. Но стоило этой власти пошатнуться и ослабнуть — они сразу пришли в запустение. Их неспособность пережить ослабление политической власти была следствием того, что они строились на пустом месте, на привозных материалах и людских ресурсах, не были связаны с окружавшими их кочевыми степями, искусственно поддерживались правительством» [163, с. 232].

Выстроенные в степи города были как бы частями оседлого мира, перенесенного в степь. Гибель города в результате крушения создавшей его политической власти в принципе не приводила к полному разрыву связи кочевого мира с городами вообще. Эта связь в который раз переносилась на приграничные города оседлого мира. Участие города, пусть и не очень значительное, как центра торгового обмена, ремесла, наконец, учености в жизни кочевников было столь же им необходимо, как и засев просом или иными зерновыми небольших участков земли. Так было в течение многих веков, с зарождения кочевых обществ.

Имеются точки зрения, согласно которым социальная стратификация кочевых обществ явилась не результатом их внутреннего развития, а плодом воздействия извне. В. Айронс полагает, что «в кочевых обществах иерархические политические институты генерированы лишь благодаря внешним отношениям с обществами, имеющими государства, и нигде не развивались как чистый результат внутренних динамических процессов в таких обществах» [317, с. 362]. В. Айронсу можно лишь напомнить, что ни одно государство на земле не возникло без влияния извне, разве кроме Древнего Египта и городов-государств

Междуречья. Было бы неразумно отрицать влияние одних обществ на другие, оседлых на кочевые и кочевых на оседлые. В Китае это очевидно. Но столь же неверно все объяснять только внешними воздействиями, ибо для принятия внешнего всегда должны созреть условия внутренние.

С этим согласен Т. Дж. Барфилд: «Кочевники не взяли взаймы государство от своих соседей, скорее они были вынуждены развивать свои собственные особые формы государственной организации для того, чтобы вести дела с их более обширными и более высокоорганизованными оседлыми соседями» [277, с. 45]. Т. Дж. Барфилд объясняет наличие кочевого государства результатом экономических связей кочевников с оседлыми обществами. На примере гуннов он утверждает, что «кочевое государство поддерживало себя эксплуатацией экономики Китая, а не эксплуатацией производственной деятельности разрозненных пастухов овец, которые были эффективно организованы кочевым государством для того, чтобы сделать это вымогательство возможным. Поэтому нет необходимости класть в основу всего развитие классовых отношений в степи для того, чтобы объяснять существование государства у кочевников или полагать, что кочевое государство обязательно явилось лишь плодом личной деятельности кочевого автократа и обречено на распад после его смерти» [277, с. 46–47].

Выше мы уже высказали твердое убеждение, что кочевые государства были прежде всего результатом внутреннего развития обществ кочевников, итогом их сословно-классового разделения и социальных противоречий в обществе. Мы уже отмечали, что иные взгляды — это шаг назад в отечественной науке, ведь еще В. В. Бартольд указывал, что кочевые государства возникли из-за потребности части общества «защитить свое имущество», из-за борьбы за пастбища как результат «антагонизма сословий» [14, с. 27, 28].

В последние века нашей эры практически все кочевые общества созрели внутренне для появления государства. Почему же они не все реализовали эту возможность, и почему крушение их государств возвращало, по мнению ряда исследователей, эти общества в состояние догосударственное? Начнем с того, что конкретное историческое бытие того или иного народа было таково, что не всем народам позволило создать государства. Это не особенность кочевых обществ, а явление общеисторическое. Возьмем оседлые народы — финнов, эстонцев, латышей, угро-финские народы Поволжья, некоторые народы Кавказа. Вряд ли можно утверждать, что до Новейшего времени уровень развития этих народов был догосударственным. Однако в силу конкретно-исторических условий своей жизни в прошлом они государств не соз-

дали. Такие примеры мы видим и в кочевых обществах. Киргизы тянь-шаньские, имея все социальные предпосылки создания государства, не создали такового в силу конкретных обстоятельств своей истории. Таким образом, важно различать вызревание внутренних условий для создания государства, конкретные исторические возможности реализации этих условий и, наконец, пути их реализации.

Ф. Энгельс указал, что завоевание — это один из путей создания государства, появление государства — «непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств» [4, с. 169]. А. Н. Бернштам полагал, что «путь возникновения государства как следствие завоевания был основным путем у орхоно-енисейских тюрок» [20, с. 136]. Вопрос о роли войны в жизни кочевых обществ при наличии, казалось бы, обильного материала очень сложен и недостаточно изучен. Если мы обратимся к истории Центральной Азии, то прямо скажем, что известным упрощением было бы рассматривать любое завоевание, приведшее к возникновению государства, как смену первобытно-общинных отношений у завоевателя на отношения классовые, завершившиеся созданием государства. Войны велись за политическое господство народами, далеко ушедшими от состояния первобытно-общинного строя. Это одна сторона дела. Ограбление соседей, оседлых и кочевых, с целью обогащения, угон пленных также были частым явлением. И все-таки были ли войны одним из способов существования кочевников, их «постоянным... промыслом» [54, с. 3], их постоянным и неизменным «военно-кочевым состоянием» [117, с. 28]?

Этот непростой вопрос нуждается в исследовании, и прежде всего в сопоставлении «постоянного промысла» кочевников с ролью войн в жизни обществ оседлых, которое, как нам кажется, дает возможность полагать, что война не была особенным, специфическим состоянием и промыслом только обществ кочевых. Против истолкования войн как постоянного промысла кочевников активно выступает Л. Крэдэр. «Наше внимание, — пишет он, — часто приковано к завоевательным войнам между кочевыми татарами и китайцами. Это ненормальное состояние. Обычно китайцы и кочевые татары обмениваются друг с другом излишками продуктов, они поступали так тысячи лет» [321, с. 226].

По другим концепциям, государство кочевников жило не столько за счет войны, сколько за счет торговли с оседлыми соседями, за счет «иностранной помощи», как выражается Т. Дж. Барфилд. Несмотря на нашу объективную зависимость от китайских источников, что вольно или невольно ведет к усвоению иногда китайской точки зрения, мы имеем достаточно оснований полагать, если взять историю Центральной

Азии в целом, что государства кочевников этого региона, при определенной зависимости своего благополучия от торговли с Китаем, существовали не только благодаря таковой. Связь с кочевым обществом посредством войны или торговли была важной, но не всегда созидательной силой. Пример тому — известные из монгольских источников сведения о возникновении и раннем бытии государства монголов, оторванных от Китая и отнюдь не подкармливаемых киданями или чжурчжэнями. Позиция Барфилда — это известный флюс, переоценка одного из факторов, возведение его в роль фактора решающего.

Т. Дж. Барфилд неоригинален в своих взглядах, они идут от теоретических высказываний К. Виттфогеля [359, с. 434], В. Айронса [317, с. 362], Ф. Бурухама [281, с. 360] и других исследователей кочевых обществ. Мы уже отмечали, что и среди западных коллег эти взгляды не принимаются как общеобязательные и как истина в последней инстанции.

Один из известных западных исследователей кочевых обществ, Л. Крэдэр, признает классовые расслоения в обществах кочевников, противоположность интересов и видит причины появления государства в «образовании противостоящих друг другу социальных классов в кочевых обществах» [321, с. 233]. Л. Крэдэр полагает, что считать государства кочевников появившимися «лишь исключительно в связи с образованием государства в обществах аграрных» — это значит «обращать внимание только на явления поверхностные» и «уходить» от сути дела [321, с. 233].

Созданию государств у народов Центральной Азии предшествовал и сопутствовал процесс разработки идеологических основ власти. «Право на власть», на управление народом, подданными, определенной территорией ставилось в прямую связь с избранничеством правителя Небом — неперсонифицированным верховным божеством народов Центральной Азии и Китая. И для Центральной Азии, и для Китая идея дарования власти Небом уходит в глубокую древность. Здесь могли иметь место процессы взаимопроникновения, но и у древних китайцев, и у народов Центральной Азии они развивались самостоятельно. Ошибочно полагать, как некоторые китаеведы, что в Китае есть трактаты, в которых сакральная сущность власти императора изложена системно. Таких трактатов нет. Неясно и точное время появления многих основополагающих структурных частей этой системы взглядов, например теории «мандата Неба» [326, с. 81–111]. А. С. Мартынов считает, что концепция власти «как распространения „благотворного влияния“ содержится в „Шу цзине“, который можно датировать IX–X вв. до н. э.» [122, с. 73].

Обожествление правителя, приравнивание его к божеству, возможно, имело место лишь в глубокой древности в Древнем Египте. Позже всюду цари — это представители бога на земле, получавшие свои мандаты и благодати, свои божественные права на власть в самых различных формах. Небесная благодать, дававшая право на власть, была не только присуща данному правителю, осчастливленному Небом, но и являлась принадлежностью всего правящего рода, династии. В Китае императорская идеология включала понятие «силы дэ» династии. У киданей считалось, что сила дэ была дарована всем представителям клана Елюй, права на власть могли иметь дядья и братья государя. Небесной благодатью кут и правом на власть обладали у тюрков все члены клана Ашина. Право на власть чингисидов всего рода отчетливо прослеживается у монголов. «Во главе социальной лестницы, — писал В. А. Рязановский, — стоял неограниченный властелин — хан, его род держал кормило правления, его ближайшие родичи заправляли главными улусами, в том числе и покоренными государствами. Государство считалось собственностью рода. Удельно-родовой принцип, военный дух и автократия проникали все государство монголов» [156, с. 4]. Правление родом (домом), как мы видели, отчетливо прослеживается у маньчжуров. Хан Нурхаци, принимая послов и чиновников, сидел лицом к югу, рядом и вровень с ним, также лицом к югу сидели трое бэйлэ, которые вместе с ханом являли власть «четырех бэйлэ» и власть рода.

Наиболее древние титулы правителей кочевых народов — «царь» у скифов, «куньми» у усуней, «царь царей» (шах ин шах) у юечжи в период их правления в Кушанском государстве, «шаньюй» у гуннов — не стали традиционными у кочевников. Титул «шаньюй» с III в. носили какое-то время правители ухуаней. Этот титул помнили, его сохраняли китайские историки, дипломаты, но после распада гуннского государства он не возобновлялся как титул сколько-нибудь значимого кочевого правителя, хотя китайцы не раз предлагали его тем или иным соседним государям, которые стремились принять или принимали титул хуанди.

В III в. у сяньбийцев появился титул государя — «каган». Титул, полагает Габриэль Моле, «появился среди сяньбийцев группы цифу во второй половине III в. н. э. и постепенно заменил у народов Центральной Азии гуннский титул шаньюй» [331, с. XXVII]. Канадский исследователь Пуллиблэнк полагает, что впервые титул кагана принял один из правителей туюйхуней в 285 г. Он же указывает, что китайские источники дают противоречивые сведения о времени появления титула, называя первым каганом также Шулюганя (около 405 г.) или Куалюя (VI в.) или просто отмечая, что «во времена Вэй и Чжоу их государи стали зваться каганами» [338, с. 261]. Г. Е. Марков полагает, что «каган»,

«хан» и т. п. — это титулы «правителей земледельческих государств» [119, с. 88]. Титул кагана был постоянным у правителей жуаньжуаней. Шэлунь принял его в 402 г. Полный титул кагана — «цю доу фа кэхань», что в переводе с жуаньжуаньского на китайский значило «правящий каган, приведший к расширению [пределы страны]». Каганы жуаньжуаней имели пространные титулы вроде вышеназванного или подобные таким, как «ути-каган» («божественный каган»), «юйчэн-каган» («милостивый каган»). Ал-Хорезми так объяснял значение титула каган: «Хакан — главный царь тюрков. Хакан — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят „шах ан шах“» [128, с. 218].

А. Н. Бернштам полагал титул кагана равнозначным титулу хана, а титул хана производил от термина «кан» — «кровь». Этот титул вначале означал вождя, а затем — царя, хана [20, с. 99]. Сведения о титуле кагана у тюрков дал П. Б. Гольден: «Каган — хорошо известный алтайский титул, значащий „император“, эквивалент византийскому басилевс, со всем тем, что предполагает претензии на универсальное правление. Происхождение титула неясно. Он не использовался гуннами, самой ранней кочевой империей в Центральной и Восточной Евразии. Однако он был известен их наследникам сяньби и жуаньжуань, предшественникам тюрок в качестве владык кочевых империй. В тюркских орхонских надписях титул применяется к правителю Китая (Табгач-каган), Тибета (Тюпют-каган) и к подчиненным (и часто мятежным) вождям тюргешей и киргизов. Кроме того, правитель токуз-огузов, правящий клан которого был „в законе“ кланом Ашина, рассматривался как Баз-каган (вассальный каган). Неясно, указывал ли этот титул на особые родственные связи двух кланов. Иногда по случаю титул жаловали другим нижестоящим вождям подчиненных племенных конфедераций. Однако высший каганат принадлежал только дому Ашина. В пределах самого высшего каганата каган восточной части страны признавался старшим, в то время как западный каган имел более низкий титул ябгу-каган. По китайскому источнику, относящемуся к началу IX века („Тундянь“, составлен в 801 г.), были каганы и более низкого ранга, чем ябгу-каган, внутри [рода] Ашина. Высшим среди таковых являлись Эб-каганы (домашние каганы), которые, очевидно, жили уединенной жизнью во дворце и не участвовали в управлении государством… Каган считался святым, и его обязанности включали ряд шаманско-религиозных функций. Вера в это проявилась в ряде церемоний, таких как ритуальное удушение тюркского кагана во время его инвеституры (обычай, сохраненный хазарами), участие кагана в церемониях предсказания будущего и взгляд на кагана как на символический, приносящий счастье

амулет, нужный для благополучия государства. Ал-Масуди отмечает, что национальные бедствия и несчастья, случавшиеся у хазар, могли привести к требованию убить кагана. Если это происходило, то казнь осуществлялась без пролития крови посредством удушения шелковым шнуром. Как это ясно засвидетельствовано орхонскими надписями, каган правил так же, как и в соседнем Китае, по мандату Неба. Благодаря этому каган был источником всех законов и творцом политики» [305, с. 83–85].

Китайцы полагали, что титул кагана «был подобен древнему [титулу] шаньюй». Жена кагана имела титул «катунь», и «это значило то же, что и древнее „яньчжи“». Это, по-видимому, лишь аналогия, которую приводил автор «Чжоу шу», и вряд ли между гуннским титулом «шаньюй-яньчжи» и тюркским «каган-катун» прямая, а не типологическая связь.

По крайней мере, с VII в. титул кагана имели киданьские правители; мохэфу иркин Кугэ принял титул «у шан кэхань» («кагана, не имеющего над собой верховного правителя»).

Чжурчжэни начали традицию правителей боцзиле (бэйлэ), известную и у ранних маньчжуров. Агуда, основатель династии Цзинь, носил титул «ду-боцзиле», а в 1115 г. провозгласил себя императором-хуанди.

С монгольской эпохи входит в употребление титул «хан». Точное время его появления и соотнесенность его с титулом «каган» неясны. Титул хана, явно под монгольским влиянием, имел основатель маньчжурского государства Нурхаци.

Все правители центральноазиатских кочевых государств были призваны к власти Небом и обладали дарованной им благодатью. Мори Масао полагал, что гуннские шаньюй уже обладали «небесным харизматическим величием (мощью) — кут». Доказательства он видит во встречающемся в китайских источниках выражении «тэнли гуту», которое он дешифрует как «тэнгри кути» («кут Неба») [334, с. 74]. Благодать тюркских каганов кут зафиксирована во многих верованиях тюркских народов о душе и благодати (см.: [16]). Т. Д. Скрынникова выделяет два вида благодати у Чингисхана и монгольских ханов. Это «сила» (кючю) и особый вид благодати «су».

Сакральная природа власти правителей кочевых государств была связана не только с Небом, но и с Землей. Шаньюй гуннов был «поставлен Небом», «порожден Небом и Землей». Сяньбийские государи Тоба происходили от небесной девы, но их родовое имя было связано с Землей, оно значило «владычица Земли» (ди хоу). У киданей мы видим разделение функций Неба и Земли; Абаоцзи был «небесным императором» (тянь хуанди), а его супруга — «земной императрицей» (ди хуан-

хоу). Предполагалось, что император был порожден, поставлен Небом, а императрица порождена, поставлена Землей. Правитель мог быть «порожден Небом», «подобен Небу» (тэнгри таг), мог править «силою вечного Неба», «получить пожалованье от Неба», «сойти с Неба», как тибетский цанпо. Центральная Азия под влиянием Китая знала и понятие «мандат Неба», «приказ Неба». «Мандат (ярлык) Неба» имели тюркские каганы, государи киданей. В китайском тексте «Юань чао би ши» («Тайная история монголов») говорится о том, что Чингисхан «явился, получив мандат Неба».

По китайскому же образцу правители кочевых и иных соседних с Китаем государств принимали девизы царствования. Наименование части их весьма примечательно своей прямолинейностью. Тоба Шицзянь принял девиз царствования Цзянь-го («Создание государства», 338 г.), каган жуаньжуаней Юйчэн ввел в 464 г. девиз царствования Юн-кан («Вечное процветание»), первый девиз царствования Агуды был Шоу-го («Приобретение государства», 1115 г.), последующие подчеркивали роль Неба в его воцарении: Тянь-фу («Помощь Неба», 1117–1122), Тянь-хуэй («Объединение с помощью Неба», 1123–1132), Тянь-цзюань («Забота (Любовь) Неба», 1138–1140). Мы уже упоминали, что первым девизом царствования Нурхаци был Тянь-мин («Мандат Неба»).

Обычно, особенно на первом этапе, власть правителей Центральной Азии никак не была связана с буддизмом. Мы знаем из источников лишь то, что монах Фа Го объявил императора Тай-цзу династии Северная Вэй Буддой с той целью, чтобы буддийские монахи поклонялись императору как Будде, а не как светскому правителю (проблема в то время для Китая была актуальной), да имеем свидетельства о буддийских титулах Нурхаци и Абахая.

У правителя кочевого государства была подвижная ставка, кочевой центр государства. У скифского царя это курень, военный лагерь, окруженный телегами. Обычно в китайских источниках ставка государя кочевого государства именуется «тин», в значении «ставка», «место пребывания» правителя (гунны, юечжи, сяньби, тюрки), или «чжан» — «юрта», «я чжан» — «ставка-юрта» со знаменем (бунчуком) правителя. «Чжан» — так именуется ставка шаньюя гуннов, «я» — «знамя», «я чжан» — значит «ставка-юрта со знаменем», ставка тюркских каганов и каганов уйгуров. Известно, что у уйгурского кагана имелся «золотой» шатер. Ставка тибетского цанпо именовалась «резиденция сына богов». Правитель сидел иногда на троне. Так, каган туюйхуней Куалюй сидел на троне, украшенном золотыми львами. В Ляо походные ставки государей именовались ордами, летние ставки — набо, при монголах слово «орда» становится наименованием ставки хана, столицы государ-

ства. Ставки, очевидно, часто были связаны с местами или местом зимовок. Китайские представления о столице государства как месте, с трех сторон окруженном горами, открытом к югу и омываемом двумя потоками, были характерны и для представлений кочевников. Иногда на месте ставки, подле нее возводился обнесенный стенами город, заводились земледелие, ремесла, обслуживающие двор.

Известно, что китайская концепция власти императора теоретически не знала государственных границ, полагая подвластным императору все то, куда доходила, достигала его сакральная сила дэ, его благодать. Однако на практике Китай всегда имел четкие и охраняемые границы. Границы были и у государств народов Центральной Азии. Сама концепция государства, например монгольского улуса, предполагала государство с географическими границами. Найманский улус охранялся караулами, т. е. существовала государственная граница. Из источников известно, что скифское государство имело четкую границу с Боспором, источники упоминают государственные границы в государстве гуннов, они охранялись из оуто, специальных мест, центров размещения пограничных караулов, погранзастав по современным понятиям. Сяньбийцы Тоба при Лугуане (295–307) обороняли демаркированную границу с государством Цзинь. Тоба Илу имел охраняемую (шоу) внешнюю границу (вай цзинь) своего государства. Границы очерчивали территории казахских жузов. Они «кочевали продолжительные периоды в общем-то по постоянным территориям. Их большие регионы определялись государственно-политической структурой [144, с. 76].

Государство немыслимо без территории, даже кочевое, «подвижное». «Любое государство представляет собой интегрированное и выделенное из окружающей „среды“ целое: публично-правовую организацию населения, проживающего на определенной территории и находящегося под эгидой суверенной публичной власти» [77, с. 159]. Власть шаньюя, кагана, хана была властью, в которой воля владетеля устанавливалась силой, принуждением. «Преобразование воли властвующего в волю подвластного... есть убеждение, а подчинение воли последнего для осуществления воли властвующего — принуждение» [120, с. 197]. «Власть в широком ее понимании есть управление, но не всякое управление носит властный характер. Для того чтобы выступать как власть, оно должно обладать возможностью применения принуждения, обеспечивающего обязательность властных решений», «установление публичной власти по территориальному принципу ведет к установлению ее пространственных пределов» [120, с. 197–198].

Шаньюй, каган, хан являлись суверенными правителями подвластных им территорий. Обычно при рассмотрении вопроса о создании

кочевого государства особенно подчеркивается власть кагана над людьми. Каган, хан «собирали» свой эль, улус, «устраивали» свой народ. Но власть над людьми не могла быть оторвана от власти над территорией их обитания.

Пастбищных угодий, особенно хороших, никогда не было в избытке, а часто недоставало. Правитель кочевого государства, осуществляя суверенную власть над подвластной ему территорией, распределял пастбища, регулировал пользование ими. Регулирование кочевок, пользования пастбищами являлось важнейшей функцией правителя, правящего рода, господствующего класса, интересы которого данная власть отражала. «Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива от хана была необходимость при перекочевках следовать указанным ханом маршрутом. Так знать осуществляла свое право собственности на землю, эксплуатируя непосредственно производителя-скотовода» [171, с. 11].

К сожалению, доступные источники не изобилуют сведениями о практической реализации этой важной функции правителя. Мы знаем, что у скифов пастбища были поделены и происходили «схватки из-за пастбищ» [109, с. 308]. О гуннах Сыма Цянь сообщает, что «каждый имел выделенную ему землю». При разделении государства на центр, восточное и западное крылья ваны левой и правой стороны и сам шаньюй «каждый имели выделенную [им] территорию, на которой кочевали в зависимости от наличия воды и травы». О тюрках в «Чжоу шу» сообщается, что «хотя [они] и кочуют и не имеют постоянного [места жительства], но каждый имеет выделенный ему участок земли (гэ ю ди фэнь)». Эту фразу можно вполне перевести так: «каждый имеет земельный надел». У монголов каждая тысяча имела свои пастбища (нунтуг) и источники воды (усун). В киргизском эпосе «Манас» рассказывается, как бай Джакын, явно находившийся в зависимости от джунгаров, поехал к ним просить себе место для кочевания:

> И посхал с прошением [Джакын],
> Стал добиваться получения земли
> Эки-Арал, что в верховьях Или,
> Земли эти в пользование получил [114, с. 244].

В соответствии с 18 степными законами Халхи в начале XVII в. самовольно запрещалось менять места кочевок. С нойонов, переменивших кочевья, брали, как мы уже говорили, 50 лошадей и 5 верблюдов, с откочевавших табунангов — три девятка. По закону «шести хошунов» предусматривалось, что, если кто-либо располагался кочевьем, зная,

что место занято, он платил три девятка, а если не знал, то платил штраф лошадью. За претензии, предъявленные на источник воды, уже занятый другим, штрафовали также лошадью.

Таким образом, в кочевом государстве территории кочевания подчиненных или зависимых этносов, вторичных родоплеменных коллективов, административно-территориальных единиц государства были ограничены и распределены, и выделение их являлось одной из основных функций кочевого государства. Именно оно обеспечивало господство, порядок и стабильное получение доходов. С нашей точки зрения, такое распределение не являлось реализацией права собственности государя (государства) на землю, а было проявлением суверенитета. Последующее распределение пастбищ являлось прерогативой местной власти — правителя подчиненного этноса, главы племени или управителя административно-территориальной единицы. Регулирование кочевок, пользования пастбищами являлось реализацией прав местной власти или реализацией, как иногда полагают, прав собственности на землю местным властителем. Власть и местный властитель могли совпадать в одном лице или не совпадать. «У кочевников владение землей, — писал Б. Я. Владимирцов, — выражалось в том, что нойон, т. е. феодальный сеньор, царевич или „тысячник" руководил кочеванием зависящих от него людей (улус), направлял их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья (бельчигер-бельчиер) и указывая стоянки в определенных местах отведенного ему нутука-юрта. Феодальный сеньор был действительным господином, еженом, распорядителем пастбищных территорий» [37, с. 114].

Была ли это «феодальная монопольная земельная собственность» или лишь «организаторская деятельность» — вопрос, который справедливо задает Г. Е. Марков [117, с. 298]. Вопрос этот важный и в общем плане довольно трудноразрешимый. Во-первых, при наличии частной собственности на скот в кочевых обществах, безусловно, не развились представления оседлых обществ о собственности на землю, таковые были, но содержание их было отличным, как вообще исторически неодинаковым в разные эпохи было понятие содержания прав собственности. Поэтому вопрос об «организаторской деятельности» в распределении пастбищ, о выяснении ее соотношения с правом собственности на землю решается исследователями по-разному. Илдико Эчеди полагает, что китайское «фэнь ди» — «выделение земли», встречающееся в текстах, описывающих жизнь кочевников, не означало выделение участка земли в частную собственность, а лишь выделение места обитания, места кочевания. Отечественная наука, отказавшись от бесплодных споров о том, что важнее в кочевом хозяйстве — скот

или пастбище, пришла к мысли об одинаковой важности того и другого, к тому, что «выпас скота с нерегулированным землепользованием был невозможен» [125, с. 45], т. е. к выводу, сделанному еще дореволюционным практическим востоковедением: условия кочевого хозяйства «создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при урегулированном землепользовании» [129, с. 87].

Пастбищем пользовались (владели) община, аил, вторичный кровнородственный коллектив. «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок, на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки, но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» [65, с. 330]. К. И. Петров рассматривает природное пастбище как средство труда и полагает, что пастбища находились в общинно-родовой собственности вторичных родоплеменных структур кочевников [144, с. 53]. Н. Э. Масанов приходит к аналогичному выводу: минимальная община фактически осуществляет функции собственника земли и является единицей землевладения и землепользования. Одновременно «совершенно очевидно, что при этом земля является не просто условием производства, но и главным средством производства» [125, с. 99].

Видимо, на данный момент можно сделать один вывод: в кочевом государстве правитель, органы публичной власти на местах распределяли пастбищные угодья. Пользователями их были кочевые общины, различные по своей структуре и природе. Пользование пастбищем, вероятно, являлось и наивысшим выражением права собственности на пастбище. Вопрос о характере права собственности на пастбища требует еще дополнительных исследований, прежде всего с учетом исторического характера самого содержания понятия собственности.

В науке о государстве принято обобщенно считать первыми признаками государства учреждение публичной власти и переход к разделению населения по территориальному признаку. Государство есть новая стадия организации общества. Подлинную основу государственной организации составляют, по мнению Е. Пашуканиса, «бесчисленные выражения фактической зависимости» [142, с. 94]. Публичная власть воплощается в государственном механизме. Государственный аппарат обладает определенной самостоятельностью и собственными интересами. И хотя государство есть «политическая организация собственников основных средств производства» [120, с. 206], государственный механизм «приобретает определенную самостоятельность и по отношению к экономическому базису, и по отношению к различным частям

господствующего класса» [120, с. 209]. Государство воплощено в определенных формах, и формой государства является непосредственно структура государственного механизма, особенно высших органов государства [139, с. 40]. Принято различать монархические и республиканские формы правления. Все государства Центральной Азии в исследуемую эпоху были монархиями, о природе и сакральности монархической власти мы говорили выше.

Государственный механизм предполагает систему государственных органов и наличие чиновников — особого рода людей, занимающихся управлением. Появление чиновничества Ф. Энгельс полагал «новой отраслью разделения труда внутри общества» [3, с. 416]. «Существование государственной власти, — писал К. Маркс, — находит свое выражение именно в ее чиновниках, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название» [2, с. 287].

Ранее мы в каждом случае для каждого государства конкретно приводили сведения, сохранившиеся о государственном механизме того или иного кочевого и некочевого государства народов Центральной Азии, о его органах центрального управления и местных административных органах. В данном случае нам хотелось бы дать некоторые общие характеристики государственных механизмов государств Центральной Азии.

Характерным для государств Центральной Азии являлось разделение их: 1) на центр, восточную (левую) и западную (правую) части; 2) на части северную и южную; 3) на внутреннюю и внешнюю части. В кочевом государстве такое крупное разделение государства являлось практически нормой. На три части делили свое государство скифы, а войско — на три армии. Связь разделения кочевого государства на центр и два крыла со способом построения войска вполне допустима. Государство гуннов делилось на центр, где размещался шаньюй, и на левую и правую стороны. Левой (восточной) стороной часто управляли члены клана Хуянь, правой (западной) — члены кланов Лань и Сюйбу. Десять важнейших чинов государства существовали в двух вариантах — левом и правом. Деление государства на левое и правое крылья было принято и у усуней, государство которых тоже подразделялось на три части. Эту традицию продолжали сяньбийцы. Тоба Лигуань в 294 г. «разделил государство на три части». Таньшихуай разделил «свои земли на три части» — центральное, восточное и западное бу. Государство жуаньжуаней делилось на восточный и западный край. В центральном аппарате государства народа ди на территории современной пров. Сычуань имелись юсяньван («западный мудрый ван») и цзосяньван («восточный

мудрый ван»), что свидетельствует о заимствовании гуннской традиции и если не о фактическом разделении государства на левую и правую стороны, то об отражении представления о том, что публичная власть должна быть устроена именно так. У тюрков в 572 г. Тобо-каган поделил каганат на три части. Эрфу-каган стал управлять восточной стороной, Бури-каган — западной. При Капаган-кагане (691–716) были введены должности цзосянча — наблюдателя левого крыла и юсянча — наблюдателя правого крыла. Тибет первоначально делился на три «рога» — левый, правый и центральный. Разделение на центр, левое крыло (барунгар) и правое крыло (джунгар) было у монголов. В 1231 г. монголы поделили завоеванные земли на правую и левую половины. Правой ведал монгол Чинкай в чине ючэнсяна, левой — чжурчжэнь Няньхэ в чине цзочэнсяна. Известно, что парные «левые» и «правые» должности имелись в центральном аппарате управления Китая. Они вошли в практику в основном с династии Хань, и можно предполагать, что это было одним из реальных фактов влияния государственности народов Центральной Азии на государственность китайскую. Полагают, что и предпочтение левой стороны правой появилось в Китае под влиянием гуннов.

Наряду с традицией деления страны на три части — центр, левую и правую — мы обнаруживаем у сяньбийцев появление традиции деления государства на север–юг. После 339 и до 386 г. государство Тоба делилось на северную и южную части, в 386 г. это разделение подтвердил Тоба Лигуй, хотя одновременно он делил государство еще и на левую и правую части. Севером управлял северный дажэнь, югом — южный дажэнь, левым крылом — левый цзочжанши, правым — правый юсыма. Деление на левое и правое, на север и юг одновременно получило продолжение в центральном государственном аппарате Бохая. Страной правили три центральных управления (шэн), во главе которых стояли сян центра, левый сян и правый сян. Министерства (бу) Бохая были поделены на левые и правые. В чинах у военных Бохая имелись наименования животных. В наименовании некоторых чинов отразилось деление органов управления на северные и южные: были чины «южного левого стража», «северного левого стража», «южного правого стража», «северного правого стража». Наконец, киданьской центральной администрации было свойственно разделение управления страной на северное и южное.

Деление страны на внутренние и внешние территории мы обнаруживаем у сяньбийцев Тоба. В государстве выделялись его основное этническое ядро и подчинившиеся этносы, именовавшиеся на сяньбийском языке «ува». Над ува ставились правители-цюшучжаны. Собственно, это могла быть гуннская традиция. Гунны имели особый аппарат

управления Западным краем (Си юй). Внутреннее и внешнее, видимо, выделяли и тюрки, назначая особых управителей над «внешними подчиненными племенами». При династии Северная Вэй после 386 г. сяньбийское государство делилось на части внутреннюю (нэй) и внешнюю (вай). Внутренняя часть (цзинэй) обрамлялась восемью внешними (ба бу), внешние части именовались также сы фан сы вэй («четыре угла», «четыре стороны света» — восток, запад, север, юг). Управление Тибетом в пору его наивысшего подъема, в VIII–IX вв., также подразделялось на районы внутренние и внешние. Внешними считались вновь покоренные земли, внутренние образовывали «центр великой страны». У маньчжуров в центральном аппарате управления первоначально имелся Мэнгу ямынь — управление монголами, а позже — Лифаньюань — управление всеми чужеземцами.

Рассредоточением, делегированием на места части прав органов центрального управления являлось и наличие в ряде государств нескольких столиц. В исследуемом регионе это была скорее «маньчжурская», в смысле территориальном, традиция. Пять столиц имелось в Бохае, в государствах Ляо и Цзинь. Возможно, это была китайская система, идущая от «у ду» — «пяти столиц» Тан. Пять столиц было в корейском государстве Когурё, такая традиция могла прийти на территорию Маньчжурии и оттуда.

Итак, мы видим несколько типов рассредоточения центральной власти. Из них к кочевым государствам прямое отношение имеет деление государства на центр, восточное (левое) и западное (правое) крылья. Объяснить такое деление мы попытались бы трудностью управления обширными, даже по современным масштабам, территориями только из единого центра, растянутостью кочевых государств, природно обусловленной в регионе, с востока на запад, как бы зажатых между сибирской тайгой и Великой китайской стеной, может быть, известным антропоморфизмом (голова — центр, левая и правая части — руки), наконец, построением войска (центр, левое и правое крылья). Нам неизвестно объяснение этого явления, стойко сохранявшегося тысячелетиями. Деление на север–юг может быть в известной степени объяснено разделением управления коренной народностью, создавшей государство, и югом, обычно областями северного Китая, включенными в состав государства кочевников. Деление на внутреннее–внешнее, более общее, известное в Китае, четко прослеживается, например, у тангутов в их государстве Си Ся. Но в любом случае мы имеем феномен определенного рассредоточения центральной власти, который, видимо, был и необходимым, и объяснялся традицией, идущей, по меньшей мере, от гуннов и скифов.

В управлении правителю кочевого государства помогал съезд знати, который нередко его и выбирал. Очень вероятно, что это был орган власти, оставшийся от родового строя, от совета старейшин. У гуннов проводились ежегодные съезды (советы), каждые три года был один «малый» съезд и два «больших». Съезды известны и у сяньби. В 338 г. Тоба Шицзянь собрал съезд дажэнь у истоков р. Лэйшуй. В 386 г. Тоба Лигуй собрал съезд на р. Нючуань. Съезд возвел его на престол в качестве Дай-вана, был принят девиз царствования Дэн-го («Возвышение государства»). На съездах знати возводили на трон тюркских каганов, курултай у монголов вторично утвердил Чингисхана в его титуле, титуле всемонгольского хана. Съезды (сеймы) монгольской знати играли огромную роль в жизни монголов XVI–XVII вв. Они рассматривали общегосударственные дела, являлись законодательными органами. В узбекском государстве совет решал вместе с ханом дела государства. Совет состоял из огланов (царевичей), представителей племен, представителей духовенства [6, с. 98–103]. В маньчжурском государстве важная роль принадлежала совету бэйлэ. Имеющиеся данные позволяют полагать, что съезды-советы при правителе возводили на престол и утверждали на нем государя, издавали или утверждали законы, рассматривали государственные дела. Съезды были собраниями представителей правящего клана и клановой знати, родовой знати, представителей высшей администрации государства (и знатность, и чин часто могли быть у одного лица). Они были органами при правителе, существенным инструментом в управлении кочевыми государствами. Хотя съезды и избирали хана-кагана и других правителей, они не являлись верховными органами власти. Средоточием власти сакральной и политической был государь.

Для части государств, соседних с Китаем, особенно начиная с середины I тыс. до н. э., была характерна тенденция к постепенному построению центрального аппарата управления по китайскому образцу, наиболее часто реализовавшаяся в принятии системы «шести министерств» (лю бу), системы центральных исполнительных органов в Китае при династии Тан, в свою очередь восходившей к «шести министерствам» (лю гуань) династии Чжоу (1122–256 гг. до н. э.) и «шести министерствам» лю бу, описанным в трактате «Чжоу ли». Система «лю бу», возможно, заимствовалась не только из-за авторитетности китайской системы управления, наличия китайцев среди чиновников аппарата управления кочевым государством. Это действительно была очень практичная и удобная структура центрального аппарата управления, охватывавшая все основные нужды любого государства: церемониал, кадры, финансы, армию, органы юстиции и организацию общественных

работ. Танская система «лю бу» практиковалась в Наньчжао, ее модификацию мы находим у киргизов, позже «шесть министерств» имелись у киданей, чжурчжэней, монголов, маньчжуров. Следует отметить, что система «шести министерств» нигде не вводилась сразу, а появлялась после определенного периода развития аборигенных форм государственности, сменяя их в процессе китаизации центрального аппарата управления, что нередко связано с прямым включением областей с китайским населением в состав некитайского государства.

Государя окружали высшие чиновники-сановники, которые часто именуются в китайских источниках термином «да чэнь» («великие сановники»). Да чэнь окружали шаньюя гуннов, они назначались из клана шаньюя и именовались «гуй-чжэ» (знатью, аристократией) или были из других кланов и именовались «и син» («из других кланов»). Сановников да чэнь мы находим при особе усуньского куньмо. В III в. в штате чинов ухуаньского шаньюя имелись духу (наместники) и прочие сановники, «окружавшие шаньюя справа и слева». Сановники при сяньбийских правителях именовались «да жэнь» («великие люди»), титул, возможно, был унаследован от догосударственного состояния сяньбийского общества. В тюркских каганатах сановниками являлись да гуань («великие чины»). Их сопоставляют с тюркским тарканом. При кагане государства кимаков имелось одиннадцать управителей, они управляли одиннадцатью областями страны, двенадцатой являлся удел кагана [97, с. 117–118].

Особое место при государе принадлежало его гвардии — военным отрядам, которые обеспечивали его личную безопасность, из них нередко набирались сановники для управления страной. Гвардия являлась не просто вооруженной охраной правителя, это была кузница его кадров и удобная система содержания при дворе заложников, так как многие гвардейцы были из числа сыновей и братьев представителей иных, чем клан правителя, знатных родов и иноэтнических подданных. Так, при скифских царях были отроки — их гвардия, дружина. Из гвардии набирались ферапонты, высшие чиновники страны. Среди отроков — дружинников царя было распространено побратимство. Мы ничего не знаем о гвардии гуннского шаньюя. При сяньбийских государях Тоба была гвардия (цзиньши), в которую шли служить «сыновья и младшие братья», дажэнь, мужчины из «крепких родов» и «добропорядочных семей», люди молодые, сильные и красивые. Запретные спальные покои кагана (со цзинь) охраняли саньлан вэйши (гвардейцы саньлан). Ими командовали чжуанцзяны (командиры знамени). Дворцовой гвардией командовал дутунчжан (тутук-начальник). У сяньби из гвардейцев также набирали высших чинов аппарата управления государством.

В 386 г. Тоба Лигуй на главные должности в государстве — управляющего севером, управляющего югом и управляющего левым и правым крыльями — назначил людей из своей гвардии. Часть гвардии участвовала в заседаниях совета, обсуждавшего вместе с каганом государственные дела.

Гвардия тюркских каганов именовалась бёри (волки), она имела знамена, украшенные изображениями волчьей головы. Личную ставку кагана охраняли 900 воинов-гвардейцев, командовал ими глава ставки кагана тойкан. Гвардия киданьских императоров именовалась «суань» («сердце и живот») и набиралась из всех киданьских племен. С 922 г. она размещалась в особых лагерях-ордах. После смерти императора часть его личной гвардии обязана была охранять его погребальный комплекс, позже такую же роль выполняли турхауты при Эджен-хоро, погребальном комплексе Чингисхана. В киданьском государстве из числа гвардейцев назначались чиновники на высшие посты. Например, Сяо Далу был гвардейцем при Абаоцзи, позже он стал северным цзайсяном (канцлером).

Гвардия чжурчжэньских императоров в Цзинь именовалась «хэчжа» (ср. маньчжурское «хашань» — «защита»). По имеющимся разъяснениям, слово «хэчжа» значило «личная охрана государя». Командовал гвардией тысячник, гвардейский корпус был разбит на сотни. Выше мы достаточно подробно рассказали о гвардии при дворе Чингисхана и его преемников. «Сокровенное сказание» дает много материалов из первых рук о роли ханской гвардии. Это была не просто охрана хана, но организация, из которой в государственный аппарат отбирались сановники и чиновники. Именно в гвардии, представители которой могли подняться на самую вершину государственного механизма, имело место сращение военного и гражданского начал в управлении. Как мы старались подчеркнуть, военно-административная система была характерна для аппарата управления кочевых государств, хотя и не стала явлением исключительным, а присущим в той или иной степени многим государствам.

Распределение народа, подданных по десятеричной системе в известной мере имеет естественное основание — наличие 10 пальцев у человека, а, как известно, первый счет велся по пальцам. В Древней Индии были десятские (старосты 10 семей), управляющие 20 семьями, сотские и тысячники. Основным отрядом в армии древних китайцев в эпоху Инь являлся отряд в 100 человек. В Крорайне, государстве, существовавшем в первые века нашей эры у оз. Лобнор, основной административной единицей являлась сотня (сата), которую возглавлял сотник (сатавида). Сотни объединялись в калме (уезды) и авана (области).

В кочевых государствах военно-административную систему управления, основанную на десятеричном исчислении, мы в наиболее чистом виде встречаем у гуннов. Население объединялось в десятки (глава — десятский), сотни (глава — сотник), тысячи (глава — тысячник), десять тысяч составляли высшую единицу — тьму, которую возглавлял темник, он же был каким-либо высшим чином государства. В столь же стройном полном виде мы находим эту систему у чжурчжэней и монголов при Чингисхане, у жуаньжуаней, хотя у последних упоминаются только тысячи, именуемые армиями (глава — цзян, «генерал»), и сотни, именуемые знаменами (глава — сотник, шуай). Сотники и тысячники в III–IV вв. упоминаются у ухуаней (байчжан и цяньчжан соответственно).

Тибетские ру («рога») и кром («генерал-губернаторства внешних владений») также делились на десятки, сотни и тысячи, десятки тысяч. Тысяча приравнивалась к китайскому округу. Если десятеричное членение касалось не воинских подразделений, а являлось административным делением государства, то, как мы полагаем, в десятки, сотни, тысячи было объединено такое количество людей, которое в случае нужды могло выставить, в известной мере приближенно, 10, 100, 1000 и 10 000 воинов соответственно. При такой постоянной квоте набора в армию число людей, объединенных в десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч, было примерно равно, а площадь заселенной ими территории могла разниться в зависимости от природных условий и плотности населения. Правда, конкретные примеры именно такого понимания десятеричной системы лежат за пределами кочевых государств. В Индии в XVI в., в эпоху Моголов, каждая область в зависимости от ее доходов должна была выставлять сто, тысячу и десять тысяч воинов. Интересен и пример Наньчжао. Низшей единицей Наньчжао являлось поселение «и». Но одновременно сто семей образовывали сотню во главе с сотником (цзунцзо), тысяча — тысячу во главе с тысячником (жэньгуань), десять тысяч — тьму во главе с губернатором (дуду). Десятеричная система полностью повторялась в армии Наньчжао, хотя некоторые единицы были и иными: сотни объединялись в мэй (или ми), а мэй — в ин («лагеря») по 2500 солдат в каждом.

Таким образом, в основу десятеричного военно-административного деления, формировавшего местную администрацию государства, была положена не территория, а люди, их численность. Нам кажется, что самая сущность военно-административной системы (создание таких единиц разных уровней, которые одновременно были бы единицами административными, единицами набора в армию и единицами хозяйственными) наиболее полно воплотилась в маньчжурских ниру, наслед-

никах чжурчжэньских мэнъань и моукэ. Каждая ниру имела примерно 300 здоровых мужчин, годных по возрасту нести военную службу. В каждой ниру воины составляли примерно треть ее населения. Ниру являлись военной, административной и хозяйственной единицей, пять ниру образовывали чжала («полк»), пять чжала — гуса («знамя»). Каждая ниру делилась на четыре татань. О татань, к сожалению, почти ничего не известно. Близкую аналогию военно-административной системе государств народов Центральной Азии мы видим в организации казачьего войска в России. Очевидно, что такая система существовала не менее 2 тыс. лет, она была гибкой, годной для кочевой, полукочевой и оседлой жизни. Она хорошо стыковалась с подлинным родоплеменным и вторичным родоплеменным делением, инкорпорируя его. Она являлась территориальной дислокацией публичной власти, во главе каждой из ее составляющих были лица, специально занятые управлением, делегированные сверху или местные. Это был предельно систематизированный аппарат управления, организованный в систему государственных органов, связанных иерархической подчиненностью, аппарат, располагавший средствами для обеспечения выполнения его властных решений.

Основной территориальной единицей, на которые часто подразделялись описанные в китайских источниках народы, являлась бу. Нередко и в русской синологической литературе, и в литературе на западноевропейских языках слово «бу» переводят как «племя». Ч. О. Хакер отмечает, что этимология слова «бу» неясна, в принципе оно значит «часть целого» и ничего более, в исторических сочинениях «обозначение племени некитайских народов чаще всего [дается] в таких сочетаниях, как „буцзу“, „було“» [314, с. 390, №4764]. В. С. Таскин предлагает переводить слово «ило» как «род», «обок», а «бу» — как «племя», «ирген», «кочевье» [165, с. 1–6].

Если мы обратимся к использованным в данной работе источникам, то увидим, что «бу» — просто слово для обозначения составной части того или иного государства, соседствовавшего с Китаем.

Бу, как мы видим, было тем словом, которым китайские авторы в самой общей форме именовали наибольшую или крупную административную единицу кочевого либо иного соседнего с Китаем государства, нередко приравнивая бу к своим административным единицам (области-цзюнь, округу-чжоу) или указывая на соотнесенность бу с полутьмой (гунны), тьмой (западные тюрки).

Нам представляется грубой ошибкой соотносить бу китайских источников с племенем или с какой-либо иной единицей первобытнообщинной организации. Термин «бу» китайские авторы особенно ак-

тивно используют в I тыс. н. э. Он применялся в том узком значении, которое это слово имело при династии Хань в 106–10 гг. до н. э. Тогда, в ранней Хань, слово «бу» означало регион, территорию из 13 провинций, на бу была разделена вся империя [314, с. 390]. Именно в этом значении — крупная составная единица страны — бу и используется в китайских описаниях соседних народов. В каждом случае за бу кроется что-то конкретное, свойственное лишь данному государству, но, как правило, остающееся нам неизвестным. При династии Цин слово «бу» снова стало входить в обиход при описании соседних народов. Оно приобрело конкретное значение при характеристике монголов и означало монгольский аймак. Переводить термин «бу» всегда как племя — это значит наделять его дополнительным конкретным социальным содержанием, возможно очень далеким от реального.

Гунны	Государство состояло из восьми бу. Бу приравнивается к области (цзюнь) и половине темничества
Юсчжи	Государство делилось на пять бу. Во главе каждого бу стоял сихоу, чин, который сравнивают с древнеиранским чином «сатрап». Бу в данном случае — сатрапия
Сяньби	Государство делилось на три бу. Бу здесь — центр, левое и правое крылья государства
Чоучи	Государство делилось на 20 бу
Тюрки	Часть территории государства, которой управлял шад, именовалась «бе бу» (особый бу)
Западные тюрки	Делились на 10 бу. 10 бу — это 10 стрел (он ок, ши син було). При этом каждое бу равнялось тьме, единице, выставлявшей 10 тыс. воинов
Мохэ	Делились на семь бу
Кидани	Делились на 8–10 бу. Бу приравнивалось к округу, каждое бу имело свое знамя. Создавались бу из рабов

Мы уже говорили выше о вторичных кровнородственных объединениях. Хорошо известно, что могли использоваться, особенно на первых этапах государственности, старые формы, оставшиеся от первобытнообщинного строя, но уже наполненные новым содержанием. На возможность создания местных органов государственной власти на основе кровнородственного деления населения указывает А. Г. Лундин. В древней южной Аравии «государства имеют общие органы управления: совет старейшин, пост верховного правителя и систему магистратур. По-видимому, эти органы управления комплектуются на основе не территориального, а кровнородственного деления населения („племен совета“)» [11, с. 68].

Как отмечает Г. Моле, китайские историки, никогда не переводя на китайский язык титулов «шаньюй», «каган», «хан» как «государь», охотно и часто переводили на китайский названия чинов государственного аппарата соседних с Китаем государств. К числу таковых наиболее употребительных могут быть отнесены «цзян», «дацзян» (генерал, командующий отрядом войск), «дувэй», «дадувэй» (при Хань — региональный командующий войсками на уровне области-цзюнь или округа-чжоу), «духу» (военный наместник), «дуду» (региональный командующий войсками, генерал-губернатор). Эти чины часто встречаются при описании гуннов, ухуань, усуней, сяньби, тюрков (у которых «дуду» перешло в тюркское «тутук»). Очевидно, что эти или подобные переводы чинов либо отражали примерное содержание чинов местных, либо были заимствованы соседними государствами из Китая.

Немало чинов передавалось в транскрипции, когда, видимо, трудно было подобрать аналогии. Такова группа явно родственных чинов (титулов) у жуаньжуаней, мохэ и киданей: мофу, мохэцюйфэнь, мофуманьду, мофухэ, мохэфу. Часть чинов, известных нам прежде всего у тюрков и переданных в транскрипции, бытовала у жуаньжуаней и киданей: иркин, эльтебер, тутук, тегин. Часть чинов передавалась наборами слов, обозначавших «глава», «вождь», «руководитель», «предводитель»: шуай, цючжан и т. п., или таким частым словосочетанием, как «да жэнь» — «большой человек», «великий человек». Оно могло быть калькировано с какого-то местного слова, взятого из ухуаньско-сяньбийско-киданьского обихода, но неопределенность его употребления очевидна.

Оригинальным явилось использование наименований животных для названия чинов: гвардия-волки у тюрков, чины в Фуюй. В Фуюй известны чины с употреблением названий частей человеческого тела, мяса и напитков, это вообще довольно оригинальная традиция. Для обозначения княжеских достоинств у соседних с Китаем народов в ходу были китайские княжеские титулы, особенно два — «ван» и «хоу». В этой связи следует отметить справедливость утверждений Г. Е. Маркова, который пишет, что авторы древних источников при сообщении о «царях», «королях» и «князьях» у кочевников подходили к оценке общественных отношений, общественных порядков у этих народов «со своими мерками» [119, с. 88].

Действительно, китайцы, не столько историки, сколько практики, трудившиеся на поприще осуществления взаимоотношений китайских государств с государствами кочевыми, реально оценивали значимость того или иного правителя в титулах своей страны, своей системы. Возможно, что и кочевники, «как предводители, так и рядовые скотоводы,

понимали содержание этой социальной терминологии совершенно иначе» [119, с. 88]. Только вот встает вопрос: почему эти «свои мерки» и понимание «совершенно иначе» нужно обязательно трактовать в военно-демократическом или патриархальном смысле? Ведь китайцы для обозначения представителей власти, которых можно было бы рассматривать как военно-демократических или патриархальных правителей, имели свой набор терминов в значении «вождь», «старейшина», наконец, «глава». И одновременно, имея многовековую традицию своей государственности, даже действуя предвзято и уничижительно в отношении соседа, они, прежде всего в интересах дела и своей страны, очень хорошо отличали князя от старейшины и никогда не смешивали их. Да и титулы глав кочевых государств — шаньюй, каган, хан — были не от «земледельческих государств», а родились в кочевых обществах. Именно эти титулы китайцы уподобляли титулам ванов и хоу, князей первой и второй степени, заботясь об одном: чтобы, упаси бог, не приравнять их к титулу своего императора — хуанди.

Несмотря на отсутствие достаточно полных сведений, можно утверждать, что во всех кочевых государствах практиковалось налогообложение. Сбор налога — важнейшая функция государства. «Налоги, учрежденные государством, это побор с населения, взыскиваемый в принудительном порядке с заранее установленными (как правило) размерами и сроками поступления» [120, с. 200]. Первоначально, вероятно, твердые ставки побора были установлены не везде. Например, у чжурчжэней с населения «сколько надо, столько и брали». Покоренных облагали данью, и дань была формой обложения и эксплуатации. «Дань, — писал А. Н. Бернштам, — от случайных форм переходила в постоянную подать» [20, с. 127].

Вообще для всех государств в истории человечества характерно то, что повинность была двух видов: та, которую называют «налог кровью», воинская повинность, обязанность служить в армии шаньюя, кагана, хана, и обложение материальное, для кочевых государств — прежде всего скотом. Повинность быть воином скорее всего появилась раньше, чем обложение скотом, зерном и т. п. Обычно в текстах она отражена указанием на то, что все совершеннолетние, физически полноценные мужчины считались воинами. «Участие в войне, — писал А. Н. Бернштам, — и получение части добычи по степени социального могущества участника — замаскированное выражение повинности своеобразных отработок. Такая воинская повинность (на войну кочевник приходил со своим оружием и конем) не что иное, как также своеобразная форма эксплуатации» [20, с. 128]. Гунны на ежегодных съездах вели учет людей и скота с целью налогообложения, вели записи, чтобы

«производить учет и облагать налогом... людей и скот». Государства Западного края, оазисы с развитым земледелием они облагали поземельным налогом (фу шуй). У сяньби хан Шулоганъ «обложил народ налогами и повинностями» (цзин яо бо фу). Китайские авторы отмечают, что у сяньбийцев не было налогообложения зерном и тканями (шуй дяо), т. е. обложения, принятого в Китае, но с подданных «брали требуемое». Если не давали «требуемое», то с богатых семей и торговцев брали «столько, сколько требовалось». У тюрков шады собирали с подвластных им людей налоги, эти налоги были нормированы. Тутуки брали налоги с областей с нетюркским населением, например с населения городов-государств Западного края. По некоторым данным, все подданные должны были отдавать кагану «десятину со своего скота» [20, с. 126]. Кидани взимали налог овцами, овцами же и платили жалованье чиновникам. Монголы брали налог кумысом (ундан) и налог овцами двух видов: подоходный налог «на бедных» — по одной овце с сотни и налог шулен («суп») в пользу хана («для нашего стола») — по одной двухгодовалой овце. Налог шулен, видимо, был подушным. Монголы знали освобождение от повинностей — дархатство. В государстве Наньчжао из центра в поселения (и) рассылались уведомления (книги — вэньшу) об уплате налогов, очевидно с указанием налоговых ставок. Обложение было подушным и зависело от количества обрабатываемой земли. Налог платили рисом.

Употребление письма (часто неясно какого), в том числе и для фиксации налогообложения и вообще для государственных нужд, известно у гуннов, жуаньжуаней (неизвестно, какое письмо было у тех и у других), у тюрков, уйгуров, тибетцев, киданей, чжурчжэней, монголов, маньчжуров. Сообщение китайских источников о том, что тот или иной народ (или государство) не имел письменности, не всегда следует брать на веру; хороший пример тому — тюрки, о которых сказано, что письма у них не было, хотя, как мы видели выше, это не так.

После появления государства важным регулятором поведения людей стало право — нормы поведения, исходящие от государства или в том или ином виде санкционированные им. И. Сабо различает в обычном праве «государственный обычай» как ступень в становлении законодательства [157, с. 80–84]. «Господствующая часть общества, — писал К. Маркс, — заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем, традицией, фиксировать как законные ограничения» [1, т. 25, ч. II, с. 366].

Если мы попытаемся обобщить сведения о преступлениях и положенных за их совершение наказаниях, то увидим, что при всем многообразии законов основными видами наказания во всех кочевых госу-

дарствах были смертная казнь и композиции, выплаты, которые, как правило, производились скотом. Лишение скота было жестоким наказанием для кочевника, ибо нередко ставило его на грань гибели. Композиции применялись при наказании далеко не за все преступления. В свое время М. Д. Шаргородский писал, что «за преступления государственные наказание всегда было направлено против личности преступника, смертью карали столь же часто за разбой и конокрадство» [176, с. 24]. Характерно также наличие общесемейной ответственности, обращение членов семей преступников в рабство.

Судьями, как правило, были администраторы. У ухуаней судьями являлись дажэнь. Нарушение приказа дажэнь каралось смертной казнью. За ограбление или убийство производились выплаты. У сяньбийцев казнили за государственную измену, убийство, прелюбодеяние, ограбление. Широко практиковалась общесемейная ответственность; «семьи шли к месту казни, держась за руки» — сказано в источнике. Туюйхуни казнили за убийство, за кражу коня; за прочие преступления карали конфискацией имущества. В Фуюй казнили за прелюбодеяние, в случае совершения кражи стоимость украденного возмещалась в 12-кратном размере. У тюрков смертная казнь полагалась за бунт, измену, убийство, прелюбодеяние с замужней женщиной, конокрадство. За прочие преступления требовались композиции, например, за перелом руки брали лошадь, краденое возмещали в 10-кратном размере. У енисейских киргизов смертная казнь полагалась за оскорбление кагана, измену, дезертирство с поля боя, воровство. Голову казненного вора вешали на шею отца. У чжурчжэней были в ходу композиции. За убийство вначале брали 20 лошадей и 10 коров и быков, позже за убийство полагалась смертная казнь, семья убийцы обращалась в рабство. Имеются любопытные сведения о распределении выплат между пострадавшим и государством: $^{6}/_{10}$ выплат шли пострадавшему, $^{4}/_{10}$ — в казну государства. У маньчжуров основными видами наказаний также были смертная казнь и штрафы скотом, чаще всего лошадьми и овцами. Вопрос о наличии писаных законов (материального права), даже для киданей в государстве Ляо, остается открытым. Очевидно, что была, хотя бы частично, записана Великая яса Чингисхана, весьма вероятны записи законов киданей и чжурчжэней национальным письмом. Они просто не сохранились или не обнаружены. Если бы не был найден кодекс Си Ся, мы не знали бы о законодательстве тангутов. Думается, что следует предположить писаное право и у тюрков. Беда в том, что многое погибло безвозвратно.

Для большинства государств Восточной и Центральной Азии характерно отсутствие религиозной доминанты, безраздельного господства

в обществе и государстве одной религии. Однако во всех государствах Центральной Азии главное место принадлежало культу Неба (тэнгри) и связанным с ним культам, которые в общей форме можно было бы именовать шаманистскими, ибо в этих государствах всегда были шаманы и камлание. Встает вопрос, насколько государства, являющиеся объектом нашего исследования, были знакомы с буддизмом, той мировой религией, которая первенствовала в восточной и южной частях азиатского континента, и каким путем к ним пришел буддизм. Вряд ли стоит сомневаться в том, что с буддизмом были знакомы еще гунны, хотя бы по причине их господства над городами-государствами Западного края, в которых на рубеже нашей эры буддизм процветал и откуда он пришел в Китай, Корею и Японию. По этой же причине с буддизмом должны были быть знакомы усуни и юечжи. Известная золотая статуя, захваченная китайцами у гуннов, могла быть и изваянием Будды.

Но очевидно и другое. Даже если гунны и были знакомы с буддизмом, то последний не оказал на их государство сколько-нибудь заметного влияния. В равной мере это относится и ко многим кочевым государствам до XVI в., времени принятия буддизма монголами и джунгарами. Монголы знали буддизм при Юань, но он не утвердился среди них. В государстве Северная Вэй, основанном сяньбийцами, немало было буддистов-китайцев. В 410 г. монах Фа Го объявил основоположника династии императора Тай-цзу Буддой, но, насколько широко буддизм проник в среду самих сяньби, малоизвестно. Знали буддизм и жуаньжуани. В 511 г. они подарили китайскому императору статую Будды, украшенную жемчугом. Но это тоже единственное, что мы знаем о буддизме в жуаньжуаньском каганате. Тюрки получали из Китая тексты сутр, но, видимо, пока нет оснований и их полагать буддистами. Более широко буддизм распространился в государствах Бохай и Цзинь, а также у киданей. Но это были государства, включавшие территории с китайским и корейским населением, в них бытовал китайский и корейский буддизм. В Тибете буддизм окончательно закрепился уже в ту пору, когда великая тибетская держава VII–X вв. развалилась. Монгольское общество ближе познакомилось с буддизмом после Чингисхана, в процессе завоевания Восточной Азии и в результате альянса монгольских императоров династии Юань со школой тибетского буддизма Сакья. Знали буддизм маньчжуры.

Но важно отметить, что ни в одном из исследуемых нами государств буддизм не получил сколько-нибудь заметного распространения и влияния и не стал той идеологией, которая способствовала бы созданию государства или идеологически оформила его создание. Культ Неба, культ Неба и Земли вполне удовлетворяли запросы кочевых и ранних

государств Центральной Азии. Они становились культами государственными, шаман мог быть фигурой, игравшей видную роль при дворе. Убедительный пример этому — положение Теб-Тенгрия (Кокочу) при особе Чингисхана и его орде. Некоторые тюрки, монголы принимали христианство несторианского толка, однако это тоже не нашло должного отражения в истории их государственности. В Ляо, Цзинь, тангутском государстве Си Ся получили распространение конфуцианство и даосизм. Известны переводы конфуцианских текстов на тибетский и монгольский языки, но в принципе конфуцианство никогда не могло закрепиться в Центральной Азии, в отличие, например, от Кореи, Японии, Вьетнама.

Как мы уже говорили, Г. Е. Марков, выступивший с обстоятельной монографией «Кочевники Азии», предложил выделять два состояния кочевых обществ — «общинно-кочевое» и «военно-кочевое». В зависимости от этих состояний, которые были взаимообратимыми, менялась и структура кочевых обществ. В военно-кочевом состоянии возникали так называемые кочевые империи, которые «являлись временными и эфемерными военными объединениями, не имели собственной социально-экономической базы и существовали лишь до тех пор, пока продолжалась военная экспансия кочевников» [119, с. 90]. С. А. Плетнева выделяет три стадии кочевания в зависимости от роли земледелия и оседлости в кочевом обществе. Первая стадия — «отсутствие хлебопашества», «дикий образ жизни», «отсутствие постоянных жилищ», «поиски новых пастбищ». Вторая стадия — «ограничение территории кочевания», «появление постоянных мест для сезонных стойбищ — зимовок и летовок». Третья стадия — «основная масса населения перешла к оседлости, занялась земледелием и освоила многочисленные ремесла» [145, с. 21, 36, 77]. «Военно-кочевое» состояние концепции Г. Е. Маркова она связывает с «таборным», «состоянием перманентного нашествия» [145, с. 32] всей концепции и с первой стадией кочевания. Если Г. Е. Марков именно в военно-кочевом состоянии допускает существование у кочевников государства, «кочевых империй», то С. А. Плетнева при «таборном кочевании» (первая стадия) отрицает наличие у кочевников государства [146, с. 24]. Это не очень согласуется с тем, что сообщает о печенегах Константин Багрянородный. Правда, его сведения относятся к XI–XII вв. Государство печенегов делилось на восемь округов, в каждом округе было объединено пять «родов», во главе округов стояли князья [91, с. 51]. Наконец, это — теория «династий завоевания», впервые четко сформулированная К. Виттфогелем и широко принятая японской наукой применительно к истории «северной Азии», региона к северу от Великой китайской стены. Концепция «династий

завоевания» связана с включением в состав государств кочевников районов северного Китая с оседлым населением и созданием «обществ симбиоза», в которых имело место сосуществование кочевого и оседлого начал, но не их взаимопроникновение и слияние.

Если мы рассмотрим эти и близкие к ним трактовки кочевых обществ и государств кочевников, то увидим, что в разной мере они призваны объяснить одно обстоятельство — быстрое возникновение сильных государств кочевников и затем столь же скорую в исторических масштабах их гибель, возврат кочевого общества к догосударственному состоянию, в котором не находят ни классов, ни следов государственности. Это действительно чрезвычайно трудная и мало разработанная проблема. И именно ее неразработанность порождает крайние точки зрения и споры. Есть предложения, суть которых состоит в том, что нужно рассматривать кочевников хотя бы данного региона в целом, независимо от их этнической принадлежности, а их государства — как единое последовательно развивающееся общество. Такова, например, точка зрения И. Я. Златкина, полагающего, что в период с III в. до н. э. до XIII в. все кочевники, от гуннов до монголов, перешли от первобытнообщинного строя к феодализму [67, с. 173]. В этой точке зрения есть свое рациональное зерно — при смене этносов (господствующих этносов), культур, государств традиция, преемственность в социальном развитии, поступательность этого развития, безусловно, имели место. А является ли спецификой кочевых обществ то, что после крушения своего государства кочевники живут в рамках кочевой общины, отношения в которой «патриархальны», «завуалированы», как пишут некоторые авторы, отношения «вторичного родства»? Ведь и индийские и китайские сельские общины и сельские структуры сохраняли свои внутренние особенности столетиями, независимо от того, правили ими моголы или маньчжуры. С гибелью кочевого государства развитие могло временно прерваться, замедлиться. Г. А. Федоров-Давыдов приводит примеры «воскрешения» в тех юртах, на которые распалась Золотая Орда, «черт общественного строя, характерных для первого периода Золотой Орды» [171, с. 160–170], но категорически возражает против того, чтобы считать это регрессом [171, с. 173]. По нашему убеждению, понять по-настоящему что-либо в кочевом обществе можно, только исследуя сами эти общества и полагая их лишь особенным вариантом общечеловеческого развития. Особенное не должно заслонять общего, нужно в особенном видеть и понимать это общее, осознать, что канцелярия, иное ведомство кочевого государства, будучи размещены в юрте и двигаясь со скотом «в поисках воды и травы», по сути своей не отличались от уездного ямыня или конторы в одном из павильонов

дворцового комплекса. Подвижность канцелярии не превращала ее из государственной канцелярии в некий патриархальный или военно-демократический институт. Можно рассмотреть в кочевых обществах и элементы рабовладельческой формации, и генезис тех отношений, которые именуют феодальными.

На исследователя, бесспорно, влияют источники его исследования: полевая этнография — на этнографа, вещественный, трудно интерпретируемый самостоятельно материал — на археолога. В этом можно видеть известную причину неодинаковости оценки уровней социально-экономического развития кочевников, признания у них государственности. И мы не считаем свои суждения и мнения бесспорными и окончательными. Хотя не весь материал данной монографии посвящен кочевникам, хотелось бы, чтобы читатель вынес убеждение в том, что кочевые государства как важный фактор общечеловеческой истории не только существовали, но они достойны самого пристального дальнейшего изучения, именно как высоко и своеобразно организованные государственные образования, а не случайно сплотившиеся дикие орды, жаждущие лишь грабежа оседлого населения.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ИГИМК	— Известия Государственного института материальной культуры
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
НАА	— Народы Азии и Африки
ППиПИКНВ	— Памятники письменности и памятники истории культуры народов Востока
СЭ	— Советская этнография
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусства

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература и источники на русском языке

1. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25.
2. *Маркс К.* Лассаль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6.
3. *Энгельс Ф.* Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37.
4. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21.
5. *Алексеев М. П.* Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке // Исторический архив. 1936. Т. 1.
6. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков в XI–XVI вв. М., 1965.
7. *Балданжапов П. Б.* Алтан-Тобчи. Монгольская летопись. XVIII в. Улан-Удэ, 1970.
8. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М., 1968.
9. *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.
10. *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
11. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
12. *Бартольд В. В.* Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Сочинения. Т. V. М., 1968.
13. *Бартольд В. В.* Тюрки // Сочинения. Т. VI. М., 1968.
14. *Бартольд В. В.* Улуг-бек и его время // Сочинения. Т. II. Ч. II. М., 1965.
15. *Бартольд В. В.* Энциклопедия ислама // Сочинения. Т. V. М., 1968.
16. *Баскаков Н. А.* Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значения и этимология) // СЭ. 1973. № 5.
17. *Бернштам А. Н.* К вопросу об усунь-кушан и тохарах // СЭ. 1947. № 3.
18. *Бернштам А. Н.* Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. 1947. № 2.

19. *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. 1947. № 2.
20. *Бернштам А. Н.* Социально-политический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л., 1946.
21. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
22. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829.
23. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.
24. *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
25. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. М., 1972.
26. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
27. *Бурдуков А. В.* Предания о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV. Вып. 1–2. Кяхта, 1911.
28. *Бутин Ю. М.* Древний Чосон. Новосибирск, 1982.
29. *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4.
30. *Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.* [Рец.] Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественные организации // СЭ. 1977. № 5.
31. *Васильев К. В.* религиозно-магическая интерпретация власти вана в западночжоуских эпиграфических текстах // Китай: общество и государство. М., 1973.
32. *Васильев Л. С.* Проблема генезиса китайского государства. М., 1983.
33. *Вернадский Г. В.* Историческая основа русско-калмыцких отношений // Kalmyk-Oirat Symposium: Kalmyk Monograph Series. Philadelphia, 1966. № 2.
34. *Веселовский Н. И.* Черновые записки о кочевниках // ЦГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 388.
35. *Викторова Л. Л.* Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
36. *Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М., 1968.
37. *Владимирцов В. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. М.; Л., 1934.
38. *Волкова М. П.* К характеристике цинских официальных трудов по истории маньчжурского государства в первой половине XVII в. // VIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1977.
39. *Волкова М. П.* Политика Абахая и первые опыты по созданию маньчжурской литературы // VII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1976.

40. *Волкова М. П.* Термин «маньчжу» и его значение для понимания истории возникновения государства у маньчжуров // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1980.
41. *Воробьев М. В.* Верховная власть по японскому праву VIII века (опыт сравнительной характеристики) // Научная конференция «Государство в докапиталистических обществах Азии»: тезисы. М., 1984.
42. *Воробьев М. В.* Звания и титулы чжурчжэньских вождей в доцзиньское время // ППиПИКНВ. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1973.
43. *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М., 1983.
44. *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975.
45. *Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях // ВДИ. 1947. № 2.
46. *Годелье М.* Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // НАА. 1965. № 1.
47. *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайчжи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыкском хане Дондук-Даши. СПб., 1880.
48. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
49. *Грантовский Э. А.* Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4.
50. *Гребенщиков А. В.* Архивные материалы А. В. Гребенщикова // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Ф. 75.
51. *Грегори И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1799.
52. *Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 1. 1948. № 46.
53. *Грязнов М. П.* Архан. М., 1980.
54. *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник. 1961.
55. *Гумилев Л. Н., Эрдейи И.* Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века. НАА. 1969. № 3.
56. *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
57. *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
58. *Даньшин А. В.* Государство и право киданей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
59. *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры. Новосибирск, 1981.
60. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
61. *Думан Л. И.* Общественный строй сяньби и Тоба III–IV вв. н. э. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
62. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956.

63. *Евсюков В. В.* К этнической истории чжурчжэней // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.
64. *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина // Памятники письменности Востока. Т. XXXV. М., 1979.
65. Живописный альбом народов России. СПб., 1880.
66. *Зеймаль Е. В.* Кушанское царство // История древнего мира: упадок древних обществ. М., 1982.
67. *Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока: проблемы социально-политического развития. М., 1971.
68. *Зуев Ю. А.* Древнетюркское генеалогическое предание как источник по ранней истории тюрков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
69. *Зуев Ю. А.* К вопросу о языке древних усуней // Вестник АН КазССР. 1957. № 5.
70. *Иностранцев К.* Хунну и гунны. Л., 1924.
71. История древнего мира: ранняя древность. М., 1982.
72. История древнего мира: расцвет древних обществ. М., 1982.
73. История дома Цзинь, царствовавшего в Китае с 1114 по 1233 год / переведена с маньчжурского студентом духовной миссии Григорием Розовым // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Раздел I. Оп. 1. Д. 3.
74. История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
75. *Итс Р. Ф.* К проблеме отношения классов и государства (на материале ляншаньских ицзу) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964). М., 1964.
76. *Итс Р. Ф.* Происхождение народов Южного Китая (очерки этнической истории чжуан, мяо и ицзу): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967.
77. *Каменский В. Г.* Государство как объект социологического анализа. М., 1977.
78. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
79. *Кешибеков А.* Кочевое общество. Алма-Ата, 1984.
80. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
81. *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у Ал-Бируни // Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М., 1980.
82. *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // История древнего мира: упадок древних обществ. М., 1982.
83. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.

84. *Кляшторный С. Г.* Каган, беги, народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. № 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. Востоковедение. 9. Л., 1984.
85. *Кляшторный С. Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // ППиПИКНВ. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977.
86. *Кляшторный С. Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
87. *Кляшторный С. Г.* Роль согдийцев в экономической жизни тюркского и уйгурского каганатов (VI–IX вв.) // ППиПИКНВ. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1973.
88. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
89. *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». Т. I. М.; Л., 1941.
90. *Козина Е. М.* Социально-правовое положение зависимого населения в Китае при династии Тан (619–907 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
91. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством // ИГИМК. Т. 91. 1934.
92. *Королев А. И., Мушкин А. Е.* Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2.
93. Коран / перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1986.
94. *Кроль Ю. Л.* О традиционной китайской концепции «равных государств» // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1984.
95. *Крюков М. В.* Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // XI конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1980.
96. *Кузнецов В. С.* Нурхаци — основатель маньчжурского государства // Дальний Восток и соседние территории в средние века: история и культура Востока Азии. Новосибирск, 1980.
97. *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
98. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.
99. *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века: история и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
100. *Кычанов Е. И.* К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период. Владивосток, 1968.

101. *Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития монгольских племен XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
102. *Кычанов Е. И.* К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964). М., 1964.
103. *Кычанов Е. И.* Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века: история и культура Востока Азии. Новосибирск, 1980.
104. *Кычанов Е. И.* О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.
105. *Кычанов Е. И.* Первый бохайский письменный памятник на камне // Материалы и исследования по археологии СССР. № 86. (Труды дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1). М.; Л., 1960.
106. *Кычанов Е. И.* Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916–1124 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
107. *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
108. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
109. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3–4; 1948. № 1.
110. *Лашук Л. П.* Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. 1973. № 2.
111. *Лундин А. Г.* Возникновение государства в древнем Йемене // Научная конференция «Государство в докапиталистических обществах Азии». М., 1984.
112. *Лисевич И. С.* Сюжет эдиповой басни на Востоке // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1972.
113. Литературные связи Монголии. М., 1981.
114. Манас: киргизский героический эпос. Кн. 1. М., 1984.
115. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
116. *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
117. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественные организации. М., 1976.
118. *Марков Г. Е.* Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук: доклады советской делегации. М., 1975.
119. *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество: дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4.
120. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: основные институты и понятия. М., 1970.

121. *Мартынов А. С.* Дальние и близкие в системе «чаогун» // ППиПИКНВ. IV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Л., 1968.
122. *Мартынов А. С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // НАА. 1972. № 5.
123. *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVI–XVIII веках. М., 1978.
124. *Мартынов А. С., Поршнева Е. Б.* Учения и религии в Восточной Азии в период средневековья // НАА. 1986, № 1.
125. *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984.
126. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.
127. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973.
128. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939.
129. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины. Т. 12. Общая часть. Ташкент, 1908.
130. *Мелихов Г. В.* «Да цин личао шилу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1969.
131. *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
132. *Мелихов Г. В.* Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История. Экономика. М., 1970.
133. *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
134. *Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. Т. XXXIV. Л., 1950.
135. Мифы народов мира. М., 1982.
136. *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах: татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
137. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая / перевод и исследование. М., 1975.
138. *Насилов Д. А.* «Восемнадцать степных законов» — памятник монгольского феодального права XVI–XVII веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
139. *Недбайло П. Е.* Основы теории государства и права. Киев, 1959.
140. *Никитина И. М.* Корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.
141. Описание Мукдэньской провинции и Южной Маньчжурии. СПб., 1903.

142. *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм. М., 1926.
143. *Пессель М.* Заскар. М., 1985.
144. *Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981.
145. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.
146. *Поливанов Е. Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. 1929. № 9.
147. *Потапов Л. П.* Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Абакан, 1948.
148. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
149. Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
150. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / перевод Л. А. Хетагурова. М.; Л., 1952.
151. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / перевод О. И. Смирновой. М.; Л., 1952.
152. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
153. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
154. *Руденко С. И., Гумилев Л. Н.* Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1966. № 3.
155. *Рыбаков Б. А.* О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
156. *Рязановский В. А.* Великая Яса Чингиз-хана. М., 1933.
157. *Сабо И.* Основы теории права. М., 1974.
158. *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
159. *Свистунова Н. П.* Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин // Китай и соседи. М., 1970.
160. *Скрынникова Т. Д.* Монгольские термины сакральности правителя // V Международный конгресс (Улан-Батор, сентябрь 1987): доклады советской делегации. Т. 1. История, экономика. М., 1987.
161. *Смирнов А. Л.* Происхождение рабовладения // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
162. *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
163. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

164. *Сухбаатар.* К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1.
165. *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
166. *Таскин В. С.* Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
167. *Таскин В. С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
168. *Тереножкин А. И.* Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
169. *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодализма. Л., 1934.
170. *Троцевич А. Ф.* Корейская средневековая повесть. М., 1975.
171. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
172. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. Алма-Ата, 1980.
173. *Чернышев А. И.* К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983.
174. *Чернышев А. И.* «Цинь-дин хуанюй сиюй тучжи» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами») об отоках и аилах Джунгарского ханства // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.,1982.
175. *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
176. *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву. Ч. 1. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.
177. *Шеретова Л. И.* Алтайцы-кижи в конце XIX — начале XX в. (история формирования этноконфессиональной общности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
178. *Щеглов Д. В.* Исчезнувшие народы: скифы // Природа. 1977. № 3.

Источники и литература на китайском и японском языках

179. *Агуй.* Хуан Цин кай го фанлюе (Замыслы и способы создания государства Цин). Пекин, 1786.
180. Бэй ши (История государств Севера) // Сы бу бэй яо (Собрание важнейших текстов по четырем разделам). Малый формат. Шанхай, 1936.
181. *Вада Сэй.* Бохай го дили као (Изучение географии государства Бохай) // Бяньцзян луньвэнь цзи (Сборник статей о границах). Отд. отт.[1]

[1] Отдельный оттиск.

182. *Ван Цзилинь.* Ляо дай «цянь жэнь и» яньцзю (Исследование «поселений на тысячу человек» в эпоху Ляо) // Далу цзачжи. Т. 36. Вып. 5.
183. *Вэй Цинюань, У Циянь, Лу Сючжу.* Цин дай нуби чжиду (Рабовладение в эпоху Цин). Пекин, 1982.
184. Вэй шу (История династии Вэй) // Сы бу бэй яо: большой формат. Шанхай, 1936.
185. Вэй шу (История династии Вэй) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
186. *Гао Вэньдэ.* Мэнгу нули чжи чутань (О рабстве у монголов). Отд. отт.
187. *Го Чэнкан.* Цин цзунши цзихао као (Исследование титулов правящего дома Цин). Отд. отт.
188. *Гонгор Дугэрийн.* Халх Товчоон (Краткая история Халхи). У.-Б., 1973.
189. *Гу Цзиган.* Цун гу цзи чжун таньсо во го-ды си бу миньцзу цян цзу (Цяны — западная народность нашей родины по материалам, извлеченным из древних записей) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1980. № 1.
190. *Гуань Дунгуй.* Жу гуань цянь маньцзу бин шу юй жэнькоу вэньти-ды таньтао (К вопросу о населении и численности войск маньчжуров до перехода ими пограничных застав) // Лиши юйянь яньцзюсо цзикань. Т. 41. Ч. 2.
191. *Гуань Дунгуй.* Маньцзу жу гуань вэньхуа фачжань ду тамынь хоулай ханьхуа-ды инсян (Развитие культуры маньчжуров до их перехода пограничных застав и свидетельства их последующей китаизации). Отд. отт.
192. *Е Лунли.* Цидань го чжи (История государства киданей). Б. м., 1793.
193. *Жэнь Чанчжэнь.* Цин Тай-цзу Тай-цзун шидай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзуне) // Далу цзачжи. Т. 14. Вып. 4.
194. *Илинчжэнь.* Чжунго бэй фан миньцзу юй мэнгу цзу юань (Северные народности Китая и происхождение монголов). Отд. отт.
195. *Комаи Ёсиаки.* Моко си дзэсэцу (Введение в историю монголов). Киото, 1961.
196. *Ли Гуйхай.* Жухэ каньдай Чжунго лиши-шан шаошу миньцзу цзяньли-ды дули чжэньцюань вэньти (Некоторые суждения по вопросу о независимых политических властях, создававшихся национальными меньшинствами на протяжении истории Китая) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 12.
197. *Ли Линь.* Цзяньчжоу нюйчжэнь фэньсу каолюе (Об обычаях чжурчжэней Цзяньчжоу) // Ляонин дасюе сюе бао. 1983. № 5.
198. *Ли Хунша, Го Чэнкан.* Цин жу гуань цянь ба ци чжу ци бэйлэ-ды яньбянь (Последовательность смены семи бэйлэ, глав восьми знамен, до

перехода Цинами пограничных застав) // Шэхуэй кэчюе чжаньсянь. 1982. № 1.

199. *Ли Чжаомин, Жань Гуанжун, Чжоу Синь.* Люе лунь гу дай цян цзу шэхуй-ды цзинцзи фачжань юй миньцзу юнхэ (Кратко о развитии экономики общества древних цянов и слиянии народностей) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 1.
200. *Линь Гань.* Туцюе шэхуэй чжиду чутань (Введение в изучение социального строя тюрков) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1981. № 3.
201. *Линь Жуйхань.* Цидань миньцзу-ды цзай шэн ли (Обряд второго рождения у киданей) // Далу цзачжи. Т. 4. Вып. 2.
202. *Лю Итан.* Чжунго бяньцзян миньцзу ши (История пограничных народов Китая). Тайбэй, 1968.
203. *Лю Шичжэ.* Нурхачи шидай фачжи шу лунь (Несколько суждений о законах времени правления Нурхаци) // Миньцзу яньцзю. 1986. № 6.
204. *Лю Яохань.* Наньчжао тунчжичжэ Мэн шицзя цзу шу юй ицзу — чжи синь чжэн (Новые доказательства принадлежности к ицзу Мэн — правящего клана Наньчжао) // Лиши яньцзю. 1954. № 2.
205. Лян шу (История династии Лян) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
206. Ляо ши (История династии Ляо) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
207. *Ма Фэньчэнь.* Мань цзу вэй жу гуань цянь-ды цзинцзи шэнхо (Экономика маньчжуров до перехода ими через пограничные заставы). Отд. отт.
208. *Ма Чаншоу.* Бэй ди юй сюнну (Северные ди и сюнну). Пекин, 1962.
209. *Ма Жэньнань.* Гуаньюй сюнну нули чжи-ды жогань вэньти (Некоторые вопросы, касающиеся рабовладельческого строя у гуннов) // Чжунго ши яньцзю. 1983. № 3.
210. *Мори Масао.* Кодай торку миндзоку си кэнкю (Изучение древней истории тюркских народов). Токио, 1967.
211. *Му Чуань.* Маньчжоу «нюлу» каоши (Изучение маньчжурских ниру). Отд. отт.
212. *Намуюнь.* Гуаньюй 11–13 шицзи мэнгу цзу шэхуэй сянчжи (О характере общества монголов в XI–XIII вв.). Отд. отт.
213. Нань цзин чо гэн лу (Записки оставившего пахоту у южной столицы). Пекин, 1959.
214. Нань ши (История южных династий) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
215. Сань го чжи (История трех государств) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
216. *Симада Масао.* Кэйтан-но сай сэй рэй (Обряд второго рождения у киданей) // Тоёси ронсо. Отд. отт.
217. *Симада Масао.* Ляо чао баймянь чжунян гуань чжи-ды тэсэ (Особенности системы центрального управления северной стороной при династии Ляо) // Далу цзачжи. Т. 29. Вып. 12.

218. Синь Тан шу (Новая история династии Тан) // Сы бу бэй яо: большой формат. Шанхай, 1936.
219. Суй шу (История династии Суй) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
220. Сун шу (История династии Сун) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
221. Сунмо цзи вэнь (Собрание сведений о Сунмо) // Ляохай цуншу (Сборник материалов о Ляохай). Ляонин, 1933–1935.
222. *Сунь Цзиньцзи.* Цидань було цзучжи фачжань бяньхуа чутань (Введение в изучение изменений в развитии киданьских племен). Отд. отт.
223. *Сюй Мэнсинь.* Сань чао бэй мэн хуэйбянь (Собрание материалов о союзах с севером при правлении трех императоров). Б. м., 1878.
224. *Сяо Хунцзян, Би Шулинь.* Мань миньцзу цзи Цин ба ци юаньлю чу и (Предварительные суждения о происхождении маньчжуров и восьми знамен Цин) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 10.
225. Тай-цзун хуанди по Мин юй Суншань-чжи шу ши вэнь (Десять вопросов, связанных с суншаньским сражением и разгромом Мин императором Тай-цзуном). Б. м., 1806.
226. Ту шу цзи чэн (Собрание текстов и иллюстраций). Шанхай, 1933.
227. *Тянь Сюйчжоу.* Во го миньцзу ши яньцзю чжун-ды цзинго вэньти (Несколько вопросов к изучению истории народов нашей страны) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 5.
228. Хоу Хань шу (История поздней династии Хань) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
229. *Хуа Шань, Ван Гэнтан.* Лю лунь нюйчжэнь цзу шицзу цзу чжиду-ды цзети хэ гоцзя-ды синчэн (О разложении родового строя у чжурчжэней и образовании государства) // Вэнь ши чжэ. 1956. № 6.
230. Хуан чао фань бу яолюе (Важнейшие сведения об иноземцах при августейшей династии) / сост. Ци Юньши. Б. м., 1846.
231. *Хуан Чжэньхуа.* Цидань вэнь «шань» као (О слове «гора» в киданьском письме) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1981. № 2.
232. *Хэ Цютао.* Шофан бэйчэн. Пекин, 1881.
233. *Цао Тинцзе.* Дунбэй бяньфан цзяо (Заметки о северо-восточной границе) // Ляохай цуншу. Ляонин, 1933–1935.
234. *Цзи Ши.* Цидань го хао цзе (Объяснение наименования государства кидань) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1983. № 2.
235. *Цзинь Хуэйхай, У Чансянь.* Пин «Си Ся ши гао» (Об «Очерке истории Си Ся») // Шэхуэй кэсюе яньцзю. 1983. № 1.
236. Цзинь ши (История династии Цзинь) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
237. Цзинь шу (История династии Цзинь) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.

238. *Цзэн Цзышэн.* Юань дай Чжуншушэн юй Шаншушэн-ды цзяоти чжуанькуан (Обстоятельства замены Чжуншушэна и Шаншушэна при династии Юань) // Шисюе цзачжи. 1945. Т. 1.
239. Цзю Тан шу (Старая история династии Тан) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
240. Цзю у дай ши (Старая история Пяти династий) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
241. *Цзя Цзиньянь.* И «син го» (Истолкование термина «кочевое государство»). Отд. отт.
242. *Цзя Цзиньянь, Хун Цзюнь.* Гуаньюй Чэнцзисы хань лишиды цзигэ вэньти (Несколько вопросов в связи с историей Чингисхана). Отд. отт.
243. *Цзянь Чуннянь.* Нурхачи цзянли Хоу Цзинь као (О создании Нурхаци государства Хоу Цзинь) // Шэхуэй кэсюе цзикань. 1983. № 3.
244. Цин ши гао (Черновая история Цин). Пекин, 1926.
245. Цинь дин Цзинь го юй цзе (Высочайшее утверждение разъяснения языка государства Цзинь). Приложение к «Цзинь ши».
246. Цы хай (Море слов).
247. Цы юань (Происхождение слов).
248. Цинь дин хуанюй си юй тучжи (Высочайше утвержденное описание Западного края с картами).
249. Цин чао вэньсянь тун као (Собрание документов, относящихся к правлению династии Цин). Шанхай, 1936.
250. *Цю Шусэн.* Гуаньюй пинцзе Чэнцзисы хань-ды цзигэ вэньти (Несколько вопросов в связи с оценками Чингисхана). Отд. отт.
251. Цянь Хань шу (История Ранней династии Хань) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
252. *Чан Цзесинь.* Цин го син Айсинь цзюло као (Исследование фамилий правящего дома Айсинь Гиоро государства Цин) // Далу цзачжи. Т. 20. Вып. 12.
253. *Чжао Дэгуй.* Нурхачи цзи ци шидай (Нурхаци и его время) // Чжунго шаошу миньцзу. 1981. № 4.
254. *Чжан Чжунчжэн.* Ханьба, цзяньцзюнь юй Цзинь чао-ды минь цзу дэнцзи (Ханьба, цзяньцзюнь и этнические сословия династии Цзинь) // Шэхуэй кэсюе цзикань. 1983. № 3.
255. Чжоу шу (История династии Чжоу) // Су бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
256. *Чжу Сицзу.* Хоу Цзинь го хань син шу као (Исследование о фамилии ханов государства Хоу Цзинь). Отд. отт.
257. *Чжэн Тянь, Тин Ицзо.* «Цин Тай-цзу у хуанди шилу» кань маньцзу юань («Цин Тай-цзу у хуанди шилу» о происхождении маньчжуров) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1983. № 3.
258. *Чжэн Тяньтин.* Нюлу чэншоу гуань син чжан (Ниру, чиновники, обороняющие города, главы кланов) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1982. № 3.

259. «Чунь цю», «Цзо чжуань» чжэн и («Чун цю» и «Цзо чжуань» с комментариями) // Ши сань цзин чжу шу (Тринадцать классических книг с комментариями). Т. 23.
260. *Чэнь Вань.* Нурхачи цзюньши сысян яньцзю (Изучение взглядов Нурхаци на военное дело) // Ляонин дасюе сюебао. 1983. № 5.
261. *Чэнь Вэньши.* Маньчжоу ба ци нюлу-ды гоучэн (Структура маньчжурских ниру и восьми знамен) // Далу цзачжи. Т. 31. Вып. 9.
262. *Чэнь Вэньши.* Маньчжоу ба ци хукоу минсэ (Списки населения маньчжурских восьми знамен). Отд. отт.
263. *Чэнь Вэньши.* Цин жэнь жу гуань цянь — ды нунъе шэнхо (Сельское хозяйство жителей Цин до перехода пограничных застав маньчжурами) // Далу цзачжи. Т. 22. Вып. 9.
264. *Чэнь Вэньши.* Цин Тай-цзун шидай-ды чжуняо чжэнчжи цоши (Основные политико-административные нововведения в годы правления цинского Тай-цзуна). Отд. отт.
265. *Чэнь Гуйхуа, Фу Кэдун.* Цин чу маньчжоу нюлу-ды тэчжэн (Об особенностях маньчжурских ниру в начале правления династии Цин). Отд. отт.
266. *Чэнь Кэцзинь, Си Шаочжэнь.* Люе лунь Хуантайцзи-ды лиши цзоюн (Об исторической роли Хуантайцзи). Отд. отт.
267. Ши цзи (Записи историка) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
268. *Эгами Нобуо.* Юрасия кодай хонно бунка, кёдо бунка ронко (Древняя книжная культура Евразии: сборник статей по культуре). Киото, 1948.
269. Юань ши (История династии Юань) // Сы бу бэй яо: малый формат. Шанхай, 1936.
270. Юань шу. Тун цзянь цзи ши бэньмо (Всепроникающее зерцало истории, составленное тематически). Пекин, 1956.
271. *Ян Сюньцзи.* Цзинь сяо ши (Краткая история династии Цзинь) // Ляохай цуншу. Ляонин, 1933–1936.
272. *Ян Чуннянь.* Нурхачи чжуань (Жизнеописание Нурхаци). Пекин, 1983.
273. *Янаи Го.* Ляо Цзинь цзи цзюнь цзи Цзинь дай бин чжи као (Отряды цзю армий Ляо и Цзинь и изучение военной организации Цзинь). Отд. отт.
274. *Яо Цинъу.* Цин Алань няннян чжэ цянь сюнь цзы шо дао Аэлунь тайхоу-ды сюнь цзе (Поучения цинской Алань няннян и поучения императрицы Аэлунь) // Далу цзачжи. Т. 22. Вып. 1. 1981.

Литература на западноевропейских языках

275. *Bacot J., Thomas F. W., Toussaint Ch.* Documents de Touen-Houang relatif a L'Histoire du Tibet. P., 1940–1946.

276. *Backus Ch.* The Nan-chao kingdom and T'ang China's southwestern frontier. Cambridge, 1981.
277. *Barfield Th. J.* The Hsiung-nu Imperial Confedercy. Organisation and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. Vol. XLI. N 1. November 1981.
278. *Basin I.* Recherches sur les parlers t'opa // T'oung Pao. T. XXXIX. 1950.
279. *Boodberg P.* The Language of the T'opa Wei. Harvard Journal of Asian Studies. 1936. Vol. 1.
280. *Brockleman C.* Mittelturkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kasyaris Divan Luyat at Turk. Budapest; Leipzig, 1928.
281. *Buruham Ph.* Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Society // Pastoral Production and Society. P., 1979.
282. *Carrol Th. D.* Account of the T'u-yu-hun in the History of the Chin Dynasty // Chihese Dynastic History Translation. N 4. Berkeley; Los Angeles, 1953.
283. *Corradini P.* Civil Administration of the Begining of the Manchu Dynasty // Oriens Extremus. Jahrgang 9. Heft. 1962.
284. *Doerfer G.* Turkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. II. Wiesbaden, 1963–1967.
285. *Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Vol. XVII. 1973. N 1.
286. *Durrani St. W.* Folklore Motif and Postroyal of Nurhaci in the Man-chou-shin-lu // Manchu Studies Newsletter. Issue III. 1979–1980.
287. *Eberhard W.* Das Toba-Reich Nordchinas. Leiden, 1949.
288. *Ecsedy Il.* Nanchao: An archaic state between China and Tibet // Tibetan and Buddhist Studies. Commemorating the 200-th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Koros. Budapest, 1984.
289. *Ecsedy Il.* Old Turkic Titels of Chinese Origin // Acta Ortentalia Hung. 1968. T. 18, fasc. 1–2.
290. *Ecsedy Il.* Tribe ahd Empire, Tribe and Society in the Turk Age // Acta Orientalia Hungarica. 1977. T. XXXI, fasc. 1.
291. *Ecsedy Il.* Tribe and Tribal Society on the 6-th Century Turk Empire. Acta Orientalia Hungarica. 1976. T. XXX, fasc. 1–3.
292. *Farquhar D. M.* Emperor As Boddhisattva in the Governance of the Ch'ing Empire // Harvard Journal of the Asiatic Studies. 1978. Vol. 38. N 1.
293. *Feng Ch'ia-sheng.* The Ch'itan Script // Journal of the American Oriental Society. 1948. Vol. 68. N 1.
294. *Feng Han-yi, Shryok J. K.* The Historical Origins of the Lolo // Harvard Journal of Asian Studies. 1938. Vol. 3. N 3.
295. *Franke H.* Chinese Texte on the Jurchen. A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch'ao-pei-mien-hui-pien // Zentralasiatische Studien. 1975. N 9.
296. *Franke H.* Chinese Texte on tne Jurchen II. A Translation of Chapter one of the Chin-shi // Zentralasiatische Studien. 1978. N 12.

297. *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legetimation of the Yuan Dyasty // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungberichte. Jahrgang, 1978. Heft 2.
298. *Franke H.* Jurchen Customary Law and the Chinese Law of the Chin Dynasty // State and Law in Eastern Asia. Wiesbaden, 1981.
299. *Franke H.* Nordchina am Forabend der mongolischen Eroberungen. Wirtschaft and Geseleschaft unter der Chin Dynastie (1115–1234) // Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenchaften. Vortrage. 1978.
300. *Franke H.* Some Folkloristic data in the Dinastic History of the Chin // Legend, Lore and Religion China. Essays in Honour of Wolfram Eberhard on His seventieth Birthday. Chinese Materials Center Asian Library Series. № 13. San-Francisco, 1979.
301. *Franke H.* Women under the Dynasties of Conquest // La donna nella Cina imperiale e nella Cina republicana. Firenze, 1980.
302. *Franke Ot.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Berlin; Leipzig, 1930–1937.
303. *Giraud R.* L'Empire des Turcs Celestes. P., 1960.
304. *Golden P. B.* Imperial Ideology and the Sources Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi, II. Wiesbaden, 1982.
305. *Golden P. B.* The Question of the Rus'Qaganate // Archivum Eurasiae Medii Aevi, II. Wiesbaden, 1982.
306. *Groot, de.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin; Leipzig, 1921.
307. *Grunort H., Konig W.* Die Nomadenvieh-Zucht als Wirtschaftlichenkulturel-ler Typ // Bericht von 3 EAS — Kolloquium. Leipzig, 1973. EAS Ethographische-Archaologische Zeitschrift. Jg. 15/ Heft 15. 1974.
308. *Grupper S. M.* Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ch'ing Dynasty // The Journal of the Tibet Society. 1984. N 4.
309. *Haarh E.* The Jarlung Dynasty. Kobenhavn, 1969.
310. *Hambis L.* L'Histoire des Mongols avant Gengis Khan d'apres les sourses chinoises et mongoles et la Documentation conserve par Rachidu-d-din // Central Asiatic Journal. 1970. Vol. XIV. N 1–3.
311. *Neissig W.* Die Famillien und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. I, 16–18 Jahrhundert. Wiesbaden, 1959.
312. *Hirth F.* The ancient History of China. N.-Y., 1908.
313. *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. L., 1978.
314. *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985.
315. *Hung W.* The Transmission of the Book Known as «The Secret History of the Mongols» // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1951. Vol. 14. N 3–4.

316. *Ikeuchi H. A.* Study of the Fu-yu // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. 1932. N 6.
317. *Irons W.* Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. N.-Y., 1979.
318. *Juvaini Ata Malik.* History of the World Conqueror. Cambridge, 1958.
319. *Klyashtorny S. G.* The Terhin Insciption // Acta Orientalia Hungarica. 1983. T. XXXVI, fasc. 1–3.
320. *Klyastorny S. G., Livsič V. A.* The Sogdian Inscription of Bugut, revised // Acta Orientalia Hung. 1972. T. 26, fax. 1.
321. *Krader L.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // Pastoral Production and Society. P., 1979.
322. *Kurakichi Siratori.* The Legend of the King Tungming the Founder of the Fu-yu kuo // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. 1938. N 10.
323. *Lange K.* Einige Tibetische Aquivalente altgriechischer sozialer Typenbegriffe // Sozialen Typenbergriff in alten Griechenland. Bd. 7. Berlin, 1982.
324. *Lattimore O.* Studies in frontier History. Collected Paperi. 1928–1958. P., 1962.
325. *Li Tih-ch'i.* Origin and Evolution of Manchu language // Bulletin of National Library of Peiping. 1931. Vol. V. N 6.
326. *Loewe M.* The Authority of the Emperors of Ch'in and Han // State and Law in East Asia. Wiesbaden, 1981.
327. *Mackerras C* The Uighur Empire (744–810) // Centre of Oriental Studies. The Australian National University. Occasional Paper. N 8. Canberra, 1968.
328. *Maenschen-Helfen Ot.* The Yueh-chih Problem Re-examined // Journal of the American Oriental Society. 1945. T. 65. N 2.
329. *Michael F.* The Origin of Manchu Rule in China. Baltimore, 1942.
330. *Minorsky W.* Hudud al-Alam «The Religion of the World». A Persian Geography 372 A. D. — 982 A. D. // EJ. W. Gibb Memorial New Series. XI. L., 1937.
331. *Mole G.* The T'u-yu-hun from the Northern Wei to the time of the Five Dynasties // Serie Orientale Roma. T. XLI. Roma, 1970.
332. *Mori Masao.* On Chi-li-fa (Eltabar/Eltabir) and chichin (Irkin) of the T'ieh-le Tribes // Asiatica. 1965. T. 9.
333. *Mori Masao.* Political Structure of the Ancient Nomadic State in Mongolia // Международный комитет исторических наук. XIII Международный конгресс исторических наук: доклады конгресса. Т. 1. Ч. 3. М., 1973.
334. *Mori Masao.* The T'u-chueh Concept of Sovereign // Acta Orientalia. 1981. T. 41.
335. *Nabuo Kanda.* Patents of Hereditary Arrow comandership in Manchu // Proceedings of the Fifth East Asian Altaistic Conference. Taipei, 1980.

336. *Nan Tchao ye-che.* Histoire particuliere du Nan-Tchao. Traduction par Camille Sainson. P., 1904.
337. *Poppe N.* The Mongolian Monuments in hP'ags-pa Script // Gottingen Asiatische Forschungen. Bd. 8. Wiesbaden, 1957.
338. *Pulleyblank E. G.* The Consonantal System of Old Chinese // Asia Major. 1962. T. IX.
339. *Racheviltz de, Igor.* The Secret History of the Mongols // Papers on Far Eastern History. 31. March, 1985.
340. *Radloff W. B.* Die Altturkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1897.
341. *Redford D. H.* The Literary Motif on the Exposed Child // Numen. 1965–1967. N 12–14.
342. *Richardson H. E.* Names and Titles in Early Tibetan Records // Bulletin of Tibetology. 1967. Vol. IV.
343. *Rona-Tas A.* A Tally-stick and Divination Dice in Iconography of Lhamo // Acta Orientalia Hungarica. 1956. T. VI, fasc. 1–3.
344. *Rona-Tas A.* Social Terms in the Lists of Grants of the Tibetan Tung-Huang Cronicle // Acta Orientalia Hungarica. 1955. T. V. N 3.
345. *Robert des Rotours.* Traite des Fonctionnaires et Traite de l'armee. Leyde, 1948.
346. *Schulemann G.* Die Geschichte der Dalai-Lamas. Leipzig, 1958.
347. *Smith J. M.* Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of the Asiatic Studies. 1970. Vol. 30.
348. *Stein R. A.* Noveaux documents tibetains sur la Minag Si-Hia // Melange sinologie offerte a Monsieneur Paul Demieville. P., 1966.
349. *Tamura Jitsuzo.* The Legend of the Origin of the Mongols and Problem Concerning the Migration // Acta Asiatica. 1973. N 24.
350. *Thompson St.* Motif-Index of the Folk-Literature. Bloomington, 1956.
351. *Tucci G.* The Sacral Character of the Kings of Ancient Tibet // East and West 1955. N 4.
352. *Tucci G.* The Tombs of the Tibetan Kings // Serie Oriental Roma. Vol. VIII. Roma, 1950.
353. *Turan Osman.* The Ideal of World Domination among the Medieval Turks // Studia Islamica. 1955. N 4.
354. *Uray G.* Khorom. Administrative units of the Tibetan Empire in the 7-th — 9-th Centuries // Tibetan Studies in Honour of Hugh Richardson. — Proceedings of the International Seminar on Tibetan Studies. Oxford, 1979.
355. *Uray G.* Notes on the Thausand-district of the Tibetan Empire in the first half of the nineth Century // Acta Orientalia Hungarica. 1982. T. XXXVI, fasc. 1–3.
356. *Uray G.* Notes on Tibetan Military Documents from Tun-Huang // Acta Orientalia Hungarica. 1961. T. XII, fasc. 1–3.

357. *Uray G.* The Annales of the A-za principality // Proceedings of the Csoma de Koros Memorial Symposium. Budapest, 1978.
358. *Uray G.* The Four Horns of Tibet according to the Royal Annals // Acta Orientalia Hungarica. 1960. T. X, fasc. 1.
359. *Wittfogel K., Feng Ch'ia-Sheng.* History of Chenese Society Liao. Philadelphia, 1949.

Summary

THE HISTORY OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL STATES ADJACENT TO CHINA (from the Huns to the Manchu) by Evgeny I. Kychanov

The author has used available documents, mainly Chinese, to describe how statehood emerged among some Central Asian peoples, mostly nomads, and also in Manchuria, the Tibet and the state of Nanzhao. He concluded that there was social differentiation that went hand in hand with class formation that resulted, in the first place, from the internal development of these peoples and societies. It should be said, however, that contacts with their settled neighbours, especially with China, affected all sides of the nomads' everyday existence. The statehood in Central Asia took on specific forms that for more than one and a half thousand years were conveyed from one people to another, that was especially true of the nomadic societies. These forms were: the state's division into three regions (the center and the left and right wings) accompanied by the decentralization of the bodies of central power, military administration, the decimal system of management, etc. The monograph discusses the legends about the ruling clans' origins, describes the ideas about the nature of the khan's power as given by the Heaven and the impact of the Chinese statehood on Central Asian state systems. The author disagrees with G. Markov and S. Pletneva where some of the specific features of the nomadic societies are concerned.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию 5
Предисловие к первому изданию 6
Гунны 11
Юечжи 50
Скифы 53
Усунь 59
Ухуани 64
Сяньби 68
Тоба 74
Туюйхунь 80
Фуюй 84
Чоучи 89
Жуаньжуань 91
Тибет 96
Наньчжао 101
Бохай 108
Тюрки 114
Уйгуры, киргизы 144
Кидани 150
Чжурчжэни 182
Монголы 202
Маньчжуры 239
Джунгарское ханство 270
Халха-монголы (XVII в.) 280
Сакрализация власти 283
Кочевое государство (некоторые предварительные обобщения) 301
Список принятых сокращений 342
Список использованной литературы и источников 343
Summary 362

Научное издание

Кычанов Евгений Иванович

ИСТОРИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ С КИТАЕМ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ (от гуннов до маньчжуров)

Печатается в авторской редакции
Корректоры *К. В. Белецкая*, *Л. А. Соловьева*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 30.11.2010.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 23. Тираж 800 (300 – РГНФ) экз. Заказ № 3580.

Петербургское лингвистическое общество
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9-11, лит. В.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ОАО
«Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2

Сборник научных статей

ГУННЫ, ГОТЫ И САРМАТЫ МЕЖДУ ВОЛГОЙ И ДУНАЕМ

науч. ред. и предисл. А. Г. Фурасьева

Сборник посвящен 80-летию доктора исторических наук И. П. Засецкой — одного из крупнейших европейских специалистов в области археологии периода Великого переселения народов. Тематика сборника соответствует кругу ее научных интересов: история и археология народов Причерноморья сарматской и гуннской эпохи (III в. до н. э. — VI в. н. э.). В книге публикуются новые материалы и исследования, затрагивающие многие аспекты древней материальной и духовной культуры сарматов, аланов, гуннов, крымских готов, а также методологические вопросы изучения прошлого.

Для студентов и специалистов — историков и археологов.

Объем 264 с. , формат 60×90$^{1}/_{16}$; твердый переплет; тираж 300 экз..

А. М. Хазанов

КОЧЕВНИКИ И ВНЕШНИЙ МИР

Это уже 4-е (2-е на русском языке) издание монографии заслуженного профессора антропологии Университета Висконсин в Мэдисоне (США), посвященной феномену номадизма, который, по мнению ее автора, заключается не только в его уникальности, специализированности, но и в его широкой распространенности практически во всех частях света, за исключением Австралии и (лишь отчасти) Америки, в его роли связующего звена между различными обществами и культурами и в его не только хозяйственной, но и социальной и исторической специфичности.

Показывается неразрывная и необходимая связь кочевников с внешним миром, т. е. с оседлыми обществами с иными системами хозяйства. Проводится сравнительный анализ евразийского типа номадизма и номадизма других регионов. Особое место в исследовании занимают материалы по кочевникам евразийских степей, полупустынь и пустынь, так как с ними автор знаком лучше всего — ему доводилось бывать в этнографических и археологических экспедициях в Центральной Азии, Калмыкии и на Северном Кавказе.

Объем 512 с. , формат 70×100 1/16; твердый переплет; тираж 1000 экз..

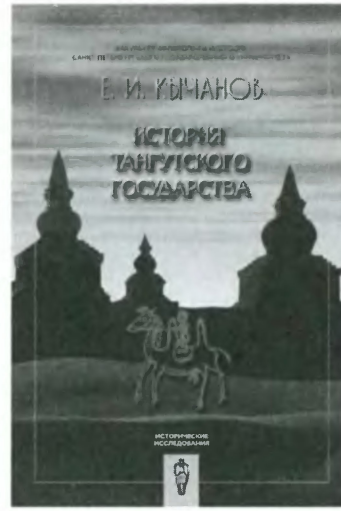
Т. Дж. Барфилд

ОПАСНАЯ ГРАНИЦА: КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ И КИТАЙ (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.)

Книга посвящена двухтысячелетней истории отношений Китая с его северными соседями — кочевыми племенами Центральной Азии. Автор теоретически обосновывает циклическую модель этих отношений, в рамках которой государственно-политическая история кочевников предстает неразрывно связанной с процессами внутриполитического развития в Китае. Он доказывает, что феномен кочевой государственности в восточной части Центральной Азии был обусловлен необходимостью создания эффективной системы эксплуатации номадами экономических ресурсов китайских государств. Особое внимание уделяется истории Монгольской империи, явившейся, по мнению автора, не продуктом длительной эволюции степной имперской традиции, а аномальным отклонением от циклической модели. Исторические свидетельства анализируются в свете современных социоантропологических воззрений.

Для историков, антропологов, социологов, культурологов, а также всех интересующихся проблемами межцивилизационного и межкультурного диалога.

Объем 488 с. , формат 60 × 90$^{1}/_{16}$; твердый переплет; тираж 1000 экз.

Е. И. Кычанов

ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Настоящая книга подводит итог более чем сорокалетнего труда доктора исторических н профессора Е. И. Кычанова по восстановлению истории и культуры государства тангутов Велико (982–1227), павшего под ударами армий Чингисхана. В книгу вошли работы, написанные в раз годы, содержание которых отражает значительные достижения тангутоведения за последние г десят лет, а именно имеющиеся на сегодняшний день знания о тангутской политической исто экономике, праве, религии и культуре благодаря расшифровке, переводам, изучению и публика тангутских словарей и других рукописей, обнаруженных около ста лет назад известным российс путешественником П. К. Козловым в мертвом городе Хара-Хото в песках на юге пустыни Гоби, а та изучению памятников материальной культуры Си Ся.

Книга предназначена как для специалистов-востоковедов, так и для широкого круга читате интересующихся историей и культурой стран Центральной Азии и Дальнего Востока.

Объем 758 с. , формат 70 × 1001/16; твердый переплет; тираж 1000